

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 1 • 2020

ISSN: 2310-8681
Издаётся с 2013 г.

Учредители:

Мащевич И. М., Орлов В. Н., Антонян Е. А., Зайцев О. А., Издательство «Проспект»

Издатель:

Издательство «Проспект»

Главный редактор:

Мащевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, ректор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Максимцев Игорь Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Санкт-Петербург)

Сарсенбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Нур-Султан)

Редакционная коллегия:

Абишлага Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат России (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения, Уголовная палата кассационного суда Республики Армения, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения, г. Ереван)

Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор Нижегородской академии МВД РФ, заслуженный деятель науки РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, профессор (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исхахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрали Шакарпулы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан, ректор Евразийской юридической академии имени Д. А. Кунаетова, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу, профессор кафедры уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КБГУ»), (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД имени В. Я. Кикотя, (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности Псковского государственного университета, (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу, советник ректора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркарян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата (Россия, г. Москва)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Росинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, доцент кафедры уголовного права КФУ, почетный работник МВД РФ (Россия, г. Казань)

Хельмманн Уве, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, dr. jur. habil., профессор (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Юго-западного университета (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Шшико Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, директор Юридического института Сибирского федерального университета, почетный работник высшего профессионального образования (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Помощник выпускающего редактора:

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Российского государственного аграрного университета МСХА им. К. А. Тимирязева

Почта журнала
crimescience.skk@yandex.ru

Переводчики:

Рудаковская Елена, Терзиян Саргис, Сторей Джессика, Штаге Диана

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2020. — № 1

М.: ООО «Издательство Проспект», 2020. — 208 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в печать XX.XX.20XX г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. XX п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2019-2-222

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 1 • 2020

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevich I. M., Orlov V. N., Antonian E. A., Zaitsev O. E.

Verleger: GmbH "Verlag Prospekt"

Der Chefredakteur:

Mazkevich Igor Michailovich, Präsident des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der hohen Berufsbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zvyagintsev Aleksandr Grigorjevich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Blazhev Viktor Vladimirovich, Rektor der Moskauer Staatlichen Kutafin-Universität für Rechtswissenschaften (MSAL), Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Klimeshev Andrej Pavlovich, Rektor der Baltischen Föderalen Universität Immanuel Kant, Doktor der Politikwissenschaften, Verdienter Arbeiter der Hochschule der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Kaliningrad, Russland)

Maksimov Igor Anatolyevich, Doktor der Wirtschaft, Professor, Rektor der Staatlichen Universität für Wirtschaft in St. Petersburg, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Russland, St. Petersburg)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Nur-Sultan, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgij Valerianovich, Rechtsanwalt, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vereidigter Rechtsanwalt Russlands (Jekaterinburg, Russland)

Avetisian Sergik Sergeevich, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Armenien, der Strafkammer des Kassationsgerichts der Republik Armenien, Professor der Russisch-armenischen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Erevan, Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Professor an der Nyzhniy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhniy Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Professor der Abteilung für gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität unter der Regierung der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Dozent am Lehrstuhl für forensische Untersuchung an der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Weysale-ogly, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Zentral Föderalen Bezirk Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Rjasan, Russland)

Jalalir Omralli Shakarapuly, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kasachstan, Rektor der Eurasische Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Akademiemitglied der kasachischen Oberschule, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, Dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Sektors Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der

Sozialwissenschaften (China, Peking)

Ijaschenko Aleksej Nikolajevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im südlichen Föderalen Bezirk Russlands, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kuban Staatlichen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorjevich, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechte Aktivitäten Vorsitzender der Pskov State University, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Pskov, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Privolzhskij Föderalen Bezirk Russlands, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Kazan Federal University, Kandidat der Rechtswissenschaften, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Sankt Petersburg, Berater des Rektors der Russischen Staatlichen Pädagogischen Universität, benannt nach A. I. Herzen (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerijevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Moskau, Professor der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Nomokonov Vitalij Analoljevich, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Wladiwostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Nyzhniy Novgorod, Professor am Lehrstuhl für Strafvollzugsrecht der Nyzhniy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent (Nyzhniy Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, wissenschaftliche Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Leiter des Lehrstuhls für forensische Untersuchung der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakobovna, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonosow-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Shamurzaev Taalibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Vertretung der Union der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik, Leiter der Abteilung für Strafverfahren und Kriminalistik der Kirgisischen Russischen Slawischen Universität (Kirgisische Republik, Bischkek)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Leiterin der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kursk, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht der Juristische Fakultät der Süd-West-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Belarus, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität (Minsk, Republik Weißrussland)

Shishko Irina Viktorovna, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Direktor des Instituts für Rechtswissenschaften des Sibirischen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Redikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur Assistent

Prikhodko Natalya Yuryevna, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozentin der Rechtsabteilung der K. A. Timiryazev Russischen Staatlichen Agraruniversität

E-mail

crimescience.skk@yandex.ru

Dolmetscher:

Rudakowskaya Elena, Terzikyan Sargis, Storey Jessica, Diana Stage

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62 E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2020. — Nr. 1

Moskau: GmbH "Verlag Prospekt", 2020. — 208 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbekanntmachung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 01. Februar 2018.

Am XX.XX.20XX in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste XX. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2019-2-222

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 1 • 2020

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I. M., Orlov V. N., Antonian E. A., Zaitsev O. E.

Publisher: LLC "Publisher Prospekt"

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksandr Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Blazhev Viktor Vladimirovich, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored, Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Political Sciences, Honored Worker of High School of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Kaliningrad, Russia)

Maksimtsev Igor Anatolyevich, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Honorary Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (St. Petersburg, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Ural Federal District of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisian Sergik Sergeevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Armenia, The Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia, Professor of the Russian-Armenian University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Yerevan, Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailivich, Professor of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Honored scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Russian Federation Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Filippovich, Assistant Professor of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Azerbaijan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Central Federal District of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Kazakhstan, Rector of the Kunaev Eurasian Law Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Head of Criminal and Economical Criminal Law Chair of Law Faculty of the Potsdam University, dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Environmental Law

Department of the Law Institute of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Southern Federal District of Russia, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the North-Western Federal District of Russia, Head of the Organization of law enforcement and human rights activities Chair of the Pskov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Pskov, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Privolzhskiy Federal District of Russia, Assistant Professor of the Criminal Law Chair of Kazan Federal University, Candidate of Legal Sciences, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Sankt Petersburg, Advisor to the Rector of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Moscow, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Far-Eastern Federal University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Nizhny Novgorod, Professor of the Criminal and Criminal-Executive Law Chair of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Research supervisor of Criminal Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences, (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Head of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Salamova Sebila Jakubovna, Assistant Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Representative Office of the Union of Criminalists and Criminologists in the Kyrgyz Republic, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Kyrgyz Russian Slavic University (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Kursk, Professor of Criminal Law Department of the Law Faculty of the South-Western University (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Belorussia, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice Dean of the Law Faculty of the Belorussian State University (Minsk, Republic of Belorussia)

Shishko Irina Viktorovna, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Siberian Federal District of Russia, Director of the Siberian Federal University Law Institute, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor's assistant:

Prikhodko Natalya Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law at the Russian State Agrarian University Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev

E-mail

crimescience.skk@yandex.ru

Interpreters:

Rudakovskaya Elena, Terzikyan Sargis, Storey Jessica, Diana Stage

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2020. — No. 1

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2020. — 208 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscommnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing XX.XX.20XX. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets XX. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2019-2-222

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Аветисян С.С.</i> Уголовно-правовые основы ответственности соучастников преступления	7
<i>Гриб Д.В.</i> Проблемы квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники, по законодательству Республики Беларусь	15
<i>Дегтерев А.А.</i> Необходимость уголовно-правовой охраны политической системы России: теоретический аспект.....	19
<i>Жилкин М.Г.</i> Юридино-технические проблемы отражения бенефициарных связей в российском законодательстве	33
<i>Журавлева Г.В., Хакимова Э.Р.</i> К вопросу квалификации злоупотребления должностными положениями.....	41
<i>Зайцев О.А.</i> Основные направления уголовной политики в области защиты экономических интересов и прав предпринимателей	45
<i>Кадников Н.Г.</i> Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности.....	50
<i>Нудель С.Л.</i> К вопросу о содержании уголовно-правовых рисков	56
<i>Саргсян А.А.</i> Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности по законодательству Армении и России	62
<i>Руднев В.И.</i> Особенности избрания мер пресечения, альтернативных заключению под стражу	69
КРИМИНОЛОГИЯ	
<i>Антонян Е.А.</i> Создание условий, безопасных для жизни детей	75
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	
<i>Козаченко И.Я., Сабитов Т.Р.</i> Место правовых принципов в правовой системе	82
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
<i>Саркисян А.А.</i> Профессия судебного эксперта в условиях цифровизации	87
ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	
<i>Векерт З.</i> «Принуждение к занятию проституцией» (§ 232а УУ ФРГ), «Принудительный труд» (§ 232b УУ ФРГ) и «Эксплуатация рабочей силы» (§ 233 УУ ФРГ)	94
<i>Кнайш Л.</i> Неправомерное лишение свободы (§ 239 УУ ФРГ) и эксплуатация с использованием состояния неправомерного лишения свободы (§ 233а УУ ФРГ).....	99

<i>Корнблум О.</i> Насильственное бракосочетание (§ 237 УУ ФРГ)	103
<i>Коттке К.</i> Развитие и актуальность составов преступных деяний «Похищение малолетних» и (§ 235 УУ ФРГ) «Торговля детьми» (§ 236 УУ ФРГ)	108
<i>Лютцнер М.</i> Должностные лица и преступные деяния, связанные с подделкой документов	112
<i>Рааш Т.</i> «Похищение человека с целью вымогательства» (§ 239а УУ ФРГ) и «Захват заложников» (§ 239b УУ ФРГ)..	118
<i>Ролофф А.</i> «Похищение человека» (§ 234 УУ ФРГ) и «Угон человека» (§ 234а УУ ФРГ).....	123
<i>Флайшауер Л.</i> Преследование (§ 238 УУ ФРГ).....	128
<i>Цимборски С.</i> Принуждение (§ 240 УУ ФРГ).....	133

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

<i>Бушманова Ю.А.</i> Инфантицид: жестокий миф или суровая реальность?	140
---	-----

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

<i>Морозов А.А.</i> Судебная система и структура государственного управления в эпоху Тюдоров.....	148
---	-----

СТЕНОГРАММА

<i>Мацкевич И.М., Редникова Т.В., Серебрянникова А.В., Лебедев М.В.</i> Стенограмма Круглого стола «Международный опыт использования цифровых технологий в борьбе с киберпреступностью», состоявшегося 6 апреля 2019 г. в рамках Московского юридического форума (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА))	153
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	177
-----------------------------	-----

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN	179
--------------------------------------	-----

ABOUT THE AUTHORS.....	181
------------------------	-----

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER.....	183
--------------------------------------	-----

ANNOTATIONS AND KEYWORDS.....	195
-------------------------------	-----

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ».....	206
---	-----

INHALT

STRAFSRECHT

<i>Avetisyan S.S.</i> Strafrechtliche Grundlagen der Haftung der Komplizen des Verbrechens	7
<i>Grib D.V.</i> Die Probleme der Qualifikation der Plünderungen, die mit der Nutzung der Computertechnik nach der Gesetzgebung der Republik Belarus begangen werden	15
<i>Degtarev A.A.</i> Die Notwendigkeit des strafrechtlichen Schutzes des politischen Systems Russlands: theoretischer Aspekt.....	19
<i>Zhilkin M.G.</i> Rechtliche und technische Probleme der Berücksichtigung der positiven Beziehungen in der Russischen Gesetzgebung	33
<i>Zhuravleva G.V., Hakimova E.R.</i> Zur Frage der Qualifikation von Amtsmissbrauch.....	41
<i>Zaitsev O.A.</i> Die Hauptrichtungen der kriminellen Politik im Bereich des Schutzes der wirtschaftlichen Interessen und Rechte der Unternehmer	45
<i>Kadnikov N.G.</i> Gefährlicher persönlichkeitszustand als strafrechtliche Grundlage.....	50
<i>Nudel S.L.</i> Zur Frage des Inhalts von strafrechtlichen Risiken.....	56
<i>Sargsyan A.A.</i> Aktive Reue als Grundlage für die Befreiung von der strafrechtlichen Haftung nach Armenischem und Russischem Recht.....	62
<i>Rudnev V.I.</i> Merkmale der Auswahl vorbeugender Maßnahmen alternativ Sorgerecht.....	69
KRIMINOLOGIE	
<i>Antonyan E.A.</i> Erstellen einer sicheren Umgebung für Kinder	75
DIE THEORIE UND DIE GESCHICHTE DES RECHTES UND DES STAATES	
<i>Kozachenko I.Y., Sabitov T.R.</i> Der Ort der Rechtsgrundsätze im Rechtssystem	82
GERICHTLICH-FORENSISCHE TÄTIGKEIT	
<i>Sarkisian A.A.</i> Forensiker im digitalen Zeitalter.....	87
RECHTLICHE SOMMERSCHULE DER UNIVERSITÄT POTSDAM	
<i>Weckert S.</i> Zwangsprostitution, Zwangsarbeit, Ausbeutung der Arbeitskraft (§§ 232A, 232B, 233 STGB)	94

<i>Knaisch L.</i> Freiheitsberaubung (§ 239 StGB) und Ausbeutung unter Ausnutzung einer Freiheitsberaubung (§ 233a StGB).....	99
<i>Kornblum O.</i> Zwangsheirat (§ 237 StGB)	103
<i>Kottke C.</i> Entwicklung und Relevanz der Entziehung Minderjähriger (§ 235 StGB) und des Kinderhandels (§ 236 StGB)	108
<i>Lützner M.</i> Amtsträger und Urkundendelikte	112
<i>Raasch T.</i> Erpresserischer Menschenraub (§ 239a StGB) und Geiselnahme (§ 239b StGB).....	118
<i>Roloff A.</i> Menschenraub (§ 234 StGB) und Verschleppung (§ 234a StGB).....	123
<i>Fleischhauer L.</i> Nachstellung (§ 238 StGB).....	128
<i>Zimborski S.</i> Nötigung (§ 240 StGB)	133
MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS	
<i>Bushmanova Ju.A.</i> Kindsmord: grausamer Mythos oder harte Realität?	140
SCHRIFTSTELLER-PUBLIZIST- KRIMINALIST-KRIMINOLOGE	
<i>Morozov A.A.</i> Das Justizsystem und die Struktur der öffentlichen Verwaltung in der Tudor-ära.....	148
BERICHT	
<i>Matskevich I.M., Rednikova T.V., Serebrennikova A.V., Lebedev M.V.</i> Transkript des Runden Tisches «Internationale Erfahrung in der Nutzung von digitalen Technologien im Kampf gegen Internetkriminalität», der am 6. April 2019 im Rahmen des Moskauer Wirtschaftsforums (Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin-Universität)	153
INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN	179
ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER	183
EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN	206

CONTENTS

CRIMINAL LAW

<i>Avetisyan S.S.</i> Criminal-legal bases of responsibility of accomplices of a crime.....	7
<i>Grib D.V.</i> Problems of qualification of thefts committed with the use of computer equipment under the legislation of the Republic of Belarus.....	15
<i>Degterev A.A.</i> The need for criminal protection of the political system of Russia: theoretical aspect.....	19
<i>Zhilkin M.G.</i> Legal and technical problems of reflecting beneficial ties in Russian legislation.....	33
<i>Zhuravleva G.V., Hakimova E.R.</i> To the question of qualification of abuse of official positions	41
<i>Zaitsev O.A.</i> The main directions of criminal policy in the field of protection of economic interests and rights of entrepreneurs	45
<i>Kadnikov N.G.</i> Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility.....	50
<i>Nudel S.L.</i> To the question of the content of the criminal law risks.....	56
<i>Sargsyan A.A.</i> Active repentance as a basis for exemption from criminal liability under the legislation of Armenia and Russia	62
<i>Rudnev V.I.</i> Features of the selection of preventive measures alternative custody.....	69
CRIMINOLOGY	
<i>Antonyan E.A.</i> Creating a safe environment for children.....	75
THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE	
<i>Kozachenko I.Y., Sabitov T.R.</i> The place of legal principles in the legal system	82
JUDICIAL-FORENSIC ACTIVITY	
<i>Sarkisian A.A.</i> Forensic scientist in the digital era.....	87
SUMMER LAW SCHOOL AT THE UNIVERSITY OF POTSDAM	
<i>Weckert S.</i> Forced prostitution, forced labour, exploitation (§§232A, 232B, 233 STGB)	94

<i>Knaisch L.</i> Deprivation of liberty (§ 239 StGB) and exploitation (§ 233a StGB).....	99
<i>Kornblum O.</i> Forced marriage (§ 237 StGB).....	103
<i>Kottke C.</i> Development and practical relevance of the crimes of child abduction (§ 235 StGB) and child trafficking (§ 236 StGB)	108
<i>Lützner M.</i> Public officers and documentary offenses	112
<i>Raasch T.</i> Abduction (§ 239a StGB) and hostage-taking (§ 239b StGB).....	118
<i>Roloff A.</i> Crimes against personal liberty (§ 234 and § 234a StGB)...	123
<i>Fleischhauer L.</i> Stalking (§ 238 StGB).....	128
<i>Zimborski S.</i> Coercion (§ 240 StGB).....	133

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

<i>Bushmanova Ju.A.</i> Infanticide: cruel myth or harsh reality?.....	140
---	-----

WRITER-PUBLICIST-CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST

<i>Morozov A.A.</i> The judicial system and the structure of government in the Tudor era	148
--	-----

REPORT

<i>Matskevich I.M., Rednikova T.V., Serebrennikova A.V., Lebedev M.V.</i> Transcript of the Round table "International experience in the use of digital technologies in the fight against cybercrime", held on April 6, 2019 in the framework of the Moscow legal forum (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)).....	153
--	-----

ABOUT THE AUTHORS	181
--------------------------------	-----

ANNOTATIONS AND KEYWORDS	195
---------------------------------------	-----

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS"	206
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аветисян Сержик Сергеевич

Цель. Выделить основные концепции ответственности соучастников преступления; рассмотреть наиболее сложные и дискуссионные вопросы, возникающие при применении соответствующих норм уголовного закона; представить законодательные изменения, направленные на совершенствование уголовного законодательства Армении и России.

Методология. Диалектика, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. При определении оснований и пределов ответственности соучастников преступления значительные сложности возникают при отграничении действий соисполнителей отдельных преступлений от пособничества; установлении признаков соучастия и определения форм соучастия; оценки содеянного при эксцессе исполнителя (соучастника), добровольном отказе соучастников преступления. Уголовно-правовое регулирование ответственности соучастников преступления нуждается в дополнении и уточнении. В частности, необходимо уточнить количественный признак соучастия (два или более субъекта преступления), уточнить понятие пособника в преступлениях со специальным составом, наряду с соучастием в преступлении следует выделить соисполнение в преступлении, установить ответственность за неосторожное сопричинение вреда.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в подробной характеристике основных концепций ответственности соучастников преступления; обосновывается вывод о необоснованности учета как теории самостоятельной ответственности соучастников, так и акцессорной теории. Делается вывод, что в основе доктрины отечественного уголовного права лежит «смешанная» теория ответственности.

Теоретические выводы и предложения, а также законодательные изменения могут быть учтены как в законодательной деятельности, так и в правоприменительной практике, и в учебном процессе.

Ключевые слова: преступление, ответственность, соучастие, акцессорность, самостоятельность, эксцесс, соисполнительство.

Соучастие является важнейшим институтом уголовного права, известным во всех государствах мира.

Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в соучастии, является проблемой, непосредственно связанной с правоприменительной деятельностью.

Но разрешение ее не может быть успешным без всестороннего исследования теоретических аспектов пределов и оснований ответственности соучастников преступления. Это особенно акту-

ально в современных условиях не только потому, что групповая преступность представляет серьезную угрозу для безопасности всего человечества, но еще и потому, что отечественная доктрина уголовной ответственности соучастников не беспорядна и требует глубокого осмысления и уточнения с новых позиций, с учетом соответствующих уголовно-правовых теорий и концепций, существующих в различных правовых системах. [1, с. 10–11]

Уголовное законодательство Армении и России не предусматривает особых оснований уголовной ответственности при соучастии.

Как и в случае выполнения преступления одним индивидуально действующим лицом, основанием уголовной ответственности при соучастии является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Ответственность соучастников преступления определяется в пределах личной вины с учетом характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления.

Состав преступления при соучастии включает в себя признаки, указанные в Общей части УК и характеризующие соучастников как исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, а также признаки, описанные в соответствующей статье Особенной части УК и характеризующие совершенное участниками конкретное преступление. Соучастие само по себе не является составом преступления. Соучастник всегда привлекается к ответственности за конкретно совершенное преступление.

При соучастии совместными усилиями нескольких лиц совершается одно преступление, в которое каждый соучастник вносит свой вклад и с которым оно причинно и виновно связано.

Поэтому в законе установлены одинаковые пределы ответственности соучастников.

Однако единые пределы и основания ответственности соучастников ни в коей мере не игнорируют самостоятельный характер ответственности соучастников.

Существуют различные концепции ответственности соучастников. В зависимости от того, каким образом рассматривается деятельность соучастников — как придаточная, вспомогательная по отношению к деятельности исполнителя, или же как самостоятельная, в современных правовых системах различают две основные доктрины ответственности за соучастие в преступлении [2, с. 452, 462–467].

Первая концепция именуется *акцессорной теорией соучастия* (акцессорность означает принадлежность одного явления другому).

Эта теория возникла во времена Французской революции XVIII в. и впервые была законодательно закреплена во французском УК 1791 г., а также в Кодексе Наполеона 1810 г. Эта теория исходит из признания акцессорного, т. е. несамостоятельного, придаточного характера соучастия. Ответственность соучастников при этом связывается с ответственностью исполнителя [2, с. 462]. Основные положения этой теории состоят в следующем:

— основанием уголовной ответственности соучастников является совершение общественно

опасного деяния исполнителя, содержащего все признаки состава преступления;

— уголовная ответственность соучастника допускается только в случае привлечения к ответственности исполнителя.

Наказуемость соучастника определяется исходя из вида и размера наказания, назначенного исполнителю.

В советском уголовном праве акцессорная теория соучастия, как правило, отвергалась и считалась буржуазной, реакционной. Действительно, вряд ли обоснованно полностью определять уголовно-правовую оценку действий соучастника оценкой преступления, совершенного исполнителем. Иными словами, в соответствии с этой теорией каждый соучастник несет ответственность не за свое деяние, а за участие в чужом преступлении.

Ошибка отечественных исследователей в проблемах соучастия заключалась в том, что акцессорная теория соучастия рассматривалась как догма, имеющая буржуазное начало. Между тем, именно основные положения этой теории были заложены в Основах уголовного законодательства 1958 г. И в настоящее время следует признать (с некоторыми оговорками), что в основе ответственности соучастников по уголовному законодательству Армении и России лежит именно эта теория.

В советской уголовно-правовой литературе имелись работы, авторы которых выделяли в акцессорной теории соучастия множество аспектов, свидетельствующих о самостоятельном характере ответственности соучастников преступления. Первыми за признание логической акцессорности института выступил М. И. Ковалев. Отвергая акцессорную природу соучастия в части механической зависимости размера наказания, назначенного подстрекателю и пособнику, от размера наказания, определяемого исполнителю преступления, он справедливо отмечал, что ответственность соучастников должна наступать лишь в том случае, если доказано, что исполнитель совершил или начнет совершать преступление [3, с. 18–22].

Сторонниками акцессорной теории соучастия были Ф. Г. Бурчак, О. К. Гамкрелидзе, П. Ф. Тельнов и др.

Следует отметить, что и противники данной теории, критикуя своих оппонентов, все же признают, что в части объема вменения квалификация действий соучастников в большинстве случаев прямо зависит от действий исполнителя.

В качестве доводов, свидетельствующих о том, что в современной уголовно-правовой доктрине соучастия лежат некоторые основные положения акцессорной теории, можно привести следующие:

а) в соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ «ответственность соучастников определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления». Поскольку объективная сторона преступления выполняется исполнителем, то очевидно, что ответственность соучастников зависит от ответственности исполнителя;

б) действия исполнителя (соисполнителей) квалифицируются по той же статье, по которой квалифицируются действия исполнителя, но со ссылкой на те части ст. 33, в которых дается понятие этих видов соучастников. Кроме того, соучастники (организатор, подстрекатель и пособник) несут ответственность и в тех случаях, когда преступление совершается со специальным исполнителем. То есть законодатель признал, что совершению специальных составов преступлений могут способствовать и не специальные субъекты, и соответственно, быть соучастниками таких преступлений;

в) об учете признаков акцессорности в установлении ответственности соучастников в современном уголовном праве РФ свидетельствует и ч. 5 ст. 34 УК РФ (ч. 4 и 5 ст. 39 проекта УК РФ), в соответствии с которой, в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам, остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к совершению преступления или покушения на преступление.

В действиях (бездействии) соучастников признаки оконченного состава преступления будут лишь тогда, когда исполнитель непосредственно достиг стадии оконченного преступления.

Причем при материальном составе преступления необходимо наступление преступного вреда, предусмотренного преступлением, совершенным исполнителем. Если же состав преступления формальный или усеченный, то достаточно, чтобы исполнитель совершил действия, запрещенные законом;

г) определенное влияние на квалификацию содеянного соучастниками оказывает место и время совершения преступления исполнителем. Как уже отмечалось, время и место деяний всех соучастников определяется по времени и месту совершения исполнителем оконченного или неоконченного преступления;

д) акцессорность в соучастии проявляется и в том, что если в отношении исполнителя дело прекращается по признакам малозначительности деяния, то оно прекращается и в отношении других соучастников, если совершение данного преступления охватывалось умыслом всех совместно

действовавших лиц. Аналогичным образом решается вопрос в том случае, когда действия исполнителя прерываются на стадии приготовления к преступлению небольшой или средней тяжести.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что основания и пределы ответственности соучастников по действующему уголовному законодательству РФ и РФ (а также проекту нового УК РФ) определяются в целом в соответствии с уголовно-правовой оценкой деяния, совершенного исполнителем. При этом сохраняется и самостоятельное значение ответственности соучастников, о чем будет изложено ниже. Акцессорная природа соучастия лежит в основе уголовно-правовой доктрины стран континентальной системы права. Напротив, англо-саксонское уголовное право отвергает акцессорную природу соучастия и придерживается теории самостоятельной природы последнего [5, с. 189–190].

Производный характер соучастия ставит вопрос о том, кто является главной фигурой при привлечении исполнителя и соучастников к уголовной ответственности. Иными словами, в рамках акцессорной теории соучастия ставится вопрос, в чем выражается производный характер ответственности соучастника от ответственности исполнителя.

По этому поводу существуют две противоположные позиции. Первая из них состоит в том, что исполнитель не должен быть признан виновным в совершении преступления. Вторая позиция предполагает, что исполнитель не должен быть признан виновным в совершении какого-либо преступления, т. е. ответственность соучастников возможна вне зависимости от других обстоятельств.

Представляется, что каждая отдельно взятая позиция не может быть приемлемой для отечественной теории соучастия в преступлении.

Ответственность соучастников не должна исключаться и в тех случаях, когда исполнитель по тем или иным основаниям не признан виновным. Соучастники подлежат ответственности за собственные действия, совершаемые ими виновно, их ответственность индивидуальна [4, с. 577].

С другой стороны, ответственность соучастников не может быть полностью изолированной от деятельности и ответственности центральной фигуры соучастия — исполнителя преступления.

Закон допускает возможность различной квалификации действий исполнителя преступления и других соучастников.

Поэтому анализ и сопоставление указанных позиций приводит к выводу о том, что существует

и иная позиция — промежуточная, которая позволяет определить те минимальные основания (необходимые и достаточные условия), которые позволяют определить ответственность соучастников при различных формах соучастия и различной деятельности исполнителя преступления.

Такую позицию можно именовать как «смешанную» теорию ответственности соучастников.

Таким событием должно быть признано совершение исполнителем деяния, предусмотренного уголовным законом в качестве преступления. Это означает, что возникают, по меньшей мере, следующие вопросы: кто совершил это деяние, чьи действия причинно связаны с этим деянием и наступившим последствием, кто и в какой степени должен отвечать за содеянное и должна ли связываться ответственность одного из них с ответственностью других участников преступления?

Отрицание самостоятельности состава преступления в действиях организатора, подстрекателя, пособника и исполнителя в интерпретации теоретиков уголовного права западных и многих других государств дает основание в акцессорной теории соучастия центральной фигурой считать исполнителя преступления, без самостоятельного значения ответственности других соучастников. Организатору, подстрекателю и пособнику придается второстепенная, вспомогательная роль, лишаящего их самостоятельного уголовно-правового значения. Отсюда следует категорический вывод сторонников такого понимания акцессорной теории соучастия о том, что уголовно-правовое значение действий соучастников и их ответственность полностью зависят от характера действий исполнителя и его ответственности. При этом освобождение исполнителя по любым причинам от уголовной ответственности или его добровольный отказ от совершения преступления ведет к автоматическому освобождению от ответственности всех соучастников.

Акцессорная теория соучастия в вышеприведенном понимании неприемлема для нашего уголовного права. На наш взгляд, правы те ученые, которые считают, что признание акцессорности природы соучастия вовсе не означает абсолютной зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя. Поэтому разделяя ту позицию, согласно которой наше уголовное право основывается на акцессорной теории соучастия, но с учетом того, что ответственность соучастников имеет также самостоятельный, индивидуальный характер, следует отметить, что современная доктрина отвергает лишь ту сторону акцессорности, которая проявляется в абсолютной зависимо-

сти ответственности и наказания, назначаемого соучастнику, а также, от ответственности и наказания, назначаемого исполнителю преступления. Именно в этом аспекте признание акцессорной природы соучастия чуждо современной теории и практике применения норм уголовного закона. Суть отрицания этой теории как раз состоит в том, что основание ответственности каждого из соучастников лежит не в действиях исполнителя, а в характере собственных действий, совершаемых ими лично для достижения при содействии других лиц общего результата, т. е. в организации преступления, подстрекательстве к нему или содействии его совершения в форме пособничества, которые законодателем рассматриваются как общественно опасные деяния, содержащие все необходимые признаки соответствующего состава преступления, достигшего той или иной стадии совершения.

Рассмотрение акцессорной природы соучастия в срезе абсолютной зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя преступления отрицает индивидуализацию наказания ответственность.

В американском и французском праве поддерживается позиция о равной ответственности и наказании всех соучастников. В праве Германии, России и других государств размер наказания связывается с вкладом того или иного соучастника в совершение преступления.

То есть, соучастники несут менее строгое наказание, чем исполнитель преступления. На практике исключаются случаи, когда организатору или подстрекателю назначается более строгое наказание, чем исполнителю.

В рамках акцессорной теории соучастия применительно к наказанию соучастников существует теория так называемой «эквивалентности», в соответствии с которой все участники преступления являются исполнителями и должны нести одинаковую ответственность. За образец этой теории можно взять американское уголовное право и любую систему общего права. В Своде законов США, а также в УК многих штатов говорится, что «все, кто причастен совершению преступления, включая и тех, кто помогал в его совершении, несут ответственность как исполнители». Американские юристы объясняют свою приверженность теории «эквивалентности» ссылаясь на доктрину «возложения ответственности одних на других», т. е. ответственности за действия других лиц [7, с. 452].

Проблема заключается в том, что в американском праве и в праве многих государств в уголовном праве существует принцип объективного вменения. Поэтому привлечение к уголовной

ответственности лиц, вина которых не доказана, законодателем не запрещается.

Таким образом, признание акцессорности природы соучастия вовсе не означает абсолютной зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя. Полное отрицание акцессорной теории соучастия, пренебрежение теми аспектами, которые фактически положены в основу современной теории соучастия было бы методологически неправильным и не способствовало бы полному и всестороннему развитию уточненной доктрины ответственности соучастников.

Окончательное признание в теории уголовного права акцессорности соучастия в вышеприведенном контексте и ее дальнейшее совершенствование с новых позиций уголовного права, является важной актуальной задачей науки уголовного права. Это будет правильно ориентировать сотрудников правоприменительных органов на более точное и тщательное установление конкретной роли каждого соучастника и проводить в жизнь принцип индивидуализации ответственности и наказания, а также способствовать единообразному пониманию и применению норм закона, регулирующих ответственность соучастников за совместную преступную деятельность.

Теория самостоятельной ответственности соучастников, в отличие от акцессорной природы соучастия предполагает независимость их ответственности от ответственности исполнителя. Эта теория имеет ряд особенностей и преимуществ, состоящих в следующем:

а) о самостоятельной ответственности соучастников свидетельствует правило об эксцессе исполнителя (эксцессе соучастника — ст. 40 УК Армении). Совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников, не может им вменяться и они уголовной ответственности за эксцесс исполнителя не несут;

б) определенное самостоятельное значение для ответственности соучастников могут приобрести их действия (бездействие), выразившиеся в добровольном отказе от доведения преступления до конца. В соответствии с УК Армении и России, организатор и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если они своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. Пособник не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления. Это означает, что пособник может быть

освобожден от уголовной ответственности даже в тех случаях, когда исполнитель тем не менее совершил задуманное преступление;

в) самостоятельным характером отличается ответственность соучастников и в случае их неудавшейся деятельности. Если организатор или подстрекатель сделали все возможное, чтобы исполнитель совершил преступление, однако последний отказывается от задуманного, то действия указанных соучастников не теряют опасности и должны квалифицироваться как приготовление к преступлению (к тяжким или особо тяжким). Исполнитель же освобождается от уголовной ответственности, поскольку в его действиях нет состава преступления. По этим же правилам устанавливается ответственность за неудачное пособничество;

г) каждый соучастник преступления несет ответственность в пределах своей личной вины. Общность умысла соучастников не только не исключает, но и предполагает индивидуальность их вины, различия в содержании их сознания и воли;

д) самостоятельный характер ответственности соучастников проявляется и в том, что несмотря на то, что при совместной преступной деятельности усилия соучастников направлены на достижение единого преступного результата, их действия и фактически содеянное исполнителем могут квалифицироваться по различным статьям УК, имея при этом в виду, что для уголовно-правовой оценки действий соучастников вовсе не обязательно наличие тождества составов преступлений. В содержании умысла между соучастниками, с одной стороны, и исполнителем, с другой, могут быть расхождения. Поэтому в их действиях можно установить признаки различных, но по своей природе однородных составов преступлений.

При этом соучастие не распадается, а соучастники подлежат ответственности за фактически совершенное преступление;

е) самостоятельный характер ответственности соучастников состоит и в том, что, как определено в законе, смягчающие иотягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников (в особенности исполнителя), учитываются при назначении наказания только этому соучастнику;

ж) наконец, самостоятельное значение ответственности соучастников проявляется и в преступлениях со специальным составом, исполнителем которого является специальный субъект. В таких преступлениях возможно соучастие и частных лиц, которые могут нести ответственность в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

Ограничение ответственности в таких преступлениях распространяется только на круг исполнителей (соисполнителей) данных преступлений.

Возникает вопрос: какая из этих концепций в конечном счете приемлема для нашего законодательства и правоприменения?

Известно, что состав преступления является законодательным способом описания преступления. Поэтому совершенно обоснованным является то, что по действующему уголовному законодательству единственным основанием уголовной ответственности является наличие в деянии субъекта состава конкретного преступления. Следовательно, единственно верным подходом в определении оснований уголовной ответственности соучастия в преступлении является совершение каждым соучастником деяния, содержащего все признаки состава преступления, на достижение которого дали свое согласие все участники, т. е. наличие соответствующего состава преступления.

Состав преступления следует рассматривать как определенную систему, особое отношение. Это обусловлено прежде всего тем, что само преступное деяние есть отношение между преступником, государством, обществом или отдельной личностью.

Рассмотрение преступления в этом аспекте отражается и на случаи совместной преступной деятельности. Поэтому проблему ответственности соучастников следует рассматривать с этих позиций.

Взаимосвязь деятельности соучастников с деятельностью исполнителя, а также самостоятельное значение их деятельности и, соответственно, характер ответственности исполнителя и соучастников преступления наглядно просматривается сквозь призму аспекта соучастия в преступлении как определенного отношения, специфической системы.

Любая система состоит из определенных структурных элементов, тесно взаимосвязанных между собой. Состав преступления также представляет собой систему определенных элементов.

Отсутствие одного из этих элементов состава преступления свидетельствует об отсутствии самой системы, т. е. состава конкретного преступления.

Соучастие в преступлении следует также рассматривать как определенную систему, в которой функции соучастников совместной преступной деятельности тесно связаны между собой и зависят одна от другой. Рассмотрение соучастия через призму системного взаимодействия, на наш взгляд, с методологической и теоретико-право-

вой точки зрения является наиболее правильной и концептуальной для всестороннего исследования основных уголовно-правовых аспектов института соучастия, в том числе и ответственности соучастников.

При соучастии в преступлении преступный вред наступает в результате согласованных и взаимообусловленных умышленных действий двух или более лиц, т. е. когда действия каждого из соучастников виновно и причинно находятся с наступившим вредом. При этом каждый из соучастников совершения преступления вносит свой личный вклад в достижение преступного вреда, самостоятельно выполняет отведенную ему функциональную роль до совершения преступления, но их деятельность может совпадать и с моментом его совершения. Объективную же сторону состава преступления выполняет исполнитель преступления (или соисполнители). Это означает, что именно исполнитель окончательно решает, начать или довести преступление до конца, или нет. При соучастии действиях всех соучастников находятся в отношениях субординации, что позволяет выделить среди них главного субъекта, от поведения которого зависит доведение преступления до конца. В системном взаимодействии субъекты связаны с объектом. Но определяющая роль среди них принадлежит субъекту.

Объект занимает подчиненное положение по отношению к субъекту, который выступает в качестве «...управляющего начала» [8, с. 108].

В вышеуказанной системе тесно взаимосвязаны между собой и субъекты. Поэтому на фоне исследования ответственности соучастников важно отметить, что основным субъективным фактором в процессе совершения преступления становится поведение исполнителя, поскольку при наличии определенных объективных условий, благодаря его деятельности, возможность совершения преступления превращается в действительность.

Поэтому его преступная деятельность является основной причиной наступления преступного вреда.

В этом смысле исполнитель является главной фигурой при соучастии в преступлении.

Наряду с этим функции других исполнителей, находящихся в системном взаимодействии, тесно связаны между собой и зависят одна от другой. Реальная зависимость индивидов друг от друга — это всегда зависимость выполняемых ими функций. Эта зависимость проявляется в том, что деятельность каждого находит дополнение и дальнейшее развитие в деятельности других, тогда каждый соучастник оказывается объектом другого, в опреде-

ленном отношении так же как и данный соучастник — в ином отношении — объектом первого.

Поэтому субъект взаимодействует не только с материальными объектами, но и с другими субъектами.

При этом организатор, подстрекатель и пособник никаких действий, непосредственно направленных на достижение преступного вреда, не совершают. Одним из объективных оснований является психическое, или интеллектуальное воздействие на исполнителя, поведение последнего в той или иной мере детерминировано этим воздействием. Преступление поведение исполнителя детерминировано как внешними факторами, так и собственными внутренними установками. Сложнее дело обстоит в определении характера и содержания детерминированности поведения исполнителя от действий соучастников преступления.

Уголовное право исследует исполнение преступления прежде всего с точки зрения установления оснований и пределов уголовной ответственности за совершенное исполнителем преступление.

Изучение уголовно-правовых аспектов исполнения преступления должно быть основано на криминологических исследованиях данной проблемы.

Деятельность исполнителя детерминирована не только условиями внешней среды (материально-физическими, нормативными, организационными и т. п.) и внутренними личностными качествами, но и влиянием поведения соучастников (например, уговоры последних и т. п.). Если у исполнителя возникает желание отказаться от доведения преступления до конца, но внешнее воздействие или влияние соучастников настолько сильно, что лишает его возможности принять самостоятельное значение, то исполнитель, совершая преступление при отсутствии свободы воли будет действовать, в состоянии физического или психического принуждения, исключаящее его ответственность. Аналогично может быть решен вопрос и в тех случаях, когда свободе выбора препятствуют внутренние причины (невменяемость лица).

Изложенное позволяет прийти к некоторым выводам. Во-первых, умышленная совместная преступная деятельность представляет собой определенную систему взаимодействия тесно связанных между собой участников, деятельность которых направлена на совершение задуманного преступления. В этой системе главную роль выполняет исполнитель преступления. От его деятельности зависит объем и пределы ответственности соучастников. Это свидетельствует о том, что в нашем уголовном праве акцессорная природа

соучастия не может быть полностью исключена из теории соучастия. При этом эта теория вовсе не означает абсолютной зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя.

В свою очередь, теория самостоятельной ответственности соучастников не означает полной, абсолютной независимости от деятельности и ответственности исполнителя преступления. Иными словами, на наш взгляд, нет противоречия в том, что в целом доктрина самостоятельной ответственности соучастников предполагает в определенной мере производный характер их ответственности от действий исполнителя. Нет противоречия и в том, что акцессорная теория соучастия полностью не отрицает самостоятельного значения ответственности соучастников.

Во-вторых, всякая деятельность человека не аморфна, она всегда динамична. Динамична также и преступная деятельность, в особенности, когда ее участниками являются группа субъектов, постоянно корректирующие функциональные роли каждого из них, направленные на достижение единого преступного вреда. При этом роль каждого участника является существенной, а деяние любого из них содержит все признаки соответствующего состава преступления, на совершение которого они сговорились. В основе достижения единого (взаимоприемлемого) преступного вреда лежит вполне закономерное сочетание функций всех участников.

Совокупный вклад соучастников в соответствии с их преступным планом является необходимым и достаточным условием для реализации этого плана — совершения исполнителем задуманного преступления. Совершенное же исполнителем преступление, по общему правилу, обуславливает юридический характер и значение деятельности каждого участника. Этот вклад не произвольный, а носит синтезированный, взаимообусловленный характер.

В-третьих, при определении принципов ответственности соучастников необходимо руководствоваться как признаками теории самостоятельной ответственности соучастников, так и признаками акцессорной теории соучастия. Раздельное рассмотрение этих теорий как с методологической, так и уголовно-правовой точки зрения, необоснованно и неприемлемо.

Поэтому сочетание и учет наиболее рациональных признаков основных теорий соучастия должно быть положено в основу концепции ответственности за соучастие в преступлении. В связи с этим было бы правильным условно именовать

такую теорию, — концепцию ответственности соучастников, к примеру «смешанной», «комбинированной» или «синтезированной» [9, с. 12].

Смешанная ответственность обусловлена смешанностью вины каждого из соучастников, смешанными действиями в процессе планирования преступления, а также смешанной причинной связью между их действиями и наступившим вредом. Научная состоятельность такого подхода подтверждается, прежде всего, тем обстоятельством, что различные системы права, провозгласившие ту или иную концепцию ответственности вообще, и соучастников преступления, в частности, фактически включают в уголовных законах и элементы других теорий.

Постоянное стремление законодателя к дифференциации уголовной ответственности соучастников, на основе принципа самостоятельной ответственности последних, основанной на личном вкладе в общую преступную деятельность, должно

оставаться приоритетным направлением в теории соучастия по нашему уголовному праву. Однако при этом ответственность соучастников всегда будет находиться в определенной зависимости от дельности и ответственности исполнителя преступления.

Концепция «смешанной» теории соучастия полностью распространяется и на случаи соучастия в преступлениях со специальным субъектом. Наличие специального исполнителя преступления, наделенного особым уголовно-правовым статусом и обусловленного его специфической функциональной ролью, порождает некоторые особенности деятельности всех соучастников и, соответственно, определяет своеобразие оснований привлечения последних к уголовной ответственности.

В заключение следует отметить, что данные выводы не бесспорны и не претендуют на всесторонность и полноту изложенной проблематики.

Литература

1. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. 362 с.
2. Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юрист, 1998. 512 с.
3. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999.
4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.
5. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право, Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2010. 448 с.
6. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М.: Изд-во «Форум-Инфра-М», 1998. 216 с.
7. Аветисян С. С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: теория и практика правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 39 с.

References

1. Kozlov A. P. Souchastie: traditsii i real'nost' [Complicity: traditions and reality] Sankt Petersburg, 2001. 362 p. (In Russian)
2. Fletcher Dzh., Naumov A. V. Osnovnye kontseptsii sovremennogo ugolovno goprava. [Main concepts of modern criminal law.] Moscow, Yurist [Lawyer], 1998. 512 p. (In Russian)
3. Kovalev M. I. Souchastie v prestuplenii [Complicity in the crime]. Ekaterinburg, 1999. (In Russian)
4. Tagantsev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo. T.1 [Russian criminal law. The first volume]. Tula, Avtograf Publ., 2001. 800 p. (In Russian)
5. Dodonov V. N. Sravnitel'noe ugolovnoe pravo, Obshchayachast': monografiya [Comparative criminal law, General part. Monograph] Ed. S. P. Shcherba, Moscow, YurLitinform, 2010. 448 p. (In Russian)
6. Kudryavtsev V. N. Genezis prestupleniya. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniya [Crime genesis. Experience of criminological modeling]. Moscow, «Forum-Infra-M» Publ., 1998. 216 p.
7. Avetisyan S. S. Souchastie v prestupleniyakh so spetsial'nym sostavom: teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya. Avtoref. nasoiisk. uch. step. doktorayurid. Nauk. [Participation in crimes with a special composition: theory and practice of legal regulation. Author's abstract for the degree of Doctor of Law], Moscow, 2005. 39 p.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гриб Денис Вячеславович

***Цель:** провести анализ общих и специальных признаков хищения с использованием компьютерной техники как самостоятельной формы хищения, рассмотреть особенности способов совершения данного преступления против собственности, выделить проблемные аспекты его правовой регламентации и квалификации, а также предложить рекомендации по совершенствованию норм уголовного законодательства Республики Беларусь.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** В Республике Беларусь на протяжении последнего десятилетия происходит активное внедрение информационных технологий в жизнедеятельность человека, а также государства. Заметен рост зарегистрированных хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники. Вместе с тем данная категория преступлений не в полной мере отражает динамику и уровень преступлений в Республике Беларусь в сфере информационных технологий. Из приведенных статистических данных можно сделать вывод о достаточной научной и практической актуальности уголовно-правовой оценки преступления, предусмотренного ст. 212 УК Республики Беларусь.*

1. Основным отличительным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 212 УК РБ (хищение путем использования компьютерной техники), выступает способ его совершения. Данное преступление совершается путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сети передачи данных либо путем введения в компьютерную систему ложной информации. Однако, в любом случае, данное хищение возможно лишь посредством компьютерных манипуляций, заключающихся в обмане потерпевшего или лица, которому имущество вверено или под охраной которого оно находилось, с использованием системы обработки информации.

2. Если обман как способ совершения мошенничества является средством, облегчающим совершение преступления с использованием компьютерной техники, то состав преступления, предусмотренный ст. 212 УК РБ (хищение путем использования компьютерной техники), в этом случае отсутствует, а действия квалифицируются как кража.

3. По ч. 1 ст. 212 УК РБ действия виновного квалифицируются при хищении, сопряженном с санкционированным доступом к компьютерной информации, а по ч. 2 данной статьи хищение совершается при несанкционированном доступе, что требует дополнительной квалификации по совокупности с преступлениями в сфере компьютерной информации.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в формулировании предложений по квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники как самостоятельной формы хищения, определении признаков способа совершения мошенничества при санкционированном и несанкционированном доступе к компьютерной информации.*

***Ключевые слова:** информационно-коммуникационные технологии, преступления против собственности, хищения, совершаемые с помощью компьютерной техники, компьютерные системы, предмет хищения.*

В Республике Беларусь на протяжении последнего десятилетия происходит активное внедрение информационных технологий в жизнедеятельность человека, а также государства. Вместе с тем, интенсивное развитие информационных технологий, неизбежно ведет к росту киберпреступлений, а также пересмотру уголовно-правовых норм действующего законодательства.

Так, в частности, количество зарегистрированных хищений совершаемых с использованием компьютерной техники в 2012 г. зарегистрировано 1928 фактов, в 2013 г. — 2280, в 2014 г. — 2097, в 2015 г. — 2069, в 2016 г. — 1884, в 2017 г. — 2330 (*Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=3311> (дата обращения: 19.10.2019)*).

Из приведенных данных видно, что за анализируемый период наблюдается тенденция как снижения преступного деяния, так и его увеличения. Вместе с тем, данная категория преступлений не в полной мере отражает динамику и уровень преступлений в Республике Беларусь в сфере информационных технологий. Из приведенных статистических данных можно сделать вывод о достаточной научной и практической актуальности уголовно-правовой оценки преступления, предусмотренного ст. 212 УК Республики Беларусь.

По этой причине возникает необходимость уголовно-правового исследования рассматриваемого преступления с целью решения проблем, возникающих в правоприменительной практике, а также разработки предложений по совершенствованию правового регулирования ответственности по ст. 212 УК Республики Беларусь на основе проведенного юридического анализа.

Итак, основным отличительным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 212 УК РБ (хищение путем использования компьютерной техники), выступает способ его совершения:

1) путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сети передачи данных;

2) путем введения в компьютерную систему ложной информации.

Однако в любом случае данное хищение возможно лишь посредством компьютерных манипуляций, заключающихся в обмане потерпевшего или лица, которому имущество вверено или под охраной которого оно находилось, с использованием системы обработки информации (*О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 21 дек.*

2001 г., № 15 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 8, рег. № 6/311 от 10.01.2002.)

Более того, как отмечает В. В. Хилюта, обман как способ совершения мошенничества может быть средством, облегчающим совершение преступления с использованием компьютерной техники, однако в таком случае состав, предусмотренный ст. 212 УК РБ (хищение путем использования компьютерной техники), будет отсутствовать (*Хилюта В. В. Отграничение состава преступления, предусмотренного ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь, от иных составов преступлений / В. В. Хилюта // ИБ «Комментарии законодательства». Электронный ресурс. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс Беларусь». — Минск: ООО «ЮрСпектр», 2018.*).

Например, приговором районного суда Д., С. и Ю. были признаны виновными в том, что, действуя по предварительному сговору на территории Республики Беларусь и иных иностранных государств, разработали компьютерные программы, а затем внесли необходимые изменения с целью несанкционированного блокирования информации. В период времени с 30 ноября 2015 г. по 1 февраля 2016 г., имея умысел на хищение имущества в особо крупном размере, путем распространения данных компьютерных программ пытались похитить денежные средства граждан Республики Беларусь, однако не довели свой преступный умысел до конца по не зависящим от них обстоятельствам.

Суд, установив фактические обстоятельства дела, необоснованно квалифицировал их действия по ч. 1 ст. 14 (покушение на преступление), ч. 4 ст. 212 УК (деяния, предусмотренные частями 1, 2 или 3 настоящей статьи, совершенные организованной группой либо в особо крупном размере). По делу установлено, что во исполнение умысла на хищение имущества Д., С., Ю. распространили разработанные компьютерные программы в глобальной компьютерной сети Интернет, умышленно блокировав программы мобильных и иных устройств, применяемых для доступа в глобальную сеть Интернет, граждан и организаций в белорусском сегменте глобальной компьютерной сети Интернет. В результате чего на экраны мониторов пользователей выдисло окно, перекрывающее все остальные и не реагирующее на действия по его закрытию, в котором содержалась информация от имени МВД Республики Беларусь о необходимости уплаты штрафа за просмотр и посещение порнографических сайтов в виде платежей по пополнению

балансов лицевых счетов абонентских номеров операторов сотовой связи, которые в действительности штрафами не являлись. В дальнейшем перевод похищенных денежных средств, поступавших на балансы лицевых счетов абонентских номеров операторов сотовой связи, осуществлялся не только Д., С., Ю., но и иными лицами с использованием системы электронных платежей и банковских счетов.

Таким образом, Д., С., Ю. при реализации умысла на хищение, использовали компьютерную технику лишь, как способ доведения до потерпевших заведомо ложной информации, а изъятие денежных средств и завладение ими происходило не путем компьютерных манипуляций, а в результате действий самих пользователей, принявших под влиянием обмана решение о перечислении требуемой суммы денежных средств на указанные абонентские номера. Следовательно, содеянное Д., Ю. и С. было переквалифицировано президиумом областного суда с ч. 1 ст. 14, ч. 4 ст. 212 УК на ч. 1 ст. 14, ч. 4 ст. 209 УК Республики Беларусь на мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере. (*Постановление президиума областного суда от 27 декабря 2017 г. // ИБ «Судебная практика». Электронный ресурс. Справочно-правовая система «Консультант-Плюс Беларусь». Минск: ООО «ЮрСпектр», 2018*).

Аналогичная ситуация происходит и с другим специальным составом хищения, предусмотренным ст. 212 УК Республики Беларусь, где в свою очередь преступные действия, направлены на получение персонализированного идентификационного номера (PIN-кода) пользователей банковских карт и электронных кошельков потерпевших. Весьма распространенным на практике также является способ хищения, ответственность за которое предусмотрена ст. 212 УК Республики Беларусь, посредством ввода преступником PIN-кода чужой пластиковой банковской карточки. В данном случае используя чужую банковскую карточку, преступник вводит запрашиваемый банкоматом код, принадлежащий именно собственнику карточки, то есть, выдавая себя за законного собственника, осуществляет обман посредством компьютерных манипуляций. В абсолютном большинстве случаев лица не знают друг друга в реальной жизни и их взаимодействие реализуется посредством виртуальных средств идентификации [2, с. 18].

Необходимо конкретизировать, что как доступ к компьютерной информации может рассматриваться всякая форма проникновения к ней, ознакомление лица с данными, содержащимися в сети,

системе или на машинных носителях. В то же время, в ч. 1 ст. 212 УК РБ указаны способы хищения, сопряженные с санкционированным доступом к компьютерной информации, а в ч. 2 ст. 212 — с несанкционированным доступом.

Как показывает практика, хищение путем использования компьютерной техники с санкционированным доступом к компьютерной информации встречается крайне редко. Отсюда возникает вопрос о целесообразности разделения этих двух способов рассматриваемой формы хищения и установления более строгого наказания за несанкционированный доступ к компьютерной информации. Подтверждается спорность такого подхода и тем обстоятельством, что в квалифицированных составах, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 212 УК РБ, различия между санкционированным и несанкционированным доступом фактически стираются и не имеют значения для квалификации содеянного.

Отдельное внимание необходимо обратить на то, что в качестве предмета хищения путем использования компьютерной техники, выступает исключительно чужое имущество, тогда как п. 1 примечаний к главе 24 УК РБ в качестве предмета хищения предусматривает как имущество, так и право на имущество. В результате хищение, предметом которого выступает не чужое имущество, а право на такое имущество, на практике квалифицируется как мошенничество по ст. 209 УК Республики Беларусь. С одной стороны, такой подход обусловлен тем, что состав преступления, предусмотренный ст. 212 УК РБ, является материальным. С другой стороны, данная форма хищения, как правило, осуществляется путем хищения безналичных денежных средств. С позиций уголовного закона, суть хищения сводится к тому, что право на имущество должно быть юридически закреплено в том или ином виде (например, в виде банковской пластиковой карточки), а сам факт завладения этой карточкой признается хищением. При этом прямого положительного материального ущерба (в виде утраты имущества) может и не быть, поскольку само имущество (денежные средства) не всегда выбывают из владения и пользования собственника [3, с. 26]. В связи с чем, вопрос о необходимости наличия предмета хищения, как право на имущество, представляется обоснованным дополнением диспозиции ст. 212 УК РБ в качестве предмета данной формы хищения.

Все сказанное также позволяет сделать вывод, что согласно действующей редакции ч. 2 ст. 212 УК РБ, предусмотренные санкции устанавливают повышенную уголовную ответственность за хи-

щение имущества, сопряженное с несанкционированным доступом, так как законодатель ставит несанкционированный доступ к компьютерной информации в один ряд с квалифицирующими признаками объективной стороны хищения, как повторность и группа лиц. По этой причине, в качестве предложения по совершенствованию

законодательства может послужить исключение признака сопряженности с несанкционированным доступом к компьютерной информации из ч. 2 ст. 212 УК РБ дополнение ч. 1 ст. 212 УК РБ, направленное на криминализацию хищения имущества путем несанкционированного использования компьютерной информации.

Литература

1. Белокопытов В. В., Филиппенков В. М. Особенности совершения и предупреждения киберпреступлений // ИБ «Комментарии законодательства». СПС «КонсультантПлюс Беларусь». Минск: ООО «ЮрСпектр», 2018.
2. Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. О нетипичных аспектах соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 2017. № 5 (61). С. 18–22.
3. Бакрадзе А. А. Теоретические основы уголовно-правовой охраны собственности от преступлений, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 53 с.

References

1. Belokopytov V. V., Filippenkov V. M. Osobennosti soversheniya i preduprezhdeniya kiberprestuplenii [Specific features of the commitment and the prevention of cyber crime]. IB «Kommentarii zakonodatel'stva». Spravochno-pravovaya «Konsul'tantPlyus Belarus'» [IB «Commentaries to legislation». Reference-legal database «ConsultantPlus Belarus»]. Minsk: ООО «YurSpektr» Publ., 2018. (In Russian)
2. Dmitrenko A. P., Russkevich E. A. O netipichnykh aspektakh souchastiya v prestupleniyakh, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii [On atypical aspects of complicity in crimes committed with the use of information and communication technologies]. Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation]. 2017, no. 5 (61), pp. 18–22. (In Russian, abstract in English)
3. Bakradze A. A. Teoreticheskie osnovy ugovovno-pravovoi okhrany sobstvennosti ot prestuplenii, sovershaemykh putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Theoretical bases of criminal and legal protection of property from crimes committed by deception or abuse of trust: author's review. dis. ... dr. yurid. sciences]. Moscow, 2011. 53 p. (In Russian)

НЕОБХОДИМОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дегтерев Андрей Александрович

Цель: выборы, регулярно проводимые в Российской Федерации, свидетельствуют о том, что нарушения порядка их проведения до сих пор не изжиты, а это, в свою очередь, влияет на уровень легитимности государственной власти. В статье обоснован новый подход к определению социальной обусловленности уголовно-правовой охраны власти и информационной подсистемы политической системы России. Вопрос о социальной обусловленности уголовно-правовой охраны власти возникает постоянно. При этом наукой затрагиваются как общие вопросы криминализации, так и специальные, но при этом не рассматриваются деяния, нарушающие условия легитимности власти. Кроме того, есть много дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего изучения и обсуждения. Теория криминализации как таковая и социальная обусловленность уголовно-правовых норм как одна из ее составляющих только начала формироваться в теории уголовного права страны. В настоящее время еще даже не сложилась терминология, обозначающая само наименование социальных, правовых и иных детерминантов уголовного закона. В литературе встречается около десятка названий, но у каждого есть свои недостатки, и отсутствие единой позиции по этому вопросу может сказаться как на теоретической разработке проблемы, так и законодательской деятельности. Условия легитимности и легитимность власти всегда имеют конституционно-правовую и иную нормативную правовую основу. Нарушение правовой предопределенности входит в механизм совершения преступлений, посягающих на власть и иные феномены политической системы страны. Правовая предопределенность предполагает и законодательное обеспечение функционирования политической системы в целом и ее отдельных структурных элементов, что отражено как в Конституции РФ, так и в федеральных законах. При таких обстоятельствах последние не могут не входить в основание уголовно-правовой нормы. Опасность совершения электоральных преступлений заключается не в том, что таким образом нарушаются конституционные права отдельно взятого гражданина, обладающего избирательным правом, а подрываются основы государственной власти. Нарушение правил систематизации норм Особенной части УК РФ влечет за собой ряд негативных последствий, в частности искажается социально-политическая сущность деяний, их правовая природа, характер общественной опасности, соотношение с другими деяниями и т. д.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Распространенность деяния, применительно к нормам, предусматривающим ответственность за нарушение условий легитимности или легитимность власти, не может входить в основание криминализации.

Научная и практическая значимость. Уголовно-правовой запрет имеет одно основание, которое охватывает ряд факторов, детерминирующих необходимость его появления, а в основание уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на государственную власть и деятельность средств массовой информации, входят несколько обстоятельств: общественная опасность деяния, международные обязательства России по ратифицированным международным договорам и нормативная предопределенность

функционирования политической системы и ее отдельных структурных систем. С практической точки зрения устранение указанных недостатков должно послужить облегчению надлежащего применения соответствующей нормы уголовного права.

Ключевые слова: социальная обусловленность, криминализация деяний, политическая система, уголовно-правовые запреты, пенализация деяний, конституционный строй, кратологическая легитимность, правовая легитимность, гражданская легитимность, легитимность правопорядка, криминализационный повод.

Проблемы, поднимаемые в настоящей статье, исследуются автором на протяжении последних нескольких лет. Отчасти, затронутые ниже вопросы, в том или ином виде, были предметом дискуссии в ряде других изданий, среди которых следует назвать такие журналы, как «Юридическое образование и наука».

В то же время актуальность избранной темы подтверждается появлением все новых данных, которые требуют постоянного внимания и дополнительного анализа. Исходя из этого, полагаем возможным в очередной раз обозначить свою позицию, хотя, может быть, какие-то наши выводы будут повторены. Но это свидетельствует, как представляется, о сформулированности нашей позиции, которую мы стараемся довести до максимально широкого круга читателей научных статей в области уголовно-правовой охраны власти, в частности, и политической преступности, в целом.

Выделяются следующие принципы уголовно-правовой охраны политической системы: 1) достаточной общественной опасности; 2) относительной распространенности криминализируемых деяний; 3) процессуальной осуществимости преследования виновных лиц; 4) возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение; 5) экономии репрессии; 6) преобладания позитивных последствий в криминализации; 7) системности, включающей в себя неизбыточность и беспробельность криминализации; 8) своевременности.

Не ставя целью подробный анализ выделенных принципов и в целом признания указанных обстоятельств таковыми, отметим: во-первых, многие авторы их признают условиями криминализации; во-вторых, не может основанием одновременно быть основанием и принципом криминализации (достаточная общественная опасность является ничем иным, как основанием, влекущим криминализацию).

Проблемы социально-правовых оснований криминализации деяний, посягающих на основы политической системы России и ее структурных элементов, в юридической литературе практически не исследованы. Можно назвать две само-

стоятельные работы, в которых, на наш взгляд, в определенной мере рассматривалась социальная обусловленность указанных уголовно-правовых запретов. Это докторская диссертация А. Г. Хлебущкина [1] и монографии Т. К. Агузарова, Ю. В. Грачевой и А. И. Чучаева [2].

В первой работе выделяются следующие аспекты преступности политической системы или политической преступности: материальное основание легитимности; формальное основание легитимности; криминализация как метод уголовно-правовой политики и ее принципы; наказания как метод уголовно-правовой политики [1, с. 88–125]. При этом легитимность представлена в четырех значениях: 1) легитимность кратологическая (от греч. *kratos* — власть) — право государственной власти на принуждение; 2) легитимность правовая (легальная), что выражается в юридическом оформлении права на принуждение, регламентация его применения; 3) легитимность гражданская — поддержка населением власти и принимаемых ею решений; 4) легитимность правопорядка — уровень соблюдения правовых норм.

«Ведущей является кратологическая легитимность уголовно-правового воздействия, поскольку остальные виды легитимности производны от нее. Кратологическая легитимность уголовно-правового воздействия в сфере охраны основ конституционного строя имеет материальное и формальное основание» [1, с. 110].

Обществу присущи социальные противоречия, причем за счет решения этих противоречий часто общество движется вперед и развивается. Но некоторые социальные противоречия могут быть потенциально опасными, так как при невозможности их разрешения и перерастания в конфликт, они могут привести к нарушению социальной стабильности в стране. К таким противоречиям, например, можно отнести противоречия, вызванные ограниченностью властного ресурса и притязаниями на него, и противоречия в отношениях между гражданами и между социальными группами на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо на почве ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Перерастание данных противоречий в конфликт создает угрозу для социальной стабильности и основ конституционного строя.

Правовая легитимность политической системы, по мнению А. Г. Хлебушкина, зиждется на социальном контракте, — общество делегирует государственной власти полномочия принимать в целях сохранения социальной стабильности общеобязательные решения и применять в необходимых случаях принуждение для их реализации [1, с. 110–111].

Рассмотренные выше основания, по сути, характеризуют спрос на уголовное право в сфере охраны основ конституционного строя, который понимается в двух значениях:

1) как потребность в уголовно-правовых запретах для обеспечения сохранности основ конституционного строя при отсутствии возможности использовать менее репрессивные правовые меры;

2) как разницу между потребностью в уголовно-правовых запретах и теми социальными издержками, которые общество готово понести при криминализации деяния (ограничение прав и свобод граждан; увеличение числа судимого населения; экономические издержки, связанные с осуществлением уголовного судопроизводства и исполнением наказания) [11, с. 111].

Анализируя криминализацию деяния как метод уголовно-правовой политики, А. Г. Хлебушкин выделяет ее принципы, которые, по его мнению, обусловлены общим критерием — основанием криминализации, однако суть последних автором не раскрывается [1, с. 117]. Примерно в том же ключе в работе рассматривается и вопросы санкций за совершенные деяния [1, с. 119–124].

В монографии Т. К. Агузарова, Ю. В. Грачевой и А. И. Чучаева вопрос о социальной обусловленности уголовно-правовой охраны власти ставится дважды: во-первых, применительно к ряду уже имеющихся уголовно-правовых запретов; во-вторых, при обосновании уголовно-правовой охраны главы государства. При этом затрагиваются как общие вопросы криминализации, так и специальные, вытекающие из предмета исследования [2, с. 7–17; 106–113]. Следует заметить, что ряд важных моментов не отражен в работе, поскольку ее содержание отличается по кругу анализируемых уголовно-правовых запретов. В частности, в монографии не говорится о деяниях, нарушающих условия легитимности власти. Кроме того, есть много дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего обсуждения.

Последнее обстоятельство, на наш взгляд, вполне объяснимо. Теория криминализации

как таковая и социальная обусловленность уголовно-правовых норм как одна из ее составляющих, только начали складываться. Об этом свидетельствует в том числе то, что в настоящее время еще даже не сложилась терминология, обозначающая само наименование социальных, правовых и иных детерминантов уголовного закона. Во второй половине XX века различным аспектам криминализации был посвящен ряд работ, по сути, заложивших основы разработки указанного учения [3; 4, с. 122–132; 5, с. 105–108; 6, 7].

В литературе встречается значительное число вариантов названий учений о криминализации деяний:

1) условия установления уголовной наказуемости [8, с. 67–74];

2) критерии установления уголовной наказуемости деяний [9, с. 101–105];

3) факторы, учитываемые при криминализации [10, с. 77 — 95];

4) пределы уголовно-правового регулирования [11, с. 28];

5) поводы, причины, условия и способы криминализации [12, с. 447–453];

6) обстоятельства, подлежащие учету при установлении, изменении или отмене уголовной ответственности [13];

7) основания и принципы криминализации [14];

8) основы уголовно-правового запрета [15, с. 90–97].

9) предпосылки, причины, условия, критерии, поводы и принципы криминализации [16].

В общей теории права выделяются основания, условия и принципы создания правовой нормы [17].

Конечно, наименование социальной обусловленности уголовно-правовых норм не находится в прямой зависимости от его сущности, однако имеющееся терминологическое разнообразие, во-первых, как уже говорилось, свидетельствует об отсутствии единой позиции по этому вопросу; во-вторых, может сказаться как на теоретической разработке проблемы, так и законотворческой деятельности. Приведем несколько примеров.

Так, В. Ф. Щепельков говорит о логическом основании уголовного закона [18, с. 29]. Но этого не может быть, как говорится, по определению; логика (формальная логика) — наука, изучающая формы мысли — понятия, суждения, умозаключения, доказательства, — со стороны их логической структуры, т. е. отвлекаясь от конкретного содержания мыслей и вычлняя лишь общий способ

связи этого содержания [19, с. 519]. Она не может лежать в основании уголовно-правовой нормы, обуславливать ее принятие; другими словами, вызвать уголовно-правовой запрет «к жизни». Формальные логические требования относятся к формулировке нормы, к соотношению ее структурных частей (поэтому, например, говорят о логической структуре нормы и т. д.).

Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер дифференцируют социальную обусловленность уголовно-правовой нормы, выделяя, во-первых, основания криминализации как таковые и, во-вторых, социальные основания криминализации. По их мнению, эти основания соотносятся друг с другом как род и вид [20, с. 246]. На наш взгляд, позиция авторов достаточно противоречива и даже теоретически несостоятельна. Во-первых, в социальных явлениях не существуют и не могут существовать основания вообще, основания как таковые; они всегда имеют конкретное содержание, уходящее корнями в общественные отношения, сложившиеся на определенный исторический период. Во-вторых, выделение в качестве самостоятельных, наряду с социальными, криминологических оснований нарушает логические требования, предъявляемые к делению целого на части. В этом случае игнорируется сущность криминологических оснований, которые никакими другими, кроме как социальными, быть не могут. Следовательно, точка зрения Л. М. Прокументова и А. В. Шеслера противоречит как фактическим реалиям, так и формально-логическим требованиям.

О. Н. Бибики говорит не об основаниях уголовно-правовой нормы, а о социальных источниках уголовного права в целом, понимая под последними явления, влияющие на возникновение соответствующих уголовно-правовых запретов и определяющих их содержание как в момент создания, так и в момент реализации [21, с. 53]. В литературе эта позиция подверглась критике, однако лишь по формальному основанию — использованной терминологии. Так, С. А. Маркунцов пишет: «Употребление понятия “социальные источники” применительно к уголовно-правовым запретам ... представляется не вполне удачным. В этом смысле более целесообразным является использование понятия “истоки уголовно-правовых запретов”. Лексически по одному из значений термины “источники” и “исток” являются синонимами. В то же время в последнем случае не возникает терминологических коллизий с устоявшимся в юриспруденции понятием “источник права”» [16, с. 167].

По нашему мнению, подмена основания уголовного права его социальным источником (или истоком, как предлагает С. А. Маркунцов) вообще недопустима. Согласно толковым словарям одно из значений слов «источник» и «исток» — соответственно, то, что дает начало к чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь; начало, первоисточник чего-нибудь [22, с. 250]. Следовательно, в этом случае вообще речь идет об ином, а не об основании уголовного права вообще и уголовно-правовой нормы в частности.

Обратим внимание еще на один момент в утверждении О. Н. Бибики. Уважаемый Олег Николаевич говорит об источниках как явлениях, которые влияют на возникновение соответствующих уголовно-правовых норм. Влиять — оказывать влияние, т. е. воздействовать на кого-то, чего-то [22, с. 83]. В такой интерпретации значения социального источника в генезисе нормы он вообще не имеет отношения к основанию уголовно-правового запрета (например, влияние лобби на принятие определенной нормы Уголовного кодекса).

В юридической литературе чаще всего пишут об основаниях криминализации и декриминализации деяний. По мнению Т. А. Плаксиной, термины «основания уголовно-правовой нормы» и «основания уголовно-правового запрета» используются намного реже [23, с. 44]. В настоящее время большинство исследований посвящено учению о криминализации (декриминализации).

Надо сказать, что вопросы обоснованности криминализации деяния — это своеобразная «квадратура круга», задача построения квадрата, равновеликого по площади кругу данного радиуса. И. В. Бессонова в этой связи пишет: «Ответ на вопрос о социальной обусловленности уголовно-правовой нормы предполагает уяснение хотя бы в общей форме того, насколько этот запрет вытекает из задач уголовного законодательства, определяемых социальной потребностью уголовно-правовой охраны общественных отношений» [24, с. 6].

В литературе обоснованно утверждается, что уголовно-правовая норма, отвечающая социальным, правовым и научным требованиям, по сути, выступает первым этапом обеспечения результативности права вообще и уголовного права в частности [25, с. 9; 26, с. 12]. Уголовное законодательство признается эффективным, когда оно, во-первых, адекватно отражает характер и степень общественной опасности предусмотренных им деяний; во-вторых, способно выступать в качестве правового средства сдерживания указанных явлений на социально допустимом уровне; в-третьих,

содержит полный перечень деяний, уголовно-правовая борьба с которыми необходима и целесообразна [27, с. 108–109; 28, с. 124].

Ряд ученых исходят из того, что социальную обусловленность необходимо рассматривать не на уровне уголовно-правовой нормы (уголовно-правового запрета), а на уровне закона. В связи с этим ими предпринимались попытки выделить факторы, которые подлежат учету при разработке и принятии закона. Они играют в законодательстве тройную роль: во-первых, детерминируют форму уголовно-правового предписания; во-вторых, оказывают непосредственное влияние на содержание последнего; в-третьих, определяют форму уголовно-правового запрета [30, с. 76].

Здесь необходимо подчеркнуть, что в настоящей статье мы не рассматриваем причинно-следственные связи, в криминологическом контексте, поскольку это потребовало бы серьезного отвлечения в сторону от теоретических воззрений на эту тему, имеющих в науке уголовного права. Однако, к причинам и условиям преступлений против государственной власти мы неизбежно вернемся, но этому будут посвящены специальные статьи, которые, скорее всего, содержательно станут более криминологическими и социологическими.

Предыдущие моменты относятся к формальным аспектам и характеризуют состояние терминологии складывающейся доктрины. Вопрос о том, сколько и каких факторов может или должно лежать в основании криминализации, относится к сущностным, непосредственно влияющим на учение об уголовно-правовом запрете и законодательскую деятельность. Если отвлечься от нюансов, то можно выделить две позиции, сформировавшиеся в теории уголовного права: однофакторное и многофакторное основание уголовно-правового запрета. Одни ученые считают, что в его основание может входить лишь одно обстоятельство — общественная опасность деяния; другие же в качестве такового рассматривают системное образование, определенный комплекс, который состоит из ряда отличных друг от друга по своей сути факторов. При этом «вся эта система факторов находится в сложной иерархической зависимости, некоторые из них оказывают противоречивое воздействие на процесс законодательства. Лишь суммарная оценка всех оснований криминализации и их взаимосвязи, взаимодействия и взаимопроникновения дает возможность, в конечном счете, принять правильное решение об установлении уголовно-правового запрета» [31, с. 68].

В основании уголовно-правового запрета А. И. Коробеев выделяет три группы факторов:

1) юридико-криминологическая — охватывает характеристику общественной опасности деяния, его относительную распространенность и типичность; динамику деяний с учетом порождающих их причин и условий; возможность воздействия на них уголовно-правовыми средствами и, соответственно, невозможность противодействия им менее репрессивными (неуголовно-правовыми) мерами; возможности системы уголовной юстиции;

2) социально-экономическая — интегрирует обстоятельства, учитывающие: а) причиняемый деяниями моральный и материальный вред; б) возможные побочные последствия уголовно-правового запрета; наличие необходимых ресурсов (материальных, кадровых и др.) для реализации нормы;

3) социально-психологическая — объединяет факторы, характеризующие определенный уровень общественного правосознания, и исторические традиции [31, с. 68–88].

По сути, эти же факторы, только интегрированные в две группы, включала в основание уголовно-правовой нормы С. Г. Келина:

1) социальные и социально-психологические — охватывает деяние, имеющее достаточно высокую степень общественной опасности; его относительную распространенность; соответствие уголовно-правового запрета нравственным представлениям населения; соотношение положительных и отрицательных последствий введения уголовно-правового запрета;

2) системно-правовые — соответствие новой уголовно-правовой нормы Конституции РФ, нормам других отраслей права и международным актам; процессуальная доказуемость нарушения уголовно-правового запрета; соразмерность наказания, предусматриваемого за новое преступление [32, с. 6].

Следует заметить, что абсолютное большинство авторов вопросы наказуемости (пенализации) деяний не включают в основание уголовно-правовой нормы. И это правильно, потому что, они таковыми по сути и не являются. Пенализация, будучи самостоятельным уголовно-правовым явлением, обусловлена криминализацией деяния, она генетически связана с последней.

Позиция о множественности факторов, входящих в основание уголовно-правовой нормы, разделяется многими учеными. Так, по мнению В. Н. Кудрявцева и В. В. Лунеева, уголовно-правовой запрет обуславливается разными причинами, лежащими в различных сферах общественной жизни [33, с. 22]. Правда, надо заметить, что в этом

случае, на наш взгляд, происходит неумышленная подмена понятий: причины и основания — понятия нетождественные. Причины действительно могут быть разными, но при этом основание может быть одним и тем же.

Г. А. Злобин насчитывал более десятка факторов, лежащих в основании уголовно-правового запрета [34, с. 205–206], но больше всех их выделял И. М. Гальперин [35, с. 53–55]. Однако надо иметь в виду, что «...перечисление большого количества явлений, в той или иной степени обуславливающих установление уголовно-правовой нормы, без вычленения их роли в осуществлении этого процесса ... мало помогает в выявлении социальных оснований конкретных уголовно-правовых норм... остается неясной та роль, которую каждый из указанных факторов играет в решении поставленной задачи. У одних она является более важной, у других — менее важной, третьи имеют техническое значение» [36, с. 62–63].

А. Д. Нечаев основание криминализации предлагает рассматривать как наличие совокупности достаточного уровня общественной опасности деяния, в отношении которого предлагается установить уголовно-правовой запрет, и адекватность последнего существующей системе общественных отношений [37, с. 12]. Наряду с основанием А. Д. Нечаев выделяет:

1) криминализационный повод — релевантный юридический факт в виде действия соответствующего субъекта уголовно-политической деятельности, возбуждающий процесс установления уголовно-правового запрета; в нем находят свое отражение конструктивистские и интеракционистские подходы к процессам криминализации;

2) причины криминализации — явления общественной жизни, служащие внешними предпосылками для установления уголовно-правового запрета; они находятся с результатом криминализации в генетической связи, опосредованно воздействуя на процесс через криминализационный повод;

3) условия криминализации — явления общественной жизни, служащие внутренними предпосылками, способствующими протеканию соответствующих процессов [38, с. 23].

В. Н. Кудрявцев и В. В. Лунеев отделяют поводы от оснований криминализации, видя в этом, как правило, отрицательное явление: «На практике нередко причиной криминализации выступает не научное изучение социальной действительности, а совершенно случайное событие (возможно, вызвавшее общественный резонанс). Здесь мы имеем дело уже не с основанием для криминализации, а скорее только с поводом для нее» [33, с. 22].

Обратим внимание на два обстоятельства в позиции А. Д. Нечаева. Во-первых, хотя Алексей Дмитриевич различает криминализацию как процесс и как результат этого процесса, при выделении поводов, причин и условий смешивает их. Так, говоря об основании, т. е. о том, что лежит в основе уголовно-правового запрета, он обращается к процессу, т. е. к деятельности по созданию нормы. Особенно наглядно это проявляется при характеристике условий криминализации.

Вряд ли можно согласиться с А. Д. Нечаевым и в том, что причины — это внешние предпосылки. Данные понятия также не тождественны. Причина — это явление, вызывающее, обуславливающее другое явление [19, с. 383]; одно из значений предпосылки — предварительное условие чего-нибудь [22, с. 571]. Г. А. Злобин, также включавший предпосылки в основание криминализации, противопоставлял их причинам установления уголовно-правового запрета [34, с. 206].

Многие авторы считают, что в основании уголовно-правовой нормы лежат и такие факторы, как исторические традиции и законотворческий опыт. По утверждению Келиной С. Г. и Злобина Г. А., «круг криминализируемых деяний для каждого исторического момента, за исключением периодов революционной ломки старой надстройки, на 9/10 определяется именно этими факторами» [27, с. 109–110; 39, с. 34].

По нашему мнению, данное обстоятельство следует трактовать иначе. Как бы то там ни было, уголовно-правовой запрет не может быть основан ни на одной исторической традиции, ни на одном законодательном опыте. Во-первых, это противоречит общей характеристике уголовного законодательства как исторически изменчивой категории, что в первую очередь проявляется в криминализации и декриминализации деяний, обусловленной необходимостью защиты уголовно-правовыми средствами новых общественных отношений, адекватного ответа новым формам и видам преступности и т. д. Во-вторых, учет исторического опыта свидетельствует об исторической преемственности, лежащей в основе развития уголовного права и как отрасли, и как науки. Преемственность есть одно из проявлений диалектики, характеризует связь между явлениями в процессе развития; новое, отказываясь от определенной части старого, сохраняет в себе некоторые свойства (элементы, черты) последнего. В этом не сложно убедиться, обратившись как к эволюции уголовного законодательства в целом, так и уголовно-правовых норм об охране государственной власти как одного из наиболее важных феноменов поли-

тической системы страны, в частности. Применительно к последнему обстоятельству преемственность законодательства убедительно показана в ряде исследований Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачевой и А. И. Чучаева [40, 41, 42, 43].

А. Д. Антонов [44, с. 17–20], В. Д. Филимонов [45, с. 61–62], С. А. Маркунцов [46, с. 172–173], Ю. Е. Пудовочкин [47] и некоторые другие авторы выделяют не множественность факторов в основании криминализации деяния, а множественность самих оснований, с чем тоже вряд ли можно согласиться.

Как уже говорилось, некоторые авторы выступают против как многофакторности основания уголовно-правового запрета, так и множественности оснований. Н. А. Лопашенко считает, что приверженцы указанных позиций смешивают основания, принципы и условия криминализации. Она, например, ставит вопрос о том, как можно рассматривать в качестве основания (оснований) криминализации «выделяемые ... “возможности системы уголовной юстиции” или “отсутствие возможных побочных последствий уголовно-правового запрета...”»? [14, с. 102–103]. Уважаемая Наталья Александровна полагает, что криминализацию порождает только одно обстоятельство — наличие деяния, общественная опасность которого отвечает уровню опасности преступления. Все же остальные факторы, выделяемые в литературе, выступают принципами или условиями криминализации [14, с. 103].

Позиция Н. А. Лопашенко была поддержана М. Э. Авдалян, которая указывает, что основание криминализации — это та главная, сущностная черта, которая делает ее необходимой. В этом качестве может выступать только общественная опасность деяния [48, с. 16]. «Это основание присуще всем без исключения уголовно-правовым нормам, предусматривающим ответственность за конкретное посягательство на охраняемые законом общественные отношения. Общественная опасность детерминируется взаимодействием деяния и общественных отношений, характеризующих объект уголовно-правовой охраны» [42].

Отметим, что М. Э. Авдалян, наряду с основанием криминализации выделяя ее причины и условия, смешивает последние.

Как отмечается в литературе, «в феномене власти... заложено диалектическое противоречие: с одной стороны она призвана защищать социальные ценности, существующие в обществе и государстве, другой — ее саму надо охранять, в том числе и правовыми (уголовно-правовыми) средствами...

...Государственное преступление так же старо, как и само государство. Объясняется это очень просто: раз существует государство, есть государственная власть и ее представители, следовательно, могут быть и преступники, которые посягают на их безопасность» [40, с. 3].

Утверждение о единственном факторе, лежащем в основе уголовно-правовой нормы, является чрезмерно категоричным. «Согласно философии, между основанием явления и самим явлением существует причинная связь. Исходя из этого, можно, например, с полной уверенностью утверждать, что все конвенционные преступления [49] имеют по крайней мере два основания, одним из которых выступает принятая государством на себя обязанность предусмотреть уголовно-правовую охрану соответствующего объекта, а второй — признанная в международном сообществе и отраженная в международном документе необходимость такой защиты» [43, с. 12].

При этом Н. И. Хавронюк выполнение указанных обязательств по ратифицированным международным соглашениям относит к поводам для криминализации деяния [12, с. 448].

Поэтому совершенно не случайно все нормы о подобного рода преступлениях содержательно совпадают с нормами соответствующих международно-правовых актов.

Признание общественной опасности единственным основанием уголовно-правовой нормы противоречит философскому определению основания, выделения его уровней и глубины [19, с. 467]. Исходя из этого, Т. А. Плаксина указывает: «Глубинный слой оснований нормы уголовного права составляют социальные условия жизни общества. Сложные и противоречивые процессы общественной жизни порождают два вида следствий, значимых с позиций уголовно-правового нормообразования. С одной стороны, происходит отбор тех феноменов, которые важны для общества, входят в систему его ценностей, а следовательно, социум оказывается заинтересованным в сохранении и воспроизводстве их самих и связанных с ними общественных отношений. С другой стороны, появляются реальные факты антиобщественного поведения, направленные против таких ценностей и общественных отношений (или, как минимум, создается возможность их появления)» [50, с. 21].

Общественную опасность деяния в литературе традиционно относят к материальному признаку преступления, признавая ее объективной категорией. Н. А. Лопашенко напротив говорит, что «это далеко не всегда так. Понятие вреда во многом

зависит от законодателя, во многом может быть условным. Особенно если этот вред причиняется не жизни и здоровью, свободе человека и другим неоспоримым ценностям» [14, с. 57].

Позиция Натальи Александровны подверглась, на наш взгляд, обоснованной критике. Отмечается, что в этом случае допущена подмена понятий. Общественная опасность как таковая — объективная категория. Ее отражение в уголовно-правовом запрете не имеет отношение к основанию нормы, а характеризует законодательскую технику. «В указанной Н. А. Лопашенко ситуации может иметь место либо ошибка в определении основания закона, либо его искажение (в целом не исключается и осознанное) при формулировании уголовно-правового запрета» [43, с. 13].

Об этом же говорят Л. В. Кондратюк В. С. Овчинский, когда замечают: «Криминализации могут подлежать лишь объективные проявления агрессии, экспансии и обмана, посягающие на жизнь, блага, систему. Власть при отделении преступного от непроступного должна опираться не на произвольные усмотрения, но на содержание поведения субъектов, содержание, измеренное и оцененное по всеобщей для человечества, имеющей этическую природу шкале добра и зла [51, с. 22].

В теории уголовного права выделяются характер и степень общественной опасности. В связи с этим логично встает вопрос, относящийся в первую очередь к последней: какая степень опасности достаточна для криминализации деяния? Понятно, что конкретный ответ на этот вопрос дать невозможно, потому что требуется знать много дополнительных условий, которые остаются всегда неизвестными. Вероятно, поэтому некоторые авторы отвечают на него, например, таким образом: «Лишь то деяние может быть правомерно криминализовано, общественная опасность которого достаточно (с точки зрения уголовного права) высока» [34, с. 216]; криминализации подлежат только деяния, обладающие «высокой степенью общественной опасности» [52, с. 8] и т. д.

Н. А. Лопашенко общественной опасности придает двойное значение: во-первых, как уже говорилось, считает основанием уголовно-правовой нормы, а ее степень, во-вторых, принципом криминализации [14, с. 108].

Признание степени опасности одним из принципов криминализации противоречит самой сути принципа как первоначала, руководящей идеи.

Степень характеризует общественную опасность конкретного, отдельно взятого деяния (ее еще называют количественной характеристикой

опасности). Взятая сама по себе, в отрыве от характера (качественной характеристики) опасности она не может быть определяющей при формировании уголовно-правового запрета. Очевидно одно: чем более важным, социально значимым является предполагаемый объект уголовно-правовой охраны, тем меньшая степень общественной опасности достаточна для криминализации деяния, и наоборот: чем менее значимы общественные отношения, тем большая степень общественной опасности должна быть.

При этом речь должна идти об их типовых проявлениях. К таким типовым проявлениям следует отнести посягательства на: 1) основы политической системы страны и ее основных феноменов — государственной власти (в частности, на условия ее легитимности — при нарушении избирательного права; на легитимность власти — при посягательствах на конституционные основы ее функционирования, беспрепятственное осуществление государственными и общественными деятелями своих политических функций) и; 2) институционально-субъектную, информационную подсистему политической системы, устанавливающей связь между властью, политическими организациями и гражданами страны (средств массовой информации).

Т. А. Лесниевски-Костарева обоснованно замечает: «Типовая степень общественной опасности отличается тем, что она характеризует степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, регламентирована в законе... В законе невозможно отразить индивидуальные черты содеянного и опасность конкретной личности... В отличие от типовой степени общественной опасности индивидуальная степень характеризует более мелкие перепады в степени общественной опасности в сравнении с типизированной степенью либо те из значительных перепадов, которые не являются обычными для данной категории дел и вследствие этого не могут быть типизированы в законе» [53, с. 57].

Условия легитимности и легитимность власти имеют конституционно-правовую и иную нормативную правовую основу [54]. Следовательно, нарушение правовой предопределенности указанных обстоятельств входит в механизм совершения преступлений, посягающих на власть и иные феномены политической системы страны. Правовая предопределенность предполагает и законодательное обеспечение функционирования политической системы в целом и ее отдельных структурных элементов, что отражено как в Конституции РФ, так и в федеральных законах. При таких обстоятельствах последние не могут не вхо-

дять в основание уголовно-правовой нормы. Это также вытекает из положений ст. 1 УК РФ, в которой говорится, что Кодекс основывается на Конституции РФ.

Достаточно спорным является решение вопроса о признании одним из обстоятельств, включаемых в основание уголовно-правовой нормы, распространенность деяния. Суть проблемы на первый взгляд очень проста: во-первых, исключить принятие уголовно-правовой нормы «для одного случая», что предполагает учет возможной повторяемости как необходимого свойства криминализируемого деяния; во-вторых, хотя бы в самых общих чертах определить необходимую интенсивность повторяемости, поскольку криминологи утверждают, что чрезмерная распространенность деяния выступает противопоказанием к признанию его преступным. Например, Н. Ф. Кузнецова не без оснований считала, что указанное свойство деяния не может признаваться криминообразующим фактором. Более того, его распространенность скорее оказывается доводом в пользу преследования не в уголовно-правовом, а административном или дисциплинарном порядке и т. д. [55, с. 137].

В литературе высказана и другая точка зрения. Так, Т. А. Плаксина, с одной стороны, полагает, что «распространенность определенного вида деяний не влияет на типовую степень общественной опасности, так как не входит ни в одну из подсистем, результатом взаимодействия которых становится общественная опасность, — ни в объект охраны, ни в элементы деяния как составляющей источника опасности». С другой стороны, она утверждает, что «...распространенность в числе прочего предопределяет возникновение опасности причинения вреда общественным отношениям, являющейся основанием норм уголовного права третьего уровня, поскольку характеризует источник опасности, понимаемый в одном из аспектов как множественности общественно опасных деяний, совершенных в пределах определенной территории за определенный промежуток времени» [50, с. 30].

Если распространенность деяния признать обстоятельством, входящим в основание уголовно-правовой нормы, то это приведет к выводу о том, что нормы, обеспечивающие безопасность власти, не являются социально обусловленными, и, соответственно, не отвечают социальным потребностям общества и государства. На самом деле, все дело в том, что преступления против власти по объективным причинам не могут быть хоть сколько-нибудь распространенными. Во-первых, это вытекает из сути самих посягательств, поэтому

является прогнозируемой реакция власти на подобного рода действия, посягающие на само ее существование; во-вторых, это находит подтверждение в статистике (причем, не только постсоветского периода, но и более ранних периодов). Распространенность деяний против власти, как показывает история, может быть в двух случаях: нелегитимности власти или террора власти против собственного народа.

Таким образом, по нашему мнению, распространенность деяния, по крайней мере применительно к нормам, предусматривающим ответственность за нарушение условий легитимности или легитимность власти, не может входить в основание криминализации. Каждое отдельно взятое преступление против политической системы страны и ее государственной власти как ее феномена обладает достаточной общественной опасностью, чтобы не прибегать к учету его распространенности, характеризующей совокупную опасность подобного рода деяний. Об этом, в частности, свидетельствуют санкции статей, предусматривающих ответственность за указанные деяния, а они, как известно, отражают типовую опасность преступления.

В последние годы специалисты предпринимают усилия по оптимизации процесса криминализации, которые, по их мнению, снизят риски нормотворческой деятельности, исключат случаи принятия норм, не отвечающих требованиям их социальной обусловленности. В частности, даже предлагается УК РФ дополнить ст. 1¹ «Основания криминализации и декриминализации общественно опасных деяний», в ч. 1 которой говорится: «Криминализация общественно опасных деяний, то есть включение таковых в Уголовный кодекс в качестве преступных и уголовно наказуемых, осуществляется при наличии достаточной их общественной опасности и распространенности, с учетом целесообразности, а также процессуальной и криминалистической возможности уголовного преследования» [56, с. 9].

Это предложение подверглось, на наш взгляд, справедливой и обоснованной критике. В частности, указывалось, что подобного рода нормы не согласуются с целевым назначением Уголовного кодекса. Кроме того, обращалось внимание на произвольный набор оснований и условий, а также на наличие оценочных понятий [43, с. 16], что неприемлемо для системного решения любой знаковой проблемы, тем более на уровне изменения основополагающих подходов к самой сути понятия преступного и, соответственно, не преступного деяния.

Таким образом, по крайней мере на этом этапе нашего исследования, можно утверждать следующее.

1. Уголовно-правовой запрет имеет одно основание, которое охватывает ряд факторов, детерминирующих необходимость его появления.

2. В основание уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на государствен-

ную власть и деятельность средств массовой информации, входят несколько обстоятельств: а) общественная опасность деяния; б) международные обязательства России по ратифицированным международным договорам; в) нормативная предопределенность функционирования политической системы и ее отдельных структурных систем.

Литература

1. Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. 480 с.
2. Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). М., 2016. 126 с.
3. Гришанин П. Ф. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. М., 1978. 30 с.
4. Грошев А. В. Правосознание в системе оснований криминализации общественно опасных деяний // Российский юридический журнал. 1997. № 1. С. 122–132.
5. Кудрявцев В. Н. Научные предпосылки криминализации // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 105–108.
6. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 303 с.
7. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. 176 с.
8. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 4. С. 67–74.
9. Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 101–105.
10. Курляндский В. И. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 77–95.
11. Кондратов П. Е. О пределах уголовно-правового регулирования общественных отношений // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт. Красноярск, 1989. С. 28.
12. Хавронюк Н. И. Поводы, причины, условия и способы криминализации общественно опасных деяний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Международной-научно-практической конференции 29–30 января 2004 г. М., 2004. С. 447–453.
13. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. 183 с.
14. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. 579 с.
15. Пудовочкин Ю. Е. Об этических основах уголовно-правового запрета // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 90–97.
16. Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета. М., 2015. 560 с.
17. Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 1998. 127 с.
18. Щепельков В. Ф. О логическом основании уголовно-правовых норм // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. Волгоград, 1998. С. 29.
19. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986. С. 519.
20. Прозументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997. С. 246.
21. Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 53.
22. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 250.
23. Плаксина Т. А. Основания уголовно-правовых норм, уголовно-правового запрета, криминализации: понятие и соотношение // Государство и право. 2006. № 5. С. 44.
24. Бессонова И. В. Нарушение правил охраны труда (проблемы истории, законодательного регулирования и практики). Оренбург, 2002. С. 6.
25. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983. 283 с.
26. Коробеев А. И. Криминализация и пенализация деяний как основное содержание уголовно-правовой политики // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск, 1988. С. 12

27. Злобин Г.А, Келина С. Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 108–109.
28. Коган В. М. Изучение эффективности уголовно-правовых норм: аспекты и уровни анализа // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 119–130.
29. Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 3–6.
30. Кузнецова Н. Ф., Злобин Г. А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение законотворчества // Советское государство и право. 1976. № 8. С. 76.
31. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 268 с.
32. Келина С. Г. Основания уголовного-правового запрета // Материалы советско-западногерманского симпозиума по криминологии, уголовному праву и процессу (8–10 октября 1987 г.). Киев, 1990. С. 6.
33. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 2001. 767 с.
34. Основания уголовного-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 303 с.
35. Гальперин И. М. Уголовная политика и уголовное законодательство // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 53–55.
36. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 62–63.
37. Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 12.
38. Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации. Саратов, 2017. 331 с.
39. Шарипов А. М. Уголовно-правовая оценка уничтожения и повреждения чужого имущества. Владимир, 2005.
40. Агузаров Т. К., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана власти (XI — начало XX в.): исторические очерки. М., 2011.
41. Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке: историко-правовые очерки. М., 2015.
42. Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность). М., 2016.
43. Агузаров Т. К., Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Охрана власти в уголовном праве России (de lege lata и de lege ferenda). М., 2016.
44. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 29 с.
45. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.
46. Маркунцов С. А. Теория уголовного-правового запрета: монография. М.: Юриспруденция, 2015. 560 с.
47. Пудовочкин Е. Ю. Учение об основах уголовного права: лекция. М., 2012. 240 с.
48. Авдалян М. Э. Основания криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
49. Князькина А. К. Конвенционные преступления в уголовном праве России: понятие, виды, общая характеристика. М., 2010.
50. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006.
51. Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М., 2005.
52. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. 276 с.
53. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000.
54. Дегтерев А. А. Нарушение условий легитимности государственной власти: уголовно-правовая характеристика. Астрахань, 2018. 128 с.

55. Курс уголовного права: В 5 т. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999.
56. Недотко Ю. В. Тенденции российской уголовно-правовой политики постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 25 с.

References

1. Khlebushkin A. G. Ugolovno-pravovaya politika Rossiiskoi Federatsii v sfere okhrany osnov konstitutsionnogo stroya: dis. ... d-ra jurid. Nauk [Criminal law policy of the Russian Federation in the sphere of protection of the foundations of the constitutional system]. Sankt Petersburg, 2016. 480 p. (In Russian)
2. Aguzarov T. K., Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. Okhrana vlasti v ugolovnom prave Rossii (de lege lata i de lege ferenda) [Protection of power in the criminal law of Russia (de lege lata and de lege ferenda)]. Moscow, 2016. 126 p. (In Russian)
3. Grishanin P. F. Sotsial'naya obuslovlennost' ugolovno-pravovykh norm [Social conditionality of criminal law norms]. Moscow, 1978. 30 p. (In Russian)
4. Groshev A. V. Pravosoznanie v sisteme osnovanii kriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deyanii [Awareness in the system of grounds for criminalization of socially dangerous acts]. Rossiiskii yuridicheskii zhurnal [Russian legal journal], 1997, no. 1, pp. 122–132. (In Russian)
5. Kudryaevtsev V. N. Nauchnye predposylki kriminalizatsii [The scientific background of the criminalization] In Kriminologiya i ugolovnaya politika [Criminology and criminal policy]. Moscow, 1985. Pp. 105–108. (In Russian)
6. Dageľ P. S., Zlobin G. A., Kelina S. G., Kriger G. L. and others Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya [The Foundation of the criminal legal prohibition. Criminalization and decriminalization]. Ed. V. N. Kudryaevtsev, A. M. Yakovlev. Moscow, Nauka Publ., 1982. 303 p. (In Russian)
7. Tobolkin P. S. Sotsial'naya obuslovlennost' ugolovno-pravovykh norm [Social conditionality of criminal law norms]. Sverdlovsk, 1983. 176 p. (In Russian)
8. Dageľ P. S. Usloviya ustanovleniya ugolovnoi nakazuemosti [Conditions for establishing criminal punishability]. Pravovedenie [Jurisprudence], 1975, no. 4, pp. 67–74. (In Russian)
9. Fefelov P. A. Kriterii ustanovleniya ugolovnoi nakazuemosti deyanii [Criteria for establishing criminal punishability of acts]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law], 1970, no. 11, pp. 101–105. (In Russian)
10. Kurlyandskii V. I. Ugolovnaya politika: differentsiatsiya i individualizatsiya ugolovnoi otvetstvennosti [Criminal policy: differentiation and individualization of criminal responsibility]. In Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu [Main directions of the fight against crime]. Moscow, 1975. Pp. 77–95. (In Russian)
11. Kondratov P. E. O predelakh ugolovno-pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii [On the limits of criminal law regulation of public relations]. In Problemy ugolovnoi politiki: sovetskii i zarubezhnyi opyt [Problems of criminal policy: Soviet and foreign experience]. Krasnoyarsk, 1989. (In Russian)
12. Khavronyuk N. I. Povody, prichiny, usloviya i sposoby kriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deyanii [Reasons, reasons, conditions and methods of criminalization of socially dangerous acts]. In Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi konferentsii 29–30 yanvarya 2004 g. [Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the International scientific and practical conference 29–30 January 2004]. Moscow, 2004. Pp. 447–453. (In Russian)
13. Kogan V. M. Sotsial'nyi mekhanizm ugolovno-pravovogo vozdeistviya [Social mechanism of criminal-legal influence]. Moscow, 1983. 183 p. (In Russian)
14. Lopashenko N. A. Ugolovnaya politika [Criminal policy]. Moscow, 2009. 579 p. (In Russian)
15. Pudovochkin Yu. E. Ob eticheskikh osnovakh ugolovno-pravovogo zapreta [On the ethical foundations of criminal law prohibition]. Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Library of criminalist. Scientific journal], 2012, no. 3 (4), pp. 90–97. (In Russian)
16. Markuntsov S. A. Teoriya ugolovno-pravovogo zapreta [Theory of criminal law prohibition]. Moscow, 2015. 560 p. (In Russian)
17. Kerimov D. A. Zakonodatel'naya tekhnika [Legislative technique]. Moscow, 1998. 127 p. (In Russian)
18. Shchepel'kov V. F. O logicheskom osnovanii ugolovno-pravovykh norm [About the logical basis of criminal law]. In Ugolovnoe zakonodatel'stvo: istoriya i sovremennye problem [Criminal law: history and modern problems]. Volgograd, 1998. (In Russian)

19. Filosofskii slovar' [Philosophical dictionary]. Ed. I. T. Frolov. Moscow, 1986. (In Russian)
20. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Kriminologiya. Obshchaya chast' [Criminology. Common part]. Krasnoyarsk, 1997. (In Russian)
21. Bibik O. N. Istochniki ugovnogo prava Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. jurid. Nauk [Sources of criminal law of the Russian Federation]. Omsk, 2004. (In Russian)
22. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka []. Moscow, 1995. (In Russian)
23. Plaksina T. A. Osnovaniya ugovno-pravovykh norm, ugovno-pravovogo zapreta, kriminalizatsii: ponyatie i sootnoshenie [Bases of criminal law norms, criminal law prohibition, criminalization: concept and correlation]. Gosudarstvo i pravo [State and law], 2006, no. 5. (In Russian)
24. Bessonova I. V. Narushenie pravil okhrany truda (problemy istorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki) [Violation of labor protection rules (problems of history, legislative regulation and practice)]. Orenburg, 2002. (In Russian)
25. Kogan V. M. Sotsial'nyi mekhanizm ugovno-pravovogo vozdeistviya [Social mechanism of criminal-legal influence]. Moscow, Nauka publ. 1983. 283 p. (In Russian)
26. Korobeev A. I. Kriminalizatsiya i penalizatsiya deyanii kak osnovnoe sodержanie ugovno-pravovoi politiki [Criminalization and penalization of acts as the main content of criminal law policy]. In Voprosy sovershenstvovaniya ugovno-pravovogo regulirovaniya [Questions of improvement of criminal law regulation]. Sverdlovsk, 1988. (In Russian)
27. Zlobin G. A., Kelina S. G. Nekotorye teoreticheskie voprosy kriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deyanii [Some theoretical questions of criminalization of socially dangerous acts.]. In Problemy pravosudiya i ugovnogo prava [Problems of justice and criminal law]. Moscow, 1978. Pp. 108–109. (In Russian)
28. Kogan V. M. Izuchenie effektivnosti ugovno-pravovykh norm: aspekty i urovni analiza [Studying the effectiveness of criminal law norms: aspects and levels of analysis]. In Problemy pravosudiya i ugovnogo prava [Problems of justice and criminal law]. Moscow, 1978. Pp. 119–130. (In Russian)
29. Kudryavtsev V. N. Kriminalizatsiya: optimal'nye modeli [Criminalization: optimal models]. In Ugolovnoe pravo v bor'be s prestupnost'yu [Criminal law in the fight against crime]. Moscow, 1981. Pp. 3–6. (In Russian)
30. Kuznetsova N. F., Zlobin G. A. Sotsial'naya obuslovlennost' ugovnogo zakona i nauchnoe obespechenie zakonotvorchestva [Social conditionality of criminal law and scientific support of lawmaking]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law], 1976, no. 8, p. 76. (In Russian)
31. Korobeev A. I. Sovetskaya ugovno-pravovaya politika: problemy kriminalizatsii i penalizatsii [Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization]. Vladivostok, 1987. 268 p. (In Russian)
32. Kelina S. G. Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta [Bases of criminal law prohibition]. In Materialy sovetsko-zapadnogermanskogo simpoziuma po kriminologii, ugovnomu pravu i protsessu (8–10 oktyabrya 1987 g.) [Materials of the Soviet-West German Symposium on criminology, criminal law and procedure (October 8–10, 1987)]. Kiev, 1990. (In Russian)
33. Borodin S. V., Kelina S. G., Kriger G. L., Kudryavtsev V. N. and others. Kurs rossiiskogo ugovnogo prava. Obshchaya chast' [Course of Russian criminal law. General part]. Eds. V. N. Kudryavtsev, A. V. Naumov. Moscow, Spark Publ., 2001. 767 p. (In Russian)
34. Dageľ P. S., Zlobin G. A., Kelina S. G., Kriger G. L. and others. Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya [The Foundation of the criminal legal prohibition. Criminalization and decriminalization]. Ed. V. N. Kudryavtsev, A. M. Yakovlev. Moscow, Nauka Publ., 1982. 303 p. (In Russian)
35. Gal'perin I. M. Ugolovnaya politika i ugolovnoe zakonodatel'stvo [Criminal policy and criminal legislation]. In Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu [Main directions of the fight against crime]. Moscow, 1975. Pp. 53–55. (In Russian)
36. Filimonov V. D. Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava [Criminological bases of criminal law]. Tomsk, 1981. (In Russian)
37. Nechaev A. D. Kontseptual'nye osnovy i teoreticheskoe modelirovanie kriminalizatsii i dekriminalizatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Conceptual foundations and theoretical modeling of criminalization and decriminalization]. Saratov, 2017. (In Russian)
38. Nechaev A. D. Kontseptual'nye osnovy i teoreticheskoe modelirovanie kriminalizatsii i dekriminalizatsii [Conceptual foundations and theoretical modeling of criminalization and decriminalization]. Saratov, 2017. 183 p. (In Russian)
39. Sharipov A. M. Ugolovno-pravovaya otsenka unichtozheniya i povrezhdeniya chuzhogo imushchestva [Criminal and legal assessment of the destruction and damage of another's property]. Vladimir, 2005. (In Russian)

40. Aguzarov T. K., Chuchaev A. I. Ugolovno-pravovaya okhrana vlasti (XI — nachalo XX v.): istoricheskie ocherki [Criminal-legal protection of power (XI-beginning of XX century): historical essays]. Moscow, 2011. (In Russian)
41. Aguzarov T. K., Gracheva Yu.V., Chuchaev A. I. Gosudarstvennye prestupleniya v ugolovnom prave Rossii v XX veke: istoriko-pravovye ocherki [State crimes in the criminal law of Russia in the XX century: historical and legal essays.]. Moscow, 2015. (In Russian)
42. Aguzarov T. K., Gracheva Yu.V., Chuchaev A. I. Ugolovno-pravovye problemy okhrany vlasti (istoriya i sovremennost') [Criminal-legal problems of protection of power (history and modernity)]. Moscow, 2016. (In Russian)
43. Aguzarov T. K., Gracheva Yu.V., Chuchaev A. I. Okhrana vlasti v ugolovnom prave Rossii (de lege lata i de lege ferenda) [Protection of power in the criminal law of Russia (de lege lata and de lege ferenda)]. Moscow, 2016. (In Russian)
44. Antonov A. D. Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Theoretical foundations of criminalization and decriminalization]. Moscow, 2001. 29 p. (In Russian)
45. Filimonov V. D. Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava [Criminological bases of criminal law]. Ed. A. L. Remenson. Tomsk, Izd-vo of Tomsk University Publ., 1981. 213 p. (In Russian)
46. Markuntsov S. A. Teoriya ugolovno-pravovogo zapreta: Monografiya [Theory of criminal law prohibition: Monograph]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2015. 560 p. (In Russian)
47. Pudovochkin E. Yu. Uchenie ob osnovakh ugolovnogo prava: leksiya [The Doctrine of principles of criminal law: a lecture.]. Moscow, 2012. 240 p. (In Russian)
48. Avdalyan M. E. Osnovaniya kriminalizatsii i kriminoobrazuyushchie priznaki narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Bases of criminalization and criminalizing signs of violation of traffic rules and operation of vehicles]. Moscow, 2016. (In Russian)
49. Knyaz'kina A. K. Konvencionnye prestupleniya v ugolovnom prave Rossii: ponyatie, vidy, obshchaya kharakteristika [Conventional crimes in the criminal law of Russia: concept, types, general characteristics]. Moscow, 2010. (In Russian)
50. Plaksina T. A. Sotsial'nye osnovaniya kvalifitsiruyushchikh ubiistvo obstoyatel'stv i ikh yuridicheskoe vyrazhenie v priznakakh sostava prestupleniya [Social bases of the circumstances qualifying murder and their legal expression in signs of structure of a crime]. Barnaul, 2006. (In Russian)
51. Kondratyuk L. V., Ovchinskii V. S. Kriminologicheskoe izmerenie [Criminological dimension]. Moscow, 2005. (In Russian)
52. Ugolovnyi zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya [Criminal law. Experience of theoretical modelling]. Moscow, 1987. 276 p. (In Russian)
53. Lesnievski-Kostareva T. A. Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika [Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice]. Moscow, 2000. S. 57. (In Russian)
54. Degtarev A. A. Narushenie uslovii legitimnosti gosudarstvennoi vlasti: ugolovno-pravovaya kharakteristika [Violation of conditions of legitimacy of the state power: criminal-legal characteristic]. Astrakhan', 2018. 128 s. (In Russian)
55. Kurs ugolovnogo prava: V 5 t. T. 1: Uchenie o prestuplenii [Course of criminal law: In 5 vols. 1. The Doctrine of crime]. Ed. N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow, 1999. (In Russian)
56. Nedotko Yu.V. Tendentsii rossiiskoi ugolovno-pravovoi politiki postsovetskogo perioda: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Trends in Russian criminal law policy of the post-Soviet period]. Chelyabinsk, 2005. 25 p. (In Russian)

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТРАЖЕНИЯ БЕНЕФИЦИАРНЫХ СВЯЗЕЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Жилкин Максим Геннадьевич

***Цель:** провести логико-правовой анализ понятий обозначающих субъектов бенефициарных связей в российском законодательстве, предложить пути решения юридико-технических проблем их использования при уголовно-правовом регулировании общественных отношений.*

***Методология:** диалектический метод, формально-логический метод, методы анализа, синтеза.*

***Выводы.** В федеральном законодательстве, подзаконных и судебных актах для обозначения лиц, получающих материальные выгоды, путем осуществления контроля над своим имуществом через третьих лиц используются такие понятия, как «бенефициар», «бенефициарный владелец», «выгодоприобретатель», «контролирующее лицо», «контролирующее должника лицо». При этом понятие «бенефициар» не определено в действующем законодательстве, в то время как понятия «бенефициарный владелец», «выгодоприобретатель», «контролирующее лицо», «контролирующее должника лицо» имеют легальные определения. В тексте законов, подзаконных нормативно-правовых актов, судебных решений эти понятия используются чаще всего как тождественные, но иногда в них вкладывается разный смысл. В одних случаях он имеет позитивную, в других — негативную окраску. Полагаем, что использование разных терминов или наполнение одного термина разными смыслами при характеристике содержания бенефициарных связей нарушает принцип терминологического единообразия в законотворчестве и правоприменении. По нашему мнению, для придания системного вида действующему законодательству следует унифицировать понятийный аппарат в исследуемой области и упорядочить использование вышеуказанных терминов, при необходимости четко отделив их друг от друга. Например, в области уголовного права для обозначения субъектов бенефициарных связей более правильным будет использовать термин «скрытый бенефициарный владелец».*

***Научная и практическая значимость.** Проведенный анализ показал несовершенство юридико-технического оформления действующего законодательства в области регулирования «бенефициарных» отношений. Выявлены терминологические несоответствия в описании одних и тех же субъектов этих отношений в различных отраслях права и отсутствие единообразия их использования при правоприменении. Представленные предложения могут быть использованы для совершенствования языка закона в исследуемой сфере.*

***Ключевые слова:** бенефициар, бенефициарный владелец, выгодоприобретатель, контролирующее лицо, криминальное банкротство, юридическая техника.*

Впервые проблема выявления бенефициарных связей была остро поставлена в 2011 г. после теракта в московском аэропорту «Домодедово», когда власти несколько лет безуспешно пытались раскрыть конечного бенефициара этого предприятия, что потребовало вмешательства высших должностных лиц государства. В последующем,

понятие «бенефициар», стало активно использоваться при освящении резонансных дел о криминальных банкротствах.

Бенефициар, выступая по сути «теневым» владельцем и руководителем бизнеса, имеет возможность скрытно совершать противоправные действия, направленные на извлечение максимальной

прибыли путем совершения хищений (*дело № А41-51561/2013 о несостоятельности (банкротстве) открытого акционерного общества «Акционерный банк «Пушкино»*), уклонения от уплаты налогов либо напротив, неосновательного получения налоговых выгод (*дело № А40-89736/2013 о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Санрайз Тур»*), вывода средств предприятия путем его искусственного банкротства (*дело № А60-1260/2009 о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «УралСнабКомплект»*, *дело о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Еврогранит» № А40-108539/2011*).

Такая деятельность способна причинить значительный ущерб деловым партнерам, контрагентам, кредиторам, государству, несет убытки собственным предприятиям, где трудятся наемные работники их семьям и целым социально-экономическим комплексам. Так, например, по резонансному делу о банкротстве Межпромбанка суд признал его фактического владельца С. В. Пугачева ответственным за возмещение ущерба в размере более 75 млрд руб. (*Определение АС г. Москвы от 30 апреля 2015 г. № А40 119763/2010*).

В последующем полученные незаконным путем денежные средства, как правило, выводятся в иностранные юрисдикции, легализуются и могут быть направлены, в том числе на финансирование терроризма, поддержку деструктивных социальных групп экстремистского толка и другой общественно-опасной деятельности. Особая опасность заключается в том, что бенефициарами могут выступать и должностные лица органов государственной власти, которым официально запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, и они, используя родственные, дружеские или иные доверительные отношения, фактически осуществляют контроль над имуществом или предприятиями, юридически им не принадлежащим.

В связи с частым упоминанием в средствах массовой информации указаний на бенефициарные связи предпринимателей и представителей власти в негативном контексте (*П. Хлюстов. Банкротство по-русски: чем рискуют бенефициары // URL: <https://www.kommersant.ru/articles/bankrotstvo-po-russki-chem-riskuyut-benefitsiary> (дата обращения: 10.11.2019)*), в социуме сложилось устойчивое представление о том, что бенефициар — это лицо, являющееся скрытым владельцем предприятий (организаций), чья деятельность связана с различными правонарушениями и влечет негативные последствия для граждан, общества и государства,

но при этом, в силу своей конспиративности привлекающее гигантские прибыли и недостижимое для правоохранительных органов и правосудия.

Подробно примеры схем преступной деятельности бенефициаров и их раскрытия в рамках предварительного расследования и суда описаны в юридической литературе [2, 3, 7], что, однако не снимает вопросов, связанных нормативно-правовым регулированием деятельности таких субъектов и перспективах привлечения их к уголовной ответственности.

Как указал Верховный Суд РФ в своем определении от 15 февраля 2018 г. № 302-ЭС14-1472 (4,5,7) по делу № А33-1677/2013, бенефициар, являясь фактическим владельцем имущества, осуществляет финансовое обеспечение и (или) административный контроль экономической деятельности третьего лица (номинального владельца имущества), но при этом не имеет формальных полномочий, скрывает свой истинный статус контролирующего лица от участников экономической деятельности и органов государственной власти. Его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

Однако в гражданском, налоговом и иных отраслевых законодательствах термин «бенефициар» используется в разных значениях, а в уголовном законодательстве он и вовсе отсутствует, что порождает вопросы, связанные с его определением.

Видный российский правовед Н. И. Полянский отмечал, что значение термина сродни значению самого закона. И термин, и закон пролагают границы, первый — границу понятиям, второй — границу полномочиям граждан и органов власти, приводящих закон в исполнение [6, с. 121].

Представляется, что с учетом активного использования родового понятия «бенефициар» для характеристики элементов соответствующих уголовно-правовых отношений, необходимо провести анализ его содержания с точки зрения действующего законодательства и судебной практики.

«Бенефициар» — слово, заимствованное из иностранных языков. В переводе с французского «benefice» означает прибыль или пользу. Используется в современном правовом тезаурусе для обозначения лица, извлекающего прибыль, доход и иные выгоды материального характера от передачи в доверительное управление своего имущества третьим лицам.

В части первой ГК РФ, само понятие «бенефициар» не раскрывается, а используется в нормах

о правоотношениях, связанных с предоставлением банковской гарантии (гл. 23, § 6, ГК), где бенефициар — это кредитор принципала, у которого есть (основная) задолженность перед бенефициаром. В таких правоотношениях бенефициар выступает юридически «прозрачным» субъектом, сведения о котором фиксируются в соответствующем договоре. Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд от 28 июня 2017 г. указал, что сама сущность этих отношений не предполагает скрытого характера поведения бенефициара, так как институт банковской гарантии направлен на обеспечение бенефициару возможности получить исполнение максимально быстро, не опасаясь возражений принципала-должника, в тех случаях, когда кредитор (бенефициар) полагает, что срок исполнения обязательства либо иные обстоятельства, на случай наступления которых выдано обеспечение, наступили. Кроме того, в ГК РФ термин «бенефициар» фигурирует в нормах об условном депонировании (гл. 47.1 ГК РФ) — новом гражданско-правовом институте, введенном в 2017 г. для обеспечения сохранности имущества путем его передачи эскроу-агенту (ст. 926.1 ГК РФ), либо открытия номинального счета (ст. 860.1 ГК РФ), счета эскроу (ст. 860.7 ГК РФ) или публично-депозитного счета (ст. 860.11 ГК РФ). Однако и здесь бенефициар — лицо открытое, так как этого требуют обязательственные отношения. Таким образом, ГК использует термин «бенефициар» для обозначения третьей стороны обязательственных отношений, в пользу которого другие субъекты этих отношений должны совершить действия имущественного характера. Эти отношения полностью транспарентны и сведения о бенефициаре фиксируются в соответствующих документах.

Термин «бенефициар» используется и в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918). В частности, в ст. 4.1 о деятельности форекс-дилера упоминаются бенефициары — физические лица, а в ст. 29.1. говорится, что представитель владельцев облигаций вправе «осуществлять полномочия залогодержателя, бенефициара или кредитора по поручительству в случае выпуска облигаций с обеспечением». Само понятие «бенефициар» в данном законе не разъяснено.

Налоговый кодекс Российской Федерации (далее — НК РФ) упоминает «бенефициаров» в ст. 11, подразумевая под этим пайщиков, дове-

рителей или иных лиц участников иностранной структуры без образования юридического лица (фонд, партнерство, товарищество, траст, иная форма осуществления коллективных инвестиций и (или) доверительного управления), чья деятельность направлена на извлечение дохода (прибыли) в их интересах. При этом в ст. 23 НК РФ обязывает указанные иностранные структуры без образования юридического лица, имеющих недвижимое имущество на праве собственности, признаваемое объектом налогообложения в соответствии со ст. 374 НК РФ сообщать в налоговый орган по местонахождению объекта недвижимого имущества сведения об участниках этой иностранной организации сведения о ее учредителях, бенефициарах и управляющих.

Таким образом, НК РФ рассматривает бенефициаров, как лиц, получающих доход от деятельности иностранной структуры без образования юридического лица, участвующих в этих структурах в качестве пайщиков, доверителей или иных лиц, но не являющихся их учредителям либо управляющими, сведения о которых должны быть раскрыты в соответствии с законом.

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ «О банкротстве») (СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190) использует термин «бенефициар» в нормах о признании должника банкротом по договору условного депонирования (эскроу) (ст. 131, 213.25 ФЗ «О банкротстве»), то есть так, как он понимается в ГК. В этом же значении данный термин используется в Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849) для целей ст. 72.1 об обращении взыскания на денежные средства, находящиеся на номинальном счете должника-бенефициара.

Между тем, помимо термина «бенефициар» ФЗ «О банкротстве» использует термин «бенефициарный владелец» (ст. 189.49) для обозначения контролирующего банк лица, информация о котором раскрывается банком в соответствии с порядком раскрытия банками информации о лицах, под контролем либо значительным влиянием которых находятся банки — участники системы обязательного страхования вкладов в банках Российской Федерации.

Таким образом, в соответствии с законодательством о банкротстве понятие «бенефициар» предполагает открытость субъекта экономических отношений в силу легальных обязательственных отношений, а понятие «бенефициарный владелец» подразумевает субъекта, информация о котором

не известна, но должна быть раскрыта в соответствии с законом.

Обязанность юридических лиц раскрывать информацию о своих бенефициарных владельцах установлена в Федеральном законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ) (*СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418*), где, сказано, что в соответствии с п. 1 ст. 6.1 юридическое лицо обязано располагать информацией о своих бенефициарных владельцах и принимать обоснованные и доступные в сложившихся обстоятельствах меры по установлению в отношении своих бенефициарных владельцев сведений, предусмотренных абзацем вторым пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона № 115-ФЗ. В ст. 3 этого закона дается понятие бенефициарного владельца, под которым понимается физическое лицо, которое, в конечном счете, прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) юридическим лицом либо имеет возможность контролировать его действия. Также предусмотрен статус бенефициарного владельца физического лица (по умолчанию являющегося тем же физическим лицом, если нет оснований считать по-другому).

В соответствии с п. 3.3 Положения о требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (*утв. Банком России 2 марта 2012 г. № 375-П*) кредитная организация принимает решение о признании физического лица бенефициарным владельцем при наличии у такого лица возможности контролировать действия клиента с учетом следующих факторов:

— физическое лицо прямо или косвенно (через третьих лиц, в том числе через юридическое лицо, нескольких юридических лиц либо группу связанных юридических лиц) имеет преобладающее участие (более 25%) в капитале клиента или владеет более 25% от общего числа акций клиента с правом голоса;

— физическое лицо имеет право (возможность), в том числе на основании договора с клиентом, оказывать прямое или косвенное (через третьих лиц, в том числе через юридическое лицо, нескольких юридических лиц либо группу связанных юридических лиц) существенное влияние на решения, принимаемые клиентом, использовать свои полномочия с целью оказания влияния

на величину дохода клиента, физическое лицо имеет возможность воздействовать на снимаемые клиентом решения об осуществлении сделок (в том числе, несущих кредитный риск (о выдаче кредитов, гарантий и т. д.), а также финансовых операций).

Как видно, определение бенефициара как косвенного владельца предполагает неопределенность в наличии информации о нем. Именно поэтому закон требует раскрытия этой информации от субъектов экономических отношений под угрозой наказания.

Так, за неисполнение юридическим лицом обязанностей по установлению, обновлению, хранению и представлению информации о своих бенефициарных владельцах либо о принятых мерах по установлению в отношении своих бенефициарных владельцев сведений, определенных законодательством Российской Федерации, по запросу уполномоченного органа или налоговых органов в ст. 14.25.1. КоАП РФ установлена административная ответственность. Кроме того в ст. 15.27 КоАП установлена ответственность за непредставление в уполномоченный орган по его запросу имеющейся у организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, информации об операциях клиентов и о бенефициарных владельцах клиентов либо информации о движении средств по счетам (вкладам) своих клиентов.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что термином «бенефициар» в исследованном законодательстве обозначается субъект экономических отношений, выступающий в качестве кредитора и рассчитывающий на основании закона и (или) договора получить выгоды имущественного характера, сведения о котором раскрыты в соответствующих документах и в их сокрытии он не заинтересован. Термин же «бенефициарный владелец» используется для обозначения физического лица, получающего доход в большей части опосредованно, путем установления контроля над юридическим лицом через владение части акций клиента, либо оказания влияния на подконтрольных лиц иным способом, как правило, воздействуя на них через третьих лиц.

К примеру, Федеральный закон от 1 июля 2018 г. № 175-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2001. № 1 (ч. I). Ст. 40*)

определяет бенефициарного владельца, как лицо, имеющее фактическую возможность определять действия застройщика, в том числе возможность давать указания лицу, осуществляющему функции единоличного исполнительного органа, или члену коллегиальных органов управления застройщика.

Однако нельзя сказать, что смежное законодательство всегда использует данные термины в строгом значении.

Так, в частности НК РФ, как мы выяснили выше, использует термин «бенефициар», по сути, в значении «бенефициарный владелец», но при этом использует еще один термин со схожим значением — «выгодоприобретатель» — лицо (структура без образования юридического лица), к выгоде которого действует клиент, в том числе на основании агентского договора, договора поручения, договора комиссии и договора доверительного управления (ст. 142.1 НК РФ). Аналогичное определение выгодоприобретателя дается в ст. 3 рассмотренного нами Федерального закона № 115-ФЗ. При этом в определении данного субъекта присутствует понятие клиента, под которым понимается в соответствии с этим же законом физическое или юридическое лицо, иностранная структура без образования юридического лица, находящиеся на обслуживании организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом. В ГК РФ термин «выгодоприобретатель» используется для обозначения лица, в пользу которого заключен договор имущественного страхования (ст. 929 ГК РФ), а также лицо, которое передает свое имущество по договору в доверительное управление через третье лицо (учредителя управления) (ст. 1012 ГК РФ).

Понятия «бенефициар», «бенефициарный владелец», «выгодоприобретатель» тесно связаны с понятием «номинальный владелец имущества» и «фактический владелец имущества», которые используются в текстах судебных решений. Эти понятия имеют легальную дефиницию, закрепленную в ст. 2 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3367), где сказано, что номинальный владелец имущества — это лицо, осуществляющее права собственника имущества в интересах и (или) по поручению физического лица на основании договора номинального владения имуществом, а фактический владелец имущества — это физическое лицо, в интересах и (или) по поручению которого номинальный владелец

имущества осуществляет права собственника этого имущества на основании договора номинального владения имуществом.

С другой стороны, в Федеральном законе от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940) прямо указано на то, что понятия «выгодоприобретатель» и «бенефициарный владелец» используются в значениях, указанных в ст. 3 Федерального закона № 115-ФЗ (ст. 2.1). Аналогичное указание содержится в Федеральном законе от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251).

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» указал, что применяя нормы закона об акционерных обществах (Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1)) необходимо исходить из того, что выгодоприобретателем в сделке признается не являющееся стороной в сделке лицо, которое в результате ее совершения может быть освобождено от обязанностей перед обществом или третьим лицом, либо получает права по данной сделке (в частности, выгодоприобретатель по договорам страхования, доверительного управления имуществом, бенефициар по банковской гарантии, третье лицо, в пользу которого заключен договор в соответствии со ст. 430 ГК РФ), либо иным образом извлекает имущественную выгоду, например получив статус участника опционной программы общества, либо является должником по обязательству, в обеспечение исполнения которого общество предоставляет поручительство либо имущество в залог (за исключением случаев, когда будет установлено, что договор поручительства или договор залога совершен обществом не в интересах должника или без его согласия).

Следует отметить, что в исследуемых нами понятиях «бенефициар», «бенефициарный владелец», «выгодоприобретатель» имеются много пересекающихся признаков, позволяющих предположить, что все-таки речь идет о терминах, использующихся примерно в одинаковых значениях.

Попробуем выделить эти общие черты.

Во-первых, речь идет о физических лицах — фактических владельцах имущества.

Во-вторых, эти лица добровольно передают свое имущество либо денежные средства под

управление других физических или юридических лиц (номинальных владельцев), рассчитывая на получение дохода или извлечения иной имущественной выгоды от их деятельности.

В-третьих, они, де-юре передавая право собственности номинальным владельцам, де-факто сохраняют контроль над принятием ключевых решений по управлению своим имуществом или денежными средствами, посредством прямого или косвенного участия в деятельности доверенных физических или юридических лиц.

В-четвертых, их влияние на деятельность номинальных владельцев осуществляется через третьих лиц, поэтому субъекты, непосредственно управляющие их имуществом или денежными средствами не располагают о фактических владельцах достаточной информацией, позволяющих их идентифицировать.

В-пятых, эти лица либо сами раскрывают о себе информацию, указывая ее в соответствующих договорах с заинтересованными сторонами, либо бремя их идентификации лежит на номинальных владельцах в соответствии с законом.

При этом понятие «выгодоприобретатель» используется исключительно в позитивном контексте, определяя лицо, наделенное правами и обязанностями в соответствии с законом и (или) договором, информация о котором зафиксирована в соответствующих документах; понятие «бенефициар» близко по смыслу к понятию «выгодоприобретатель», но в некоторых правоотношениях (например, налоговых), имеет негативную коннотацию, в силу того, что личность бенефициара изначально не раскрыта в соответствующих документах; понятие «бенефициарный владелец» применяется, как правило, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, для выявления так называемого «конечного бенефициара», информация о котором скрыта.

Также следует отметить, что в отдельных законодательных актах, актах правительства и текстах судебных решений в значении, схожим с понятием «бенефициар» применяется понятие «контролирующее лицо», которое разъяснено в ст. 45 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (*СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785*). В частности, контролирующими являются лица, имеющие более 50% голосов на общем собрании и (или) имеющие право назначать директора и (или) более половины членов совета директоров. Лицо может иметь указанное выше количество голосов или право непосредственно. Для этого ему необходимо быть

участником общества и (или) иметь право распоряжаться голосами на иных основаниях (например, на основании договора залога доли, по которому залогодержателю переданы права участника ООО). Кроме того, лицо может вообще не быть участником общества, но владеть юридическими лицами (иным образом контролировать их деятельность), которые, в свою очередь, являются участниками общества.

В ст. 61.10 ГК РФ говорится о контролирующем должника лице, которое извлекло выгоду из незаконного, в том числе недобросовестного, поведения руководителя должника. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» привел примеры таких субъектов: «...контролирующим должника является третье лицо, которое получило существенный актив должника (в том числе по цепочке последовательных сделок), выбывший из владения последнего по сделке, совершенной руководителем должника в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов (например, на заведомо невыгодных для должника условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (“фирмой-однодневкой” и т. п.) либо с использованием документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции, и т. д.) ... является контролирующим выгодоприобретателем, извлекающим существенные преимущества из такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение (в том числе посредством недостоверного документооборота), совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности лицами, объединенными общим интересом (например, единым производственным и (или) сбытовым циклом), в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулярованием на стороне должника основной долговой нагрузки».

В основном понятие «контролирующее должника лицо» отождествляется с понятием «бенефициар». Так, например, В. А. Канашевский исследуя вопросы субсидиарной ответственности бенефициарных собственников офшорных компаний и трастов, рассматривает их в свете положений российского законодательства о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц [4, с. 50–57]. Хотя отметим, что в вышеприведенном извлечении из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 для определения контролирующего должника лица

понятие «бенефициар» не применяется, а используется понятие «выгодоприобретатель».

Таким образом, в федеральном законодательстве и судебных актах для обозначения лиц, получающих материальные выгоды путем осуществления контроля над своим имуществом через третьих лиц, используются такие понятия как «бенефициар», «бенефициарный владелец», «выгодоприобретатель», «контролирующее лицо», «контролирующее должника лицо». При этом понятие «бенефициар» не определено в действующем законодательстве, в то время как понятия «бенефициарный владелец», «выгодоприобретатель», «контролирующее лицо», «контролирующее должника лицо» имеют легальные определения. Указанные понятия характеризуются общими признаками, но при этом имеют и существенные различия. В тексте законов, подзаконных нормативных правовых актов, судебных решений эти понятия используются чаще всего как тождественные, но иногда в них вкладывается разный смысл.

Видный советский ученый теоретик права И. Л. Брауде, чьи научные разработки по юридической технике заложили традицию исследования данной проблемы как самостоятельного научного направления, полагал, что недопустимо применение того же термина к разным по содержанию понятиям, а придание одному термину нескольких значений может вызвать неясность, разногласия, споры. По его мнению, нецелесообразно и применение разных терминов к одному и тому же понятию [1, с. 105]. Известный советский и российский специалист в области юридической техники и методологии правотворчества Д. А. Керимов, указывая на исключительно важное значение терминов в культуре и технике законодательства, писал: «Для

достижения точности законодательного текста необходимо пользоваться только терминами, имеющими строго определенное значение. Эти термины должны максимально точно и полно выражать содержание закона, не оставляя сомнений относительно вложенного в него смысла» [5, с. 101]. Также уместно вспомнить слова выдающегося отечественного криминалиста М. Д. Шаргородского, который говорил, что «один и тот же термин в законодательстве, где бы он ни встречался, имеет то же самое значение» [8, с. 161].

Представляется, что использование разных терминов или наполнение одного термина разными смыслами при характеристике содержания бенефициарных связей нарушает принцип терминологического однообразия в законотворчестве и правоприменении.

По нашему мнению, для придания системного вида действующему законодательству следует унифицировать понятийный аппарат в исследуемой области и упорядочить использование вышеуказанных терминов, при необходимости четко отделив, их друг друга. Например, в области уголовного права для обозначения субъектов бенефициарных связей более правильным будет использовать термин «скрытый бенефициарный владелец». Содержательное наполнение этого понятия в нормативно-правовых и правоприменительных актах соответствующей сферы регулирования общественных отношений подчеркивает негативные качества субъекта — фактического владельца организации (предприятия), который организует различные криминальные схемы собственного обогащения, оставаясь при этом «в тени» номинальных управляющих или фиктивных собственников.

Литература

1. Брауде И. Л. Избранное: очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. 160 с.
2. Долотов Р. О. Уголовная ответственность акционеров/участников хозяйственных обществ за хищение имущества своих компаний // Уголовное право. 2017. № 1. С. 60–66.
3. Есаков Г. А. Бенефициарные связи и уголовная ответственность // Уголовное право. 2016. № 4. С. 29–35.
4. Канашевский В. А. О субсидиарной ответственности бенефициаров офшорных компаний и трастов // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 50–57.
5. Керимов Д. А. Культура и техника законодательства. М., 1991. 160 с.
6. Полянский Н. И. О терминологии советского закона // Проблемы социалистического права. М., 1938. Сб. 5. С. 120–131.
7. Сычев П. Г. Проблемы транспарентности российской экономики и их отражение в уголовном судопроизводстве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 12. С. 64–75.
8. Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М., 1948. 311 с.

References (transliterated)

1. Braude I. L. Izbrannoe: Ocherki zakonodatel'noj tekhniki. Nekotorye voprosy sistemy sovetskogo prava [Essays of legislative technique. Some issues of the Soviet law system]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii Publ., 2010. 160 p. (In Russian)
2. Dolotov R. O. Ugolovnaya otvetstvennost' akcionerov/uchastnikov hozyajstvennyh obshchestv za hishchenie imushchestva svoih kompanij [Criminal liability of shareholders/participants of economic companies for theft of property of their companies]. Ugolovnoe pravo [Criminal law], 2017, no. 1, pp. 60–66 (In Russian, abstract in English).
3. Esakov G. A. Beneficiarnye svyazi i ugolovnaya otvetstvennost' [Beneficial ties and criminal responsibility]. Ugolovnoe pravo [Criminal law], 2016, no. 4, pp. 29–35 (In Russian, abstract in English).
4. Kanashevskij V. A. O subsidiarnoj otvetstvennosti beneficjarov ofshornyh kompanij i trustov [On subsidiary liability of beneficiaries of offshore companies and trusts]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law], 2019, no. 6, pp. 50–57 (In Russian, abstract in English).
5. Kerimov D. A. Kul'tura i tekhnika zakonotvorchestva [Law-making culture and technology]. Moscow, 1991. 160 p. (In Russian).
6. Polyanskij N. I. O terminologii sovetskogo zakona [On the Terminology of Soviet Law]. Problemy socialisticheskogo prava [Problems of Socialist Law]. Moscow, 1938, Sb. 5. Pp 120–131. (In Russian).
7. Sychev P. G. Problemy transparentnosti rossijskoj ekonomiki i ih otrazhenie v ugolovnom sudoproizvodstve [Problems of transparency of the Russian economy and their reflection in criminal proceedings]. Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii [Property Relations in the Russian Federation], 2013, no. 12, pp. 64–75 (In Russian, abstract in English).
8. Shargorodskij M. D. Ugolovnyj zakon [Criminal law]. Moscow, 1948. 311 p. (In Russian).

К ВОПРОСУ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ

Журавлева Галина Васильевна
Хакимова Эльмира Робертовна

***Цель.** Проанализировать отдельные проблемы квалификации должностных преступлений, сложившиеся в практике применения уголовного закона Российской Федерации. Обосновать рекомендации по уголовно-правовой оценке совершения деяний должностными лицами, понятие которых дано в примечании к ст. 285 УК РФ с учетом судебного толкования.*

***Методология.** Диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Уголовное законодательство Российской Федерации, предусматривающее ответственность за должностные преступления, призвано улучшать и обеспечивать законное функционирование деятельности государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Злоупотребление должностными полномочиями — состав должностных преступлений, относящийся к числу наиболее сложных деяний, с рядом оценочных признаков и элементами состава, не нашедшими единообразного толкования ни среди ученых, ни в правоприменительной деятельности. Имеющееся разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» также не ответило на спорные вопросы толкования норм, на наш взгляд, принципиально важных для единообразного понимания признаков составов должностных преступлений, проблемные вопросы толкования норм, с которыми постоянно сталкивается правоприменитель при квалификации указанной категории уголовных дел.*

1. Действующее уголовное законодательство под злоупотреблением должностными полномочиями понимает использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Состав преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 285 УК РФ, относится по конструкции объективной стороны к материальным составам, т. е. момент его окончания наступает в момент причинения охраняемым интересам существенного вреда, однако при отсутствии указанных в законе последствий квалификация в качестве покушения невозможна, так как данное деяние относится к составам с реальным причинением вреда.

2. Злоупотребление должностными полномочиями — состав должностных преступлений, относящийся к числу наиболее сложных деяний, с рядом оценочных признаков и элементами состава, не нашедшими единообразного толкования ни среди ученых, ни в правоприменительной деятельности. Имеющееся разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» также не ответило на спорные вопросы толкования норм, на наш взгляд, принципиально важных для единообразного понимания признаков составов должностных преступлений, проблемные вопросы толкования норм, с которыми постоянно сталкивается правоприменитель при квалификации указанной категории уголовных дел.

Научная и практическая значимость. *Значимость научной статьи заключается в анализе проблем квалификации отдельных должностных преступлений и обосновании рекомендаций по преодолению выявленных проблем.*

Ключевые слова: *УК РФ, квалификация должностных преступлений, злоупотребление должностными полномочиями.*

Уголовное законодательство Российской Федерации, предусматривающее ответственность за должностные преступления, призвано улучшать и обеспечивать законное функционирование деятельности государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Злоупотребление должностными полномочиями — состав должностных преступлений, относящийся к числу наиболее сложных деяний, с рядом оценочных признаков и элементами состава, не нашедшими единообразного толкования ни среди ученых, ни в правоприменительной деятельности. Имеющееся разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» также не ответило на спорные вопросы толкования норм, на наш взгляд, принципиально важных для единообразного понимания признаков составов должностных преступлений, проблемные вопросы толкования норм, с которыми постоянно сталкивается правоприменитель при квалификации указанной категории уголовных дел.

Рассмотрим некоторые проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями. Действующее уголовное законодательство под злоупотреблением должностными полномочиями понимает использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Первый признак, характеризующий объективную сторону состава, это само деяние — «использование служебных полномочий». Не совсем ясно, что понимается под использованием служебных полномочий, это должно быть только действие или путем бездействия также можно совершить указанное преступление. Этимологически «использовать» — означает действие — употреблять что-либо для какого-либо дела, пользоваться чем-либо в своих интересах, извлекать выгоду из чего-либо [1, с. 132].

Но ответственность за умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей наступает и если лицо из корыстной или иной личной заинтересованности бездействовало, что объективно противоречило целям и задачам, для достижения которых оно было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства [2].

Так, например, должностное лицо исправительного учреждения не изымает из пользования осужденными мобильные телефоны, не применяет установленные законом меры ответственности, совершая это из корыстной или иной личной заинтересованности.

Расследуя дела о преступлениях данной категории, необходимо выяснять, какими пунктами, частями и статьями нормативных правовых актов, иных документов установлены права и обязанности должностного лица, в чем состояло нарушение. В частности, в нарушение п.п. 12.7, 12.11, 12.17, 12.33, 12.42 и 12.48 третьего раздела Регламента Е. В. Астахова не хранила государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, а также разгласила сведения, ставшие ей известными в связи с исполнением должностных обязанностей; не требовала от участников внешнеэкономической деятельности, юридических и физических лиц представления пояснений о причинах нарушения таможенного законодательства; не составляла определения об административных правонарушениях в случаях выявления фактов занижения таможенной стоимости, недоначисления таможенных платежей; не осуществляла проверку; не проводила проверку достоверности заявленной декларантом таможенной стоимости; не уведомляла начальника Красноярской таможни, органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к ней в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 16 ноября 2017 г. № 1-22/2017 (1-338/2016) // URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/545980.html>).

Большинство авторов относят состав ст. 285 УК РФ к материальным и считают оконченным

с момента существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [3, с. 112] Важно отметить, что злоупотребление должностными полномочиями, как и другие коррупционные преступления, обладает повышенной степенью латентности. Не совсем понятно, почему такое общественно опасное деяние окончено с момента наступления последствий. Наличие этого признака ограничивает возможность привлечения виновных к уголовной ответственности. Использование виновным своих полномочий вопреки интересам службы, не сопряженное с существенным нарушением прав при наличии преступного мотива, преступлением не является, и квалифицировать содеянное как покушение невозможно. Судебной практике не известны случаи привлечения виновных к уголовной ответственности за покушение на злоупотребление должностными полномочиями.

Поэтому представляется целесообразным ужесточить ответственность должностных лиц за злоупотребление должностными полномочиями, исключив последствие в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, и предусмотреть его в ч. 2 ст. 285 УК РФ. Это бы способствовало большему предупредительному воздействию на должностных лиц, вставших на преступный путь.

Также очевидные разногласия вызваны отсутствием единого использования терминологии в составе злоупотребления должностными полномочиями. В названии статьи присутствует термин «должностными» полномочиями, в самой диспозиции же — «служебные» полномочия. Мы считаем, что должностное положение следует рассматривать как разновидность служебного положения. Занимать должностное положение может только должностное лицо. В соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ должностным лицом признается лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. В примечании 4 к ст. 285 УК РФ четко указано, что государственные служащие и служащие местного самоуправления не могут относиться к числу

должностных лиц. Так, к должностным лицам не относятся и служащие коммерческих организаций (примечание к ст. 201 УК РФ), частных охранных и детективных служб (ст. 203 УК РФ). То есть, мы считаем, что любое должностное лицо занимает определенное служебное положение, но не любое лицо, занимающее служебное положение, является должностным.

Существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, как признак основного состава злоупотребления должностными полномочиями, необходимо отличать от тяжких последствий, предусмотренных в ч. 3 ст. 285 УК РФ. Тяжкие последствия — оценочный признак, который устанавливается с учетом конкретных обстоятельств дела. В научной литературе к их числу относят значительный материальный ущерб, например, причиненный путем неуплаты налогов и таможенных платежей, небоеготовность, снижение обороноспособности, укрывательство особо тяжкого преступления. К тяжким последствиям в соответствии с судебным и доктринальным толкованием могут быть отнесены возникшие в результате совершения преступления массовые беспорядки, дезорганизация работы государственного или муниципального органа или учреждения; причинение ущерба в особо крупных и крупных размерах, психическое заболевание потерпевшего; сокрытие крупных хищений, тяжких или особо тяжких преступлений [4, с. 599].

Наступление тяжких последствий — особо квалифицирующий признак злоупотребления должностными полномочиями. По ч. 1 ст. 285 УК РФ последствием выступает существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. То есть, при квалификации по ч. 3 ст. 285 УК РФ необходимо установить, что из-за неправомерных деяний должностного лица наступило существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, а затем наступили тяжкие последствия.

Мы согласны с Е. Быковой и С. Яшковым, которые разграничивают тяжкие последствия и существенный вред по признаку восполнимости или невосполнимости. Реализация прав потерпевшего на доступ к правосудию, защита своих прав, возмещение вреда, если они остаются у гражданина, то такие последствия необходимо признавать существенным нарушением прав и законных интересов, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права

и Конституцией Российской Федерации. Те же последствия, которые вряд ли можно признать восполнимыми (потеря работы, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу), необходимо признавать тяжкими [5, с. 33].

В то же время нам представляется спорной позиция законодателя, в соответствии с которой санкция за совершение деяния, указанного в ч. 1 ст. 285 УК РФ предусматривает наказания в виде штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо принудительные работы на срок до четырех лет, либо арест на срок от четырех до шести месяцев,

либо лишение свободы на срок до четырех лет. Полагаем, необходимо дополнить основной вид наказания по ч. 1 ст. 285 УК РФ — «лишение свободы» дополнительным видом — «лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», что только бы способствовало предотвращению коррупционных преступлений.

В статье нами были рассмотрены только некоторые проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями. Безусловно, методы преступной деятельности приобретают все более изощренные формы совершения преступлений, в том числе при злоупотреблении должностными полномочиями, что требует немедленного реагирования со стороны законодателя и правоприменителей.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык — Медиа, 2003. 2721 с.
2. Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // РГ. 2009. № 207. 30 окт.
3. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. 1133 с.
4. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов; отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М.: Норма; Инфра-М, 1998. 516 с.
5. Быкова Е., Яшков С. Тяжкие последствия ненасильственного превышения должностных полномочий сотрудниками органов внутренних дел // Уголовное право. 2017. № 1. С. 33–41.

References

1. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. V 4 t. Moscow, Russkii yazyk — media Publ., 2003. 2721 p. (In Russian)
2. Punkt 15 postanovlenij Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 16 oktjbrj 2009 no 19 «O sudebnoi praktike po delam o sloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyschenii dolzhnostnyh polnomochii [Paragraph 15 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of October 16, 2009 "On judicial practice in cases of abuse of power and abuse of power"] // Rossiyskaya Gazeta. no. 207. 30.10.2009. (In Russian)
3. Polnyi kurs ugovolnogo prava: v 5 tomach [The full course of criminal law: in 5 vols.] Ed. A. E. Korobeev, Sankt Petersburg.: Law center Press Publ., 2008. 1133 p. (In Russian)
4. Ugolovnoe pravo Rossii. Obschaj chast' [Criminal law. Common part.: Textbook for universities] Ed. I. Ya. Kozachenko, Z. A. Neznamova. Moscow: Norma; Infra-M Publ., 1998. 516 p. (In Russian)
5. Bykova E., Yashkov S. Tyazhkie posledstviy nenasilstvennogo prevysheniya dolzhnostnyh polnomochii sotrudnikami organov vnutrennih del [Grave consequences of nonviolent abuse of power by employees of internal Affairs bodies] Ugolovnoe parvo [Criminal law], 2017, no. 1, pp. 33–41. (In Russian)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ И ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Зайцев Олег Александрович

***Цель:** исследовать направления уголовной политики в области защиты экономических интересов и прав предпринимателей.*

***Методология:** анализ, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Необходима дальнейшая работа по формированию межотраслевого института, регулирующего порядок привлечения к уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности. Отмечается важность теоретического обоснования концепции государственной защиты прав и законных интересов предпринимателей. Следует разработать единый подход по комплексному применению норм материального и уголовного процессуального права в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Необходимо усилить прокурорский надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных предпринимателями. Нуждается в исследовании отечественный и зарубежный опыт относительно недопущения фактов возбуждения уголовных дел экономической направленности только на основе свидетельских показаний.*

***Научная и практическая значимость.** Изучение законодательного регулирования межотраслевого института, регулирующего порядок привлечения к уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности, позволяет решить ряд проблем, связанных с совершенствованием действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.*

***Ключевые слова:** уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, уголовная ответственность предпринимателей.*

В современной российской уголовной политике особенно просматривается гуманизация применения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных механизмов при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [1, с. 35–41].

В последние десять лет было принято немало федеральных законов, основным назначением которых является ограждение бизнеса от имеющихся угроз, минимизация рисков для зарубежных и отечественных инвесторов. В данном направлении достаточно интенсивно изменялось и дополнялось уголовное и уголовно-процессуальное законодательство [2, с. 86–91].

К примеру, неоднократно пересмотру были подвергнуты нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере экономической (предпринимательской) деятельности. В главе 22 УК РФ произошли существенные изменения, вызванные происходящими реформами в области новых экономических отношений [3, с. 283–284]. Тем не менее, в настоящее время отсутствует четко выраженная дифференциация между уголовно наказуемыми деяниями и правонарушениями в сфере гражданско-правовых отношений.

Уголовно-процессуальное законодательство также подверглось пересмотру. Особо изменился правовой режим применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершен-

ных предпринимателями (См.: *Федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*; *Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*; *Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*; *Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»* и др.). Так, законодатель закрепил прямой запрет на заключение под стражу вышеуказанных лиц, обвиняемых в совершении целого ряда преступлений. Значительному реформированию подверглись домашний арест и залог, которые предполагается использовать в качестве альтернативы заключению под стражу представителей бизнес-сообщества (См.: *Федеральный закон от 11 февраля 2013 г. № 7-ФЗ «О внесении изменения в статью 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*; *Федеральный закон от 4 июня 2014 г. № 141-ФЗ «О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*).

Создание в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве особых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных механизмов в отношении предпринимателей вызвало дискуссию на страницах юридической литературы. В частности, ряд ученых особо отмечает возникающее противоречие современной уголовной политики экономической преступности конституционному принципу равенства граждан перед законом и судом [4, с. 351], что увеличивает социальные различия и может негативно сказаться на экономической безопасности российского государства [5, с. 5–20].

Особо отмечается, что в условиях правовой нестабильности отношений между государством и бизнесом не может быть создан благоприятный климат для предпринимательства. Только при выстраивании современного правового государства, установлении верховенства закона и развитии подлинной демократии формируется благоприятная среда для противостояния экономической преступности [5, с. 5–20].

Следует обратить внимание на правовые позиции Конституционного Суда РФ, который в своих решениях признает исключительность и конституционность изъятия из общего процессуального

порядка избрания меры пресечения в отношении предпринимателей (См., напр.: *определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 250-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ибрагимов Гюльоглана Ханоглан оглы на нарушение его конституционных прав статьями 97 и 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*; *определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 28-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Муругова Евгения Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*).

Особое значение имеет постановление Пленума Верховного Суда России от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». Данный документ содержит положения, которые направлены на:

- исключение возможности использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимателей;

- ограждение от необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками.

В указанном постановлении Пленума содержатся разъяснения особенностей производства по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В частности, повышенное внимание уделено:

- процессуальному порядку рассмотрения сообщения о преступлении;

- процедуре возбуждения данной категории уголовных дел;

- судебному порядку рассмотрения жалоб;

- процедуре признания предметов и документов вещественными доказательствами;

- применению заключения под стражу в качестве меры пресечения;

- освобождению от уголовной ответственности и прекращению уголовного преследования;

- назначению судом наказания по делам рассматриваемой категории [6, 7, 8].

Другим документом в рассматриваемом направлении является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 33 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48

«О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». Верховный Суд призывает:

— повышать уровень требовательности к представляемым в суд ходатайствам о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

— оценивать мотивы, приведенные в ходатайствах о продлении срока содержания обвиняемых под стражей, учитывать правовую и фактическую сложность имеющихся материалов уголовного дела, общую продолжительность досудебного производства, эффективность действий должностных лиц по своевременности проведения ими процессуальных действий;

— внимательно изучать представленные заявителем материалов и тщательно проверять их доводы при разрешении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

Тем не менее, на страницах юридической литературы указывается необходимость дальнейшей работы по формированию межотраслевого института, регулирующего порядок привлечения к уголовной ответственности в сфере предпринимательской деятельности [9, с. 80–93]. Отмечается важность теоретического обоснования концепции государственной защиты прав и законных интере-

сов предпринимателей [10, с. 2–4]. Предлагается разработать единый подход по комплексному применению норм материального и уголовного процессуального права в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность [11, с. 61–66].

Следует усилить прокурорский надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных предпринимателями. В частности, проводить надзорную проверку в каждом случае длительного содержания под стражей таких лиц, обоснованности их привлечения к уголовной ответственности по прекращенным делам. Необходимо требовать судебного разбирательства уголовного дела, возбужденного в отношении предпринимателя, в обычном порядке в случае возникновения сомнений в доказанности обвинения, добровольности и осознанности заявления обвиняемым ходатайства о применении особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, предусмотренным главой 40 УПК РФ.

Нуждается в дальнейшем тщательном исследовании отечественный и зарубежный опыт, а также правовая доктрина относительно недопущения фактов возбуждения уголовных дел экономической направленности только на основе свидетельских показаний. Признать достаточность данных для принятия такого решения, кроме показаний свидетелей, наличие иных доказательств.

Литература

1. Зайцев О. А. Современные тенденции и проблемы реализации уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации // Конституционная реформа и модернизация общественного сознания: Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 2018. С. 35–41.
2. Рудич В. В. Проблемы расширения прав обвиняемого, к которому в ходе производства по уголовному делу о преступлении в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности применяются меры пресечения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 24. С. 86–91.
3. Кашепов В. П. Особенности правового регулирования уголовной ответственности и уголовного судопроизводства в сфере противодействия экономической преступности // Законность в экономической сфере как необходимый фактор благоприятного инвестиционного климата: материалы VI Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся (Москва, 25 октября 2011 г.). М.: ИД «Юриспруденция», 2012. С. 283–284.
4. Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2018. 416 с.
5. Александров А. С., Александрова И. А. Новая уголовная политика в сфере противодействия экономической и налоговой преступности: есть вопросы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. Выпуск № 1(6). 2013. № 1 (6). С. 5–20.
6. Шестак В. А. Современные особенности привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 24–27.

7. Баженов С. Состояние законности при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений, совершаемых предпринимателями // Право и экономика. 2017. № 8. С. 17–25.
8. Третьяк М. Постановление Пленума Верховного Суда о признаках преступлений против собственности в сфере предпринимательства // Законность. 2015. № 4. С. 28–32.
9. Александров А. С., Александрова И. А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 80–93.
10. Степин А. Б. Защита прав предпринимателей в системе российского законодательства // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 2–4.
11. Гришин А. В. Проблемные аспекты осуществления уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Юристь-Правоведь. 2017. № 3. С. 61–66.

References

1. Zaitsev O. A. *Sovremennye tendentsii i problemy realizatsii ugovolno-protsessual'noi politiki v Rossiiskoi Federatsii* [Modern tendencies and problems of implementation of criminal procedure policy in the Russian Federation]. In *Konstitutsionnaya reforma i modernizatsiya obshchestvennogo soznaniya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Constitutional reform and modernization of public consciousness: Materials of the international scientific and practical conference]. Almaty, 2018. Pp. 35–41. (In Russian)
2. Rudich V. V. *Problemy rasshireniya prav obvinyaemogo, k kotoromu v khode proizvodstva po ugovolnomu delu o prestuplenii v sfere predprinimatel'skoi i inoi ekonomicheskoi deyatel'nosti primenyayutsya mery presecheniya* [Problems of expansion of the rights of the accused to whom during production on criminal case about a crime in the sphere of business and other economic activity preventive measures are applied]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state University], 2017, no. 24, pp. 86–91. (In Russian, abstract In English)
3. Kashepov V. P. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya ugovolnoi otvetstvennosti i ugovolnogo sudoproizvodstva v sfere protivodeistviya ekonomicheskoi prestupnosti* [Features of legal regulation of criminal liability and criminal proceedings in the sphere of combating economic crime]. In *Zakonnost' v ekonomicheskoi sfere kak neobkhodimyi faktor blagopriyatnogo investitsionnogo klimata: materialy VI Ezhegodnykh nauchnykh chtenii pamyati professora S. N. Bratusya* (Moskva, 25 oktyabrya 2011 g.) [Legality in the economic sphere as a necessary factor of a favorable investment climate: materials of the VI Annual scientific readings in memory of Professor S. N. Bratusya (Moscow, October 25, 2011)], Moscow, ID «Yurisprudentsiya» Publ., 2012. Pp. 283–284. (In Russian)
4. Rudich V. V. *Organizatsionno-pravovoi mekhanizm primeneniya mer presecheniya v ugovolnom protsesse* [Organizational and legal mechanism of application of preventive measures in criminal proceedings]. Moscow, Izdatel'stvo «Yurlitinform» Publ., 2018. 416 p. (In Russian)
5. Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A. *Novaya ugovolnaya politika v sfere protivodeistviya ekonomicheskoi i nalogovoi prestupnosti: est' voprosy* [New criminal policy in the sphere of combating economic and tax crime: there are questions]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal* [Library of criminalists. Scientific Journal], 2013, no. 1 (6), pp. 5–20. (In Russian, abstract In English)
6. Shestak V. A. *Sovremennye osobennosti privlecheniya k ugovolnoi otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoi i inoi ekonomicheskoi deyatel'nosti* [Modern features of bringing to criminal responsibility for crimes in the sphere of business and economic activity]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian justice], 2017, no. 10, pp. 24–27. (In Russian, abstract In English)
7. Bazhenov S. *Sostoyanie zakonnosti pri vobuzhdenii ugovolnykh del i rassledovaniy prestuplenii, sovershaemykh predprinimatel'yami* [The state of legality in the initiation of criminal cases and investigation of crimes committed by entrepreneurs]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2017, no. 8, pp. 17–25. (In Russian, abstract In English)
8. Tret'yak M. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda o priznakakh prestuplenii protiv sobstvennosti v sfere predprinimatel'stva* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court on the signs of crimes against property in the sphere of entrepreneurship]. *Zakonnost'* [Legality], 2015, no. 4, pp. 28–32. (In Russian, abstract In English)
9. Aleksandrov A. S., Aleksandrova I. A. *Osobyi (chastno-publichnyi) organizatsionno-pravovoi mekhanizm primeneniya ugovolnogo zakona v sfere predprinimatel'skoi i inoi ekonomicheskoi deyatel'nosti* [Special

(private-public) organizational and legal mechanism of application of criminal law in the sphere of business and other economic activity]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian law], 2018, no. 2, pp. 80–93. (In Russian, abstract in English)

10. Stepin A. B. Zashchita prav predprinimatelei v sisteme rossiiskogo zakonodatel'stva [Protection of the rights of entrepreneurs in the system of Russian legislation]. Rossiiskaya yustitsiya [Russian justice], 2017, no. 2, pp. 2–4. (In Russian, abstract in English).

11. Grishin A. V. Problemnye aspekty osushchestvleniya ugovnogo presledovaniya za sovershenie prestuplenii v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti [Problematic aspects of criminal prosecution for crimes committed in the sphere of entrepreneurial activity]. Yurist-Pravoved [Lawyer], 2017, no. 3, pp. 61–66. (In Russian, abstract in English)

ОПАСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Кадников Николай Григорьевич

Цель. Проанализировать основания уголовной ответственности в исторически существующих школах уголовного права, в современном уголовном законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран. Рассмотреть содержание такого основания уголовной ответственности как опасное состояние личности, отраженное в ст. 210.1 УК РФ.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Изменения уголовного закона в Российской Федерации затронули многие институты уголовного права. Существенные дополнения коснулись проблемы противодействия организованной преступности. Действует обновленная редакция ст. 210 УК РФ, где по-новому представлены признаки преступного сообщества, участников и организаторов такой организации. Выделен специальный субъект преступления — лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. В 2019 г. УК РФ был дополнен нормой, в соответствии с которой уголовная ответственность установлена за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, т. е. преступным деянием объявлено лишь состояние личности, а не совершение деяния, что в определенной степени не соответствует положениям ст. 8 УК РФ, где закреплено, что основанием уголовной ответственности признается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом.

1. В УК РФ выделено основание уголовной ответственности, разработанное классической школой уголовного права. Речь идет о совершении вменяемым лицом, достигшим возраста уголовной ответственности, деяния в объективном мире (действия или бездействия), запрещенного уголовным законом и содержащего все признаки конкретного состава преступления.

Установление уголовной ответственности за опасное состояние личности (ст. 210¹ УК РФ) в современном уголовном законодательстве — существенная новелла, меняющая представление о том, за что наступает уголовная ответственность: за деяние или за опасность личности. История развития уголовного законодательства позволяет нам сделать вывод о том, что переход к социологической школе уголовного права в вопросе признания основанием уголовной ответственности опасного состояния личности влечет весьма негативные последствия для определения направлений уголовной политики и ее практического воплощения в жизнь. Можно вспомнить о казнях колдунов и ведьм в Средние века, о внесудебных расправах в Германии, СССР и других странах в 30–40 г. XX века, о жертвах культурной революции в Китае, Камбодже и др.

2. Зарубежное уголовное законодательство использует различные основания уголовной ответственности с преобладанием основания в виде объективно совершенного деяния, содержащего признаки того или иного состава преступления. Например, в 2006 г. УК Грузии был дополнен ст. 223¹, предусматривающей ответственность за членство в воровском сообществе (ч. 1 данной статьи, наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом или без такового) и пребывание лица в положении «вора в законе» (ч. 2, наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 10 лет со штрафом или без такового). В то же время статья 7. УК Грузии признает основанием уголовной ответственности преступление, т. е. предусмотренное уголовным законом противоправное и виновное деяние. Таким образом, действуют положения социологической и классической школ уголовного права.

По закону RICO в США привлекают к ответственности лидеров мафиозных образований (основанием является модель их поведения, а не совершенное преступление).

В УК ФРГ основанием уголовной ответственности также признано деяние, содержащее признаки состава преступления, но для противодействия опасному состоянию личности германский законодатель предусмотрел в УК меры исправления и безопасности (глава шестая УК ФРГ), которые определены следующим перечнем: помещение в психиатрическую больницу; помещение в учреждение изоляции для алкоголиков или наркоманов; превентивное заключение; установление надзора; лишение разрешения управлять автотранспортным средством; запрет на профессию. Учитывая состояние с преступностью в Германии, выделение таких мер исправления и безопасности в УК РФ было бы предпочтительнее, чем использование в этом вопросе положений социологической школы уголовного права.

Научная и практическая значимость. *Значимость научной статьи заключается в определении важности норм уголовного закона, определяющих основание уголовной ответственности и позволяющих констатировать, что опасное состояние личности может рассматриваться как основание для применения иных мер контроля или безопасности.*

Ключевые слова: *УК РФ, основание уголовной ответственности, состав преступления, опасное состояние личности.*

История развития уголовного законодательства тесно связана с влиянием на содержание уголовного закона и его основных разделов различных школ уголовного права.

В основе классической школы уголовного права (направление уголовно-правовой мысли, сформировавшееся в конце XVIII — начале XIX веков на основе идей европейского Просвещения// URL: ru.wikipedia.org>Классическая школа уголовного права; w.histrf.ru>Периоды>..._shkola_ugolovnogoprava (дата обращения: 02.11.2019)) лежат философские размышления и выводы различных представителей эпохи Просвещения [1]. Наиболее яркими представителями являются: итальянский философ и правовед Чезаре Беккариа (1738–1794), французские философы — Д. Дидро (1713–1784), Вольтер (1694–1778), Ж. Ж. Руссо (1712–1778) и др. В Великобритании идеи данной школы были поддержаны философом Джоном Локком (1632–1704 и правоведом Уильямом Блэкстоном (1723–1780), более четко сформулированы известным юристом, философом и социальным реформатором Джереми Бентамом (1748–1832). В Германии многие идеи классической школы были обоснованы в абсолютных уголовно-правовых теориях Иммануила Канта (1724–1804) и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831), юридически очерчены Ансельмом Фейербахом (1785–1833), основная заслуга которого состоит в том, что в своих произведениях он создал прочную основу для разработки таких институтов уголовного права, как состав преступления, вина, покушение, соучастие и др. и дал формальное определение преступления как деяния, запрещенного законом под угрозой наказания. Еще ранее основы классической школы высказывали ученые Германии Самуэль Фрайхерр фон Пуфендорф (1632–1694)

и Христиан Томазиус (1655–1728), которые, по мнению многих специалистов, заложили духовные основы нового уголовного права.

В России принципы классической школы отстаивали Н. А. Неклюдов (1840–1896), Б. А. Кистяковский (1868–1920), Н. С. Таганцев (1843–1923) [3, 4, 5]. Наиболее известными отражениями идей классической школы стали французский уголовный кодекс 1810 г. (Уголовный кодекс Наполеона) и Баварский уголовный кодекс 1813 г. (составленный при непосредственном участии А. Фейербаха). Эти кодексы положены в основу Уголовного Уложения России 1903 г., в том числе и современного УК РФ 1996 г.

Основные постулаты классической школы уголовного права: нет наказания без закона (*nulla poena sine lege*); нет наказания без преступления (*nulla poena sine crimine*); нет преступления без законного наказания (*nullum crimen sine poena legali*); все равны перед законом; преступление является проявлением свободной воли субъекта; лицо может подлежать ответственности лишь за деяние, но не за мысли, и лишь за виновное деяние; наказание есть пропорциональное воздаяние за совершенное преступление, поскольку последнее есть проявление свободной воли; личные особенности индивида не влияют на наказание, так как оно должно быть соизмеримо лишь с совершенным деянием; судебское усмотрение при применении норм уголовного права должно быть сведено к минимуму [6]. Главная критика этой школы была связана с поклонением перед догмами уголовного права в ущерб естественному развитию науки, в том числе и криминального цикла.

Отличие от классической школы в центре внимания социологической школы уголовного права находилось не преступное деяние, а личность

преступника, которая и должна, по их мнению, быть объектом уголовно-правового воздействия («уголовное право деятеля»). Большое внимание «социологи» уделяли различным классификациям (типологиям) преступников. Именно от принадлежности к тому или иному типу в немалой степени должно было зависеть наказание [7, 8, 9].

Социологическая школа отпочковалась от антропологической школы, основателем которой по праву считается итальянский ученый Чезаре Ломброзо (1835–1909), профессор судебной медицины в университете Турина. Поэтому учение антропологической школы часто именуют ломброзианством.

Его основной научный труд «Преступный человек», представленный в 1876 г. содержал большое количество аргументов в обосновании вывода о том, что причины преступного поведения заложены в биологической природе человека, что противоречило основному постулату «классиков» о свободе воли [10]. Следует сказать, что положения антропологической школы в определенной степени отличались реакционностью по отношению к человеку. По мнению ученых, антропологическая школа сводила уголовное право к средству расправы над человеком ввиду его биологических характеристик [10].

Один из учеников Ломброзо — Энрико Ферри развил идеи антропологической школы и фактически анонсировал создание социологической школы уголовного права. Специалисты отмечали, что разработанная Э. Ферри концепция о факторах преступности позволила выдвинуть идею о качественном пересмотре уголовного права: оно должно из права, карающего за моральную вину, быть преобразовано в право социальной защиты. С этой целью общество должно разработать ряд мер для нейтрализации лиц, находящихся в «опасном состоянии» [11].

Социологическая школа, опираясь на теорию факторов, предложенную Э. Ферри, среди которых он выделял индивидуальные, физические и социально-экономические факторы [9], по сути, отбрасывала все понятийные определения классической школы. Наиболее яркими представителями социологической школы, которые сформировали ее научные основы, были А. Принс (1845–1914), В. Ван Гамель (1842–1917), Ф. Лист (1851–1919) [12, 13, 14, 15, 16]. Представители этой школы весьма критически оценивали достижения классического направления. Они считали бесполезным для науки углубленное исследование таких категорий, как «преступление», «наказание», «вина», «вменяемость» и др., а некоторые ученые предложили вообще отказаться от этих

понятий [17]. По их мнению, определение сущности преступлений и их дифференциация на виды с принятием их уголовно-правовых взглядов утрачивают смысл, поскольку факт совершения какого-либо преступления — лишь симптом «опасного состояния» лица. Основанием уголовной ответственности, по мнению этих исследователей, должно служить не совершение преступления, а «опасное состояние личности».

В целях защиты общества от носителей «опасного состояния» в качестве правовой реакции государства идеологами социологической школы была предложена система превентивных мер — «меры социальной защиты». Как отмечалось в документах их заседаний: «В законе должны быть предусмотрены определенные меры социальной защиты против преступников, общеопасных либо вследствие рецидивизма, либо вследствие своих жизненных привычек, подлежащих указанию в законе, либо вследствие своих склонностей и образа жизни, вылившихся наружу в предусмотренное в законе преступное деяние» [17].

Необходимо отметить, что в истории развития уголовного законодательства социологическая школа уголовного права неоднократно использовалась, но приводила к весьма негативным результатам, в том числе к массовым репрессиям, упрощенному судопроизводству (внесудебные решения о виновности, политическая целесообразность). Здесь можно вспомнить переселение целых народов, подозреваемых в симпатиях к врагам, объективное вменение и ответственность родственников врагов народа и т.п. Через такие процессы прошли разные страны. В том числе и Германия и Россия. После смены власти следовала великая реабилитация и признание ошибок в применении репрессивных уголовно-правых мер, сформированных под влиянием социологической школы уголовного права.

Можно было бы понять революционеров, совершивших в России Октябрьский переворот в 1917 г., решивших, что старое право — есть реакционный продукт угнетения масс. Хотя потом, эти же революционеры использовали в большей степени социологическую школу права для усиления классовой борьбы с врагами.

История развития советского законодательства позволяет сделать вывод о том, что в первых уголовных кодексах (1922 г, 1926 г.) и позднее меры социальной защиты применялись за деяния и опасное состояние личности.

В СССР от таких мер законодатель отказался при принятии Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик в 1958 г., и далее в УК

РСФСР 1960 г. Далее все ученые признавали, что в советском государстве законодатель опирается на положения классической школы уголовного права. Этот же подход используется в УК РФ 1996 г., по которому основанием уголовной ответственности признается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8 УК).

Уголовный кодекс РФ действует 22 года, но не было никаких намеков на использование иных оснований уголовной ответственности, пока в 2019 г. не появилась новелла в виде статьи 210¹ УК РФ, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Об этом субъекте преступления уже было упомянуто в ч. 4 ст. 210 УК РФ, в соответствии с которой за организацию преступного сообщества должен быть привлечено лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. Вопросов по данному субъекту было очень много, некоторую ясность внесло судебное толкование. Тем не менее, не подвергалось сомнению понятие основания уголовной ответственности, указанное в ст. 8 УК РФ.

Дополнение УК РФ ст. 210¹ является фактически признанием того, что наряду с деянием, содержащим признаки состава преступления, основанием уголовной ответственности признается и опасное состояние личности. В этом смысле просматривается переход к положениям социологической школы уголовного права.

Не совсем понятно, зачем в современный период прибегать к такому основанию уголовной ответственности. Безусловно, «преступные авторитеты», «воры в законе» представляют опасность, но как личности, а не в качестве основания для привлечения их за такое положение в воровском мире к уголовной ответственности. Если бы законодатель для таких лиц предусмотрел в уголовном законе некие меры безопасности по примеру ряда европейских стран, было бы понятно: есть меры наказания, иные меры уголовно-правового характера и меры безопасности, на наш взгляд, вполне научная дифференциация уголовно-правового реагирования на таких лиц.

Статья 210¹ УК РФ буквально соткана из оценочных понятий: в законодательстве отсутствует четкое понятие того, что представляет собой сфера, именуемая преступной иерархией, не раскрывается и содержание высшего положения лица в этой сфере. Криминализация данного деяния не в полной мере соответствует правилам криминализации. В частности, правоприменители будут в трудном положении при доказывании признаков состава такого преступления, хотя вряд ли здесь

можно говорить о признаках состава, более точно говорить о признаках личности.

Судебное толкование также не отличается четкостью в определении подобных признаков. Так, по разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // СПС Консультант Плюс). Таким образом, раскрытие содержания оценочных признаков, указанных в ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, отдано на откуп судам, рассматривающим конкретные уголовные дела.

Следует оговориться, что в пределах бывшего СССР Россия не является в этом вопросе первопроходцем. В 2006 г. УК Грузии был дополнен ст. 223¹, предусматривающей ответственность за членство в воровском сообществе (ч. 1 данной статьи, наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом или без такового) и пребывание лица в положении «вора в законе» (ч. 2, наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 10 лет со штрафом или без такового).

По закону Рико в США привлекают к ответственности лидеров мафиозных образований. Это закон — «Закон о влиянии рэкетиров и коррумпированных организаций» (RICO), раздел 18, Кодекс Соединенных Штатов. Несмотря на его жесткие положения, обвинение, связанное с этим законом, сравнительно легче доказать в суде, поскольку оно фокусируется на моделях поведения, а не на

преступных действиях. Он был принят в 1970 г. специально, с намерением помочь бороться с мафией, позволяя прокурорам и закону преследовать целые организации, а не только отдельных лиц. Есть разные мнения по поводу данного закона, в том числе и такие: закон попирает саму суть американской Конституции.

В Уголовном уложении ФРГ (далее — УУ) основанием уголовной ответственности также признано деяние, содержащее признаки состава преступления, но для противодействия опасному состоянию личности германский законодатель предусмотрел в УУ меры исправления и безопасности (гл. 6 УУ ФРГ), которые определены следующим перечнем: помещение в психиатрическую

больницу; помещение в учреждение изоляции для алкоголиков или наркоманов; превентивное заключение; установление надзора; лишение разрешения управлять автотранспортным средством; запрет на профессию. Ряд подобных мер в УК РФ предусмотрены, но названы в качестве иных мер уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф).

Учитывая состояние с преступностью в Германии, использование таких мер исправления и безопасности в полном объеме в УК РФ было бы предпочтительнее, чем установление основания уголовной ответственности в виде опасного состояния личности.

Литература

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.
2. Решетников Ф. М. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление в уголовном праве. М., 1985. 103 с.
3. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Киев, 1891. 92 с.
4. Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. СПб., 1875. 200 с.
5. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Общая часть: в 2 т. Т. 1. М., 1994. 380 с.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1: Общая часть. 496 с.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 880 с.
8. Чучаев А. И. История науки уголовного права // История юридических наук в России / гл. ред. О. Е. Кутафин. М., 2009. С. 414–448.
9. Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. 658 с.
10. Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо, 2005. 880 с.
11. Сыч К. А. Идеи социологической школы уголовного права и их востребованность в законодательной практике // Пенитенциарная наука. 2014. № 28. С. 13–18.
12. Рагог А. И. Социологическая школа уголовного права // Большая российская энциклопедия (URL: <https://bigenc.ru/law/text/4245242> (дата обращения: 10.11.2019))
13. Лист Ф. Задачи уголовной политики. СПб., 1895. 142 с.
14. Лист Ф. Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. 358 с.
15. Принс А. Новые доктрины уголовного права. СПб., 1897. 45 с.
16. Лоба В. Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4. С. 100–107.
17. Сафронова Е. В., Лоба В. Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10–12

References

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh [About crimes and punishments]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. 184 p. (In Russian)
2. Reshetnikov F. M. «Klassicheskaya» shkola i antropologo-sotsiologicheskoe napravlenie v ugovolnom prave ["Classical" school and anthropological and sociological direction in criminal law]. Moscow, 1985. 103 p. (In Russian)
3. Kistyakovskii A. F. Elementarnyi uchebnik obshchego ugovolnogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugovolnogo zakonodatel'stva [Elementary textbook of General criminal law with a detailed presentation of the principles of Russian criminal law]. Kiev, 1891. 92 p. (In Russian)

4. Neklyudov N. A. Obshchaya chast' ugovnogo prava [The General part of criminal law]. Sankt Petersburg, 1875. 200 p. (In Russian)
5. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo: Lektsii. Obshchaya chast' [Russian criminal law: Lectures. General part]. v 2 t. T. 1. Moscow, 1994. 380 p. (In Russian)
6. Naumov A. V. Rossiiskoe ugovnoe pravo: Kurs lektsii. Obshchaya chast'. [Russian criminal law: a course of lectures]. In 2 vol., 3-d ed. Moscow, 2007. Vol. 1. 496 p. (In Russian)
7. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': Uchebnik dlya vuzov [Criminal law of the Russian Federation. General part: Textbook for universities]. Ed. V. S. Komissarov, N. E. Krylova, I. M. Tyazhkova. Moscow, Statut Publ., 2012. 880 p. (In Russian)
8. Chuchayev A. I. Istoriya nauki ugovnogo prava [History of science of criminal law]. In Istoriya yuridicheskikh nauk v Rossii [History of legal Sciences in Russia]. Ed. O. E. Kutafin. Moscow, 2009, pp. 414–448. (In Russian)
9. Ferri E. Ugolovnaya sotsiologiya [Criminal sociology]. Moscow, 2005. 658 p. (In Russian)
10. Lombroso Ch. Prestupnyi chelovek [Criminal man]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 880 p. (In Russian)
11. Sych K. A. Idei sotsiologicheskoi shkoly ugovnogo prava i ikh vostrebovanost' v zakonodatel'noi praktike [The Ideas of the sociological school of criminal law and their relevance in the legislative practice of Penitentiary science]. Penitentsiarnaya nauka [Penitentiary science], 2014, no. 28, pp. 13–18. (In Russian, abstract in English)
12. Rarog A. I. Sotsiologicheskaya shkola ugovnogo prava // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya (URL: <https://bigenc.ru/law/text/4245242> (visited: 10.11.2019)) (In Russian)
13. List F. Zadachi ugovnoi politiki [Tasks of criminal policy]. Sankt Petersburg, 1895. 142 p. (In Russian)
14. List F. F. Uchebnik ugovnogo prava. Obshchaya chast' [Textbook of criminal law. The General part]. Moscow, 1903. 358 p. (In Russian)
15. Prins A. Novye doktriny ugovnogo prava [New doctrines of criminal law]. Sankt Petersburg, 1897. 45 p. (In Russian)
16. Loba V. E. «Retsepty» bor'by s prestupnost'yu sotsiologicheskoi shkoly ugovnogo prava [“Recipes” of fight against crime of sociological school of criminal law]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Bulletin of Tomsk state University. Law], 2013, no. 4, pp. 100–107 (In Russian, abstract in English)
17. Safronova E. V., Loba V. E. «Opasnoe sostoyanie lichnosti» kak kriminologicheskaya kategoriya [“Dangerous state of personality” as a criminological category]. Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminological journal of the Baikal state University of Economics and law], 2014, no. 2, pp. 10–12 (In Russian, abstract in English)

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ РИСКОВ

Нудель Станислав Львович

Цель: дать доктринальное определение уголовно-правовых рисков и раскрыть их содержание.

Методология: всеобщий диалектический метод, базирующийся на законах и категориях диалектического материализма. Помимо этого, используются частные и специальные методы научного познания (формально-юридический, системно-структурный), логические операции (дедукции и индукции, анализа и синтеза).

Выводы. В статье автором сделан вывод о том, что уголовно-правовые риски выражаются в невозможности соблюдения установленного уголовно-правового запрета; «отчуждении» граждан от уголовного законодательства; юридические коллизии и правовые пробелы; разрыв системно-правовых связей уголовно-правовых норм в правовой системе; нарушение корреляции между уголовной ответственностью, как правовым методом регулирования, и мерой отражения экономических, социальных и политических процессов.

Научная и практическая значимость. Исследование уголовно-правовых рисков позволяет определить и систематизировать проблемы, а также предложить пути их решения в области совершенствования действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-правовой риск, преступление, коллизия, правовые пробелы, личность преступника, аномия, правовая система.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации обоснованно отмечено, что государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности призвана способствовать реализации стратегических национальных приоритетов и эффективной защите национальных интересов. Несмотря на то, что в настоящее время создана устойчивая основа для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов России, повышения ее роли в формирующемся полицентричном мире, укрепление государства происходит на фоне новых угроз национальной безопасности, имеющих комплексный взаимосвязанный характер. В числе данных угроз, вызванных негативным воздействием множества факторов внешней и внутренней среды, которые обусловлены процессами глобализации, изменением геополитической обстановки, преобразованиями в политической и экономической сферах, сменой технологического уклада, а также внутрироссийскими структурными и социальными

проблемами, препятствующими формированию высокого уровня общественного развития, особое значение имеет преступность (*Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212*).

При этом эффективность государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности напрямую зависит от эффективности уголовно-правовых средств, а борьба с преступностью, как и в целом «управление социально-экономическими процессами, требует принятия обоснованных правовых решений и их последовательной реализации [20, с. 4].

Несмотря на то, что правовое регулирование, в том числе уголовно-правовое, призвано стабилизировать общество [21; 18; 12; 13], в реальности возникает немало явлений, оказывающих влияние на общественное развитие, в их числе риски как вероятное неправоное отклонение от намеченной правовой модели (концепции) и действующих законов, влекущее негативные последствия, кото-

рые необходимо предвидеть и предотвращать [17; 16, с. 170 — 172; 8; 19, с. 10, 12].

Основываясь на позиции Ю. А. Тихомирова [16, с. 172—173] под уголовно-правовыми рисками, как самостоятельным видом правовых рисков, возможно понимать вероятные неправомерные отклонения от правовых моделей и уголовного закона лицами, обязанными соблюдать нормы уголовного закона, которые выражаются в невозможности соблюдения установленного уголовно-правового запрета; «отчуждении» граждан от уголовного законодательства; юридические коллизии и правовые пробелы; разрыв системно-правовых связей уголовно-правовых норм в правовой системе; нарушение корреляции между уголовной ответственностью, как правовым методом регулирования, и мерой отражения экономических, социальных и политических процессов.

Невозможность соблюдения установленного уголовно-правового запрета проявляется в случаях, когда совершающие преступления лица, в силу специфики (особенности правовой регламентации) правоотношений не осознают общественную опасность и противоправность своего деяния (действия или бездействия) и не предвидят наступления предусмотренных законом уголовно-правовых последствий. Такая ситуация зачастую возникает вследствие неопределенности признаков уголовно-правовых норм.

Например, Конституционный Суд Российской Федерации признал положение статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), устанавливающее уголовную ответственность за контрабанду сильнодействующих веществ, не соответствующим Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой данное положение не предполагает возможность учета специфики их перемещения, осуществляемого физическими лицами в целях личного использования, и не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия» [26].

Помимо этого п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ был признан не соответствующим Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования он ставит лицо, управлявшее транспортным средством, в том числе в состоянии опьянения, если оно совершило нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности предусмотренные ст. 264 УК РФ тяжкие последствия, и скрылось с места дорожно-транспортного происшествия,

в преимущественное положение — с точки зрения последствий своего поведения — по сравнению с лицами, управлявшими транспортными средствами и оставшимися на месте дорожно-транспортного происшествия, в отношении которых факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ надлежащим образом установлен либо которые не выполнили законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения» [28].

«Отчуждение» граждан от уголовного законодательства напрямую связано с такой категорией как личность преступника, которую определяют как социальную и психологическую модель, обладающую специфическими чертами. В целом «преступникам присущи антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям и выбор общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявление необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [22, с. 107—112], а «личность преступника — личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [2, с. 12].

Вместе с тем, по справедливому мнению А. Н. Пастушеня, в некоторых случаях личность лица, совершившего противозаконное деяние, может не иметь существенных отличий по криминально значимым признакам от личности законопослушных граждан. Например, в случае совершения преступления в результате неадекватного восприятия и оценки субъектом ситуации, когда он полагает, что его действия правомерны, либо не знает правового запрета или дозволения (при отсутствии возможности получить соответствующую информацию) [4; 11, с. 22].

Вместе с тем сегодняшнее экономическое положение вызывает, с одной стороны, высокий уровень социальной напряженности между разными слоями населения, а с другой — отторжение «обделенной» частью общества государственной экономической политики, закрепляющей такое несправедливое положение. Люди перестают чувствовать свою принадлежность к обществу, отчуждаются, правовые нормы и социальные ценности отвергаются, а вместо них выдвигаются собственные, нередко преступные. «Безнормность» и девиантность становятся типичным фактором нере-

шенных социальных проблем на государственном уровне [5, с. 17]. В ситуации существенного снижения сдерживающего действия морали общество перестает оказывать ограничивающее воздействие на личность, развивается аномия (Э. Дюркгейм, Р. Мертон). В данных условиях массовое распространение получают различные формы социальной патологии, возрастает преступность [1, с. 450–468].

Как верно отмечено в работах Смирновой И. Г. [14, с. 1189–1196] и И. А. Исаева [6, с. 301], в ходе проводимых правовых и социальных реформ возникает правовая аномия, при которой теряется связь между правом и регулируемым им общественными отношениями. Соломатова С. Н. так описывает эту ситуацию: при аномии в обществе одна ценностно-нормативная система разрушена, другая еще не сформировалась; либеральные ценности усваиваются в ограниченном масштабе, а важнейшей ценностью является неограниченный индивидуализм [15, с. 17].

Юридические коллизии и правовые пробелы безусловно могут быть отнесены к уголовно-правовым рискам.

Юридические коллизии в основном понимаются в трех значениях: а) противоречие норм уголовного права, б) регулирование одного и того же отношения уголовно-правовыми нормами разных правовых систем (разных государств), в) регулирование одного и того же отношения нормами разных отраслей права [9, с. 114].

Следует отметить, что в общей теории права коллизией норм именуют не только противоречие, но и различие норм (например, различия между признаками основного и квалифицированного составов) [4, с. 23]. По мнению З. А. Незнамовой, исходя из того, что различие является противоречием, отношение различающихся и отношение противоречащих норм именуются одинаково — конкуренцией или коллизией норм [10, с. 8]. Таким образом, такой вид юридических коллизий, как конкуренция, не являются уголовно-правовыми рисками.

Например, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «введя в правовое регулирование нормативное положение, устанавливающее уголовную ответственность за контрабанду валюты, которое в силу своей неопределенности не позволяет отграничить преступление от аналогичного ему по объективной стороне административного правонарушения, федеральный законодатель ... создал возможность произвольного применения этого положения и недопустимой подмены административной ответственности

уголовной, что противоречит общепризнанным принципам уголовной ответственности, не согласуется с задачами уголовного законодательства, а также с принципами законности, равенства граждан перед законом и судом, справедливости, гуманизма, закрепленными на основе Конституции Российской Федерации УК РФ, и не соответствует предусмотренным им основанию уголовной ответственности и понятию преступления» (*Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892*).

Под пробелом в уголовном праве понимается «полное или частичное (неполнота) отсутствие в уголовном законе нормативных установлений в отношении фактических обстоятельств, нуждающихся в уголовно-правовом регулировании..., свидетельствующие о недостатке нормативного ресурса для решения проблем, обусловленных объективным развитием общественной жизни и потребностями практики применения уголовного закона», которое способно «привести к ошибкам в правоприменении и, как следствие — к существенному ущемлению прав и свобод граждан, интересов общества и государства и неконтролируемому судебскому усмотрению, переходящему в произвол» [7, с. 3, 13].

Разрыв системно-правовых связей уголовно-правовых норм в правовой системе проявляется в первую очередь в содержании бланкетных признаков в конструкциях норм, а также в связи в системе действующего правового регулирования между материальными (УК РФ), процессуальными (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации) и исполнительными (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации) нормами.

Например, положения п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ признаны Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой ... во взаимосвязи с п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ, ими исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению достигшего шестидесятипятилетнего возраста мужчины в совершении преступления, предусмотренного частью второй ст. 105 УК РФ, притом что уголовное дело по обвинению муж-

чины в возрасте от 18 до 65 лет, а также женщины старше 18 лет в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в этом составе» (*постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 2017 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Д. Лабусова» // СЗ РФ. 2017. № 13. Ст. 1991*).

Нарушение корреляции между уголовной ответственностью, как правовым методом регулирования, и мерой отражения экономических, социальных и политических процессов: государство вправе устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств (постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2408). Так, уголовный закон, будучи в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения, распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, в том числе норм, устанавливающих административную ответственность, оказывается недостаточным (определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5).

Литература

1. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Маликов С. В. Бедность как криминогенный фактор // *Lex russica*. 2014. № 4. С. 450–468.
2. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М.: Пенатес-Пенаты, 2000. 454 с.
3. Борисова С. Е. Психологические особенности личности преступника // *Юридическая психология*. 2007. № 3. С. 26–32.
4. Власенко Н. А. Коллизии норм в советском праве. Иркутск, 1984. 100 с.
5. Дремин В. Н. Институциональная теория преступности и криминализации общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Одесса, 2010. 422 с.

Например, положения статьи 159⁴ УК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, в той мере, «в какой эти положения устанавливают за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если оно совершено в особо крупном размере, несоразмерное его общественной опасности наказание в виде лишения свободы на срок, позволяющий в системе действующих уголовно-правовых норм отнести данное преступление к категории преступлений средней тяжести, в то время как за совершенное также в особо крупном размере такое же деяние, ответственность за которое без определения его специфики по субъекту и способу совершения применительно к тем или иным конкретным сферам предпринимательской деятельности предусмотрена общей нормой статьи 159 УК РФ, устанавливается наказание в виде лишения свободы на срок, относящий его к категории тяжких преступлений, притом что особо крупным размером похищенного применительно к наступлению уголовной ответственности по статье 159 УК РФ признается существенно меньший, нежели по его статье 159⁴ УК РФ» (*Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7784*).

В заключение следует отметить, что исследование содержания уголовно-правовых рисков позволяет установить «существование не только негативного, но и позитивного отклонения» [16, с. 16]. В результате действия уголовно-правовых норм возникают ранее неурегулированные правом явления и факты. Помимо этого, в процессе квалификации преступлений в ходе уголовного судопроизводства выявляются существенные недостатки правового регулирования.

6. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М., 2015. 386 с.
7. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВГНА, 2009. 51 с.
8. Контроль в финансово-бюджетной сфере: научно-практическое пособие / И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина, Н. Е. Абрамова и др.; отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М.: ИЗиСП; КОНТРАКТ, 2016. 320 с.
9. Кудрявцев В. Н., Келина С. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М., 1987. 276 с.
10. Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 34 с.
11. Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1998. 208 с.
12. Правовые риски в системе публичного управления / под науч. ред. В. И. Авдийского, М. А. Лапиной. М., 2014. 248 с.
13. Риски в сфере публичного и частного права / Ю. А. Тихомиров, М. А. Лапина, Д. В. Карпунин и др.; науч. ред. Ю. А. Тихомиров, М. А. Лапина. М., 2014. 310 с.
14. Смирнова И. Г. К вопросу об обвинительном уклоне в российском уголовном судопроизводстве: через призму общественного мнения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1189–1196.
15. Соломатова С. Н. Культурно-антропологическая специфика формирования гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2007. 19 с.
16. Тихомиров Ю. А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2015. 240 с.
17. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. 400 с.
18. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.
19. Тихомиров Ю. А. Риск в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 9–19.
20. Тихомиров Ю. А. Риски: диагностика и устранение // Право и экономика. 2015. № 9. С. 4–10.
21. Тихомиров Ю. А., Шахрай С. М. Право и риск. М., 2012. 240 с.
22. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 107–112.

References

1. Antonyan Yu.M., Goncharova M. V., Malikov S. V. Bednost' kak kriminogennyj faktor [Poverty as a criminogenic factor]. Lex Russica. 2014, no. 4, pp.450–468. (In Russian)
2. Antonyan Yu.M., Enikeev M. I., Eminov V. E. Psihologiya prestupleniya i nakazaniya [Psychology of crime and punishment]. Moscow, 2000. 454 p. (In Russian)
3. Borisova S. E. Psihologicheskie osobennosti lichnosti prestupnika [Psychological features of the criminal personality]. Yuridicheskaya psihologiya [Legal psychology]. 2007, no. 3, pp. 26–32. (In Russian)
4. Vlasenko N. A. Kollizii norm v sovetskom prave [Conflicts of norms in Soviet law]. Irkutsk, 1984. 100 p. (In Russian)
5. Dremin V. N. Institucional'naya teoriya prestupnosti i kriminalizacii obshchestva: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Institutional theory of crime and criminalization of society]. Odessa, 2010. 422 p. (In Russian)
6. Isaev I. A. Tenevaya storona zakona. Irracional'noe v prave [The shadow side of the law. Irrational in law]. Moscow, 2015. 386 p. (In Russian)
7. Kaufman M. A. Probely v ugolovnom prave i sposoby ih preodoleniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Gaps in criminal law and ways to overcome them]. Moscow, 2009. 51 p. (In Russian)
8. Kontrol' v finansovo-byudzhetoj sfere: nauchno-prakticheskoe posobie [Control in the financial and budgetary sphere: scientific and practical manual] / I. I. Kucherov, N. A. Povetkina, N. E. Abramova, etc.; Ed. I. I. Kucherov, N. A. Povetkina. Moscow, 2016. 320 p. (In Russian)
9. Kudryavcev V. N., Kelina S. Ugolovnyj zakon: opyt teoreticheskogo modelirovaniya [Criminal law: experience of theoretical modeling]. Moscow, 1987. 276 p. (In Russian)

10. Neznamova Z. A. Kollizii v ugovnom prave: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Conflicts in criminal law]. Ekaterinburg, 1995. 34 p. (In Russian)
11. Pastushenya A. N. Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika: metodologiya poznaniya i psihologicheskaya koncepciya [The essence of the crime of offender: methodology of cognition and psychological concept]. Minsk, 1998. 208 p. (In Russian)
12. Pravovye riski v sisteme publichnogo upravleniya [Legal risks in the system of public administration]. Ed. V. I. Avdijskiy, M. A. Lapina Moscow, 2014. 248 p. (In Russian)
13. Riski v sfere publichnogo i chastnogo prava [Risks in the sphere of public and private law] / Yu. A. Tihomirov, M. A. Lapina, D. V. Karpuhin, etc.; Ed. Yu. A. Tihomirov, M. A. Lapina. Moscow, 2014. 310 p. (In Russian)
14. Smirnova I. G. K voprosu ob obvinitel'nom uklone v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve: cherez prizmu obshchestvennogo mneniya [On the issue of accusatory bias in Russian criminal proceedings: through the prism of public opinion]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]. 2014, no. 6, pp. 1189–1196. (In Russian)
15. Solomatova S. N. Kul'turno-antropologicheskaya specifika formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [Cultural and anthropological specificity of the formation of civil society in modern Russia]. Omsk, 2007. 19 p. (In Russian)
16. Tihomirov Yu. A. Pravo: prognozy i riski [Right: projections and risks]. Moscow, 2015. 240 p. (In Russian)
17. Tihomirov Yu. A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika [Legal regulation: theory and practice]. Moscow, 2010. 400 p. (In Russian)
18. Tihomirov Yu. A. Prognozy i riski v pravovoj sfere [Outlook and risks in the legal sphere]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]. 2011, no. 3, pp. 5–16. (In Russian)
19. Tihomirov Yu. A. Risk v prave: priroda i prichiny [Risk in law: nature and causes]. Pravo i sovremennye gosudarstva [Law and modern states]. 2016, no. 6, pp. 9–19. (In Russian)
20. Tihomirov Yu. A. Riski: diagnostika i ustranenie [Risks: diagnostics and elimination]. Pravo i ekonomika [Law and Economics]. 2015, no. 9, pp. 4–10. (In Russian)
21. Tihomirov Yu. A., Shahraj S. M. Pravo i risk [Law and Risk]. Moscow, 2012. 240 p. (In Russian)
22. Eminov V. E., Antonyan Yu. M. Lichnost' prestupnika i ee formirovanie [Personality of the criminal and its formation]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]. 2015, no. 1 (50), pp. 107–112. (In Russian)

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ АРМЕНИИ И РОССИИ

Саргсян Аделина Арменовна

Цель: проанализировать проблемы конструирования уголовно-правовой нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по УК РА и РФ.

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Современная уголовно-правовая политика государства идет по пути гуманизации уголовно-законодательства, одним из проявлений которого выступает институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, в связи с чем представляется необходимым совершенствование рассматриваемой уголовно-правовой нормы с целью наиболее эффективного ее применения на практике. В статье даются научно обоснованные рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства и практики применения данной поощрительной нормы в целях более эффективного достижения целей, поставленных перед ней, а также автором предлагается новая редакция ч. 1 ст. 72 УК РА (ч. 1 ст. 75 УК РФ).

Научная и практическая значимость. Полученные в результате проведенного исследования выводы могут способствовать совершенствованию пробелов в законодательном регулировании деятельного раскаяния и практики его применения.

Ключевые слова: деятельное раскаяние; поощрение; стимулирование; постпреступное поведение; освобождение от уголовной ответственности; явка с повинной; гуманизация; добровольность; раскрытие преступления.

Освобождение от уголовной ответственности является одним из важных и гуманных институтов уголовного права. Роль поощрительных норм, одной из которых и выступает норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, в деле предотвращения дальнейшей криминализации лица, совершившего преступление, предупреждения совершения новых преступлений и защиты триады ценностей, провозглашенной и охраняемой уголовным законодательством наших стран, трудно переоценить. Институт деятельного раскаяния в общей части уголовного кодекса предусмотрен в странах СНГ (кроме Кыргызстана), КНР, Латвии, Монголии, Республике Корея. В других странах нормы о деятельном раскаянии предусматриваются в Особенной части.

В странах англо-американской системы права институт деятельного раскаяния не получил развития. В США своеобразным институтом деятельного раскаяния является уголовно-процессуальный институт сделки о признании вины между обвинителем и обвиняемым [1, с. 389].

В уголовно-правовой литературе единого подхода к определению понятия деятельного раскаяния не имеется. По справедливому утверждению А. В. Ендольцевой, под деятельным раскаянием следует понимать указанные в законе «активные добровольные действия, посредством которых лицо, совершившее преступление или прервавшее его доведение до конца, руководствуясь любыми внутренними побуждениями, предотвращает, устраняет или уменьшает тяжесть вредных последствий содеянного либо оказывает помощь

правоохранительным органам в раскрытии и расследовании этого и других преступлений, что влечет за собой в случаях, предусмотренных законом, освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания» [2, с. 7].

Содержание деятельного раскаяния раскрывается в уголовном законе. Однако сравнительно-правовой анализ соответствующих уголовно-правовых норм показывает, что законодательная регламентация освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием нуждается в совершенствовании.

Согласно ст. 72 Уголовного кодекса Республики Армения *«Лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной, содействовало раскрытию преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный преступлением»*. Данная норма в уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 75 УК РФ) изложена иначе: *«Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным»*. Нетрудно заметить, что к числу обязательных условий применения ст. 75 УК РФ относится деятельное раскаяние, вследствие чего лицо перестало быть общественно опасным.

Лингвистический анализ слова «деятельное» позволяет определить его в значении «энергично работающий, проявляющий особенную активность» [3, с. 376], полностью соответствующем смыслу рассматриваемого уголовно-правового института, и прийти к выводу о целесообразности его употребления применительно к нему. Что касается термина «раскаяние», положенного законодателем в основу наименования данного института освобождения от уголовной ответственности, то, по нашему мнению, рассматриваемое законодательное решение представляется сомнительным и требующим совершенствования и приведения в соответствие с содержанием уголовно-правовой нормы. Раскаяние означает чувство сожаления по поводу своего поступка [4, с. 483], и скорее выступает исключительно внутренней, психологической, оценочной, а не правовой категорией, трудно доказываемой

на практике в каждом конкретном случае. В свою очередь, это становится лишь искусственным препятствием или затягиванием реализации данной поощрительной нормы, основной целью которой выступает именно превентивная функция, функция стимулирования позитивного постпреступного поведения соответствующих лиц, снижения уровня преступности и раскрываемости совершенных преступлений.

Как совершенно верно отметил И. Л. Петрухин «Можно соблюсти все условия, указанные в ст. 75 УК РФ, и не раскаяться» [5, с. 25]. Действительно, для наличия деятельного раскаяния совсем не обязательно наличие искреннего раскаяния в поступках лица, совершившего преступление. В большинстве случаев в основе позитивных постпреступных действий лица не всегда лежит чувство сожаления и стыда за совершенное им деяние и чаще всего раскаяние является фиктивным, подкрепленным лишь словами, в то время как на самом деле преступник руководствовался совершенно иными мотивами. Зачастую лицо, выполняющее совокупность постпреступных действий, предусмотренных в рассматриваемых нормах, *de jure* признает себя виновным в совершении преступления, в то время как *de facto* он не испытывает чувства сожаления о содеянном им. Однако данное обстоятельство никак не препятствует применению в отношении данного лица норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, поскольку уголовно-правовая политика государства взяла курс на гуманизацию законодательства и, в связи с этим, единственно важным обстоятельством выступает факт признания лицом совершения им преступления, а не его действительное раскаяние.

Кроме того, следует четко разграничивать понятия «признание вины» и «раскаяние», из которых для судебных и следственных органов определяющее значение имеет лишь первый. Лицо может полностью либо частично признать свою вину в совершенном преступлении, однако не раскаяться в нем. Отсюда вывод, что раскаяние представляет собой необязательную составляющую позитивного постпреступного поведения лица, совершившего преступление и, таким образом, не влияет на решение вопроса о наличии в его поведении признаков деятельного раскаяния и на решение об освобождении от уголовной ответственности. Признание лицом, совершившим преступление, своей вины еще не означает его раскаяния в этом и, следовательно, данные понятия не равнозначны. Следовательно, пред-

лагается изменение наименования ст. 75 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 72 Уголовного кодекса Республики Армения в целях достижения соответствия между ее содержанием и названием, изложить в следующей формулировке: «*Деятельное признание вины*». Такой подход позволит избежать противоречия между данной нормой и конституционно-правовым положением о презумпции невиновности. Виновность лица при применении статьи о деятельном раскаянии фактически устанавливает и следовательно, при этом законодательство Армении (ст. 35 УПК) не требует до прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием разъяснять обвиняемому право возражать против такого решения. Наоборот, ст. 28 УПК РФ обвиняемого наделяет таким правом.

С. С. Аветисян отмечает, что «с целью избежания противоречий между нормами конституционного и уголовного права, в уголовном законе можно установить положение о том, что лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, должно признавать себя виновным в совершении преступления (или соглашаться с предъявляемым обвинением, как, например, при ускоренной форме судебного разбирательства). Проблема может быть решена и посредством передачи функции освобождения лица от уголовной ответственности суду. Но этот вариант решения проблемы неприемлем» [6, с. 344].

Для комплексного решения проблемы предлагаем часть 6 ст. 35 УПК РА дополнить ссылкой на ст. 72 УК РА. Это означает, что если обвиняемый будет возражать против освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, то дело не может быть прекращено.

Ознакомление с постановлениями Кассационного суда РА показало, что отдельных правовых позиций по применению ст. 72 УК РА не имеется. Однако такие понятия, как деятельное раскаяние, явка с повинной, раскрываются в ряде прецедентных решений Кассационного суда. Так, Кассационный суд РА в решении по делу Андраника Аветисяна от 13 июля 2011 г. указал, что явка с повинной означает, что лицо добровольно является в правоохранительные органы и сообщает о совершенном им преступлении. Следует отметить, что явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, добровольное возмещение причиненного ущерба являются обстоятельствами, смягчающими наказание (по ст. 62 УК РА — смягчающими ответственность и наказание). Поэтому возникает вопрос, в каких случаях отмеченные обстоятельства следует

учитывать при назначении наказания, а в каких, с учетом впервые совершенного преступления небольшой или средней тяжести, — в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности? Отсутствие четких законодательных разграничений по этому вопросу не способствует эффективной реализации принципов уголовного права и позитивному поведению обвиняемого, часто приводит к судебным ошибкам. Проблема возникает и в случае применения судом ст. 64 УК РФ, поскольку позитивное постпреступное поведение виновного (активное содействие участника группового преступления раскрытию этого деяния, возмещение вреда и др.) может свидетельствовать об их исключительности для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. При этом эти обстоятельства должны существенно уменьшить степень общественной опасности преступления, а не личности виновного. При освобождении лица от уголовной ответственности важно установить утрату виновным лицом общественной опасности, с приведением в процессуальном решении соответствующих доводов. Было бы правильным рассматриваемую норму дополнить положением о том, что «*При отсутствии необходимых условий для освобождения от уголовной ответственности, данные, характеризующие постпреступное поведение виновного, учитываются при назначении наказания*». Аналогичная норма содержится, например, в ст. 22 УК Испании [7, с. 8].

Следующей проблемой, заслуживающей внимания и ставшей предметом широких дискуссий в научных кругах, является вопрос относительно положения закона, закрепляющего освобождение от уголовной ответственности за совершение лицом преступления небольшой или средней тяжести *впервые*. Решение этого вопроса играет значительную роль в правоприменительной деятельности, поскольку на практике имеют место определенные расхождения в понимании этой дефиниции и, следовательно, в оценке возможности освобождения от уголовной ответственности [8, с. 27]. Споры ведутся по поводу содержания термина «впервые», причиной которых, в первую очередь, является отсутствие закрепления на законодательном уровне определения данного термина. Данное обстоятельство выступает результатом того, что при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности, толкование понятия «впервые» осуществляется с помощью анализа судебной практики. Некоторое разъяснение в указанную проблематику вносит Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации

«О применении судами законодательства, регламентирующего порядок освобождения от уголовной ответственности», принятое 27 июня 2013 г. № 19. Позиция высшей судебной инстанции сводится к тому, что определяющее значение в данном случае имеет юридическая, а не фактическая сторона данного вопроса. Так, в своем Постановлении суд указывает, что в ст. 75, 76, 76¹ и 76² УК РФ впервые совершившим преступление следует считать, в частности, лицо, которое ранее было освобождено от уголовной ответственности.

По нашему мнению, во всех тех случаях, когда имело место освобождение лица от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям, перечень которых закреплен уголовно-процессуальным кодексом РФ (РФ), отсутствует такой признак деятельного раскаяния, как совершение преступления «впервые». Таким образом, целесообразным видится ограничение значения термина «впервые» применительно к рассматриваемой проблеме. Применение института деятельного раскаяния, стимулирующего положительное постпреступное поведение, призвано реализовать идеи справедливости, гуманизации, однако, это не означает их воплощение за счет нарушения иных принципов уголовного законодательства, а именно принципов неотвратимости наказания и ответственности. Повторное совершение лицом умышленного преступления свидетельствует о его устойчивой антиобщественной установке, общественной опасности, искаженности его личности и нежелания соблюдать правила общежития, принятые в данном обществе. В целях устранения отмеченных неточностей, представляется целесообразным или в качестве примечания к указанной статье УК определить, что конкретно в данном случае понимается под понятием «впервые», или же внести некоторые коррективы в действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Применительно к рассматриваемому вопросу в ст. 1 проекта нового Уголовного кодекса Республики Армения дается следующее понятие: «Лицом, впервые совершившим преступление, признается лицо, ранее не совершавшее преступление или совершившее, но освобожденное от уголовной ответственности или судимость которого снята или погашена». В ч. 2 ст. 85 проекта отмечается: «Лицо, ранее освобожденное от уголовной ответственности по данному основанию, не может быть вновь освобождено от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному частью первой настоящей статьи». Однако, представляется, что армянский законодатель может продолжить совершенствование рассматриваемой

уголовно-правовой нормы, в которой ограничит чрезмерно широкое ее применение посредством закрепления положения, согласно которому по данному основанию не может освобождаться от уголовной ответственности лицо, ранее совершившее преступление. Соответственно, по данному пути может пойти и российский законодатель. Исключения могут составить неосторожные преступления. Поэтому редакцию рассматриваемой уголовно-правовой нормы можно изложить в следующем виде: *«Лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, если оно ранее не совершило умышленного преступления...»*.

В науке уголовного права нет единого мнения относительно объема действий, образующих деятельное раскаяние. Данная проблема получила обстоятельное изучение в трудах Е. В. Благова, согласно которому в науке сложилось три подхода по рассматриваемому вопросу:

- теория кумулятивности, согласно которой деятельное раскаяние образуют только все действия, названные в ч. 1 ст. 75 УК РФ;
- теория разумной кумулятивности, согласно которой раскаяние образуют действия, названные в ч. 1 ст. 75, которые осуществимы в данном случае;
- теория антикумулятивности, согласно которой деятельное раскаяние образует любое действие, названное в ч. 1 ст. 75. [9, с. 113].

Анализ отмеченного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет заключить о наличии противоречия между его положениями и статьей 75 Уголовного кодекса РФ. Представляется, что букве закона соответствует лишь теория обязательного наличия всех перечисленных в статье 75 УК условий. В связи с этим следует отметить позицию Пленума Верховного Суда, согласно которой «по смыслу части 1 статьи 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить (например, задержание на месте преступления объективно исключает возможность явиться в правоохранительные органы с сообщением о совершенном преступлении, однако последующее содействие лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) заглаживание вреда иным образом могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии)» (п. 4).

Сторонниками обязательного наличия всех перечисленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ условий для

признания в действиях лица деятельного раскаяния являются ряд авторов [10, с. 41].

Проанализировав различные подходы к данному вопросу, сложившиеся в науке уголовного права, мы склоняемся к предложенной Е. В. Благовым теории разумной кумулятивности условий, перечисленных в статье, регламентирующей порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. По нашему мнению, буквальное понимание смысла ст. 75 и требование обязательного наличия всех условий, перечисленных в ней, делает поощрительную норму, внесенную законодателем, недееспособной, «мертвой», ограничивая сферу ее применения, и следовательно, цели, преследуемые законодателем при установлении данной нормы, не достигаются. Законодатель, предусматривая введение института деятельного раскаяния, предоставил возможность дифференцированного подхода к решению вопроса об уголовной ответственности лиц с учетом их позитивного посткриминального поведения, а также достижения эффективности расследования, раскрытия, предупреждения преступлений и дальнейшей криминализации указанных лиц, экономии уголовной репрессии. А. В. Бриллиантов отмечает, что наличие условий, свидетельствующих о деятельном раскаянии, необходимо лишь для одной цели — для того, чтобы правоприменитель на их основании мог установить тот факт, что лицо вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным, и следовательно, для освобождения от уголовной ответственности не обязательно наличие в каждом конкретном случае всех условий освобождения, указанных в ст. 75 УК РФ [11, с. 41].

Требование обязательного наличия всех условий, предусмотренных в ст. 75 УК РФ, искусственно сужая сферу ее применения, зачастую может приводить к ситуации, когда по объективным обстоятельствам лицо просто не имело возможность выполнить все из них. В каждом конкретном случае необходимо проявлять строго индивидуальный подход, устанавливая, выполнило ли лицо, совершившее преступление, все зависящие от него условия и только в данном случае решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности. Безусловно, целью применения института деятельного раскаяния является возбуждение у лица, совершившего преступление, интереса и желания в содействии правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступления, а потому представляется совершенно необоснованным отказывать данному лицу в освобождении от уголовной ответственности только лишь

потому, что он не выполнил какое-либо условие деятельного раскаяния.

Заслуживает внимания высказывание А. В. Ендольцевой, согласно которому критерием достаточности субъективных условий для прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием может служить наличие совокупности действий, перечисленных в части первой нормы, посвященной институту деятельного раскаяния, если эти действия обвиняемого объективно дополняли друг друга (так, если у лица не было объективной возможности совершить все действия, указанные в законе), но он активно оказывал помощь следствию в раскрытии преступления, то такое позитивное поведение виновного может являться основанием освобождения его от уголовной ответственности на основании деятельного раскаяния [12, с. 88]. Однако, чтобы избежать широкого толкования рассматриваемой уголовно-правовой нормы, считаем необходимым выделить в числе условий деятельного раскаяния обязательные, к числу которых можно отнести категорию преступления и требования совершения его впервые, и факультативные, наличие которых не является обязательным.

Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием является правом, а не обязанностью правоприменительных органов. На наш взгляд было бы справедливым и эффективным в ряде случаев применение данной нормы считать обязанностью данных органов. Например, в случае впервые совершения преступления по неосторожности, покушения на преступление небольшой или средней тяжести. Так, например, освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76¹ УК РФ) при наличии соответствующих условий является обязательным для правоприменительных органов. Такой подход способствует эффективной реализации данного института, исключает субъективный подход правоприменителя по его применению, способствует снижению мер уголовно-правовой репрессии, стимулирует позитивное поведение обвиняемого. Уголовная ответственность является следствием совершения преступления, но ее конкретное содержание зависит не только от характера и степени общественной опасности преступления, но также и от других факторов, находящихся за пределами состава преступления. Поэтому закон должен стимулировать позитивное поведение лица после совершения преступления. Уголовная ответственность конкретного лица, совершившего преступление, име-

ет не только индивидуальное, но и социальное значение [13, с. 243].

В проекте нового УК РА (ч. 1 ст. 85) освобождение лица от уголовной ответственности является обязательным при наличии следующих условий: совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые, способствование или содействие раскрытию преступления и возмещение причиненного ущерба (если ущерб не причинен, то достаточно добровольное содействие). Кроме того, добровольная явка с повинной как обязательное условие исключается.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить безусловно важную и определяющую роль деятельного раскаяния как эффективного средства уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления и борьбы с ними. Вместе с тем, законодательная регламентация данного института нуждается в дальнейшем совершенствовании, в частности, требует значительной доработки законодательное определение понятия деятельного раскаяния как в уголовном кодексе Российской Федерации, так и Республики Армения, внесение корректив относительно условий, образующих деятельное раскаяние. И только лишь верно сконструированная уголовно-правовая норма, согласующаяся

как с требованиями научной мысли, так и практики, может обеспечить достижение поставленных перед ней целей.

Предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 72 УК РА (ч. 1 ст. 75 УК РФ):

«Освобождение от уголовной ответственности в связи с признанием вины»

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие признания вины перестало быть общественно опасным.

При одновременном наличии всех отмеченных условий лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности. Лицо освобождается от уголовной ответственности также при наличии одного из отмеченных условий, если впервые совершенное деяние небольшой или средней тяжести является неосторожным или покушением на эти преступления».

Предложенные законодательные изменения неоспорны, но они в своей совокупности способны устранить имеющиеся проблемы и противоречия.

Литература

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. 448 с.
2. Ендольцева А. В. Институт деятельного раскаяния в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД РФ, 2000. 27 с.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1216 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2016. 735 с.
5. Петрухин И. Л. Гуманность или трезвый расчет // Российская юстиция. 1999. № 9. С 25–26.
6. Аветисян С. С. Приоритеты и перспективы нового уголовного кодекса Республики Армения (социально-правовая концепция). Ереван: РАУ, 2012. 441 с.
7. Кузнецова Н. Ф., Решетников Ф. М. / пер. В. П. Зырянова, Л. Г. Шнайдер. Уголовный кодекс Испании М.: Зерцало, 1998. 218 с.
8. Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2019. 106 с.
9. Благов Е. В. Освобождение от уголовной ответственности (размышления о проблемах и их преодолении). М.: Юрлитинформ, 2018. 224 с.
10. Верина Г. В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.
11. Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: научно-практич. пособие. М.: Проспект, 2019. 106 с.
12. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения: монография. М.: Юнити-Дана, 2017. 232 с.
13. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: Юркнига, 2004. 480 с.

References

1. Dodonov V. N. Sravnitel'noe ugovnoe pravo. Obshhaja chast': Monografija [Comparative criminal law. General part: Monograph] Ed. S. P. Shherba. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 448 p. (In Russian).
2. Endol'ceva A. V. Institut dejatel'nogo raskajaniya v ugovnom prave. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. [Institute of active repentance in criminal law]. 27 p. (In Russian).
3. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2005. 1216 p. (In Russian).
4. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2016. 835 p. (In Russian).
5. Petruhin I. L. Gumannost' ili trezvyj raschet [Humanity or sober calculation]. Rossijskaja justicija [Russian justice], 1999, no. 9, pp. 25–26. (In Russian).
6. Avetisjan S. S. Prioritety i perspektivy novogo ugovnogo kodeksa Respubliki Armenija (social'no-pravovaja koncepcija). [Priorities and prospects of the new criminal code of the Republic of Armenia (social and legal concept)]. Erevan, 2012. 440 p. (In Russian).
7. Kuznecova N. F., Reshetnikov F. M. Ugolovnyj kodeks Ispanii [Criminal code of Spain]. Moscow, Zercalo Publ., 1998. 218 p. (In Russian).
8. Brilliantov A. V. Osvobozhdenie ot ugovnoj otvetstvennosti: s uchetom obobshhenija sudebnoj praktiki [Exemption from criminal liability: taking into account the generalization of judicial practice]. Nauchno-prakticheskoe posobie [Scientific and practical manual]. Moscow, Prospect Publ., 2019. 106 p. (In Russian).
9. Blagov E. V. Osvobozhdenie ot ugovnoj otvetstvennosti (razmyshlenija o problemah i ih preodolenii) [Exemption from criminal liability (reflections on the problems and their overcoming)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 224 p. (In Russian).
10. Verina G. V. Fundamental'nye ponjatija ugovnogo prava Rossii: aktual'nye problemy: monografija [Verina G. V. Fundamental concepts of criminal law of Russia: actual problems: monograph.]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 200 p. (In Russian).
11. Brilliantov A. V. Osvobozhdenie ot ugovnoj otvetstvennosti: s uchetom obobshhenija sudebnoj praktiki [Exemption from criminal liability: taking into account the generalization of judicial practice]. Nauchno-prakticheskoe posobie [Scientific and practical manual]. Moscow, Prospect Publ., 2019. 106 p. (In Russian).
12. Endol'ceva A. V. Institut osvobozhdenija ot ugovnoj otvetstvennosti: problemy i puti ih reshenija: monografija [Institute of exemption from criminal liability: problems and ways of their solution: monograph]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2017. 232 p. (In Russian).
13. Ter-Akopov A. A. Prestuplenie i problemy nefizicheskoj prichinnosti v ugovnom prave [Crime and the problem of non-physical causation in criminal law]. Moscow, Yurkniga Publ., 2004. 480 p. (In Russian).

ОСОБЕННОСТИ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПОД СТРАЖУ

Руднев Владимир Ильич

Цель: проанализировать нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие избрание мер пресечения, которые могут выступать в качестве альтернативных, по отношению к заключению под стражу.

Методология: дедукция, формально-правовой метод, сравнительно-правовой метод, диалектический метод.

Выводы. Показана недостаточная эффективность правового регулирования избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Научная и практическая значимость. Исследование может способствовать пониманию необходимости разработки новых мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, а также обозначить возможности избрания комбинированных мер пресечения.

Ключевые слова: альтернативная мера пресечения, заключение под стражу, домашний арест, залог, суд, запрет определенных действий.

В ходе предварительного расследования и судебного разбирательства могут избираться и применяться меры процессуального принуждения, включая меры пресечения. Известно, что в УПК РФ предусмотрено семь мер пресечения. Самой радикальной из них является заключение под стражу. При избрании и применении указанной меры пресечения лицо помещается в следственный изолятор и может находиться там до момента вступления в законную силу приговора суда, если его признают виновным в совершении преступления. Между тем, в нахождении лица под стражей не всегда имеется необходимость, так как в отношении него может быть избрана мера пресечения, не связанная с содержанием под стражей. При этом следует исходить из положений о том, что применение меры пресечения в виде заключения под стражу должно сокращаться, и на смену этой мере пресечения постепенно могут приходиться иные меры пресечения, являющиеся альтернативными по отношению к ней.

В Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусмотрено положение о необходимости нахождения обвиняемого на свободе под

гарантии явки. Нормы Конвенции имеют важное значение для развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства, включая институт мер пресечения. Для Российской Федерации актуальными являются решения Европейского Суда по правам человека, среди которых имеется немало постановлений, связанных с избранием и применением меры пресечения в виде заключения под стражу. Европейский Суд вынес ряд таких решений. При этом следует обратить внимание на пилотное Постановление ЕСПЧ «Ананьев и другие против Российской Федерации» от 10 января 2012 г., в котором были отмечены структурные нарушения, имеющие место как в законодательстве, так и в правоприменительной практике Российской Федерации, касающиеся избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и условий содержания под стражей.

В связи с этим Постановлением в Российской Федерации был принят План действий по исполнению указанного решения ЕСПЧ. В нем, в частности, отмечена важность обеспечения взвешенного подхода к избранию меры пресечения в виде заключения под стражу и необходимость более

широкого применения мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. Исходя из этого, можно сказать, что избрание и применение мер пресечения, альтернативных заключению под стражу, является насущным для исправления ситуации, сложившейся в Российской Федерации.

В настоящее время наметились тенденции, направленные на то, чтобы по определенным категориям уголовных дел, лица, привлекаемые к уголовной ответственности, не заключались под стражу и в отношении них избирались менее строгие меры пресечения. Это касается уголовных дел по обвинению в преступлениях, связанных с предпринимательской или иной экономической деятельностью. Хотя есть случаи, когда в отношении таких лиц избирается мера пресечения в виде заключения под стражу.

В связи с этим имеет значение необходимость избрания иных мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. Так, в качестве альтернативной меры пресечения, может выступать залог. Кроме того, в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации введены новые меры пресечения, такие, как домашний арест, запрет определенных действий. Данные меры пресечения также могут выступать в качестве альтернативных, по отношению к заключению под стражу. Хотя в большей степени ими могут являться домашний арест и запрет определенных действий, нежели чем залог. Все эти меры пресечения — залог, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу избираются по судебному решению. При этом та или иная мера пресечения, которая избирается судом, характеризуется наличием меньшего количества запретов и ограничений по сравнению с заключением под стражу. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу можно отметить наличие наибольшего количества ограничений и запретов, которые должны быть справедливыми и соразмерными. По сравнению с заключением под стражу домашний арест имеет меньше запретов и ограничений.

На важность полномочий суда в осуществлении контроля при избрании заключения под стражу и домашнего ареста обращается внимание Конституционным Судом РФ в постановлении по делу о проверке конституционности ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина от 6 декабря 2011 г. № 27-П. В этом постановлении, в частности, указано, что «всякое ограничение и лишение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с не-

обходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в процессе судопроизводства либо в виде уголовного или административного наказания, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности, исходя из его законодательно установленных пределов» [1, с. 12–21].

Таким образом, деятельность суда должна способствовать законному и обоснованному избранию меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста. В свою очередь, домашний арест может выступать альтернативой по отношению к заключению под стражу.

Как представляется, указанных мер пресечения пока еще недостаточно, чтобы они выступили в качестве альтернативных по отношению к заключению под стражу. На наш взгляд, существует необходимость в разработке еще и других мер пресечения, некоторые из которых впоследствии могут стать альтернативой заключению под стражу.

Это вызвано тем, что альтернативные меры пресечения пока еще не получили достаточного распространения на практике. Так, очень мало применяется залог. В большей степени распространение получило избрание и применение домашнего ареста. Такая мера пресечения, как запрет определенных действий, применяется сравнительно недавно. При этом следует иметь в виду следующее.

Так, в большинстве случаев меры пресечения избираются в ходе предварительного расследования, когда с ходатайством об избрании той или иной меры пресечения в суд обращается следователь или дознаватель, представляющие сторону обвинения. С этой целью следователь и дознаватель должны вынести соответствующее постановление, в котором излагается необходимость избрания меры пресечения.

В данной ситуации можно обратить внимание на объективный и субъективный факторы, как мы полагаем, при инициировании следователем или дознавателем подготовки постановления об избрании меры пресечения именно в виде заключения под стражу. Субъективный фактор может проявляться в том, что следователь или дознаватель в силу своих убеждений, правосознания и других личностных качеств могут прийти к выводу о необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Следственной практике известны следователи, которые по всем имеющимся у них в производстве уголовным делам стараются вынести постановление об избрании меры пресечения именно в виде заключения под стражу, хотя

необходимость в избрании такой меры пресечения возникает не всегда. Эти убеждения следователя о необходимости избрать меру пресечения именно в виде заключения под стражу могут свидетельствовать об определенной профессиональной деформации такого следователя. И конечно же, должны быть гарантии, чтобы следователь был беспристрастным, объективным при принятии процессуальных решений, включая вынесение постановления, связанного с необходимостью избрания меры пресечения. Хотя не исключается и инициатива следователя, дознавателя в инициировании другой меры пресечения, не связанной с заключением под стражу.

Что касается проявления объективного фактора, касающегося подготовки постановления о заключении под стражу, то он, на наш взгляд, обусловлен ходом расследования, необходимостью избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, когда промедление с ее избранием может отрицательно сказаться на ходе расследования и в дальнейшем на итогах судебного разбирательства. Это становится вполне очевидным, когда лицо намеревается скрыться от следствия, в частности, продает имущество, сообщает кому-либо о своем намерении выехать из данного места жительства. Поэтому возникают обоснованные объективные данные, когда не имеется альтернатив избранию меры пресечения в виде заключения под стражу. Помимо этого, невозможность избрания иной, чем заключение под стражу, меры пресечения может быть связана со сведениями о личности. Как представляется, это должно означать исключительные случаи в избрании данной меры пресечения, когда действительно нельзя избрать другую, менее строгую меру. В частности, когда лицо привлекается к ответственности за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления и при этом есть реальная угроза тому, что это лицо может скрыться. И одновременно, лицо по своим качествам представляет реальную опасность совершения им нового преступления или же опасность для окружающих. Однако одна только тяжесть совершенного преступления не может являться решающим обстоятельством для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Хотя, по мнению О. И. Цоколовой, «правильным было бы введение таких положений закона, в соответствии с которыми мера пресечения избирается в соответствии с тяжестью совершенного преступления» [2, с. 43].

Между тем, данная позиция вызывает возражения потому, что тяжесть преступления не может выступать в качестве единственного основания

для избрания меры пресечения, и в частности, для такой меры пресечения, как заключение под стражу. Это может исходить из того, что тяжесть совершенного преступления может не совпадать со сведениями о личности, и поэтому нельзя будет отождествлять тяжесть преступления с данными о личности. Кроме того, имеются случаи ошибочной и неточной квалификации действий лица, в отношении которого рассматривается ходатайство об избрании меры пресечения. Более того, есть факты заведомо неправильной квалификации совершенного лицом деяния с целью избрать в отношении него меру пресечения в виде заключения под стражу. Могут возникнуть и другие ситуации, связанные с необходимостью, по мнению органа предварительного расследования, избрать в качестве меры пресечения заключение под стражу.

Следует иметь в виду также и случаи, когда мера пресечения в виде заключения под стражу избирается в других целях. Так, если обвиняемый проживает достаточно далеко и его прибытие к следователю или к дознавателю проблематично, то для следователя или дознавателя удобнее, чтобы это лицо содержалось под стражей, если следственный изолятор находится недалеко от места производства предварительного расследования.

Такое же отношение к подозреваемому обвиняемому при решении вопроса об избрании меры пресечения могут продемонстрировать не только следователи и дознаватели, но и прокуроры и судьи в ходе рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, когда решается вопрос именно о возможности избрания другой более мягкой меры пресечения.

Между тем, имеются ситуации, когда некоторые судьи убеждены в необходимости избрания меры пресечения именно только в виде заключения под стражу по некоторым категориям уголовных дел, в частности, по уголовным делам о незаконном обороте наркотических веществ. Здесь также можно отметить роль субъективного фактора при принятии судьей решения о заключении под стражу. Поэтому, какими бы не были аргументы обвиняемого или защитника, что имеется возможность для избрания иной меры пресечения, чем заключение под стражу, если судья имеет убеждение, что необходимо в любом случае избирать меру пресечения в виде заключения под стражу, то никакие соображения не смогут его переубедить в том, чтобы избрать иную альтернативную меру пресечения. Разумеется, что судья не должен иметь таких убеждений. Их наличие может свидетельствовать о его необъективности или же о профессиональной деформации. Необ-

ходимо добиваться того, чтобы судьи принимали решения взвешенно, беспристрастно, справедливо. При этом, возможно, потребуется применение определенных средств и методов, позволяющих добиться того, чтобы судьи проявляли объективность. Не исключено, что должны существовать определенные гарантии, не дающие возможности судье продемонстрировать субъективизм при избрании меры пресечения, в частности, такой, как заключение под стражу. Однако данная тема выходит за пределы настоящей статьи и требует отдельного изучения.

Следует иметь в виду, что в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» отмечается, что «рассматривая вопросы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении ее действия, суд обязан в каждом случае обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также от стадии производства по делу» [3, с. 14]. Таким образом, Верховный Суд РФ нацеливает суды на избрание меры пресечения, альтернативной заключению под стражу.

Кроме того, разъяснение высшей судебной инстанции свидетельствует о необходимости судебной защиты лица, в отношении которого может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, независимо от его обращения в суд.

Эти факторы могут иметь место при решении вопроса об избрании альтернативных мер пресечения, которые также должны способствовать выполнению целей, стоящих в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

О необходимости избрания меры пресечения, альтернативной заключению под стражу, следователю может быть указано руководителем следственного органа, а дознавателю-прокурором при согласовании вопроса об избрании меры пресечения, когда с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения к руководителю следственного органа обращается следователь, а к прокурору обращается дознаватель. Такие случаи имеют место, но они не получили большого распространения. К указанным должностным лицам с ходатайством об избрании альтернативной меры пресечения вправе обратиться само лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, либо адвокат, которые могут ходатайствовать перед ними об избрании альтернативной меры пресечения. Безусловно, нельзя

рассматривать как невозможность избрания меры пресечения иной, чем заключение под стражу, как неспособность или нежелание самого следователя или дознавателя избрать иную меру пресечения ввиду его отношения к подозреваемому, обвиняемому в силу различных причин. Так, некоторые следователи и дознаватели связывают невозможность избрания другой меры пресечения, чем заключение под стражу, с получением каких-либо денежных сумм от обвиняемого, которые тот должен внести на депозит суда либо сложностями при оформлении меры пресечения в виде домашнего ареста и т. д. Такие причины, на наш взгляд, не могут означать невозможность избрания другой меры пресечения, чем заключение под стражу.

В этой ситуации, как представляется, является необходимым конкретизировать понятие «невозможность» при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Разумеется, что понятие «невозможность избрания и применения другой, более мягкой меры пресечения» напрямую связано с избранием и применением альтернативных мер пресечения. В юридической литературе отмечается, что «утверждение о невозможности избрания иной, более мягкой меры пресечения говорит о необходимости доказывания наличия не достаточности оснований полагать, а единственно верного вывода о том, что иного выхода нет, необходимо лишать человека свободы до вступления приговора по уголовному делу в законную силу» [4, с. 91].

Представляется, что указанное определение является правильным, но, видимо, не оптимальным для того, чтобы было ясно, когда действительно невозможно избрать иную меру пресечения. Данное понятие, на наш взгляд, может быть сформулировано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Между тем, если ни следователь, ни дознаватель, ни руководитель следственного органа, ни прокурор не пришли к мнению о необходимости избрания другой меры пресечения, чем заключение под стражу, то право ее избрания остается за судом. Такая ситуация становится возможной, когда суд, рассматривает ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, которое представляется в суд следователем или дознавателем. Так, согласно ч. 7¹ ст. 108 УПК РФ при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу судья, по собственной инициативе, вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения

в виде запрета определенных действий, залога или домашнего ареста. Таким образом, суд вправе избрать меру пресечения, альтернативную заключению под стражу. Избрание судом меры пресечения другой, нежели заключение под стражу, происходит достаточно редко в силу различных причин. Судьи далеко не всегда по собственной инициативе решаются избрать иную, чем заключение под стражу, меру пресечения. Суд может не обладать полной информацией о лице, в отношении которого может быть избрана иная мера пресечения. Кроме того, принятие решения также зависит и от «степени риска», которую должен определить и сопоставить суд, а также определить те предупредительные возможности, которые потенциально заложены в каждой из мер пресечения, как справедливо отмечает С. В. Бурмагин. По его мнению, «степень риска» определяется не только и не столько из фактических обстоятельств, подтверждающих юридические основания мер пресечения, заложенных в ст. 97 УПК РФ, сколько на основе других данных, которые в соответствии со ст. 99 УПК РФ следует дополнительно учитывать в качестве обстоятельств, значимых для меры пресечения [5, с. 68]. С этим выводом следует согласиться.

Принимая решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, суд должен располагать сведениями о возможности, например, наличия у подозреваемого, обвиняемого помещения, в котором тот сможет находиться. Что касается избрания меры пресечения в виде залога, то суд должен иметь сведения о том, какими средствами обладает данное лицо, чтобы можно было избрать в отношении него меру пресечения в виде залога. Такую информацию суду вправе представить стороны по делу. Так, лицо, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения, вправе сообщить суду о наличии у него жилья либо определенных денежных сумм, что должно быть проверено судом, и это не всегда возможно, тем более, если лицо в этот момент содержится под стражей. И не по каждому делу в процессе участвует защитник, который мог бы представить суду необходимую информацию, касающуюся возмож-

ности избрания меры пресечения, альтернативной заключению под стражу.

При этом могут иметь место ситуации, при которых можно, на наш взгляд, решать вопрос об избрании меры пресечения, альтернативной заключению под стражу, по-иному. Ранее нами отмечалось, что «может возникать необходимость в одновременном (комбинированном) избрании нескольких мер пресечения. Это еще в большей степени даст возможность увеличить объем правоограничений, устанавливаемых в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и может выступить новой мерой пресечения, альтернативной заключению под стражу. Если будут разработаны меры пресечения, альтернативные заключению под стражу, то они могли бы избираться как в порядке замены заключению под стражу, так и самостоятельно» [6, с. 65].

Известно, что в УПК РФ нет запретов для избрания одновременно нескольких мер пресечения. Хотя пока такой практики не имеется. Избрание одновременно нескольких мер пресечения (если это будет воспринято), может как представляется, повысить эффективность их применения, станет способствовать решению задач, стоящих в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Это, возможно, будет происходить в результате избрания такой меры пресечения, как запрет определенных действий. Так, в юридической литературе указано, что «изменения, внесенные в УПК РФ, касающиеся меры пресечения в виде запрета определенных действий, не только ввели в российский уголовный процесс новую меру пресечения, но и создали нормативные основы для комбинированного применения мер пресечения по судебному решению, т. е. сочетания домашнего ареста или залога и запрета определенных действий» [7, с. 107].

Действительно, такая мера пресечения, как запрет определенных действий, могла бы применяться в купе, например, с залогом, либо с какой-либо новой мерой пресечения (которая еще не разработана), что дало бы возможность избирать более широко меры пресечения, альтернативные заключению под стражу.

Литература

1. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. № 1. С. 12–21.
2. Цоколова О. И. Современные тенденции развития института мер процессуального принуждения // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2. С. 42–43.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2. С. 14.
4. Пикалов И. А. Проблемы соответствия превентивного лишения свободы отдельным принципам уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2009. 152 с.

5. Бурмагин С. В. Как обосновать переход на альтернативную меру пресечения, когда следователь ходатайствует о заключении под стражу // Уголовное право. 2018. № 10. С. 60–69.
6. Руднев В. И. О необходимости разработки новых мер пресечения, альтернативных заключению под стражу // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 60–65.
7. Марковичева Е. В. Запрет определенных действий как основа избрания комбинированных мер пресечения // Уголовное право. 2019. № 2. С. 107–111.

References

1. Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation]. 2012, no. 1, pp. 12–21. (In Russian)
2. Tsokolova O. I. Sovremennyye tendentsii razvitiya instituta mer protsessual'nogo prinuzhdeniya [Modern trends in the development of the institution of measures of procedural coercion]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, no. 2, pp. 42–43. (In Russian, abstract in English)
3. Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2014, no. 2, p. 14. (In Russian)
4. Pikalov I. A. Problemy sootvetstviya preventivnogo lisheniya svobody ot del'nym printsipam ugovnogo sudoproizvodstva [Problems of compliance of preventive deprivation of liberty with individual principles of criminal proceedings]. Moscow, 2009. 152 p. (In Russian)
5. Burmagin S. V. Kak obosnovat' perekhod na al'ternativnuyu meru presecheniya, kogda sledovatel' khodataystvuyet o zaklyuchenii pod strazhu [How to justify the transition to an alternative measure of restraint when the investigator applies for detention]. Uголовное право [Criminal law], 2018, no. 10, pp. 60–69. (In Russian, abstract in English)
6. Rudnev V. I. O neobkhodimosti razrabotki novykh mer presecheniya, al'ternativnykh zaklyucheniyu pod strazhu [On the need to develop new preventive measures alternative to detention]. Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law], 2009, no. 6, pp. 60–65. (In Russian, abstract in English)
7. Markovicheva Ye. V. Zapret opredelennykh deystviy kak osnova izbraniya kombinirovannykh mer presecheniya [The prohibition of certain actions as the basis for the election of combined preventive measures]. Uголовное право [Criminal Law], 2019, no. 2, pp. 107–111. (In Russian, abstract in English)

КРИМИНОЛОГИЯ

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ, БЕЗОПАСНЫХ ДЛЯ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ

Антонян Елена Александровна

***Цель:** рассмотреть актуальные вопросы обеспечения безопасной среды для детей, в том числе в условиях города, являющиеся приоритетными в отечественной государственной политике, поскольку речь идет о сохранении и сбережении молодых россиян.*

***Методология:** диалектический, сравнительно-сопоставительный, логический методы, а также методы анализа и синтеза.*

***Выводы.** На основе комплексного анализа действующего федерального и регионального законодательства и практики его применения, а также зарубежного опыта, выявлены проблемы недостаточной эффективности норм законодательства, применяемых в практической деятельности специальных органов и служб. В связи с этим необходимо закрепить проведение систематического мониторинга состояния нормативного обеспечения всех систем, в той или иной степени взаимодействующих с детьми, что позволит выявить факторы, повышающие безошибочность и эффективность работы заинтересованных органов.*

***Научная и практическая значимость.** Проведенный комплексный анализ отдельных вопросов обеспечения безопасной среды для жизни детей позволил выявить отдельные пробелы действующего законодательства, противоречия норм регионального законодательства, необходимость проведения криминологического мониторинга информационных потоков о современных системах законодательного обеспечения деятельности по развитию комплексной системы мер, направленной на детствосбережение и формирование безопасной среды для здорового и полноценного развития ребенка в едином жизненном пространстве России в соответствии с целями демографической политики, принципами социально ориентированной политики государства и национальной экономики, стимулирования регионального развития.*

***Ключевые слова:** детствосбережение, обеспечение безопасности, школа, городская среда, рекомендации, психологическая служба, меры, мероприятия, законодательство.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00752 «Город как территория безопасности: человек, общество, власть»

Одним из основных приоритетов государственной политики последних лет является всемерная забота о сохранении и сбережении россиян, особенно молодого поколения. Создание безопасной среды обитания детей — это обеспечение будущего страны.

Безопасность детей — это состояние защищенности жизненно важных интересов ребенка от внутренних и внешних угроз. Указанные угрозы могут наступить несовершеннолетнего только в тех средах, в которых он пребывает: дом (семья), воспитательные и образовательные организации

(детский сад, школа, колледж, ВУЗ), досуговые, спортивные, медицинские и иные организации (секции, стационары, поликлиники и т. д.), город (двор и улица), а также места отдыха (курортные зоны, туристические объекты и др.).

Участие в обеспечении безопасности ребенка во всех указанных средах возможно по большей мере только со стороны родителей. Именно они могут и должны сопровождать детей в их пребывании в среде, потенциально угрожающей безопасности.

Проблема детствосбережения остается актуальной как для России, так и для всего мира. Обусловлено это как масштабами планетарных кризисов, которые сотрясают современный мир, так и нерешенными проблемами внутри каждого

общества, многие из которых обусловлены технологическими изменениями окружающей действительности и не подготовленностью людей к этим изменениям.

Объективно трансформация современного института семьи сопровождается высоким уровнем разводов и, как следствие, ростом социального неблагополучия, что сопряжено с пьянством и алкоголизмом родителей, употребления ими наркотиков, семейным насилием. В результате приходится констатировать деградацию семейных ценностей, что приводит к социальным сиротству детей при живых родителях.

Политика детствосбережения — это область государственной политики, направленная на укрепление семьи, повышение рождаемости детей, при соблюдении приоритета охраны материнства и прав ребенка.

Действующее российское законодательство учитывает требования международных стандартов в области защиты прав детей, направленные на здоровое и полноценное развитие ребенка.

Детствосбережение — одна из основных стратегий деятельности государства. Основной закон Российской Федерации указывает на то, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (статья 38 Конституции РФ).

В 2017 г. был издан Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». В рамках данного Указа Правительством РФ был утвержден План основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июля 2018 г. № 1375-р).

Рассматриваемый План содержит 15 разделов-направлений, одним из которых является обеспечение безопасности детей. Данное направление предусматривает:

— разработку рекомендаций по обеспечению антитеррористической защищенности организаций отдыха детей и их оздоровления палаточного типа и мест массовых мероприятий с детьми, проводимых в природной среде;

— проведение мероприятий, направленных на формирование культуры безопасности жизнедеятельности детей;

— разработку механизма контроля за перемещением организованных детских туристских групп, в том числе с применением информационных технологий, обеспечивающих возможность незамедлительного реагирования подразделений МЧС России в случае возникновения чрезвычайных ситуаций;

— разработку и внедрение типовых решений по обеспечению доступности и безопасности эвакуационных выходов в образовательных организациях.

Идея сбережения детства — совокупность аксиологического, системного, личностно ориентированного, средового, деятельностного подходов как методологической основы моделирования процесса формирования личности ребенка с целью создания безопасной, развивающей среды жизнедеятельности детей, их развития и социализации.

Правовой основой современной государственной политики в сфере детствосбережения является *систематизированное законодательство*, которое обладает целой системой правовых средств воздействия на общественные отношения, складывающиеся в сфере формирования безопасной среды для здорового и полноценного развития ребенка. Причем эти правовые средства требуют динамичности и должны отвечать изменяющимся потребностям общества.

Федеральное законодательство включает в себя рамочные нормативные правовые акты, которые направлены на комплексное обеспечение безопасности несовершеннолетних, а также законы, регулирующие вопросы безопасности в отдельных сферах взаимодействия личности с источником опасности, где есть отдельные нормы, посвященные особому обеспечению безопасности несовершеннолетних. Следовательно, на федеральном уровне существует базовая нормативная основа для выделения комплексной правовой отрасли законодательства, которое может сформировать ювенальное право, имеющее свой предмет правового регулирования в виде комплекса общественных отношений, обеспечивающих нормальное нравственное и физическое развитие ребенка, со своей системой источников и специфическими субъектами, а также механизмом привлечения к ответственности за нарушение данных общественных отношений, которые содержатся в административно-деликтном и уголовном законодательстве. Высказанная позиция носит дискуссионный характер и не может рассматриваться безапелляционно, поскольку имеются риски, связанные с реализацией некоторых норм законодательства в сфере охраны интересов детей. Вместе с этим, в России формируется такая комплексная отрасль, система источников которой содержит обширное число подзаконных актов, в силу объема которых не представляется возможным уместить их подробный обзор в рамках данного исследования.

Проведенный анализ регионального законодательства показал, что не во всех регионах законодательно закреплён порядок взаимодействия между субъектами обеспечения безопасности несовершеннолетних, что затрудняет работу таких органов и снижает ее эффективность.

Стратегическое развитие Российской Федерации предусмотрено рядом нормативно-правовых актов:

1) на Федеральном уровне действует Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». При этом субъекты РФ разрабатывают свои Стратегии социально-экономического развития в соответствии с региональными особенностями.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривает следующие целевые ориентиры:

— стратегической целью является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан;

— уровень доходов и качество жизни россиян к 2020 году достигнет показателей, характерных для развитых экономик. Это означает высокие стандарты личной безопасности, доступность услуг образования и здравоохранения требуемого качества, необходимый уровень обеспеченности жильем, доступ к культурным благам и обеспечение экологической безопасности.

2) Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

3) Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

Рассматриваемая стратегия направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также на недопущение снижения качества жизни населения.

Рассматриваемая стратегия является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Также

стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны.

Реализация намеченных стратегий позволит обеспечить безопасную и комфортную среду для всего населения и, в частности, для детей.

На государственном уровне утверждены также Программы развития, в той или иной степени предусматривающие необходимость обеспечения детствабережения и безопасной среды для детей. Например, Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» (СЗ РФ. 2018. № 1 (Часть II). Ст. 373). Одним из направлений рассматриваемой программы является «Развитие медицинской реабилитации и санаторно-курортного лечения, в том числе детей».

Представляется необходимым закрепить единую терминологию в сфере обеспечения безопасности детей на законодательном уровне для устранения множественности толкования.

Вместе с тем не представляется возможным выработать единый подход к законодательному регулированию вопроса о безопасности детей на субъектном уровне в связи с региональными особенностями субъектов Российской Федерации.

Представляет интерес Австрия в решении вопроса о детях, утративших родителей. Австрия, охраняя интересы детей выделяет огромные денежные средства на разные программы, в том числе материальное обеспечение детей без родителей. Выделяемые денежные средства представлены крупной статьей расходов государства при реализации семейной политики в стране (до 70 %), не говоря о других льготах. Особое место в обеспечении детей без родителей занимают созданные «детские деревни», призванные социализировать и оказывать всю необходимую помощь (педагогическая, психологическая, правовая, медицинская) и условия детям (общее образование, досуг, спорт), которые там находятся.

Органы власти выполняют возложенные на них права и обязанности, опираясь также на такие нормативно-правовые акты, как гражданский кодекс, семейный кодекс, законы, посвященные защите прав ребенка, указы премьер-министра и т. д.

Так, законом № 2016-297 устанавливается, что социальная защита детей включает в себя про-

филактические меры в интересах ребенка и его родителей, организацию отслеживания и рассмотрение ситуаций, связанных с опасностью или опасностью для ребенка, а также административных решений и судебные решения, принятые для его защиты. В соответствующих службах работает телефонная линия, по которой несовершеннолетнее лицо может обратиться за психологической, юридической и иной помощью.

Основу уголовного законодательства Англии, регулирующего обращение с несовершеннолетними, составляет Закон о детях и молодежи 2008 года.

Несовершеннолетними, по английскому законодательству, являются лица, не достигшие 18 лет, при назначении наказания к ним приравниваются также молодые люди в возрасте до 21 года. Согласно Закону о детях и молодежи 2008 года, несовершеннолетние делятся на детей: лиц в возрасте до 12 лет, и подростков — лиц в возрасте от 12 до 18 лет.

В Великобритании создано огромное количество благотворительных фондов и трастов по защите несовершеннолетних. Таковыми являются: CCS Adoption, Children 1st — Scotland's National Children's Charity (Главное — дети, Шотландский Национальный Детский Фонд), Save the Children (Спасем Детей), Child accident prevention trust (Траст по предотвращению несчастных случаев с детьми), Daisy's Dream (Мечта Дейзи), Childhope UK (Детская надежда) — и т. д. Всего на данный момент на территории Великобритании официально зарегистрировано более 400 благотворительных организаций.

В Великобритании существует специализирующееся на вопросах безопасности общество — Национальное сообщество по предотвращению жестокого обращения с детьми (NSPCC), являющееся благотворительной кампанией и занимающееся защитой детей в Великобритании и на Нормандских островах.

Главными принципами деятельности являются заложенные в Конвенции о правах ребенка положения:

- дети должны быть защищены от всех форм насилия и эксплуатации;
- каждый несет ответственность за поддержку и защиту детей;
- мы прислушиваемся к детям и молодежи, уважаем их взгляды и реагируем на них напрямую;
- дети должны поощряться и иметь возможность реализовать свой потенциал;
- мы бросаем вызов неравенству в отношении детей и молодежи;

— каждый ребенок должен иметь к кому обратиться.

NSPCC лоббирует правительство по вопросам, касающимся благополучия детей, и создает кампании для широкой общественности с целью повышения осведомленности о вопросах защиты детей. Оно также работает как телефон доверия для тех, кто обеспокоен ребенком, а также ChildLine предлагает поддержку для самих детей. Childline стала частью NSPCC в 2006 году. В дополнение к телефонным линиям помощи NSPCC предоставляет услуги онлайн-консультирования для детей и молодежи в ChildLine.

NSPCC управляет местными сервисными центрами по всей Великобритании, где оно помогает детям, молодым людям и семьям. С 2009 года NSPCC руководит консультационной службой по защите детей, целью которой является сделать организации более безопасными для детей. Предлагаются специальные программы обучения и консультации организациям, которые имеют контакт с детьми, начиная от школ до спортивных органов. Благотворительная организация работает через местные Советы по защите детей (LSCBs), где полиция, органы здравоохранения, социальные и образовательные органы и другие структуры могут работать вместе.

В США в большинстве штатов существуют Агентства по защите детей, которые занимаются вопросами безопасности и защиты детей в конкретном штате (См.: *Child Protection and Family Services Agency* // URL: <http://childprotection.gov.jm/> (дата обращения: 10.11.2019)).

Эти учреждения отвечают за получение сообщений о жестоком обращении с детьми, расследование случаев предполагаемого жестокого обращения с детьми, а также за переселение подвергшихся жестокому обращению или безнадзорных детей в безопасную среду.

Американское Профессиональное общество по вопросам жестокого обращения с детьми является одной из самых известных организаций, осуществляющих свою деятельность в данной сфере. Она направлена на предоставление инструментов и фактов жестокого обращения с детьми, которые им необходимы для того, чтобы эффективно помочь детям, которые стали жертвами насилия, а также помочь их семьям справиться с травмой, которую переживает их ребенок.

Рассмотренный зарубежный опыт представляет интерес: мы видим отсутствие единой практики в сфере обеспечения защиты прав детей и их безопасности.

Таким образом, условно политику зарубежных государств в рассматриваемой сфере можно

разделить на следующие виды: модель активного участия государства, модель пассивного участия государства и смешанную модель.

Весьма актуальной остается проблема бедности, особенно многодетных семей, семей, имеющих детей-инвалидов, а также неполных семей. При этом наблюдается снижение уровня рождаемости. Все это препятствует здоровому и полноценному развитию детей.

Одной из основных отраслей научно-технического потенциала является информационный потенциал, представляющий собой сферу деятельности по сбору, обработке и выдаче информации, необходимой для функционирования всего общества. Информационное обеспечение позволяет оперативно ориентироваться в происходящих процессах, а также получать более достоверную информацию.

Здесь наблюдается прямая взаимосвязь элементов социально-экономического потенциала страны между собой. При развитии одной сферы жизнедеятельности общества происходит развитие и иных сфер.

Российская Федерация идет по пути устойчивого развития — целенаправленного наращивания экономического потенциала путем мотивации хозяйственных субъектов к расширенному воспроизводству, повышению конкурентоспособности продукции и услуг, а также качества жизни населения.

Перспективы социально-экономического развития экономики России напрямую связываются с условиями региональной инвестиционной активности, которые выражаются в инвестиционном потенциале территории.

Основным условием развития социально-экономического потенциала России является развитие ее регионов, выраженное в совокупности ресурсно-сырьевых, природных, научно-технических, трудовых и информационных ресурсов субъектов Российской Федерации.

Во многих субъектах Федерации, помимо федеральных денежных выплат и пособий, предусмотрены свои региональные пособия семьям с детьми. В отличие от общегосударственных выплат, порядок предоставления и размеры областных, краевых, республиканских пособий регулируются нормативно-правовыми актами местных органов власти. В связи с этим, в различных регионах, устанавливается не только различная сумма такой помощи, но и разные виды и основания ее получения. Например, в г. Москве в целях поддержки молодых семей в решении их социально-бытовых проблем, связанных с рождением

ребенка, предоставляются выплаты при рождении ребенка одновременно молодым семьям на каждого новорожденного ребенка, постоянно проживающим в Москве; жители Подмосковья имеют право на выплаты как дополнительную меру социальной поддержки при рождении (усыновлении) детей.

Натуральная форма помощи выражена в предоставлении жилья семьям с детьми, бесплатного проезда в общественном транспорте, обеспечении топливом, бесплатных выдач семьям с детьми питания, одежды, медикаментов и т. д.

С целью анализа современного состояния нормативного обеспечения всех систем, взаимодействующих с детьми, проведен мониторинг открытой информации в сети Интернет и составлен обзор наиболее популярных сайтов о безопасности детей.

Мониторинг открытой информации в сети Интернет проведен через наиболее распространенную русскоязычную поисковую систему Яндекс (www.yandex.ru).

В поисковую строку были введены следующие запросы: «системы, взаимодействующие с детьми», «межведомственное взаимодействие в интересах детей», «взаимодействие в интересах детей», «взаимодействие государственных органов в интересах детей», «безопасность детей», «правовые основы безопасности детей», «детствосбережение», «правовые основы детствосбережения», «информационная безопасность детей», «безопасная образовательная среда», «безопасность детей на дорогах», «безопасность детей в общественных местах», «безопасность детского отдыха», «среда, безопасная для детей».

Проводилось визуальное исследование содержания сайта, поиск разделов, логически связанных с формированием среды, безопасной для детей (например, исследовались разделы: «Детям», «Родителям», «Безопасность», и т. д.). Затем осуществлялись переходы по ссылкам и последующее детальное изучение страниц сайтов на наличие требуемой информации, а также проводился поиск информации по вопросу формирования среды, безопасной для детей через внутренний сервис сайта «Поиск» путем внесения следующих ключевых фраз: «безопасность», «детская безопасность», «безопасная среда».

Для проведения обзора научных источников по вопросу формирования среды, безопасной для детей, изучен фонд Российской государственной библиотеки, фонд Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также библиотечные ресурсы различных сайтов в сети Интернет.

Для получения в результате мониторинга структурированной информации, безопасность детей была условно разделена на следующие сферы:

1. информационная безопасность детей;
2. безопасность детей в образовательной среде;
3. безопасность детского отдыха;
4. безопасность детей в общественных местах;
5. безопасность детей на дорогах.

Изучение открытой информации в сети Интернет показало, что большая часть интернет-контента посвящена информационной безопасности детей.

Проведенное исследование показало, что детское информационное пространство включает в себя как традиционные формы информации (информация на бумажных носителях в виде книг, журналов и т. п.), так информационные потоки, получаемые с помощью современных технологий (телевизора, компьютера, планшета, смартфона, сотового телефона, сети Интернет и т. п.).

Формирование и ведение Единого реестра, действующего с 1 ноября 2012 г., осуществляется Роскомнадзором.

В Едином реестре выделено четыре вида информации, признанной особо опасной: детская порнография, продажа и изготовление наркотиков, призывы к осуществлению самоубийств, азартные игры.

В настоящее время Роскомнадзором обработано более 325 тыс. обращений, на основании которых более 104 тыс. сайтов и (или) указателей страниц сайтов в сети Интернет были включены в Единый реестр.

Роскомнадзором совместно с Роспотребнадзором на регулярной основе ведется также работа с популярными социальными сетями «ВКонтакте» и «Instagram» по удалению запрещенной информации и блокировке сайтов (страниц сайтов), активными пользователями которых являются в основном несовершеннолетние. Исследуются такие социальные сети, как «Одноклассники», «Мой мир», «Twitter», «Facebook».

Особенно пристальное внимание Роскомнадзор уделяет блокировке так называемых «групп смерти» — новому вызову для безопасности детей и подростков в социальных сетях.

Необходимо отметить, что раздел «Безопасность» размещен на сайтах многих общеобразовательных учреждений России. Тем не менее, вопросы образовательного пространства, как показывает мониторинг, пока недостаточно исследованы и апробированы в направлении осуществления безопасности детей и молодежи его средствами.

Эксперты высказывают мнение о том, что нормативно-правовая база, предусматривающая взаимодействие всех субъектов образовательного пространства в выработке консолидированной политики и практики межрегионального, межотраслевого взаимодействия по обеспечению безопасности детей и молодежи недостаточно развита; не развита научно-методическая и технологическая база данного процесса.

Многие из действующих сегодня документов, обладают определенным детствеберегающим потенциалом, который надо в полной мере реализовать и повышать в ходе практической деятельности.

В образовательных учреждениях созданы социально-психологические службы, целью которых является создание необходимых педагогических, социально-психологических, физических условий развивающей среды для детей.

С педагогическим составом и обучающимися регулярно проводятся практические тренировки по эвакуации из зданий образовательных учреждений в случае возникновения различных чрезвычайных ситуаций.

Школьными комиссиями по охране труда периодически проводятся осмотры и составляются акты по техническому состоянию здания, спортивных сооружений и игровой площадки, находящихся на территории школы.

Острой проблемой последних лет является агрессия среди подростков, одной из причин которой эксперты называют «разрушение» системы инспекций по делам несовершеннолетних (ПДН). Плановое сокращение штата сотрудников МВД привело к исчезновению во многих территориальных отделах полиции должности инспектора ПДН. По мнению экспертов функции этой службы в основном заключались в профилактической и разъяснительной работе с трудными подростками. Кроме профилактики, система ПДН была полезна тем, что являлась сдерживающим фактором для подростковой преступности. Инспекторы могли штрафовать родителей трудных подростков, ставить подростков на учет и, в случаях нарушения закона, помещать в образовательные учреждения закрытого типа.

Экспертами также высказывается мнение о том, что для предотвращения такого рода преступлений нужно осуществлять досмотр личных вещей учащихся на предмет обнаружения веществ или предметов, запрещенных к проносу на территорию учебного учреждения.

Сегодня необходимо предложить концепции совершенствования законодательной деятельно-

сти по формированию безопасной среды для детей, в соответствии с основными стратегическими документами в области детствосбережения в Российской Федерации и в соответствии с международными актами с целью наилучшего обеспечения интересов ребенка в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, в том числе на основе проведения изучения:

- современных систем законодательного обеспечения безопасной детской среды в соответствии с основными стратегическими документами и целями национальной политики;

- лучших практик законодательного обеспечения безопасной детской среды в субъектах Российской Федерации;

- лучших зарубежных практик законодательного обеспечения безопасной детской среды.

Это позволит:

- выработать предложения по совершенствованию системы мер, направленных на обеспечение безопасной детской среды для гармоничного развития ребенка с учетом ресурсного потенциала государства с применением принципа опережающего развития экономики, а также лучших мировых практик;

- разработать предложения по созданию системы контрольно-оценочных показателей безопасности детей на различных уровнях в различных сферах жизнедеятельности;

- выработать предложения по подходам к имплементации компетентностной модели профессионального сопровождения ребенка на всех этапах развития личности, предполагающей межведомственное взаимодействие государственных учреждений и частного сектора экономики в интересах детей;

- сформулировать подходы к методике мониторинга состояния безопасной детской среды в Российской Федерации.

Для достижения более эффективного результата, позволившего скорректировать вопросы законодательного регулирования безопасности детей, представляется важным проведение анализа:

- информационных потоков о современных системах законодательного обеспечения деятельности по развитию комплексной системы мер, направленной на детствосбережение и формирование безопасной среды для здорового и полноценного развития ребенка в едином жизненном пространстве России в соответствии с целями демографической политики, принципами социально ориентированной политики государства и национальной экономики, стимулирования регионального развития;

- современного состояния нормативного обеспечения всех систем, взаимодействующих с детьми, выявление факторов, повышающих безошибочность и эффективность работы всех заинтересованных органов;

- актуальности и востребованности действующих норм, обеспечивающих безопасность детей с учетом региональных особенностей, а также предложений по формированию основ собственной безопасности у детей.

Все это позволит, с одной стороны, разработать предложения по совершенствованию систем, обеспечивающих безопасность детей, а с другой — сформировать подходы к совершенствованию законодательной деятельности по развитию среды, безопасной для детей в Российской Федерации в соответствии с политикой детствосбережения, целями национальной экономики и регионального развития, разработке отраслевых стандартов в данной сфере и формированию личной ответственности у детей за свою безопасность, а также выявление параметров мониторинга на содержательном, процессном и организационном уровнях.

Литература

1. Еферимова Л. Л., Кочерга С. А. Информационная безопасность детей. М.: Юнити-Дана, 2018. 240 с.
2. Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка: историко-теоретический аспект. М., 2015. 596 с.

Literature

1. Eferimova L. L., Kocherga S. A. Informatsionnaya bezopasnost' detei [Information security of children]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2018. 240 p. (In Russian)
2. Shamrin M. Yu. Administrativno-pravovoi status Upolnomochennogo po pravam rebenka: istoriko-teoreticheskii aspekt [Administrative and legal status of the Commissioner for the Rights of the Child: historical and theoretical aspect]. Moscow, 2015. 596 p. (In Russian)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

МЕСТО ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Козаченко Иван Яковлевич
Сабитов Тимур Рашидович

Цель: рассмотреть основные точки зрения относительно места правовых принципов в правовой системе, провести различия между принципом права и нормой права.

Методология: сбор, обработка, составление, анализ, интерпретация материала исследования осуществляются с использованием различных методов: индукция, дедукция, ретродукция, сравнительно-правовой анализ, статистический метод и др. В процессе написания статьи использованы социологические методы: анкетирование, обзор документов, экспертная оценка.

Выводы. Авторы приходят к выводу, что попытки разместить правовые принципы среди элементов системы права всегда будут безуспешными, потому что их место находится вообще за пределами системы права. Правовые принципы, будучи компонентом правовой идеологии, в конечном счете относятся к сфере правосознания.

Научная и практическая значимость. На основании проведенного исследования, изучив различные основные точки зрения относительно места правовых принципов в правовой системе, авторы отстаивают позицию, согласно которой правовые принципы являются компонентом правосознания, но не системы права.

Ключевые слова: правовой принцип, правовая система, система права, правосознание, правовая норма.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 18-29-14028/18

Вопрос о месте правовых принципов в правовой системе государства традиционно является достаточно сложным для теории права. По справедливому замечанию О. С. Иоффе, проблема состоит в том, что правовые принципы «трудно расположить в каком-либо строго определенном месте между ... подразделениями (правовыми нормами, институтами, отраслями. — И. К., Т. С.), так как существуют принципы, лежащие в основе института, подотрасли, отрасли и системы права в целом» [1, с. 45–46].

Содержание далеко не всех правовых принципов фиксируется в нормативно-правовых актах. Так, существуют «скрытые» принципы — это действующие правовые принципы, которые распространяются на определенную совокупность норм права, признаются наукой и юридической практикой, но не закрепляются в законодательстве текстуально. В этом случае вопрос о месте правовых принципов в правовой системе встает наиболее остро.

К настоящему времени данная проблема не получила должной степени разработки. В связи с этим среди правоведов не существует единого мнения о том, к какому компоненту правовой системы государства следует относить правовые принципы. Согласно наиболее распространенной в юридических науках точке зрения, принципы являются частью системы правовых норм (системы права). Опрос, проведенный нами среди научных и практических работников в сфере юриспруденции, подтвердил это — 79,9% респондентов поддерживают данную позицию (данные получены по результатам анкетирования в России 184 научных и практических работников (125 сотрудников правоохранительных органов, 4 судьи, 55 научно-педагогических работников)). Имеются и другие мнения по поводу места правовых принципов в правовой системе. Например, это юридическое явление относят к сфере правосознания, либо и вовсе считают самостоятельным структурным компонентом правовой системы.

Наиболее простой путь решения поставленного вопроса — это присоединиться к мнению большинства юристов, считающих правовые принципы частью нормативного компонента правовой системы. Однако эта точка зрения встречает препятствия, преодолеть которые достаточно трудно, если вообще возможно.

Согласно одной из точек зрения, правовые принципы являются частью нормативного компонента правовой системы — они ставятся в один ряд с юридическими нормами и правовыми институтами. Например, J. Daci утверждает: «Regardless of any minor difference, we should keep in mind that both legal rules and legal principles are legal norms, since both provide standardized manners of behavior for subjects of law» [2, с. 110] (*«независимо от каких-либо незначительных различий, мы должны помнить, что как правовые нормы, так и правовые принципы являются правовыми нормами, поскольку оба обеспечивают стандартизированные способы поведения субъектов права»* — прим. ред.). Автор полагает, что единственным отличием правовых принципов от правовых норм является то, что они имеют более общий характер, так как распространяют свое действие на неопределенное количество случаев. Правовые нормы же применимы в четко определенных обстоятельствах [2, с. 110–111].

Действительно, правовые принципы в силу присущей им универсальности можно соотнести с нормами права как «всеобщее» и «единичное». Если рассматривать это соотношение в динамике, то правовой принцип — это категория настолько обобщенная, что в будущем он может порождать неограниченное множество правовых норм.

Вместе с тем нельзя утверждать, что правовые принципы — это то же самое, что и правовые нормы только потому, что они так же предусматривают определенные стандарты человеческого поведения. Согласиться можно лишь с тем, что правовые принципы как и правовые нормы обладают признаком нормативности, поскольку отражают необходимую для государства и общества модель поведения. И это относится не только к тем из них, содержание которых закреплено в нормативном правовом акте, но также и к принципам, которые не закреплены в виде правовых норм. Например, такой принцип законотворчества как определенность (*nulla poena sine lege certa*) не называется в Уголовном кодексе ФРГ, но традиционно признается принципом германского уголовного права [3, с. 29].

Но нормативность как свойство быть регулятором, координатором деятельности людей присуща не только правовым нормам. Это верно подметил

С. С. Алексеев: «Правосознание тоже обладает известными чертами нормативности ... но нормативность правосознания иная, нежели нормативность права как институционального образования» [4, с. 113–114]. По мнению С. С. Алексеева, она заключается в осознании идеи законности, обязательности правовых норм, их социальной оправданности. В. К. Бабаев, в свою очередь, делал обоснованно более смелый вывод и утверждал, что нормативность вообще не относится к сугубо правовым явлениям: «Оно коренится в природе человека и присуще любому социальному организму» [5, с. 115]. Исходя из этого, правовые принципы недопустимо считать разновидностью правовых норм только лишь благодаря наличию у них свойства нормативности, так же как и нормы морали нельзя признать правовыми нормами только потому, что они предусматривают определенный вариант человеческого поведения.

Не отделял принципы права от правовых норм и С. С. Алексеев, считая, что оба понятия охватываются термином «нормативное предписание». Автор исходил из философской «теории активного центра», предполагающей наличие в целостном системном образовании особой области, выражающей наиболее интенсивные взаимодействия, которая накладывает своеобразный отпечаток на все образование в целом [6, с. 104–105]. Именно правовые принципы, на взгляд С. С. Алексеева, претендовали на роль активного центра в правовой системе.

Но объяснение места правовых принципов с точки зрения активного центра влечет явное противоречие. Если исходить из этой философской теории и называть правовые принципы активным центром и «сгустками правовой материи», как это делал С. С. Алексеев [7, с. 90], то следует согласиться с тем, что правовые принципы должны иметь те же качества, что и структурные элементы системы права, только в «повышенной концентрации». Иначе говоря, следует признать то, что правовой принцип должен обладать всеми свойствами правовой нормы (формальная определенность, общеобязательность, системность, обеспеченность принудительной силой государства и др.), но только в еще более явном, «концентрированном» виде.

Однако в реальности происходит наоборот — свойства правовой нормы в правовых принципах теряют свою концентрацию. Так, далеко не все принципы имеют текстуальное выражение в законе, а существуют лишь в общественном правосознании либо правовой доктрине; а такой признак правовой нормы как «обеспечение соблюдения

правовых принципов принудительной силой государства» в виду их предельно обобщенной формулировки является серьезной проблемой как для правоприменения, так и для правотворчества. Поэтому считать, что свойства правовой нормы в правовых принципах выражаются в более концентрированном виде — нет оснований.

Из вышеуказанной позиции С. С. Алексеева следует вывод: чтобы понять сущность системы права, следует изучить ее наиболее активные компоненты. Выражаясь иначе, необходимо исследовать саму систему правовых норм, в которую автор включал и правовые принципы. Однако имеются серьезные основания усомниться и в этом выводе.

Правовые нормы представляют собой продукт человеческой деятельности — нормотворчества, которое в свою очередь является частью правовой политики государства. Нельзя полноценно изучить результат деятельности, не зная, какие идеи в него вкладывались по задумке законодателя, а также как применять его на практике. По этому поводу А. Ashworth и J. Horder справедливо отмечают: «There is another sense in which study of the rules is unsatisfactory as the sole or primary approach to understanding the criminal law. English criminal law both is shaped and ought to be shaped by a number of principles, policies, and other standards and doctrines» (*«В другом смысле изучение правил не является удовлетворительным в качестве единственного или основного подхода к пониманию уголовного закона. Английское уголовное право формируется и должно определяться рядом принципов, политик и других стандартов и доктрин» — прим. ред.*) [8, с. 45]. Иначе говоря, нельзя полноценно понять право, изучая только его само.

Между тем правовые принципы — это и есть те идеи правовой политики, которые должны получить реализацию в нормах права. И находятся они отнюдь не в самих этих нормах, а в обладании тех властных субъектов, которые разрабатывают и реализуют правовую политику. Правовые принципы — это идеи, положенные в основу правотворчества либо правоприменения, это отношение властных субъектов к будущему или действующему праву. Поэтому, по нашему убеждению, безоговорочно можно согласиться с Е. А. Лукашевой в том, что «принцип права не является элементом содержания права, не может он быть и “чертой” его формы». «Принцип, — продолжает она, — выступает по отношению к форме и содержанию права как самостоятельная категория, выраженная в идее, требовании, предъявляемом к праву данной социально-экономической формации» [9, с. 21].

Но отношение к будущему или действующему праву — это и есть суть правосознания. Поэтому правы те авторы, которые видят место правовых принципов за пределами системы права, а именно, в правовой идеологии [10, с. 240; 11, с. 108; 12, с. 255; 13, с. 186]. В частности, В. В. Мальцев верно отмечал, что принципы права — это и есть принципы правосознания и исключать их из данной категории немыслимо [11, с. 108].

Некоторые юристы относят правовые принципы либо к правосознанию, либо к системе права в зависимости от того, получили ли они выражение в нормах права. Так, Н. А. Беляев отмечал, что принципы, не закрепленные в нормах права, следует включать в правосознание, а принципы, закрепленные в них, должны относиться к праву [14, с. 33]. Схожее мнение было у С. С. Алексеева, который полагал, что «начала, которые еще не закреплены в правовых нормах, не могут быть отнесены к числу правовых принципов. Они являются лишь идеями (началами) правосознания, научными выводами, но не принципами права» [6, с. 103].

Исходя из приведенных точек зрения, можно сделать вывод о том, что в правовой системе имеются, якобы, две отдельные правовые категории: принципы правосознания и принципы права. И различие между ними состоит в том, «закреплены» ли эти принципы в нормах права или нет. Но вопрос, что считать закреплением правовых принципов в законодательстве, до сих пор является дискуссионным. По этому поводу существуют две основные позиции.

Приверженцы первой из них выделяют непосредственное и косвенное закрепление принципов права. Так, о непосредственном закреплении принципов в праве можно говорить тогда, когда в норме права текстуально воспроизводится какой-либо принцип. Во всех остальных случаях, по их мнению, речь должна идти о косвенном закреплении правовых принципов, например, тогда, когда принципы прямо в конкретных нормах не воспроизведены, но могут выводиться из них, то есть находятся «в скрытом виде» [15, с. 163; 16, с. 32; 17, с. 11]. Но так или иначе, имеется в виду законодательное закрепление правовых принципов.

Представители второй точки зрения считают закреплением принципов в праве только формулирование их в соответствующих нормах. При этом, как они полагают, ни о каком «косвенном» законодательном закреплении правовых принципов речи идти не может [18, с. 61; 14, с. 35]. Например, с точки зрения Н. А. Беляева «закрепление в законе» совершенно конкретно.

Оно означает, что то или иное положение прямо и четко сформулировано в законе» [14, с. 35].

Действительно, о законодательном закреплении правового принципа можно говорить только тогда, когда он зафиксирован в конкретной норме права. В случаях, когда принципы выводятся (следуют) из какой-либо совокупности норм права, речь идет не о закреплении принципов в праве, а об их проявлении в нем. В этом случае можно предположить, что законодатель в своей нормотворческой деятельности этими принципами руководствовался, но не стремился закрепить их в праве. По этим причинам считаем, что серьезные основания имеет под собой лишь вторая из перечисленных точек зрения.

Выводы

1. Попытки разместить правовые принципы среди элементов системы права всегда будут безуспешными, потому что их место находится вообще за пределами системы права. Правовые принципы, будучи компонентом правовой идеологии, в конечном счете относятся к сфере правосознания.

2. Теория «активного центра» не применима к правовым принципам и не объясняет их место в правовой системе. Следуя этой теории, необходимо также признать и то, что правовые принципы должны обладать всеми свойствами правовой нормы, причем даже в «повышенной концентра-

ции». Однако этого не происходит и очевидно, что концентрация этих свойств в правовых принципах падает.

3. О закреплении правовых принципов в системе права можно говорить только тогда, когда они зафиксированы в конкретной правовой норме. Но правовые принципы как компонент правосознания не требуют обязательного законодательного закрепления. Извлекая норму-принцип из права, сам правовой принцип не исчезнет, но, если исключить какую-либо норму из системы права, ее действие прекратится.

Однако этого не происходит и очевидно, что концентрация этих свойств в правовых принципах падает.

3. О закреплении правовых принципов в системе права можно говорить только тогда, когда они зафиксированы в конкретной правовой норме. Но правовые принципы как компонент правосознания не требуют обязательного законодательного закрепления. Извлекая норму-принцип из права, сам правовой принцип не исчезнет, но, если исключить какую-либо норму из системы права, ее действие прекратится.

Литература

1. Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14. С. 45–60.
2. Daci J. Legal Principles, Legal — Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus. 2010. № 2. P. 109–115.
3. Вессельс Й., Бойльке В. Уголовное право ФРГ. Общая часть: учебник / пер. с нем. Я. М. Плоскиной; под ред. Л. В. Майоровой. Красноярск: изд-во КрасГУ, 2006. 368 с.
4. Алексеев С. С. Теория права. Харьков: БЕК, 1994. 224 с.
5. Общая теория права: курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород: Издательство Нижегородской ВШ МВД РФ, 1993. 354 с.
6. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Свердловск: Наука, 1972. 395 с.
7. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.
8. Ashworth A., Horder J. Principles of Criminal Law. 7th edition. Oxford University Press, 2013. 544 p.
9. Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–29.
10. Комаров С. А. Общая теория государства и права: курс лекций. М.: Манускрипт, 1996. 312 с.
11. Мальцев В. В. Принципы уголовного права. Волгоград: ВА МВД РОССИИ, 2001. 266 с.
12. Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2001. 349 с.
13. Теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. М.: Юристъ, 1997. 432 с.
14. Беляев Н. А. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 569 с.
15. Кудрявцева А. В., Лившиц Ю. Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 162–170.

16. Лившиц Р. З., Никитинский В. И. Принципы советского трудового права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 31–39.
17. Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПи, 1998. 296 с.
18. Якуб М. Л. О понятии принципа уголовного права и уголовного процесса // Правоведение. 1976. № 1. С. 56–64.

References

1. Ioffe O. S. Strukturnyye podrazdeleniya sistemy prava (na materialakh grazhdanskogo prava) [Structural units of the legal system (based on civil law)] // Uchenyye zapiski VNIISZ [Scientific notes of VNIISZ], 1968, vol. 14, pp. 45–60. (In Russian)
2. Daci J. Legal Principles, Legal — Values and Legal Norms: are they the same or different? Academicus, 2010, no. 2, pp. 109–115. (In English)
3. Wessels J., Boylke V. Ugolovnoye pravo FRG. Obshchaya chast': uchebnik [Criminal law of Germany. General part: textbook]. Ed. L. V. Mayorova. Krasnoyarsk, 2006. 368 p. (In Russian)
4. Alekseev S. S. Teoriya prava [Theory of Law]. Kharkov, 1994. 224 p. (In Russian)
5. Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy [General theory of law: course of lectures]. Ed. V. K. Babaeva. N. Novgorod, 1993. 354 p. (In Russian)
6. Alekseev S. S. Problemy teorii prava: kurs lektsiy [Problems of the theory of law: lecture course]. In 2 vol. Vol. 1. Sverdlovsk, 1972. 395 p. (In Russian)
7. Alekseev S. S. Struktura sovetskogo prava [The structure of Soviet law]. Moscow, 1975. 264 p. (In Russian)
8. Ashworth A., Horder J. Principles of Criminal Law. 7th edition. Oxford University Press Publ., 2013. 544 p. (In English)
9. Lukasheva E. A. Printsipy sotsialisticheskogo prava [The principles of socialist law] Sovetskoye gosudarstvo i pravo [Soviet state and law]. 1970, no. 6, pp. 21–29. (In Russian)
10. Komarov S. A. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy [The general theory of state and law: a course of lectures]. Moscow, 1996. 312 p. (In Russian)
11. Maltsev V. V. Printsipy ugovnogo prava [The principles of criminal law]. Volgograd, 2001. 266 p. (In Russian)
12. Protasov V. N. Teoriya prava i gosudarstva. Problemy teorii prava i gosudarstva: uchebnoye posobiye [Theory of Law and State. Problems of the theory of law and the state: a training manual]. Moscow, 2001. 349 p. (In Russian)
13. Teoriya prava i gosudarstva: uchebnik [Theory of law and state: textbook]. Ed. V. V. Lazareva. Moscow, 1997. 432 p. (In Russian)
14. Belyaev N. A. Izbrannyye trudy [Selected Works]. St. Petersburg, 2003. 569 p. (In Russian)
15. Kudryavtseva A. V., Livshits Yu. D. O ponyatii printsipa v ugovnom protsesse [On the concept of principle in criminal proceedings]. Pravovedeniye [Jurisprudence]. 2001, no. 4, pp. 162–170. (In Russian, abstract in English)
16. Livshits R. Z., Nikitinsky V. I. Printsipy sovetskogo trudovogo prava [The principles of Soviet labor law]. Sovetskoye gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]. 1974, no. 8, pp. 31–39. (In Russian)
17. Yakushin V. A. Sub'yektivnoye vmeneniye i yego znacheniye v ugovnom prave [Subjective imputation and its significance in criminal law]. Tolyatti, 1998. 296 p. (In Russian)
18. Yakub M. L. O ponyatii printsipa ugovnogo prava i ugovnogo protsessa [On the concept of the principle of criminal law and criminal process]. Pravovedeniye [Jurisprudence]. 1976, no. 1, pp. 56–64. (In Russian)

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПРОФЕССИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Саркисян Анна Ашотовна

***Цель:** проанализировать некоторые особенности подготовки судебно-экспертных кадров в условиях цифровизации, рассмотреть современное состояние профессии судебного эксперта, выделить приоритетные направления модернизации профессии судебного эксперта в современных условиях.*

***Методология:** анализ, синтез, дедукция, диалектический метод.*

***Выводы.** В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о важности непрерывного обучения для судебного эксперта в условиях цифровизации.*

***Научная и практическая значимость.** Автором исследуются основные направления развития профессии судебного эксперта в условиях цифровизации. Обозначены недостатки некоторых подходов к подготовке судебно-экспертных кадров, указаны пути их устранения.*

***Ключевые слова:** судебная экспертиза, судебный эксперт, специальные знания, цифровизация судебно-экспертной деятельности, цифровые следы.*

Стремительные перемены в развитии человеческого знания обусловили острую необходимость в формировании системы быстрого, удобного, безопасного обмена информацией. В результате достижений в различных областях знаний и практической деятельности сформировалась тенденция к активному распространению процесса цифровизации на всех уровнях человеческой деятельности. Цифровизация как вестник четвертой промышленной революции оказывает влияние на современное общество и связи внутри него, вследствие чего сформировались такие совершенно уникальные атрибуты современной эпохи как интернет вещей, виртуальные деньги, электронный документооборот, технология блокчейн и т. п., что в свою очередь оказало влияние на возникновение и формирование новых средств и методов совершения правонарушений.

Чутко реагируя на изменения в современном обществе, судебная экспертиза также подверглась влиянию процесса цифровизации. На данном этапе происходит активная разработка теории цифровизации судебно-экспертной деятельности с целью разрешения проблем, возникающих

в результате интенсивного развития науки и техники. Многие традиционные объекты судебных экспертиз, переводятся в цифровые модели, постепенно замещая привычные объекты [1, с. 91], в частности за последние годы в доктринальных источниках было сформировано понятие «цифровые следы», которое уже сейчас активно используется на практике.

Поскольку препятствовать процессу цифровизации мы не способны, необходимо занять активную позицию и разрешать основные вопросы, возникающие в процессе. К таким вопросам следует отнести особенности профессиональной подготовки судебно-экспертных кадров в современных условиях. Сложно отрицать, что в результате процесса цифровизации рынок труда будет претерпевать структурные изменения. Сегодня мы лишь задаемся вопросом, когда именно это произойдет и каким образом это отразится на профессиональной подготовке и компетенции судебно-экспертных кадров. Однако уже сейчас возникают предпосылки для прогнозирования определенных тенденций. В современном мире образование является одним из главных факторов роста экономики.

Согласно исследованию [2, с. 58] К. Б. Фрая и М. Осборна, профессия судебного эксперта находится на 49 месте в списке 702 профессий, которые были ранжированы от тех, которые невозможно автоматизировать, к тем, которые в скором времени будут заменены роботизированными системами. Компьютеризация профессии до степени полной замены экспертов роботизированными системами проблематична. На наш взгляд, возможное создание подобной системы, способной охватить все направления судебно-экспертной деятельности, просто не эффективно и не рационально с экономической точки зрения. Тем не менее следует отметить, что сегодня деятельность судебного эксперта тесно связана с использованием различных достижений науки и техники, особенно актуальных при решении рутинных операций, то есть более вероятно формирование роботизированной системы, которая будет дополнять эксперта, чем полностью его заменит. Во взаимодействии с такой системой эксперт будет выступать ее оператором. В связи с этим возникает вопрос о выработке у экспертов соответствующих навыков и компетенций для успешного взаимодействия с такими системами.

Одним из последствий цифровизации также является формирование рынка фриланса. Возникает вопрос о возможном переходе работы эксперта на данную форму с целью оптимизации ресурсов. Поскольку данная форма занятости подразумевает также налаживание международных связей между работодателями и работниками, следует обратить внимание на особенности аттестации и сертификации экспертов на право производство экспертиз и формирование международного стандарта подготовки экспертных кадров. Следует отметить, что полный переход экспертов на форму фриланса затруднен в связи с необходимостью использования при некоторых видах исследований специальных поверенных приборов и аппаратуры. Однако, на наш взгляд, эта проблема тоже будет решена со временем.

Профессия эксперта требует наличия когнитивных и креативных навыков, которые формируются в процессе обучения и последующей практики. Процесс цифровизации формирует необходимость постепенного расширения компетенции судебных экспертов и совершенствования их подготовки. В первую очередь это обуславливается формированием новых объектов судебных экспертиз — цифровых следов. Компетентность эксперта определяет значимость заключения, его истинность, полноту и достоверность выводов [3]. Необходимо уже сейчас начать формирова-

ние у экспертов различных специализаций компетенции в области компьютерно-технического профиля.

Сегодня довольно часто возникает необходимость использования специальных знаний в области компьютерно-технической специализации для производства различных видов экспертиз. Например, в судебной лингвистической экспертизе это особенно остро касается исследования объектов веб-коммуникации. Экспертам различных специализаций следует ориентироваться на экспертов в области фоноскопической экспертизы, которые первыми выработали навыки работы с компьютерной техникой и аппаратно-программными комплексами, необходимыми для производства фоноскопической экспертизы. Важно формирование у экспертов навыка работы с цифровыми следами во избежание проблем на всех этапах производства экспертиз.

К квалификационным документам, дающим право заниматься производством экспертиз и исследований, относятся: документ о высшем образовании и дополнительном профессиональном образовании по конкретной экспертной специальности [4]. Подготовка судебных экспертов компьютерно-технической экспертизы на базе программы высшего образования 40.05.03 «Судебная экспертиза» осуществляется в МГТУ имени Н. Э. Баумана [5, с. 38]. Возможно также осуществление профессиональной переподготовки по экспертной специальности на базе высшего образования. Сегодня судебные эксперты компьютерно-технической экспертизы активно привлекаются для производства комплексных экспертиз, однако количества экспертов в ближайшем будущем будет недостаточно для того, чтобы полностью удовлетворить спрос. В связи с этим возникает вопрос о возможном расширении программы подготовки экспертов различных специализаций с целью развития у них соответствующих компетенций в производстве компьютерно-технической экспертизы.

В эпоху цифровизации получают распространение базы данных и автоматизированные комплексы, применяемые в экспертной деятельности. Например, в полиции Нью-Йорка для информатизации и сбора данных экспертных исследований используют лабораторно-информационную систему LIMS (Laboratory Information Management Systems) (Orokos D. D., Hicks J., Lednev I., Stevens R., Strzalkowski T., Goel S. *Development and Implementation of Forensic Science Research and Training Programs at the University at Albany's Northeast Regional Forensic Institute (NERFI)* // [Электронный ресурс]: URL:

<https://www.hsdl.org/?abstract&did=15680> (дата обращения: 28.11.2019)). Использование таких систем требует специальных навыков, в связи с чем необходимо формирование у будущих экспертов навыков взаимодействия с электронными системами. С этой целью в эпоху цифровизации подготовка экспертных кадров должна осуществляться с использованием современных информационно-образовательных сред. Таким образом, подготовка эксперта сопровождается параллельным освоением навыков, которые он впоследствии может использовать в своей деятельности.

Довольно часто говорится о необходимости использования всего многообразия достижений науки и техники в образовательном процессе. Правительством Российской Федерации в рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы был утвержден приоритетный проект в области образования «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», задачей которого является изменение подхода к обучению граждан страны и подготовка к переходу на новый технологический уклад — к цифровой экономике (*Современная цифровая образовательная среда в РФ. О проекте. // [Электронный ресурс]: URL: <http://neorusedu.ru/about> (дата обращения: 28.11.2019)*). Подобная практика позволяет обеспечить человека доступом к получению образования в течение всей жизни из любой точки мира в любое время. В частности, это касается и судебных экспертов.

Профессиональные и квалификационные требования к судебным экспертам растут с каждым днем. Мы постепенно входим в эру непрерывного обучения, которое сегодня уже зачастую не привязано к конкретной локации. Эксперт должен иметь высшее образование, обладать глубокими специальными знаниями, постоянно совершенствовать их. Ряд стран поддерживает различные стипендиальные программы, которые открывают перед экспертами возможности для повышения квалификации, получения зарубежного опыта и знаний. Например, в стипендиальной программе Erasmus Mundus, финансируемой Европейским союзом, существует магистерская программа в области судебных экспертиз (*Erasmus Mundus Masters in Forensic Science // [Электронный ресурс]: URL: <https://forensicerasmusmundus.blogs.lincoln.ac.uk/> (дата обращения: 29.11.2019)*). В результате цифровизации возникло множество систем онлайн-обучения, формируются электронные курсы, а большинство методических пособий, учебников и другой специализированной литературы распространяются в электронном формате.

Сегодня не только сами эксперты, но и следователи, адвокаты, любые практикующие юристы могут по желанию пройти различного формата обучение, которое способствует выработке навыков правильной работы с доказательствами, для исследования которых необходимо назначение экспертизы, навыков назначения судебных экспертиз, привлечения экспертов и специалистов. Подобная практика позволяет юристам выработать подход к взаимодействию с лицами, обладающими специальными знаниями.

В эпоху цифровизации эксперт должен обладать цифровой грамотностью, владеть навыками взаимодействия с электронными системами, базами данных. Например, в рамках подготовки по специализации «Речеведческие экспертизы» в Университете О. Е. Кутафина используются электронные курсы [6, с. 481–493], в частности, курсы «Судебная автороведческая экспертиза» и «Судебная лингвистическая экспертиза» и т. п., которые оптимизируют освоение дисциплин будущими экспертами. Необходимо использовать все атрибуты современной действительности для формирования компетенции судебных экспертов. Цифровизация фактически продиктовала необходимость формирования еще одного требования к эксперту — наличие цифровой культуры, которая позволит ему успешно конкурировать на рынке труда.

Необходимость модернизации подготовки судебно-экспертных кадров также связана с тем, что в эпоху цифровизации активно разрабатывается автоматизированное оборудование, которое можно использовать для решения задач судебной экспертизы. Например, компактные рабочие станции автоматического дозирования для производства исследований ДНК, которые уже используются в частных экспертных лабораториях США. Оснащение экспертных учреждений напрямую влияет на совершенствование у экспертов навыков работы с современным оборудованием, отвечающим соответствующим требованиям.

Цифровизация судебно-экспертной деятельности критикуется с позиции того, что она приведет нас к ‘Nintendo Forensics’ — ситуации, когда для проведения экспертного исследования будет достаточно нажатия одной кнопки. Маловероятно, что нас ждет подобная ситуация, поскольку использование достижений науки и техники лишь способствует ускорению процесса в части выполнения некоторых операций и обработки большого массива информации. Обработка конечных результатов и формирование вывода всегда будет являться прерогативой эксперта. Это

связано в первую очередь тем, что системы подконтрольны тому, кто ими управляет. Согласно проведенному исследованию влияния Robotic Process Automation (далее — RPA) на процесс экспертного исследования, подобные системы следует использовать исключительно при решении простых задач. Для решения вопросов, требующих тщательного анализа, эксперту следует избегать автоматизации процесса, поскольку RPA не обладают интеллектом и способны лишь на решение итерационных логических задач, не требующих какой-либо интерпретации (*Asquith A., Horsman G. Let the robots do it! — Taking a look at Robotic Process Automation and its potential application in digital forensics // Forensic Science International: Reports, V. 1, November 2019 // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2665910719300076> (дата обращения: 28.11.2019)*). С другой стороны, такие системы сильно повышают производительность эксперта при производстве экспертизы. На наш взгляд, такие проблемы решаются выработкой единого подхода, как следует разграничивать операции, которые можно доверить такой системе, от тех, которые эксперту необходимо проводить вручную.

Еще одной проблемой использования RPA на данном этапе отмечается их настройка для решения экспертных задач. Для этого необходимо, чтобы эксперт обладал соответствующими навыками во избежание деятельностных ошибок при производстве исследования. RPA протоколирует и сохраняет каждое действие внутри системы, что дает нам при необходимости возможность отследить действия эксперта в процессе исследования, что снижает вероятность заведомой ложности экспертного заключения. Такая функция RPA позволяет также выявить возможные сбои в работе самой системы. Соответственно RPA обязательно должны быть лицензированы и работать по утвержденным стандартам. Эксперты должны обладать всеми необходимыми знаниями для производства исследования, а не просто полагаться на использование автоматизированных систем.

Использование автоматизированного оборудования в работе эксперта довольно сильно ускоряет выполнение многих операций при производстве исследования. Например, использование достижений робототехники позволило ускорить лабораторный анализ 225 тысяч необработанных образцов ДНК по делам об изнасилованиях в США (*Morber J. Police turn to robotics to tackle a backlog of untested rape kits // The future of policing, November 2019 // [Электронный ресурс]: URL: [*to-tackle-a-backlog-of-untested-rape-kits \(дата обращения: 28.11.2019\)*\). Однако это вызвало другую проблему. Ускоренное получение результатов анализов привело к тому, что перед экспертом вместо 1 результата анализа для последующего исследования за 1–2 дня могло возникать сразу 96. Технологии значительно ускорили работу в одном направлении, приведя при этом к резкому увеличению нагрузки на экспертов, которым необходимо эти результаты проанализировать. Из этого следует, что при подобном ускорении процесса с целью равномерного распределения нагрузки необходимо активно задействовать большое количество специально подготовленных экспертных кадров. Без фактического увеличения штата сотрудников использование подобного оборудования не будет давать ожидаемого результата, поскольку эксперты просто не будут успевать обрабатывать полученные данные.](https://www.fastcompany.com/90272346/police-turn-to-robotics-</i></p></div><div data-bbox=)*

Возникновение новых родов и видов судебных экспертиз находится в прямой зависимости от появления новых объектов и связанных с ними экспертных задач [1, с. 90]. Цифровизация повлияла на возникновение большого количества новых объектов с соответствующими последствиями в виде формирования новых видов судебных экспертиз. Сегодня в зарубежной литературе обсуждаются особенности производства судебной экспертизы интернета вещей и облачных систем хранения данных, которые уже сейчас находятся в поле зрения злоумышленников (*Alenezi I A., Atlam H. F., Alsagri R., Alassafi M. O. and Wills G. B. IoT Forensics: A State-of-the-Art Review, Challenges and Future Directions // Conference Paper, May 2019 // [Электронный ресурс]: URL: https://www.researchgate.net/publication/333032591_IoT_Forensics_A_State-of-the-Art_Review_Challenges_and_Future_Directions (дата обращения: 28.11.2019)*). Намечается формирование судебной компьютерно-технической экспертизы систем робототехники, необходимой в случаях причинения вреда роботом или его оператором, например, при проведении операции хирургическим роботом. Возникает вопрос о необходимости постепенной подготовки судебно-экспертных кадров, имеющих специальные знания в данных отраслях, а также о формировании соответствующих методик исследования.

Комитет по науке и технологии палаты лордов Великобритании подтвердил, что судебная экспертиза и криминалистика находятся в состоянии кризиса, в частности, при работе с доказательствами и следами (*Morgan R. Why forensic science is in crisis and how we can fix it // World economic forum, September 2019 // [Электронный ресурс]:*

URL: <https://www.weforum.org/agenda/2019/09/why-forensic-science-is-in-crisis-and-how-we-can-fix-it/> (дата обращения: 28.11.2019)). В результате анализа полученных результатов эксперты неправильно формируют выводы и допускают гносеологические и деятельностные ошибки при производстве экспертиз [7]. Исследование в США в 2018 г. подтвердило наличие данной проблемы. Затруднения возникают при исследовании любых объектов, представленных на экспертизу, особенно это касается исследований ДНК и цифровых доказательств. Экспертами не учитываются факторы возникновения данных следов и их особенностей, в связи с чем возрастает количество ошибок при проведении следственных мероприятий и последующем производстве экспертиз.

Одним из решений данных проблем судебной экспертизы Р. Морган видит в увеличении потоков финансирования судебной экспертизы, а также в активном использовании современных технологий, искусственного интеллекта, машинного обучения при обнаружении, фиксации, изъятии следов, а также при производстве экспертиз. На наш взгляд, подобные проблемы необходимо решать в первую очередь модернизацией системы подготовки экспертных кадров, выработке единого подхода к их подготовке. Это обусловлено тем, что большая часть судебных экспертов, которые допускали ошибки при работе с объектами, проходили обучение по экспертной специальности по ускоренной программе, зачастую это происходило сразу на базе экспертной лаборатории. Негативные последствия подобного подхода проявляются через длительный промежуток времени, когда эти судебные эксперты уже успевают провести множество исследований с неправильными выводами. Так, например, в 2015 году в своем докладе Федеральное бюро расследований США подтвердили, что зачастую проводимые экспертами исследования приводили к ошибочным результатам (*Spencer, S. Hsu FBI admits flaws in hair analysis over decades // The Washington Post, от 18 апреля 2015 года. [Электронный ресурс]: URL: https://www.washingtonpost.com/local/crime/fbi-overstated-forensic-hair-matches-in-nearly-all-criminal-trials-for-decades/2015/04/18/39c8d8c6-e515-11e4-b510-962fcfab310_story.html?utm_term=.b5e3e6f71e12* (дата обращения: 25.11.2019)).

Работа занимает существенную часть нашего времени. Непрерывное образование, приобретение новых навыков, увеличение рабочей нагрузки, необходимость находиться под воздействием мощного информационного потока — все это очень сильно влияет на психологическое и эмо-

циональное состояние эксперта, на его утомляемость. Эксперт вынужден адаптироваться под современные условия, чтобы отвечать требованиям рынка труда, что, несомненно, может вызывать ряд проблем.

В таких условиях возможно развитие стресса, апатии, раздражительности, рассеянности, что недопустимо поскольку эксперту важно быть внимательным во всех аспектах: от производства экспертизы до осуществления профилактических действий. Недостаточная укомплектованность штата экспертов может привести к увеличению количества переработок. Таким образом, перед руководителями экспертных учреждений возникают задачи усиления контроля за созданием благоприятной рабочей атмосферы, правильного планирования нагрузки на экспертов во избежание возникновения негативных последствий.

Современные тенденции цифровизации человеческой деятельности на всех уровнях привели нас к необходимости цифровизации судебной экспертизы. В рамках данного процесса особое внимание следует уделять актуальным направлениям подготовки судебной экспертизы, расширению компетенции судебных экспертов в области компьютерно-технической экспертизы и совершенствованию навыков работы с цифровыми следами. Ускоренное развитие достижений науки и техники поспособствовало возникновению цифровых следов, требующим особых навыков обращения с ними при обнаружении, фиксации, изъятии и дальнейшем производстве исследования.

Цифровизация как глобальное явление влияет на модернизацию рынка труда, внутри которого судебный эксперт прочно закрепился на своей позиции среди профессий, которые невозможно автоматизировать, однако в результате дальнейшего развития профессия судебного эксперта возможно сможет перейти на форму фриланса.

Сегодня для формирования нужных навыков и умений у будущих экспертов необходимо использование возможностей онлайн-обучения, электронных курсов и других атрибутов современного цифрового образования. Также возможно развитие направления получения международного образования в области судебной экспертизы.

Усилиями ученых сегодня разрабатываются автоматизированные системы сбора и анализа информации, роботизированные комплексы, электронные средства различного назначения, которые постепенно внедряются в процесс производства экспертизы с целью оптимизации процесса исследования путем выполнения рутинных

операций и обработки большого массива данных. В результате этого сформировалась необходимость постоянного совершенствования у экспертов навыков работы с современным оборудованием, при этом следует уточнить, что это должно происходить одновременно с увеличением штата сотрудников.

Поскольку судебных экспертов нельзя заменить роботизированными системами, они оказываются в ситуации, требующей высокой степени адаптивности. Теоретики и практики, реагируя на последние тенденции развития научного знания, активно участвуют в процессе цифровизации с целью вы-

работки основных подходов развития судебно-экспертной деятельности в новых условиях.

Эпоха цифровизации оказала влияние на многие аспекты судебно-экспертной деятельности, в частности, на наше понимание того какими образом следует модернизировать систему подготовки судебно-экспертных кадров и расширить компетенции судебных экспертов. Необходимо активно готовить экспертов к изменениям современного общества. Постоянное стремление отзываться на последние тенденции развития науки и техники является важной составляющей сознания эксперта.

Литература

1. Неретина Н. С. Генезис новых родов и видов судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 88–94.
2. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? // University of Oxford. 2013. P. 72
3. Галяшина Е. И. Паспортизация экспертных специальностей и профессиональное образование судебных экспертов // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 29–33.
4. Галяшина Е. И. Компетентностный подход к подготовке судебных экспертов и стратегия развития специализации «Речеведческие экспертизы» (специальность 40.05.03 судебная экспертиза) в рамках юридического образования // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 27–35.
5. Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 31–44.
6. Соколова Т. П. Электронный курс «Судебная автороведческая экспертиза» в информационно-образовательной среде юридического университета // Сб. научных трудов международной научно-практической конференции «Образовательное пространство в информационную эпоху» (International conference «Education Environment for the Information Age») (EEIA — 2018) / под ред. С. В. Ивановой. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2018. С. 481–493.
7. Smit N. M., Morgan R., Lagnado D. A. A systematic analysis of misleading evidence in unsafe rulings in England and Wales. *Science & Justice*, 2018, V. 58, I. 2, pp. 128–137.

References

1. Neretina N. S. Genesis of new genera and types of forensics in the digital era. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*. [Bulletin of the Moscow State Law University], 2019, no. 5 (57), pp. 88–94. (In Russian, abstract in English)
2. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? University of Oxford. 2013. P. 72
3. Galyashina E. I. Paspportizaciya ekspertnyh special'nostej i professional'noe obrazovanie sudebnyh ekspertov [Certification of forensics scientist's specialties and professional education of forensic scientist]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*. [Bulletin of the Moscow State Law University], 2016, no. 5, pp. 29–33. (In Russian, abstract in English)
4. Galyashina E. I. Kompetentnostnyj podhod k podgotovke sudebnyh ekspertov i strategiya razvitiya specializacii «Rechevedcheskie ekspertizy» (special'nost' 40.05.03 sudebnaya ekspertiza) v ramkah yuridicheskogo obrazovaniya [A competency-based approach to the preparation of forensic scientists and the development strategy of the specialization «Forensics linguistics» (specialty 40.05.03 Forensics) in the framework of legal education]. *Actual problems of Russian law*, 2017, no. 12 (85), pp. 27–35. (In Russian, abstract in English)

5. Rossinskaya E. R. Problemy ispol'zovaniya special'nyh znaniy v sudebnom issledovanii komp'yuternyh prestuplenij v usloviyah cifrovizacii [Problems of using special knowledge in the forensic examination of computer crimes in the digital era]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. [Bulletin of the Moscow State Law University], 2019, no. 5 (57), pp. 31–44. (In Russian, abstract in English)

6. Sokolova T. P. Elektronnyj kurs «Sudebnaya avtorovedcheskaya ekspertiza» v informacionno-obrazovatel'noj srede yuridicheskogo universiteta [Electronic course «Forensic author identification “ in the information and educational environment of the Law University]. Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Obrazovatel'noe prostranstvo v informacionnuyu epohu» (International conference «Education Environment for the Information Age») (EEIA — 2018). 2018. Pp. 481–493. (In Russian)

7. Smit N. M., Morgan R., Lagnado D. A. A systematic analysis of misleading evidence in unsafe rulings in England and Wales. Science & Justice, 2018. V.58, I. 2, pp. 128–137

ЛЕТНЯЯ ПРАВОВАЯ ШКОЛА ПОТСДАМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

«ПРИНУЖДЕНИЕ К ЗАНЯТИЮ ПРОСТИТУЦИЕЙ» (§ 232А УУ ФРГ), «ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД» (§ 232В УУ ФРГ) И «ЭКСПЛУАТАЦИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ» (§ 233 УУ ФРГ)

Векерт Заския

Цель. Торговля людьми является трансграничной проблемой, с которой необходимо бороться совместными усилиями. Не вызывает сомнений тот факт, что торговля людьми является наиболее быстро растущей разновидностью преступности в мире. Самая последняя поправка положений УУ ФРГ о торговле людьми произошла в Германии в 2016 г. Целью данного исследования является анализ того, в какой степени эти положения применяются на практике после их внесения. Кроме того, будет дан краткий обзор составов § 232а и последующих за ним параграфов УУ ФРГ.

Методология: формально-юридический метод, дедукция.

Выводы. В новом положении § 232а и следующих за ним параграфов УУ ФРГ законодатель в основном придерживался положений Директивы 2011/36/EU и привел действовавшую ранее норму в соответствие с ее требованиями. После этого также должен был быть установлен возраст особой защиты в 18 лет. Однако немецкий законодатель решил повысить этот предел до 21 года. В связи с повышением возраста особой защиты возникли противоречивые толкования. Необходимо также обратить внимание на проблемы осуществления уголовного преследования. Торговля людьми постоянно меняется, и, следовательно, составы деяний должны быть подготовлены к этим изменениям. Если это отсутствует, то деликты должны быть соответствующим образом скорректированы.

Научная и практическая значимость. Данная статья должна показать, что новое правовое регулирование преступных деяний, связанных с торговлей людьми, изначально должно быть воспринято положительно. Однако относительно осуществления уголовного преследования предстоит еще выяснить на данном этапе, являются ли эти изменения достаточными для борьбы с торговлей людьми.

Ключевые слова: торговля людьми; принуждение к занятию проституцией; принудительный труд; эксплуатация рабочей силы; возраст особой защиты; применимость при осуществлении уголовного преследования.

Торговля людьми является международной проблемой, с которой нужно бороться совместными усилиями. (Art. 83 Abs. 2 AEUV.) Бесспорно, что торговля людьми является самой быстрорастущей областью преступности в мире. (Vgl. KOK Zur Problematik gesicherter Zahlen, <https://www.kok-gegen-menschenhandel.de/menschenhandel/daten-zahlen-fakten/> (abgerufen 10.4.19).) Торговля людьми также в Германии является известной темой. В силу своего центрального расположения в Европе и экономического благополучию по сравнению с другими странами, Германия яв-

ляется привлекательной страной для потенциальных деяний. (Knospe RdA 2011, 348.) Явления торговли людьми и эксплуатации могут происходить в самых разных формах и сферах деятельности. (KOK Formen der Ausbeutung, <https://www.kok-gegen-menschenhandel.de/menschenhandel/formender-ausbeutung/> (zuletzt aufgerufen am 29.4.2019).) Кроме того, эти формы проявления не статичны, а находятся в постоянном состоянии изменений, поскольку с годами меняются не только стратегии исполнителей, но и используемые средства и сферы деятельности. (Fn. 8.) На сегодняшний

день в Германии последнее изменение положений о торговле людьми была внесена в 2016 г. Посредством Закона об улучшении борьбы с торговлей людьми и внесении поправок в Закон о Федеральном центральном реестре, а также в восьмой том Кодекса о социальном обеспечении, (BGBl. 2016 I, 2226.) составы преступных деяний против торговли людьми были изложены в новой редакции, а также были введены два новые состава. С тех пор в немецком уголовном праве существует различие между торговлей людьми (§ 232 УУ), принуждением к занятию проституцией (§ 232a УУ) и принудительным трудом (§ 232b УУ). В настоящее время эти деликты единообразно закреплены в 18-ом разделе УУ и служат защите личной свободы. Причиной внесения поправок в законодательство стало введение в действие Директивы 2011/36/EU Европейского парламента и Совета от 5 апреля 2011 г. (Richtlinie 2011/36/EU vom 5.4.2011 zur Verhütung und Bekämpfung des Menschenhandels und zum Schutz seiner Opfer sowie zur Ersetzung des Rahmenbeschlusses 2002/629/JI des Rates.) С европейской и международной стороны, в связи с разработкой ряда средств борьбы с торговлей людьми, (Zum Beispiel: UN-Protokoll Übereinkommen gegen die grenzüberschreitende organisierte Kriminalität (Palermo-Protokoll) v. 15.11.2000.) процесс внесения изменений в область деликтов, связанных с торговлей людьми, был этим предварительно завершен. (Pretschke, JR 2018, 376 (377); Rabe/ Tanis, Menschenhandel als Menschenrechtsverletzung S.14.)

Далее будут разъяснены положения составов принуждения к занятию проституцией (§ 232a УУ), принудительного труда (§ 232b УУ) и эксплуатации рабочей силы (§ 233 УУ) с учетом их сходств и различий. Основное внимание в этой работе уделяется выявлению проблем, связанных с осуществлением уголовного преследования и поднятием со стороны немецкого законодателя возраста особой защиты до 21 года. Цель этой работы — определить, были ли поправки 2016 года достаточными или же необходимо еще раз реформировать преступные деяния, связанные с торговлей людьми.

Важно заметить в этих положениях, что они должны быть разграничены по тому признаку, что в § 232a, § 232b УУ наказывается побуждение к занятию эксплуататорской деятельностью, а в § 233 УУ — фактическая эксплуатация. Кроме того, следует более пристально рассмотреть предусмотренный во всех положениях возраст особой защиты до 21 года. В отличие от других норм, положение о принуждении к занятию проституцией

в 6-м абзаце также содержит возможность привлечения клиента к уголовной ответственности и основание, исключаящее преступность деяния. Существенными также являются проблемы, возникающие из-за того, что эти деликты являются так называемыми «контрольными деликтами».

Прежде всего, во всех трех нормах используются понятия подневольное положение, беспомощное состояние, связанное с пребыванием в чужой стране, и эксплуатация, которые уже встречаются в параграфе о торговле людьми (§ 232 УУ). Деликты отличаются тем, что принуждение к занятию проституцией и принудительный труд (§ 232b УУ) влекут за собой наказание за побуждение к занятию эксплуататорской деятельностью, т. е. необходимо воздействие на волю жертвы, а при эксплуатации рабочей силы — за фактическую эксплуатацию жертвы. Кроме того, целью эксплуатации в § 232a УУ является сексуальная эксплуатация, а в § 232b, § 233 УУ — трудовая эксплуатация.

Для побуждения к занятию эксплуататорской деятельностью, исполнитель должен был каким-нибудь образом вызвать фактическое начало или продолжение этой деятельности (BT-Drs. 18/9095 Eisele S/S § 232a Rn. 17; Fischer § 232a Rn.10; Renzikowski, MüKo § 232a Rn. 23.). Согласно господствующему мнению, между жертвой и исполнителем даже не обязательно существование коммуникации, как и в случае § 26 УУ ФРГ (BGH, Beschluss v. 13. 1. 2010 — 3 StR 507/09, NStZ 2011, 157; Fischer, § 232 Rn. 10; Schroeder, NJW 2005, 1393 (1395)). Согласно другому мнению, необходимо коммуникативное воздействие (Renzikowski, MüKo § 232a Rn. 23.). Это обосновывается лингвистическим значением слова «побуждение» (Renzikowski, MüKo § 232a Rn. 23). В этом контексте «побуждать» означает кого-либо к чему-либо заставить/ мотивировать. Использует подневольное положение или беспомощное состояние жертвы тот, кто предлагает ей эксплуататорскую деятельность в качестве выхода из этого положения (Renzikowski, MüKo § 232a Rn. 23.). Согласно этому, вопреки господствующему мнению, недостаточно, чтобы исполнитель создал внешнюю ситуацию (Renzikowski, MüKo § 232a Rn. 23; Andere Ansicht: Bürger, ZIS 2017, 174; Fischer § 232a Rn. 12, 13). Кроме того, было бы также достаточно наличие простого предложения, начать или продолжить эксплуататорскую деятельность. (BGH Beschl. v. 7.4.2005 — 2 StR 524/04, NStZ-RR 2005, 234; StraFo 2010, 210; a.A OLG Hamm, Beschluss vom 11. 3. 2010 — III-2 Ws 86/10, NStZ-RR 2010, 279; Andere Ansicht: Fischer, § 232a Rn. 10) Также

как «привлечение к чему-либо» в § 232 УУ старой редакции, побуждение является финальным действием, направленное на то, чтобы побуждать жертву заниматься эксплуататорской деятельностью. (*Renzikowski*, MüKo § 232a Rn. 23.) Согласно тексту основных составов деяний § 232a, b УУ, не установлено, как должно быть вызвано это побуждение.

Побуждение к эксплуататорской деятельности должно осуществляться, используя подневольное положение жертвы или беспомощное состояние, связанное с пребыванием в чужой стране. Следовательно, в качестве деяния выступает любое причинное наступление последствий. (*Fischer*, § 232a Rn. 12.) Эксплуатация должна быть осуществлена путем использования или, по крайней мере, облегчена и осознанно принята во внимание в качестве облегчающего фактора. (*Eisele S/S* § 232 Rn. 19, § 232a Rn. 7; *Renzikowski*, MüKo § 232a Rn. 20.) Совершается путем давления, убеждения, обещаний, использования власти, обмана или запугивания. (*Eisele S/SBGH* §2) Ограничение способности принятия решений также должно быть актуальным. (*Renzikowski*, MüKo § 232a Rn. 20.) Согласно этому, не имеет место использование, если исполнитель создал подневольное положение в результате деяния, или если его следовало ожидать *ex ante*. (*Renzikowski*, MüKo § 232a Rn. 20.) Использование, напротив, имеет место, если исполнитель целенаправленно создал подневольное положение или беспомощное состояние, и жертва выбирает эту деятельность по своей воле. (*Renzikowski JZ* 2005, 879 (880); *Schröder NJW* 2005, 1393 (1395); *Kindhäuser*, LPK- StGB Vor. §§ 232–233a Rn. 41.)

К тому же недавно были введены наказание клиентов и возможность их освобождения от наказания в § 232a (абз. 6) УУ. (*Dazu Merk*, ZRP 2006, 250.) Однако параллельного положения в § 232b УУ не существует, хотя подобное мог бы вытекать из-за аналогичности деликтов. До 2016 года клиенты, использующие положение жертв, не подвергались наказанию. (Vgl. *BT-Drs. 15/4380 S.3f.*) В соответствии с Конвенцией (*Übereinkommen des Europarates v. 16.5.2005 zur Bekämpfung des Menschenhandels* (Nr. 197).) и Директивой (*Richtlinie 2011/36/EU vom 05.04.2011*) государства-члены ЕС уже должны были рассмотреть вопрос о введении такой уголовной ответственности. (*Übereinkommen des Europarates v. 16.5.2005 Nr. 197 Art. 19; RL/36/EU Art 18 Abs. 4.*) Немецкий законодатель осуществил соответствующие изменения в 2016 году. (*BGBI. I 2016 S. 2226.*) Основанием для наказуемости клиентов является защита жертв. Поскольку наказуемость клиентов

упоминается исключительно в § 232a (абз. 6) УУ, то в других случаях проституции, не упомянутых в § 232a (абз. 6) УУ, клиенту не грозит уголовное наказание, если не были совершены другие преступные деяния сексуального характера. (*Eisele*, § 232a Rn. 38.) (*Eisele*, § 232a Rn. 38.) Абзац 6, наряду с наказуемостью клиентов, устанавливает личное основание, исключающее преступность деяния, так называемая правила главного свидетеля. (*BT-Drs 18/9095 S. 36.*)

§ 233 УУ ставит под уголовную ответственность фактическую эксплуатацию, в форме эксплуатации трудовой деятельности, попрошайничества или совершения уголовных преступлений, используя подневольное положение жертвы или беспомощное состояние, связанное с пребыванием в чужой стране. Помимо личной свободы, которая заключается в самостоятельном распределении своей рабочей силы, это положение также предусматривает защиту имущества. (*BGH, Beschluss v. 13. 1. 2010 — 3 StR 507/09, NStZ* 2011, 157; *Fischer*, § 233 Rn. 2.) Предусмотренный более низкий предел наказания за это положение можно объяснить сравнительно малозначительным характером противоправности. (*Petzsche*, KJ 2017, 236 (246).) Таким образом, в отличие от § 232 a, b УУ, наказуется не воздействие на волю жертвы, а только использование ситуации. (*BT-Drs. 18/9095 S. 39, Petzsche*, KJ 2017, 236 (246).) При этом термин использования не определяется возможностью совершения деяния, а требует наличие причинно-следственной связи между осознанием подневольного положения или беспомощного состояния, целью действия и совершенным деянием. (*Eisele*, S/S § 232 Rn. 10; *Fischer*, § 233 Rn. 5.)

Все три положения также содержат так называемый возрастной предел особой защиты. Лица в возрасте до 21 года подлежат особой защите. У этой группы лиц не должна использоваться ситуация бессилия для совершения преступления. (*Eisele S/S* § 232a Rn. 8.) Согласно европейским предписаниям, возрастной предел составляет максимум 18 лет (*BT-Drs. 15/3045 S. 8; RL 2011/36/EU Art 2 Abs. 6.*) Немецкий законодатель не принял этот предел напрямую, а увеличил его. Причина повышения возрастного предела заключается в том, что все большее число молодых совершеннолетних женщин становятся жертвами сексуальной эксплуатации. (*BT-Drs. 15/4048 S. 12.*) Это ограничение, которое предназначалось для принуждения к занятию проституцией, затем было также повторно использовано для принудительного труда и эксплуатации рабочей силы. Однако, таким образом, установленный

возрастной предел противоречит положениям уголовного законодательства, связанные с преступными деяниями сексуального характера, Закону о защите лиц, занимающиеся проституцией, Закону об охране труда несовершеннолетних и УУ для взрослых. (*Renzikowski* MüKo § 232a Rn. 2f.) Точные основания, по которым законодатель повысил возрастной предел, в отличие от международных предписаний, остаются неясными. Например, обоснование, по которой наиболее затронутой группой жертв § 232 УУ старой редакции, чаще всего являются молодые женщины, вполне оправдана для повышения возраста для принуждения к занятию проституцией. К сожалению, остается открытым вопрос о том, является ли это так в случае трудовой эксплуатации. Кроме того, таким образом лицам в возрасте от 18 до 21 года приписывается общий недостаток знаний. (*Renzikowski*, MüKo § 232 Rn. 3.) Недостаток знаний при этом относится только к возрасту, а не к индивидуальным способностям человека, поскольку вполне возможно, что лица этого возраста уже способны самостоятельно рассуждать. Таким образом возрастной предел соответствует международным предписаниям, но из-за противоречий с УУ не соответствует систематике. (*Fischer*. § 232a Rn. 20.)

В уголовно-правовой практике поражает большое число судебных дел, хотя масштабы этой формы преступности очень велики. (ВТ-Drs. 18/9095 S. 19; ВКА Lagebild 2017.) Хотя эти положения охватывают большое количество случаев эксплуатации, весьма заметным является незначительное число предварительных расследований. Точно сказать, почему это так, невозможно, можно только предположить. Эти положения являются так называемыми контрольными деликтами. (*Renzikowski*, КОК Studie S.29.) Для выявления этих преступлений необходимо осуществление полицейского контроля. Если этого не происходило, многие преступления остались бы незамеченными. Следовательно, можно сделать вывод, что практическое отсутствие такого контроля является причиной низкого числа производств. Помимо наличия полиции в соответствующих областях, важной предпосылкой успешного уголовного преследования является представление ходатайства об осуществление уголовного преследования. (ВКА Lagebild Menschenhandel 2017.) Предотвращение широкомасштабного уголовного преследования с целью идентификации жертвы может быть желательным как со стороны исполнителя, так и жертвы. Причинами этого, как правило, являются собственный опыт в родной стране, страх перед высылкой

из Германии или вытекающая из этого потеря источника дохода. (Vgl. *Helfferrich, Kavemann, Rabe*, Determinanten der Aussagebereitschaft von Opfern des Menschenhandels zum Zweck sexueller Ausbeutung S. 11 *Renzikowski* КОК Studie S. 29.) Кроме того, одной из причин может также являться отсутствие знаний о правовой защите и недоверие к правоохранительным органам. (Fn. 162.) Помимо этого, оказывается давление также со стороны исполнителя в форме насилия, создания состояния страха (*Voodoo Eid, der die Macht hat, Tod und Krankheit zu bringen*, <https://www.abendblatt.de/politik/article216949753/Nigerianische-Mafia-auf-dem-Vormarsch-BKA-warnt.html> (abgerufen 24.4.2019).) или угроз. (*Herz/Minthe*, Straftatbestand Menschenhandel S. 256.) Проблематичным являются случаи, когда полиция проводит паспортные контроли. Целью такого контроля является выявление потенциальных свидетелей/жертв торговли людьми. Такой способ установления контакта должен в первую очередь служить освобождению жертв от пространственного окружения исполнителей. Однако жертвы тогда обычно предполагали, что они сами стали обвиняемыми. (Vgl. *Helfferrich, Kavemann, Rabe*, Determinanten der Aussagebereitschaft von Opfern des Menschenhandels zum Zweck sexueller Ausbeutung S. 11.)

Кроме того, трудно доказать преступные деяния, связанные с торговлей людьми, поскольку эти деликты имеют много субъективных признаков. Таким образом, жертва должна была сделать заявления относительно предложения возможного исполнителя, возможного обмана об определенных обстоятельствах, а также условий труда. Если эти заявления отсутствуют, то осуществление уголовного преследования является очень затруднительным или даже невозможным (*Herz/Minthe*, Straftatbestand Menschenhandel S. 256 f.).

Кроме того, идентификация жертв и достоверность их сведений являются проблематичными с точки зрения представления доказательств. (*Herz/Minthe*, Straftatbestand Menschenhandel S. 256 f.) Таким образом, выступление жертвы на допросе обычно является решающим моментом в вопросе о том, будет ли данное дело рассматриваться далее или нет.

Еще предстоит выяснить, смогут ли новые положения способствовать повышению эффективности уголовного преследования в протяженные следующие лет. Однако важно, что торговля людьми постоянно меняется. Следствием этого является то, что составы деяния также должны быть подготовлены к этим изменениям. Если это не так, то деликты, связанные с торговлей людьми, будут нуждаться в повторной реформе.

Литература

1. Bundeskriminal Amt, Lagebild 2017 zum Menschenhandel
2. Bürger Sebastian. Die Neuregelung des Menschenhandels Umsetzung unionsrechtlicher Vorgaben und Schaffung eines stimmigen Gesamtkonzepts?, ZIS 2017, 169.
3. Fischer Thomas. Beck'sche Kurzkommentare, Strafgesetzbuch, mit Nebengesetzen 66. Auflage, München 2019.
4. Helfferich Cornelia / Kavemann Barbara/ Rabe Heike. Determinanten der Aussagebereitschaft von Opfern des Menschenhandels zum Zweck sexueller Ausbeutung — Eine qualitative Opferbefragung-, Köln 2010.
5. Herz Annette / Minthe Eric. Straftatbestand Menschenhandel, Verfahrenszahlen und Determinanten der Strafverfolgung, München 2005.
6. Kindhäuser Urs, Lehr- und Praxis Kommentar 7. Auflage, Baden-Baden 2017.
7. Knospe Armin. Die Grenzen des Arbeitsrechts: Menschenhandel zum Zweck der Arbeitsausbeutung im Lichte einer interdisziplinären und internationalen Wirkungsanalyse, RdA 2011, 348.
8. KOK — bundesweite Koordinierungskreis gegen Menschenhandel Studie: Entwicklung tragfähiger Unterstützungsstrukturen für die Betroffenen von Menschenhandel zur Arbeitsausbeutung (zit. Renzikowski S. 19; Vogel S. 309). Abrufbar: <https://kok-gegen-menschenhandel.de/uploads/media/studie-menschenhandel.pdf>
9. Ders. Daten Zahlen Fakten, Zur Problematik gesicherter Zahlen <https://www.kok-gegen-menschenhandel.de/menschenhandel/daten-zahlen-fakten/>, zuletzt abgerufen 10.4.2019.
10. Merk Beate. Freierstrafbarkeit- ein kriminalpolitisches Dauerthema?, ZRP 2006, 250.
11. Münchner Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 4: §§ 185–262 StGB, 3. Auflage, München 2017.
12. Petzsche Anneke. Die Neuregelung des Menschenhandels im Strafgesetzbuch — zwischen europarechtlichen Pflichten und politischen Kompromissen, KJ 2017, 236 ff.
13. Dies. Soll die Ausbeutung der Opfer von Menschenhandel (§§232a ff. StGB) weltweit nicht mehr durch Deutschland verfolgt werden?, JR 2018,376 ff.
14. Rabe Heike / Tanis Naile. Menschenrechtsverletzung, Strategien zu Stärkung der Betroffenen Rechte, Berlin 2013.
15. Renzikowski Joachim. Die Reform der Straftatbestände gegen den Menschenhandel, JZ 2005, 879 ff.
16. Schöncke Adolf / Schröder Horst. Kommentar zum Strafgesetzbuch, 30. Auflage, München 2019.
17. Schroeder Friedrich-Christian. Das 37. Strafrechtsänderungsgesetz: Neue Vorschriften zur Bekämpfung des «Menschenhandels», NJW 2005, 1393.

НЕПРАВОМЕРНОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ (§ 239 УУ ФРГ) И ЭКСПЛУАТАЦИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОСТОЯНИЯ НЕПРАВОМЕРНОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (§ 233А УУ ФРГ)

Кнайш Лоннеке

Цель. Представить краткий обзор составов неправомерного лишения свободы, согласно § 239 УУ ФРГ, и эксплуатации с использованием состояния неправомерного лишения свободы в соответствии с § 233а УУ ФРГ. Для этого раскрываются составы деяний, выявляются проблемы и представляются разные взгляды.

Методология: формально-юридический метод.

Выводы. Общим свойством обоих составов является защита личной свободы жертвы. § 239 УУ предусматривает наказание за заперение или лишение свободы иным образом. § 233а состоит из неправомерного лишения свободы и эксплуатации. Совокупное наличие неправомерного лишения свободы и эксплуатации уже не является достаточным для того, чтобы предположить, что жертва добровольно приступила к трудовой деятельности. Должна быть устранена практическая проблема, связанная с доказыванием о недобровольном принятии трудовой деятельности. Однако конструкция § 233а УУ ФРГ создала новые практические проблемы.

Научная и практическая значимость. Исследование должно выявить проблемы в рамках этих составов и, при необходимости, вызвать интерес к дальнейшим углубленным исследованиям. Статья предназначена, в частности, для студентов или иностранных ученых и практиков, которые хотят получить краткий обзор §§ 239, 233а УУ ФРГ.

Ключевые слова: неправомерное лишение свободы; эксплуатация с использованием состояния неправомерного лишения свободы; запирающий; неправомерное лишение свободы иным образом; обман; фактическое принуждение; практическая пригодность; толкование признака «в этом состоянии».

Неправомерное лишение свободы (§ 239 УУ).

Правовое благо. § 239 УУ защищает личную свободу передвижения (BGH NJW 1960 S. 1629; MüKo-Wieck-Noodt, § 239 Rn. 1; LK-Schluckebier § 239 Rn. 1). Согласно господствующему мнению, защищается потенциальная свобода передвижения, то есть возможность изменения местонахождения (BGH NJW 1960 S. 1629; MüKo-Wieck-Noodt, § 239 Rn. 7; Lackner/Kühl-Kühl, § 239 Rn. 1; LK-Schluckebier, § 239 Rn. 1) и не только фактическая личная свобода передвижения (Fischer, § 239 Rn. 4).

То, какую свободу передвижения, потенциальную или фактическую, считать защищенной, имеет значение для определения времени завершения преступления и того, кто может быть подходящим потерпевшим.

Объективный состав преступления.

Потерпевший. Объективно, потерпевшими в рамках § 239 УУ не могут быть лица, у которых отсутствует естественная способность формировать волю к передвижению (SK-StGB-Wolters, § 239 Rn. 4; BGH NJW 1984 S. 673 (674)). К ним относятся, например, младенцы, но не лица с ограниченными психическими возможностями (S/S/W-Schluckebier, § 239 Rn. 2).

Спорным является то, могут ли спящие или лица, находящиеся в бессознательном состоянии, быть подходящими потерпевшими (Rengier, BT II, § 22 Rn. 5). Если рассматривать потенциальную свободу передвижения уже как защищенную, то спящие или лица, находящиеся в бессознательном состоянии, попадают под определение подходя-

щего потерпевшего. Если следовать другому мнению, то возможно покушение на неправомерное лишение свободы.

Если потерпевший не осознает неправомерное лишение свободы, то, по мнению приверженцев защиты потенциальной свободы передвижения, имеет место, завершённое неправомерное лишение свободы, а по другому мнению — только покушение.

Деяния, направленные на совершение преступления. Деяния, направленные на совершение преступления являются задержание человека или неправомерное лишение свободы иным образом. Очень короткие, незначительные нарушения свободы передвижения, которые длятся всего несколько секунд, не содержат состава преступления (*BGH NStZ 2003 S. 371*). Верховный Суд Рейха назвал в качестве ориентира продолжительность молитвы «Отче Наш», чтобы признать наличие состава неправомерного лишения свободы (*RGSt 7, S. 259 (260)*). «Запереть» означает препятствование потерпевшему, необязательно непреодолимыми преградами, покинуть отграниченное пространство (*S/S/W-Schluckebier, § 239 Rn. 3*). Деяние считается совершённым даже тогда, когда существуют выходы, но потерпевший не знает о них (*LK-Schluckebier § 239 Rn. 15*) или не знает, как их найти (*RGSt 27, 360 (361f)*).

Лишение свободы иным образом имеет место, если потерпевший не в состоянии покинуть свое местонахождение, поскольку его свобода передвижения полностью ограничивается (*BGH NJW 1993 S. 1807*). Это отчетливо видно на таких примерах как связывание или оглушение.

Средствами для неправомерного лишения свободы иными образами являются насилие (*Fischer, § 239 Rn. 8*) и угроза, за исключением тех случаев, когда исполнитель угрожает причинить лишь ощутимый вред (*BGH NJW 1993 S. 1807 (1808)*). Обман тоже признается в качестве средства совершения преступления (*Fischer, § 239 Rn. 8; Sch/Sch-Eisele, § 239 Rn. 6a; S/S/W-Schluckebier, § 239 Rn. 4*). Однако, когда речь идет об обмане, необходимо различать, действительно ли потерпевший был введен в заблуждение относительно возможности смены места нахождения (заблуждение, связанное с правовым благом) или лишь о мотивах нахождения на одном месте (*Bosch in: Jura 2012 S. 608*).

Спорным является вопрос о том, существует ли неправомерное лишение свободы в тех случаях, когда исполнитель применяет только фактическое принуждение в отношении потерпевшего (*Rengier, BT II, § 22 Rn. 10*). Примером этого может служить

то, что исполнитель угрожает потерпевшему застрелить его в случае попытки к бегству.

Для того, чтобы предотвратить расширение состава преступления и сделать возможным разграничение от § 240 УУ (*Bosch in: Jura 2012 S. 606*), в основном требуется, чтобы преодоление фактических препятствий было связано лишь с невыполнимой опасностью (*Rengier, BT II, § 22 Rn. 12; Sch/Sch-Eisele, § 239 Rn. 6b; BGH NStZ 2001 S. 420*). Согласие потерпевшего о прекращении его свободы передвижения действует, в принципе, как обстоятельство, исключающее преступность деяния (*Rengier, BT II, § 22 Rn. 12; Sch/Sch-Eisele, § 239 Rn. 6b; BGH NStZ 2001 S. 420*). Если существует положение гаранта, неправомерное лишение свободы также может быть совершено путем бездействия (*Fischer, § 239 Rn. 10*).

Субъективный состав преступления. Субъективная сторона преступления характеризуется умыслом, который распространяется на полное ограничение свободы передвижения (*RGSt 6, S. 231 (232)*). Здесь достаточно наличие косвенного умысла. Неправомерное лишение свободы по неосторожности не наказуемо (*Kindhäuser/Neumann/Paeffgen-Sonnen, § 239 Rn. 19*). Однако в случае совершения деяния по неосторожности, потерпевший может предъявить гражданско-правовые претензии (*Kindhäuser/Neumann/Paeffgen-Sonnen, § 239 Rn. 19; Sch/Sch-Eisele, § 239 Rn. 9*).

Квалификация преступления. 3 абзац (пункт 2) и 4 абзац § 239 УУ содержат квалификации с материальным составом. После изменений текста нормы посредством Шестого закона о внесении изменений в уголовное законодательство считается спорным вопрос, является ли абзац 3 (пункт 1) квалификацией с материальным составом (*S/S/W-Schluckebier, § 239 Rn. 12; Fischer, § 239 Rn. 15*).

Для классификации деяния как обычный квалифицирующий состав указывается на «активистский» текст нормы (*Sch/Sch-Eisele, § 239 Rn. 12*). Для толкования этого абзаца в качестве квалификации с материальным составом, приводятся такие аргументы как обоснование о необходимости принятия закона, системность законодательства и ранее классификация состава (*Rengier, BT II, § 22 Rn. 19; Lackner/Kühl-Kühl, § 239 Rn. 9; LK-Schluckebier, § 239 Rn. 40*).

Покушение и завершение. Покушение регулируется во 2 абзаце § 239 УУ. Преступление считается завершённым, когда свобода передвижения потерпевшего полностью ограничена (*S/S/W-Schluckebier, § 239 Rn. 6*).

Эксплуатация с использованием состояния неправомерного лишения свободы (§ 233a УУ)

§ 233а был впервые введен в УУ в 2016 г. в контексте изменений § 232 и последующих параграфов, которые должны способствовать усилению борьбы с торговлей людьми. При совпадении таких действий, как неправомерное лишение свободы и эксплуатация (имеется в виду эксплуатация в экономическом смысле) (*BT-Drucks. 18/9095 S. 26*), добровольность трудоустройства исключается. В целях защиты личной свободы потерпевшего (*S/S/W-Zimmermann, § 233a Rn. 1; MüKo-Renzikowski, § 233a Rn. 1; Sch/Sch-Eisele, § 233a Rn. 1*) необходимо решить проблемы, связанные с трудностями доказывания (*BT-Drucks. 18/9095 S. 43*).

Объективный состав преступления. § 233а УУ является преступлением с обязательным наличием двух деяний: эксплуатации и неправомерного лишения свободы (*BeckOK-Valerius, § 233a Rn. 4*).

Неправомерное лишение свободы. Исполнитель должен лишить потерпевшего свободы передвижения в смысле § 239 УУ. Изъятие документов, удостоверяющих личность или проездных документов потерпевшего недостаточно, чтобы лишить человека свободы передвижения (*Fischer, § 233a Rn. 3; Sch/Sch-Eisele, § 233a Rn. 4*). В свете этого, критике подвергают тот факт, что § 233а УУ, устраняет проблемы, связанные с доказыванием и в то же время, создает новые (*BeckOK-Valerius, § 233a Rn. 8; S/S/W-Zimmermann, § 233a Rn. 2*). Ведь и неправомерное лишение свободы должно быть доказано, что на практике может оказаться довольно трудным (*BeckOK-Valerius, § 233a Rn. 8; S/S/W-Zimmermann, § 233a Rn. 2*).

Эксплуатация. В § 233а (абз. 1 пункт 1–4) УУ перечисляются различные виды эксплуатации. Пункт 1 определяет эксплуатацию при занятии проституцией. В это понятие не входят другие эксплуатационные действия сексуального характера (*S/S/W-Zimmermann, § 233a Rn. 5*). Именно это толкование нормы подвергается критике, поскольку эксплуатация людей для совершения иных действий сексуального характера также является наказуемым (*Sch/Sch-Eisele, § 233a Rn. 5; SK-Wolters/Noltenius, § 233a Rn. 3; MüKo-Renzikowski, § 233a Rn. 7*). Тем не менее, это не оказывает воздействие, учитывая § 177 УУ (*MüKo-Renzikowski, § 233a Rn. 7*).

Пункт 2 устанавливает эксплуатацию посредством трудовой деятельности в соответствии с § 232 (абз. 1 предл. 2) УУ. Пункт 3 предусматривает эксплуатацию при занятии попрошайничеством, а пункт 4 — при совершении преступного деяния.

«В этом состоянии». Приверженцы одной точки зрения, предполагают, что неправомерное лишение свободы и эксплуатация должны совпадать

по времени (*MüKo-Renzikowski, § 233a Rn. 6f.; Sch/Sch-Eisele, § 233a Rn. 6; SK-Wolter, § 233a Rn. 10*). Обосновывается это мнение текстом нормы и его официальным обозначением («Эксплуатация с использованием состояния неправомерного лишения свободы»). В свою очередь, обоснование необходимости принятия законопроекта, в частности, указывает на то, что потерпевший должен быть неправомерно лишен свободы (*SK-Wolters/Noltenius § 233a Rn. 10*). Это приводит к тому, что пункты 3 и 4 на практике едва ли имеют применение. Ведь попрошайничество характеризуется именно тем, что кто-то просит милостыню у людей, проходящих мимо по улице (*SK-Wolters/Noltenius § 233a Rn. 8*). Тем более, что лица, занимающиеся попрошайничеством, вряд ли будут прикованы цепью в общественном месте или охраняться собаками (*MüKo-Renzikowski, § 233a Rn. 7*). Также под пункт 4 скорее подпадают такие случаи как, например, киберпреступления, которые не были непосредственно в центре внимания у законодателя (*SK-Wolters/Noltenius, § 233a Rn. 9*).

Согласно мнению другой стороны, неправомерное лишение свободы и эксплуатация не должны совпадать по времени (*BeckOK-Valerius, § 233a Rn. 7; S/S/W-Zimmermann, § 233a Rn. 6*). Из этого, однако, также следует, что неопровержимое предположение о недобровольном оказании услуг оправдано только в определенных пределах (*S/S/W-Zimmermann, § 233a Rn. 6*). Тем не менее, это не вызывает сложностей, в том случае, когда потерпевшего освобождают для выполнения действий, перечисленных в пунктах 1–4, или когда в отдельных случаях лишение свободы настолько серьезное, что невозможно предполагать, что потерпевший мог выражать свободную волю (*S/S/W-Zimmermann, § 233a Rn. 6*).

Субъективный состав преступления. Субъективная сторона преступления характеризуется косвенным умыслом (*S/S/W-Zimmermann, § 233a Rn. 7; Sch/*). Умысел относительно эксплуатации может также впервые возникнуть во время неправомерного лишения свободы (*BeckOK-Valerius, § 233a Rn. 9*).

Квалификация преступления и менее тяжкие случаи. § 233а (абз. 3) УУ содержит квалификацию. Согласно требованиям § 233 (абз. 2 пункты 1–4) УУ деяние в соответствии с 1-м абзацем квалифицируется как преступление. Это те случаи, когда потерпевший на момент совершения преступления не достиг восемнадцатилетнего возраста (пункт 1), исполнитель во время совершения деяния подвергает потерпевшего тяжким физическим истязаниям или по грубой неосторожности

создает смертельную опасность или опасность причинения тяжкого вреда здоровью (пункт 2). То же самое относится и к случаям, когда исполнитель ставит потерпевшего в бедственное материальное положение или значительно усугубляет его уже имеющиеся бедственное материальное положение, полностью или частично лишив его вознаграждения за его деятельность (пункт 3), или действует в качестве члена банды, организованной совершения подобных деяний в течении длительного времени (пункт 4). В 4-м абзаце регулируются менее тяжкие случаи.

Литература

1. Bosch, Nikolaus, Der Schutz der Fortbewegungsfreiheit durch den Tatbestand der Freiheitsberaubung (§ 239 StGB) in: Jura 2012 S. 604 — 611
2. Fischer, Thomas, Strafgesetzbuch 66. Aufl. München 2019, zitiert: Fischer, § Rn.
3. Joecks, Wolfgang / Miebach Klaus, Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch: StGB — Band 4: §§ 185–262 3. Aufl. München 2017 zitiert: MüKo-Bearb., § Rn
4. Kindhäuser, Urs/ Neumann, Ulfried/ Paeffgen, Hans-Ullrich Strafgesetzbuch, Kommentar 5. Aufl. Baden-Baden 2017 zitiert: Kindhäuser/Neumann/Peaffgen- Bearb., § Rn.
5. Kudlich, Hans/ Krehl, Christoph/ Guntge, Georg-Friedrich Leipziger Kommentar Strafgesetzbuch, Band 7/2: §§ 232–241a 12. Aufl. Berlin/New York 2015 zitiert: LK-Bearb., § Rn
6. Lackner, Karl/ Kühl, Kristian Strafgesetzbuch, Kommentar 29. Aufl. München 2018 zitiert: Lackner/ Kühl- Bearb., § Rn.
7. Rengier, Rudolf Strafrecht Besonderer Teil, Band II: Delikte gegen die Person und die Allgemeinheit 20. Aufl. München 2019 zitiert: Rengier, BT II, § Rn.
8. Satzger, Helmut/ Schluckebier, Wilhelm/ Widmaier, Gunter Kommentar zum Strafgesetzbuch 9. 4. Aufl. Köln 2019 zitiert: S/S/W-Bearb., § Rn.
10. Schönke, Adolf/ Schröder, Horst Strafgesetzbuch, Kommentar 30. Aufl. München 2019 zitiert: Sch/ Sch- Bearb., § Rn.
11. Von Heintschel-Heinegg, Bernd Besck'scher Onlinekommentar: StGB 42. Edition Stand: 01.05.2019 zitiert: BeckOK-Bearb., §, Rn
12. Wolter, Jürgen Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band IV: §§ 174-241a StGB 9. Aufl. Köln 2017 zitiert: SK-Bearb., § Rn.

References

1. Bosch Nikolaus. Der Schutz der Fortbewegungsfreiheit durch den Tatbestand der Freiheitsberaubung (§ 239 StGB) in: Jura 2012 S. 604–611.
2. Fischer Thomas. Strafgesetzbuch 66. Aufl. München 2019, zitiert: Fischer, § Rn.
3. Joecks Wolfgang / Miebach Klaus, Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch: StGB — Band 4: §§ 185–262 3. Aufl. München 2017 zitiert: MüKo-Bearb., § Rn
4. Kindhäuser Urs / Neumann Ulfried / Paeffgen Hans-Ullrich Strafgesetzbuch, Kommentar 5. Aufl. Baden-Baden 2017 zitiert: Kindhäuser/Neumann/Peaffgen- Bearb., § Rn.
5. Kudlich Hans / Krehl Christoph / Guntge Georg-Friedrich Leipziger Kommentar Strafgesetzbuch, Band 7/2: §§ 232–241a 12. Aufl. Berlin/New York 2015 zitiert: LK-Bearb., § Rn.
6. Lackner Karl / Kühl Kristian Strafgesetzbuch, Kommentar 29. Aufl. München 2018 zitiert: Lackner/ Kühl- Bearb., § Rn.
7. Rengier Rudolf Strafrecht Besonderer Teil, Band II: Delikte gegen die Person und die Allgemeinheit 20. Aufl. München 2019 zitiert: Rengier, BT II, § Rn.
8. Satzger Helmut / Schluckebier Wilhelm / Widmaier Gunter Kommentar zum Strafgesetzbuch 9. 4. Aufl. Köln 2019 zitiert: S/S/W-Bearb., § Rn.
10. Schönke Adolf / Schröder Horst Strafgesetzbuch, Kommentar 30. Aufl. München 2019 zitiert: Sch/ Sch- Bearb., § Rn.
11. Von Heintschel-Heinegg Bernd Besck'scher Onlinekommentar: StGB 42. Edition Stand: 01.05.2019 zitiert: BeckOK-Bearb., §, Rn
12. Wolter Jürgen Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band IV: §§ 174–241a StGB 9. Aufl. Köln 2017 zitiert: SK-Bearb., § Rn.

НАСИЛЬСТВЕННОЕ БРАКОСОЧЕТАНИЕ (§ 237 УУ ФРГ)

Корнблум Оливер

Цель. В этой работе дается ответ на вопрос, предоставляет ли недавно введенный § 237 УУ ФРГ более широкую защиту жертвам на практике или имеет чисто символическое воздействие.

Методология: тщательное исследование научных статей, комментариев и другой литературы, а также новостных журналов и официальных сообщений.

Выводы. В заключение автор делает вывод о том, что § 237 УУ ФРГ является долгожданным нововведением в немецкой правовой системе, имеющим больше недостатков, чем преимуществ.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование призвано показать законодательным и судебным органам те положения, в которых существует необходимость внесения изменений, в том числе для улучшения защиты жертв в действительности, после того как § 237 УУ ФРГ практически за 8 лет не применяется на практике.

Ключевые слова: насильственное бракосочетание, принуждение к заключению брака, защита потерпевшего, символический характер, похищение человека с целью заключения брака, принуждение, критика, практическая значимость.

Насильственное бракосочетание — это брак, заключенный против воли одного или обоих супругов (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 195; *Kindhäuser*, in: LPK-StGB, § 237 Rn. 1.). Это старинное явление, которое стало реже встречаться в Германии, и только с иммиграцией в Германию количество подобных явлений вновь увеличилось (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 195; *Fischer*, § 237 Rn. 4, 5). Одной из причин такого развития событий являются патриархальные семейные традиции иммигрантов (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 195; *Egner*, Freilaw 2014, 9, 12; *Letzgas*, FPR 2011, 451, 452; *Schubert/Moebius*, ZRP 2006, 33, 34; *Sering*, NJW 2011, 2161, 2161). Жертвами в основном являются молодые девушки. (*Bülte/Becker*, JA 2013, 7, 11; *Edinger*, StAZ 2012, 194, 195; *Egner*, Freilaw 2014, 9, 12; *Eisele/Majer*, NStZ 2011, 546, 547; *Kaiser*, FamRZ 2013, 77, 77; *Letzgas*, FPR 2011, 451, 452.)

Насильственные бракосочетания заключаются в трех различных формах. Первая форма — это миграция для заключения брака путем ввоза иностранных партнеров женского пола. (*Egner*, Freilaw 2014, 9, 12; *Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 2; *Letzgas*, FPR 2011, 451, 452; *Schubert/Moebius*, ZRP

2006, 33, 34). При этом «заказ» будущих жен обычно осуществляется через каталоги или Интернет из более бедных стран (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 195.). И наоборот, эта процедура используется для облегчения легальной иммиграции (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 196; *Egner*, Freilaw 2014, 9, 12; *Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 2). Другим проявлением является насильственное бракосочетание по религиозным соображениям (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 195; *Schubert/Moebius*, ZRP 2006, 33, 34.), которое заключается на основе определенных религиозных убеждений или в целях защиты собственной религиозной общины (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 195.). Кроме того, большое значение имеет похищение человека с целью заключения брака (так называемое заключение брака в отпуске), при котором в основном жертвы с миграционным прошлым, постоянно живущие в Германии, во время отдыха на родине неожиданно вступают в брак. (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 196; *Egner*, Freilaw 2014, 9, 12; *Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 2, 3; *Eisele/Majer*, NStZ 2011, 546, 547; *Fischer*, § 237 Rn. 6; *Schubert/Moebius*, ZRP 2006, 33, 34.). В то же время не каждый брак по договоренности является насильственным бракосочета-

нием, хотя разница может казаться незначительной (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 196; *Yerlikaya/Çakir-Ceylan*, ZIS 2011, 205, 206). Здесь необходимо определить, есть ли у супругов свободный выбор. (*Egner*, Freilaw 2014, 9, 12; *Eisele/Majer*, NStZ 2011, 546, 546; *Sering*, NJW 2011, 2161, 2161; *Valerius*, JR 2011, 430, 433; *Yerlikaya/Çakir-Ceylan*, ZIS 2011, 205, 206). Эту разницу и число насильственных бракосочетаний сложно вычислить, поскольку для их определения необходима помощь со стороны жертв.

Наконец, насильственные бракосочетания несовместимы с Основным законом из-за их противоправного характера, и именно поэтому в 2005 году в качестве типового примера § 240 (абз. 4) было упомянуто насильственное бракосочетание. Этому предшествовало несколько случаев насильственного бракосочетания и их последствий для жертв, как, например, дело «Sügücü» (LG Berlin, 13.04.2006 — 1 Kap Js 285/05; BGH, 28.08.2007 — 5 StR 31/07.), которое закончилось убийством за защиту чести семьи. Для более детального раскрытия противоправности, в 2011 г. законодатель принял § 237 с обоснованием, что насильственные бракосочетания не являются терпимой традицией из ранних времен или других культур (*Bülte/Becker*, JA 2013, 7, 7; *Egner*, Freilaw 2014, 9, 14.), что в тоже время придает положению символический характер.

В § 237 (абз. 1) УУ гарантируется свобода заключения брака и свободного выбора партнера в соответствии со ст. 16 Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ), ст. 12 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) и ст. 6 (абз. 1) Основного закона (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 196; *Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 4; *Fischer*, § 237 Rn. 3; *Heger*, in: Lackner/Kühl, § 237 Rn. 2; *Letzgas*, FPR 2011, 451, 452; *Sering*, NJW 2011, 2161, 2161, 2162). Кроме того, § 237 (абз. 2) охраняет свободу человека в соответствии со ст. 2 (абз. 2) Основного закона и право на собственный выбор места жительства (*Fischer*, § 237 Rn. 3.). В соответствии со ст. 2 4. протокола ЕКПЧ. § 237 (абз. 1 и 2) подобные преступления наказываются лишением свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет, поэтому состав преступления § 237 является уголовным проступком из-за минимального наказания в размере менее 1 года. Это проблематично с точки зрения символического характера § 237, поскольку символический эффект проступка меньше, чем у преступления, поэтому ужесточения минимального срока наказания на 1 год был бы необходимым для того, чтобы прояснить противоправность насильственного бракосочетания в форме преступления.

Кроме того, трудно доказать насильственное бракосочетание без помощи затронутых лиц посредством представления ими заявлений. (*Eisele/Majer*, NStZ 2011, 546, 547; *Yerlikaya/Çakir-Ceylan*, ZIS 2011, 205, 209.) К тому же в самих семьях существуют проблемы с доказыванием, (*Eisele/Majer*, NStZ 2011, 546, 547; *Edinger*, StAZ 2012, 194, 197) поскольку другие члены семьи часто не согласны с сопротивлением жертвы насильственного бракосочетания и поэтому используют свое право на отказ от дачи свидетельских показаний. (*Edinger*, StAZ 2012, 194, 197.) Эта проблема подтверждается тем фактом, что до 2019 г. не было ни одного опубликованного судебного решения, хотя этот параграф уже применяется в течение 8 лет.

Условия привлечения к уголовной ответственности

Исполнитель и потерпевший. Исполнителями являются в основном супруг или отец, но также и каждое третье лицо. (*Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 26; *Fischer*, § 237 Rn. 24; *Sering*, NJW 2011, 2161, 2163). Потерпевшим может быть любое физическое лицо (*Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 32.).

Состав преступного деяния § 237 (абз. 1) УУ. § 237 наказывает насильственное бракосочетание. Преступление, предусмотренное пунктом 1, совершает тот, кто насильно или угрожая причинением ошутимого вреда противоправно принуждает человека к бракосочетанию.

Предполагаемые средства принуждения — это применение силы или угроза причинения ошутимого вреда. Ошутимым вредом могут являться ограничение жизнедеятельности, правовые последствия для иностранцев, исключение из семьи, так же самоубийство родственников или убийство за честь семьи. (*Egner*, Freilaw 2014, 9, 12; *Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 9; *Heger*, in: Lackner/Kühl, § 237 Rn. 3; *Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 48.)

Успехом принуждения является «вступление в бракосочетание». (*Egner*, Freilaw 2014, 9, 13; *Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 10.) Для состава преступного деяния обычно требуется бракосочетание, которое вступило в силу в соответствии с немецким законодательством. (*Egner*, Freilaw 2014, 9, 14; *Haas*, JZ 2013, 72, 78; *Kindhäuser*, in: LPK-StGB, § 237 Rn. 4; *Schumann*, JuS 2011, 789, 790.) При определенных условиях к этому относятся также заграничные браки, (*Bülte/Becker*, JA 2013, 7, 10; *Ensenbach*, Jura 2012, 507, 510; *Heger*, in: Lackner/Kühl, § 237 Rn. 3; *Joicks/Jäger*, StudKo-StGB, § 237 Rn. 7; *Schumann*, JuS 2011, 789, 790.) но при этом необходимо соблюдать принцип «ordre public» по статье 6 EGBGB (Вступительный закон германского гражданско-

го уложения) (*Haas*, JZ 2013, 72, 78; *Heger*, in: Lackner/Kühl, § 237 Rn. 3.). Чисто культурные или религиозные бракосочетания не относятся к составу преступного деяния, если они также не являются официальными браками в стране, в которой они были заключены. (*Bülte/Becker*, JA 2013, 7, 10; *Egner*, Freilaw 2014, 9, 14; *Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 14; *Eisele/Majer*, NStZ 2011, 546, 549; *Heger*, in: Lackner/Kühl, § 237 Rn. 3; *Joecks/Jäger*, StudKo-StGB, § 237 Rn. 11; *Schumann*, JuS 2011, 789, 790, 791.) Встает вопрос, не слишком ли узкие требования к типу брака, поскольку при религиозных или культурных свадьбах браки также заключаются против воли соответствующих лиц и таким же образом нарушаются защищаемые законом интересы жертв. На эти церемонии приходится 32% всех насильственных бракосочетаний (*Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 14a; *Haas*, JZ 2013, 72, 79). Символический эффект § 237 УУ ФРГ опять же подрывается ограничением условия действия бракосочетания в связи с законодательством страны. Поэтому в целях защиты жертв и для получения более четкого символического эффекта потребовалась бы иная формулировка (*Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 14a; *Majer*, JSE 2015, 241, 243; *Renzikowski*, NJW 2014, 2539 ff.).

Кроме всего, должна существовать причинная связь (каузальность) между средством принуждения и последствием принуждения (*Bülte/Becker*, JA 2013, 7, 8; *Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 15; *Fischer*, § 237 Rn. 10).

Состав преступного деяния § 237 (2) УУ ФРГ. § 237 (абз. 2) УУ квалифицирует похищение человека с целью насильственного бракосочетания в соответствии с п. 1 как наказуемое преступное деяние. Необходимым условием является насилие, угрозы причинения ощутимого вреда или обман с целью угона человека за пределы пространства действия данного закона или побуждение человека туда податься или препятствие его возвращению оттуда.

Под территорией за пределом пространства действия настоящего Закона подразумевается территория за пределом ФРГ (*Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 36.). Как средства совершения преступления рассматриваются те, которые установлены в 1 абзаце, также совершения деяния путем обмана (например, имитация поездки в отпуск или визит к родственникам за границу (*Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 22; *Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 51.)). С помощью одного из этих средств должен быть достигнут один из трех вариантов деяния в качестве промежуточ-

ного успеха. (*Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 22; *Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 51.)

Разница между похищением (вар.1) и побуждением (вар.2) заключается в несамостоятельности (*Fischer*, § 234a Rn. 4; *Joecks/Jäger*, StudKo-StGB, § 237 Rn. 5; *Kindhäuser*, in: LPK-StGB, § 237 Rn. 7; *Schumann*, JuS 2011, 789, 792; *Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 37) принятия решения при угоне, и самостоятельностью (*Fischer*, § 234a Rn. 4.) при принятии решения потерпевшей податься на территорию, находящийся за пределами действия УУ ФРГ. Препятствование возвращению (вар.3) — это любое поведение, при котором исполнитель психически или физически препятствует возвращению жертвы из-за границы. (*Fischer*, § 234a Rn. 4; *Kindhäuser*, in: LPK-StGB, § 237 Rn. 7; *Schumann*, JuS 2011, 789, 792; *Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 39.)

В отличие от § 237 (абз. 1) УУ, самого заключения брака не требуется. (*Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 20; *Heger*, in: Lackner/Kühl, § 237 Rn. 4.) В этом случае наличие конкретной опасности принуждения к вступлению в брак за границей, возникшее в результате конкретных действий, является обязательным условием. (*Fischer*, § 234a Rn. 5; *Wagner*, MDR 1967, 629, 633; *Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 52.) Наконец, в § 237 (абз. 2) УУ, должна состоять причинность между средствами и последствием принуждения (*Heger*, in: Lackner/Kühl, § 237 Rn. 4; *Yerlikaya/Çakir-Ceylan*, ZIS 2011, 205, 208.).

Субъективная сторона состава преступного деяния. Субъективная сторона состава преступного деяния § 237 (абз. 1) УУ требуют наличия умысла (*Bülte/Becker*, JA 2013, 7, 11; *Fischer*, § 237 Rn. 12; *Kindhäuser*, in: LPK-StGB, § 240 Rn. 41; *Wieck-Noodt*, in: MüKo-StGB, § 237 Rn. 55.). В частности, исполнитель должен обладать косвенным умыслом (*dolus eventualis*) относительно средств совершения преступления (*Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 17; *Fischer*, § 240 Rn. 53; *Kindhäuser*, in: LPK-StGB, § 237 Rn. 8; *Schumann*, JuS 2011, 789, 790, 791; *Sinn*, JuS 2009, 577, 583.) и преднамеренностью (*dolus directus первой степени*) относительно последствия принуждения. (*Eisele*, in: Schönke/Schröder, § 237 Rn. 17; *Kindhäuser*, in: LPK-StGB, § 237 Rn. 8; *Schumann*, JuS 2011, 789, 790, 791; *Sinn*, JuS 2009, 577, 583, 584.) Для субъективной стороны состава преступного деяния § 237 (абз. 1 вар. 1–3) достаточно наличие косвенного умысла (*dolus eventualis*). (*Kindhäuser*, in: LPK-StGB, § 237 Rn. 9; *Schumann*, JuS 2011, 789, 793; *Yerlikaya/Çakir-Ceylan*, ZIS 2011, 205, 208.) Что касается наступления желаемого успеха — бракосочетания, то требуется наличие преднамеренности. (*Egner*, Freilaw

2014, 9, 14; *Ensenbach*, Jura 2012, 507, 511; *Heger*, in: *Lackner/Kühl*, § 237 Rn. 5; *Kindhäuser*, in: *LPK-StGB*, § 237 Rn. 9; *Schumann*, JuS 2011, 789, 792).

Противоправность. Сначала должны быть рассмотрены возможные основания, исключающие противоправность деяния. Если их нет, возникает вопрос о предосудительности в соответствии с § 237 (абз. 1 предл. 2) УУ ФРГ (*Schumann*, JuS 2011, 789, 791.). Принуждение в данном случае является противоправным, если применение насилия или угроза причинения ощутимого вреда представляются предосудительными в отношении достигнутой цели, т. е. если они морально не одобряются. В этом случае предосудительность должна оцениваться в соответствии с немецкими критериями, а не критериями из иностранных культур. (*Bülte/Becker*, JA 2013, 7, 11; *Egner*, Freilaw 2014, 9, 14; *Valerius*, JR 2011, 430, 433.) Положение о предосудительности из § 237 (абз. 1) УУ применяется и в случае 2 абзаца, поскольку в § 237 (абз. 2) УУ ФРГ есть указание на § 237 (абз. 1) УУ ФРГ. (*Bülte/Becker*, JA 2013, 7, 12; *Ensenbach*, Jura 2012, 507, 512.)

Давность. Срок давности по § 237 (абз. 1) и (абз. 2) УУ ФРГ составляет 5 лет (§ 78 абз. 3 пункт 4 УУ ФРГ). Принятие момента бракосочетания в качестве начала истечения срока давности является проблематичным, поскольку принуждение не заканчивается со вступлением в брак, а в действительности длится гораздо больше и жертвы часто начинают защищать себя только через несколько лет, что часто препятствует осуществлению эффективного уголовного преследования. (*Yerlikaya/Çakir-Ceylan*, ZIS 2011, 205, 207.)

Итак, в результате § 237 является желанным нововведением в немецком законодательстве, несмотря на нерешенные проблемы доказывания и слишком узко определенные предпосылки относительно бракосочетания. Кроме того, § 237 УУ ФРГ применяется на практике еще совсем недавно. Эти пробелы указывают на безучастное составление положения уголовного права, в котором главными целями являются символизм и отпугивание. Простые изменения текста нормы могли бы обеспечить более эффективную защиту жертв. Уже тогда, когда § 237 наименовали как «насильственное бракосочетание», было выбрано определение, которое могло ввести в заблуждение и создать впечатление, что насильственное бракосочетание наказуемо для обеих сторон, вместо того чтобы именовать положение как «насильственное вступление в брак», которое направлено против исполнителей. Помимо символического эффекта и в целях защиты жертв полезными превентивными мерами, которые в конечном счете обеспечили бы более эффективную защиту, были бы информационные кампании (*Egner*, Freilaw 2014, 9, 14; *Schubert/Moebius*, ZRP 2006, 33, 37; *Valerius*, JR 2011, 430, 431). Это еще раз подтверждает, что § 237 УУ ФРГ имеет символический характер, а не характер уголовно-правовой меры. В заключении нужно отметить, что, несмотря на критику, § 237 УУ ФРГ является позитивным нововведением символического характера и предлагает жертвам новый уровень защиты, но требует некоторых необходимых усовершенствований для обеспечения оптимальной защиты для жертв.

Литература

1. Bülte Jens / Becker Raymond. Überblick über die Strafvorschrift gegen die Zwangsheirat (§ 237 StGB), JA 2013, 7 ff.
2. Edinger Florian, Zwangsverheiratung — Ein Überblick über tatsächliche und rechtliche Aspekte, StAZ 2012, 194 ff.
3. Egner Antonia. Die neuen Straftatbestände der Genitalverstümmelung und der Zwangsheirat, Freilaw 2014, 9 ff.
4. Eisele Jörg / Majer Christian F. Strafbarkeit der Zwangsheirat nach § 237 StGB im Lichte des Internationalen Straf- und Privatrechts, NStZ 2011, 546 ff.
5. Ensenbach Kai. Die Zwangsheirat gemäß § 237 StGB, Jura 2012, 507 ff.
6. Fischer Thomas. Strafgesetzbuch Kommentar, 65. Auflage, München 2018
7. Haas Volker. Der neue Straftatbestand der Zwangsheirat (§ 237 StGB) — eine kriminalpolitische Bewertung, JZ 2013, 72 ff.
8. Joecks Wolfgang / Jäger Christian. Strafgesetzbuch Studienkommentar, 12. Auflage, München 2018
9. Joecks Wolfgang / Miebach Klaus u.a., Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 4 §§ 185 — 262 3. Auflage, München 2017.
10. Kaiser Dagmar. Zwangsheirat, FamRZ 2013, 77 ff.
11. Kindhäuser Urs, Lehr- und Praxiskommentar zum Strafgesetzbuch, 7. Auflage, Baden-Baden 2017.
12. Lackner Karl / Kühl Kristian / Heger Martin. Strafgesetzbuch Kommentar, 29. Auflage, München 2018.

13. Letzgu Klaus. Der neue Straftatbestand der Zwangsheirat, FPR 2011, 451 ff.
14. Majer Christian F. Die Strafbarkeit der Zwangsheirat nach § 237 StGB — Bilanz und Reformfragen, JSE 2015, 241 ff.
15. Renzikowski Joachim. Strafrecht in einer multikulturellen Gesellschaft, NJW 2014, 2539 ff.
16. Schönke Adolf / Schröder Horst / Eisele Jörg. Strafgesetzbuch Kommentar, 30. Auflage, München 2019.
17. Schubert Karin / Moebius Isabella. Zwangsheirat — Mehr als nur ein Straftatbestand: Neue Wege zum Schutz der Opfer, ZRP 2006, 33 ff.
18. Schumann Kay H. Der neue Straftatbestand der Zwangsheirat (§ 237 StGB), JuS 2011, 789 ff.
19. Sering Christian. Das neue «Zwangsheirat-Bekämpfungsgesetz», NJW 2011, 2161 ff.
20. Sinn Arndt. Die Nötigung, JuS 2009, 577 ff.
21. Valerius Brian. Gedanken zum Straftatbestand der Zwangsheirat (§ 237 StGB), JR 2011, 430 ff.
22. Wagner Walter. Zur Auslegung der Staatsschutzvorschriften über den Schutz der persönlichen Freiheit (I), MDR 1967, 629 ff.
23. Yerlikaya Hayriye / Çakir-Ceylan Esmâ. Zwangs- und Scheinehen im Fokus staatlicher Kontrolle — Eine Betrachtung des jüngsten Gesetzesentwurfes zur Bekämpfung der Zwangsheirat und Verhinderung von Scheinehen im Lichte des Opferschutzes, ZIS 2011, 205 ff.

References

1. Bülte Jens / Becker Raymond. Überblick über die Strafvorschrift gegen die Zwangsheirat (§ 237 StGB), JA 2013, 7 ff.
2. Edinger Florian. Zwangsverheiratung — Ein Überblick über tatsächliche und rechtliche Aspekte, StAZ 2012, 194 ff.
3. Egnér Antonia. Die neuen Straftatbestände der Genitalverstümmelung und der Zwangsheirat, Freilaw 2014, 9 ff.
4. Eisele Jörg / Majer Christian F. Strafbarkeit der Zwangsheirat nach § 237 StGB im Lichte des Internationalen Straf- und Privatrechts, NStZ 2011, 546 ff.
5. Ensenbach Kai. Die Zwangsheirat gemäß § 237 StGB, Jura 2012, 507 ff.
6. Fischer Thomas. Strafgesetzbuch Kommentar, 65. Auflage, München 2018.
7. Haas Volker. Der neue Straftatbestand der Zwangsheirat (§ 237 StGB) — eine kriminalpolitische Bewertung, JZ 2013, 72 ff.
8. Joecks Wolfgang / Jäger Christian. Strafgesetzbuch Studienkommentar, 12. Auflage, München 2018.
9. Joecks Wolfgang / Miebach Klaus u.a. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 4 §§ 185–262 3. Auflage, München 2017.
10. Kaiser Dagmar. Zwangsheirat, FamRZ 2013, 77 ff.
11. Kindhäuser Urs, Lehr- und Praxiskommentar zum Strafgesetzbuch, 7. Auflage, Baden-Baden 2017.
12. Lackner Karl / Kühl Kristian / Heger Martin. Strafgesetzbuch Kommentar, 29. Auflage, München 2018.
13. Letzgu Klaus. Der neue Straftatbestand der Zwangsheirat, FPR 2011, 451 ff.
14. Majer, Christian F., Die Strafbarkeit der Zwangsheirat nach § 237 StGB — Bilanz und Reformfragen, JSE 2015, 241 ff.
15. Renzikowski Joachim. Strafrecht in einer multikulturellen Gesellschaft, NJW 2014, 2539 ff.
16. Schönke Adolf / Schröder Horst / Eisele Jörg. Strafgesetzbuch Kommentar, 30. Auflage, München 2019
17. Schubert Karin / Moebius Isabella. Zwangsheirat — Mehr als nur ein Straftatbestand: Neue Wege zum Schutz der Opfer, ZRP 2006, 33 ff.
18. Schumann Kay H. Der neue Straftatbestand der Zwangsheirat (§ 237 StGB), JuS 2011, 789 ff.
19. Sering Christian. Das neue «Zwangsheirat-Bekämpfungsgesetz», NJW 2011, 2161 ff.
20. Sinn Arndt. Die Nötigung, JuS 2009, 577 ff.
21. Valerius Brian. Gedanken zum Straftatbestand der Zwangsheirat (§ 237 StGB), JR 2011, 430 ff.
22. Wagner Walter. Zur Auslegung der Staatsschutzvorschriften über den Schutz der persönlichen Freiheit (I), MDR 1967, 629 ff.
23. Yerlikaya Hayriye / Çakir-Ceylan Esmâ. Zwangs- und Scheinehen im Fokus staatlicher Kontrolle — Eine Betrachtung des jüngsten Gesetzesentwurfes zur Bekämpfung der Zwangsheirat und Verhinderung von Scheinehen im Lichte des Opferschutzes, ZIS 2011, 205 ff.

РАЗВИТИЕ И АКТУАЛЬНОСТЬ СОСТАВОВ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ «ПОХИЩЕНИЕ МАЛОЛЕТНИХ» И (§ 235 УУ ФРГ) «ТОРГОВЛЯ ДЕТЬМИ» (§ 236 УУ ФРГ)

Коттке Колин

Целью данной научной работы является описание составов преступных деяний похищения малолетних и торговли детьми. С одной стороны, должно стать ясно, почему законодатель счел эти нормы необходимыми для их кодификации, а с другой стороны, в какой степени нормы все еще представляются проблематичными с точки зрения содержания. В статье будет показано, на защиту чего направлены положения и как эта защита гарантирована.

Методология: анализ исторического развития, формально-юридический метод, анализ становления малолетнего/ребенка как правовое благо.

Выводы: 1. Основной целью состава похищения малолетнего является защита права родительской опеки. Однако соответствующие положения семейного права также показывают, что родительская опека, в конечном итоге, служит благополучию ребенка, и что лица, обладающие правом родительской опеки, должны ориентироваться в своих действиях этим. Это ведет к тому, что в дополнение к существующей опосредованной защите посредством права родительской опеки ребенок также непосредственно подпадает под сферу защиты нормы в качестве охраняемого объекта.

2. Торговля детьми была введена, прежде всего, в связи с участившимися случаями, когда родители предлагали своих детей в качестве товарных продуктов за деньги или другие потребительские товары. Кроме того, усыновление/удочерение также тесно связано с такой продажей. На основе этого § 236 УУ защищает человеческое достоинство детей, которые не должны становиться «объектом» интересов других людей. При этом 1-й абзац направлен на беспрепятственное духовное и физическое развитие ребенка, а 2-й абзац служит обеспечению запрета на посредничество согласно Закону о содействии при усыновлении. Тем не менее, эти запреты также служат в первую очередь защите несовершеннолетних, следовательно, можно сказать, что направление защиты, в конечном итоге, одинаков.

Научная и практическая значимость. Хотя значение этих двух составов деяний является относительно низким с точки зрения практики, они необходимы для правовой системы. Оба состава деяния впервые установили наказание за поведение, которое не было наказуемо до введения этих положений, и этим помогли малолетним занять нынешнюю позицию в УУ.

Ключевые слова: похищение, торговля детьми, малолетний, свобода, ребенок, защита.

Заинтересованность на этапе становления. В связи с становлением §§ 235, 236 УУ ФРГ возможны различные обстоятельства, которые могли бы привести к кодификации этих составов преступных деяний. В качестве примера может служить спор относительно общего ребенка после расторжения брака или другой формы сожительства. Здесь возможны ситуации, в которых

один из родителей, чтобы создать совершившийся факт, похищает ребенка у другого родителя. Иногда возможны случаи, когда один из родителей увозит ребенка за границу, чтобы усложнить или даже сделать невозможным доступ к нему для другого родителя. Также возможны обстоятельства не внутрисемейного характера. Так, например, когда пары, желающие иметь своих

детей, берут свою судьбу в собственные руки и хотят «украсть» ребенка, или если молодая мать оставляет своего новорожденного ребенка в бэби-боксе, или даже продает своего ребенка с тяжелым сердцем, поскольку у нее нет другого выхода, чтобы обеспечить существование своей семьи. Крайний случай составляют те родители, которые продают своих детей с целью получения чистой прибыли. Не исключено, что эти дети станут жертвами проституции или порнографии. Поэтому, помимо «простого» похищения малолетних, необходимо также предусматривать наказание за обеспечение средств к существованию путем продажи ребенка и реализацию желания иметь детей путем покупки ребенка. Кроме того, должны преследоваться случаи незаконного усыновления/удочерения, а также посредничество в таких действиях. Для того, чтобы пресечь и остановить это, необходимо следить за тем, чтобы дети не превращались в объекты или товарные продукты. Это должно обеспечиваться посредством §§ 235, 236 УУ ФРГ [4].

Историческое развитие. Если взглянуть на историческое развитие похищения малолетних, то следует заметить, что Прусское законодательство (*Vgl. §§ 1083 und 1088 preußisches ALR*) и Уголовное Уложение Пруссии (*Vgl. § 206 preußisches StGB*) уже содержали описания составов деяний, очень похожие на похищения малолетних. После многочисленных попыток реформирования составов преступлений, связанных с похищением во время Второй мировой войны, вступил в силу Шестой закон о реформе уголовного права и ввел § 235 УУ ФРГ в новой редакции, который применяется и по сей день [6].

В отличие от похищения малолетних, торговля детьми существует в УУ ФРГ сравнительно недолго. Со вступлением в силу Шестого закона о реформе уголовного права § 236 УУ ФРГ в старой редакции был полностью исключен и заменен § 236 УУ ФРГ в новой редакции [9]. До принятия Шестого закона о реформе уголовного права, законодатели были согласны с тем, что отсутствует необходимость введения такой нормы. Однако в начале 90-х годов стали известны все больше случаев, в которых родители из Восточной Европы продавали своих детей за деньги или потребительские товары [7]. Поскольку эти родители продавали своих детей как товар для получения чистой прибыли и тем самым превращали их в объект коммерческой деятельности, законодатель должен был действовать в целях защиты детей и их человеческого достоинства [7]. Также следует указать на включение запрета на посредничество

при усыновлении/удочерении, не имея соответствующие полномочий, во 2-ой абзац [3].

Содержание нормы. Похищение малолетних и торговля детьми находятся в 18 разделе Уголовного уложения ФРГ и, следовательно, являются преступными деяниями против личной свободы. Это говорит о том, что охраняемым правовым благом этих двух норм является личная свобода жертв. Однако эти два состава преступного деяния связаны не столько непосредственно со свободой жертв, сколько с благополучием защищаемых лиц и их беспрепятственным физическим и духовным развитием (*BT-Drucks. 13/8587, S. 38 ff.*). Это, в свою очередь, представляет собой выражение свободного развития личности и, следовательно, права на свободу, защищенное в 18-ом разделе (*BT-Drucks. 13/8587, S. 38 ff.*).

Основной целью положения о похищении малолетних является защита права родительской опеки [3; 5]. В то же время соответствующие положения семейного права также показывают, что родительская опека в конечном счете служит благополучию ребенка и, что опекуны должны соответствующим образом ориентировать свои действия [8].

В конечном итоге это приводит к тому, что в дополнение к существующей опосредованной защите посредством права родительской опеки, ребенок также непосредственно подпадает под сферу защиты нормы в качестве охраняемого объекта [9]. В поддержку этого утверждения можно сослаться на текст абзаца 4, включенного Шестым законом о реформе уголовного права, который указывает на беспрепятственное физическое и психическое развитие несовершеннолетнего (*Vgl. BT-Drucks. 13/8587, S. 38.*).

Как уже упоминалось в историческом контексте, состав преступного деяния торговли детьми был введен, прежде всего, в связи с участвовавшими случаями, когда родители предлагали своих детей в качестве товара, продаваемого за деньги или в обмен на другие потребительские товары. Кроме того, усыновление/удочерение также тесно связано с такой продажей. На основе этого § 236 УУ защищает человеческое достоинство детей, которые не должны становиться «объектом» интересов других людей [6]. При этом 1-й абзац направлен на беспрепятственное духовное и физическое развитие ребенка, а 2-й абзац служит обеспечению запрета на посредничество согласно Закону о деятельности при усыновлении (*BT-Drucks. 13/8587, S. 40.*). Тем не менее, эти запреты также служат в первую очередь защите несовершеннолетних, следовательно, можно сказать, что направление

защиты в конечном счете одинаково [6]. Таким образом, конкретной защите подлежат физическое и духовное благополучие несовершеннолетних и в этой связи похищение малолетних и торговля детьми имеют аналогичный характер [3].

Состав преступного деяния. Для того, чтобы обеспечить защиту этих правовых благ, § 235 УУ предусматривает наказание за «похищение» и «невозвращение» лица в возрасте до 18 лет, если использовались такие средства совершения деяния как насилие, угроза причинения ощутимого вреда или обман (абз. 1 № 1). Кроме того, предусмотрено наказание для тех, кто похищает или не возвращает ребенка (лицо, не достигшее 14-летнего возраста) (абз. 1 № 2), причем здесь не имеет значение средства совершения деяния, поскольку дети являются особенно уязвимыми (*BT-Drucks. 13/8587, S. 38.*). Второй абзац предусматривает наказание для тех случаев, когда ребенка похищают, чтобы увезти за границу или если ребенок, уже находящийся за границей, не возвращается родителям. Таким образом учитывается трудную исполнимое требование права родительской опеки за границей (*BT-Drucks. 13/8587, S. 39.*).

Торговля детьми предусматривает наказание за передачу (предл. 1) и принятие (предл. 2) лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, на длительное время с целью обогащения третьих лиц. Здесь исполнители в разговорной речи именуется либо «покупателем», либо «продавцом» несовершеннолетнего. Подобно средствам совершения деяния § 235 УУ в качестве ограничительного условия прибавляется грубое пренебрежение обязанностями по попечению и воспитанию. Однако это не предназначено для того, чтобы пошатнуть защитную функцию нормы, а направлено на предотвращение попадания в сферу действия состава социально приемлемого поведения (*BT-Drucks. 13/8587, S. 40; Fischer, StGB, § 236, Rn. 5.*)[2]. Во 2-ом абзаце предусматривается наказание за усыновление и принятие несовершеннолетнего, не имея при этом соответствующих полномочий.

Критическое рассмотрение. В связи с критическим рассмотрением похищения малолетних, в первую очередь, следует отметить, что норма запутанная и не очень прозрачная, что затрудняет ее понимание. Из нечетко разграниченного понятия «права родительской опеки» возникают многочисленные споры и проблемы, для которых есть только несколько убедительных решений. В качестве примера был кратко указан вопрос о непосредственной защите малолетнего. Однако это только часть проблемы.

Кроме того, § 235 УУ печально известен как, так называемый «тупой меч» (*Caspary, FPR 2001, 216.*), который должен подвергаться критике за то, что из-за отсутствия соглашений о выдаче с целевыми странами исполнителя, который похищает или не возвращает малолетнего, невозможно обеспечить защиту, если последний находится за границей [4].

Но именно эта проблема должна заставить замолчать некоторых авторов, которые считают, что семейно-правовые санкции являются достаточными в случае таких родительских споров [10]. Например, ранее критиковавшееся, неэффективное и неуместное уголовно-правовое давление [10], во многих случаях последняя ступень, которая препятствует перемещению несовершеннолетнего за границу [10]. И именно это является решающим в борьбе с похищением малолетних.

Кроме того, нужно также оценить по достоинству прогресс, который был достигнут после введения § 235 УУ ФРГ в новой редакции. С принятием Шестого закона о реформе уголовного права, уголовная ответственность была значительно расширена. Правовой пробел, связанный с похищением малолетних, был закрыт, а относительно перемещения детей за границу были закрыты даже пробелы положений о коммерческой и организованной торговле детьми [4]. Перед принятием Шестого закона о реформе уголовного права за совершение этих действия не было предусмотрено наказание. Таким образом, законодатель как минимум в общих превентивных целях установил четкий знак о необходимости защиты и значимости малолетних [4]. Это подчеркивает, прежде всего, наличие уголовной ответственности за покушение на эти преступные деяния, а также частичное оформление положений как преступное деяние с формальным составом.

При критическом рассмотрении § 236 УУ ФРГ сначала можно отметить, что в прямом сравнении с § 235 УУ ФРГ, § 236 УУ ФРГ более успешный пример новой редакции преступных деяний, связанных с похищением. Таким образом положение кажется более структурированным и понятным. Дополнительно, § 236 установил еще один знак о необходимости защиты и значимости малолетних. Это положение также предусматривает наказание за поведение, которое не было наказуемо до его вступления в силу. В силу этого данное положение незаменимо для предотвращения принижения детей в качестве предметов торговли. Это еще одна причина, почему необходимость наказания за торговли детьми является бесспорным [4].

Заключение. В заключение можно сказать, что, хотя оба положения нуждаются в изменении из-за небольших недостатков в составах деяния, тем не менее они также являются неотъемлемой частью УУ ФРГ по причине важности охраняемых правовых благ.

Литература

1. Dencker F., Nelles U., Stein U., Struensee E. Einführung in das 6. Strafrechtsreformgesetz 1998. München, 1998. 114 s. (In German)
2. Fischer T. Kommentar zum StGB. 66. Auflage. München, 2019. 2600 s. (In German)
3. Von Heintschel-Heinegg B. Beck'scher Online Kommentar StGB. 41. Edition. Stand: 01.02.2019 (In German)
4. Kinderhäuser U., Neumann U., Paeffgen H. Kommentar zum StGB. 5. Auflage. Baden-Baden, 2017. 7836 s. (In German)
5. Lackner K., Kühl K., Heger M. Kommentar zum StGB. 29. Auflage. München, 2018. 1988 s. (In German)
6. Leipziger Kommentar. Band 7/ Teil 2: §§ 232–241a StGB. 12. Auflage. Berlin, 2015. (In German)
7. Münchner Kommentar. Band 4: §§ 185–262 StGB. 3. Auflage. München, 2017. 2074 s. (In German)
8. Sallum D. Die strafrechtlichen Probleme der internationalen Kindesentziehung beim Streit um das gemeinsame Kind. Baden-Baden, 2008. 173 s. (In German)
9. Schönke A., Schröder H. Kommentar zum StGB. 30. Auflage. München, 2019. 3361 s. (In German)
10. Von Staudinger J. Kommentar zum BGB. 12. Auflage. Berlin, 1997. (In German)

References

1. Dencker F., Nelles U., Stein U., Struensee E. Einführung in das 6. Strafrechtsreformgesetz 1998. München, 1998. 114 s. (In German)
2. Fischer T. Kommentar zum StGB. 66. Auflage. München, 2019. 2600 s. (In German)
3. Von Heintschel-Heinegg B. Beck'scher Online Kommentar StGB. 41. Edition. Stand: 01.02.2019 (In German)
4. Kinderhäuser U., Neumann U., Paeffgen H. Kommentar zum StGB. 5. Auflage. Baden-Baden, 2017. 7836 s. (In German)
5. Lackner K., Kühl K., Heger M. Kommentar zum StGB. 29. Auflage. München, 2018. 1988 s. (In German)
6. Leipziger Kommentar. Band 7/ Teil 2: §§ 232–241a StGB. 12. Auflage. Berlin, 2015. (In German)
7. Münchner Kommentar. Band 4: §§ 185–262 StGB. 3. Auflage. München, 2017. 2074 s. (In German)
8. Sallum D. Die strafrechtlichen Probleme der internationalen Kindesentziehung beim Streit um das gemeinsame Kind. Baden-Baden, 2008. 173 s. (In German)
9. Schönke A., Schröder H. Kommentar zum StGB. 30. Auflage. München, 2019. 3361 s. (In German)
10. Von Staudinger J. Kommentar zum BGB. 12. Auflage. Berlin, 1997. (In German)

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА И ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОДДЕЛКОЙ ДОКУМЕНТОВ

Лютцнер Маурис

Цель. Более подробно рассмотреть вопрос о том, почему преступные деяния, связанные с ложным засвидетельствованием (§§ 271, 348 УУ ФРГ), характеризуются запутанной казуистикой, а также вопросы отсутствия единообразной судебной практики, и определить причины этого. Критически оценить новые мнения в литературе, которые хотят ужесточить уголовно-правовую защиту официальных документов.

Методология: формально-юридический метод, системный метод.

Выводы. Здесь можно констатировать, что уголовно-правовая защита официальных документов не должна быть перегружена защитой свободы действий. Уголовное право может и должен быть применено только как крайняя мера. Из-за новых тезисов в литературе слишком много документов попадает в круг уголовной ответственности согласно §§ 271, 348 УУ ФРГ. Не имеющие отношения к делу соображения, такие как возможная защита имущества, не играют доминирующей роли в защите правовых отношений. Они не оправдывают ужесточение наказания. Потеря социальной свободы перевешивает над неподтвержденной правовой гарантией. Свобода действий находится под угрозой из-за чрезмерной защиты правовых отношений.

Научная и практическая значимость. Посредством обзора литературы и судебной практики рассматривается, можно ли избежать такого скопления отдельных случаев, которое вызывают большую путаницу на практике и в литературе. Статья служит призывом к законодателю не жертвовать свободой граждан в пользу упрощения судебной практики.

Ключевые слова: ложное засвидетельствование при исполнении должностных обязанностей; ложное засвидетельствование посредством использования другого лица; официальный документ; преступные деяния, связанные с подделкой документов; общественное доверие.

Введение и ход исследования. Преступные деяния, связанные с ложным засвидетельствованием согласно §§ 271, 348 УУ ФРГ, характеризуются запутанной казуистикой [4]. На сегодняшний день не существует единой судебной практики по отдельным проблемным областям. В связи с этим возникают следующие вопросы: каковы причины, которые привели к этой казуистике; действительно ли такая казуистика необходима; не способствует ли это скорее правовой определенности, если от такой казуистики отказаться, например, путем разработки более общих признаков?

На протяжении истории уголовного права эта казуистика часто подвергалась жесткой критике. Бок даже высказал мнение о том, что нынешние признаки официальных документов отчасти яв-

ляются излишними и, что расширение уголовной защиты официальных документов может ограничить чрезмерную казуистику [2, с. 330].

На основе этого тезиса данное описание должно прежде всего способствовать получению общего представления о характере и догматике преступных деяний, связанных с ложным засвидетельствованием, а также пояснить наиболее важную и противоречивую часть этих деяний в смысле §§ 271, 348 УУ ФРГ. Официальный документ является объектом преступления §§ 271, 348 УУ ФРГ. Именно, официальный документ, как признак состава преступного деяния, вносит значительный вклад в вышеупомянутую казуистику.

Преступления, связанные с ложным засвидетельствованием согласно §§ 271, 348 УУ ФРГ.

Цель защиты положений и сравнение с § 267 УУ ФРГ. Целью положения о преступлениях, связанных с ложным засвидетельствованием при исполнении должностных обязанностей в соответствии с § 348 УУ ФРГ, является защита общего доверия к правдивости действий должностного лица, которому поручена регистрация официальных документов [13; 12, с. 193].

§ 271 УУ ФРГ, напротив, специально защищает интерес исключения манипуляций с определенными (официальными) засвидетельствованиями [5]. §§ 271, 348 УУ ФРГ должны рассматриваться в общем контексте. Они защищают правовой оборот от поддельных официальных документов [19].

Интересы защиты §§ 271, 348 УУ ФРГ выходят за рамки состава преступного деяния подделка документов (§ 267 УУ ФРГ) [6]. § 267 предусматривает наказание за изготовление поддельного документа. §§ 271 и 348, напротив, предусматривают наказание за изготовление (подлинного) (*Die Urkunde lässt gerade den wirklichen Aussteller erkennen.*) официального документа, содержащего ложную информацию. Устанавливаются случаи письменной лжи [6]. Защитой от письменной лжи обеспечиваются только официальные документы (а также сопоставимые файлы, книги и реестры).

И официальные документы, и документы частного характера распространены в качестве доказательств. Следовательно, представляется сомнительным, почему только официальные документы защищены от поддельного содержания, а не также частные документы [15, с. 826; 18, с. 353]. *Биндинг* показал очевидную причину неравного обращения. Согласно *Биндингу*, достоверность документа измеряется достоверностью его эмитента (издателя) [1, с. 195]. Эмитентом официальных документов, как правило, является государственное учреждение. Именно государству оказывается особое доверие в отношении правдивого содержания его официальных документов, что оправдывает более высокую степень их защиты [7, с. 41].

Центральная проблема §§ 271, 348 УУ ФРГ. *Официальный документ.* Признак «официальный документ» является причиной обширной казуистики в случае преступных деяний, связанных с ложным засвидетельствованием в соответствии с §§ 271, 348 УУ ФРГ.

Официальные документы, книги, файлы или реестры. §§ 271, 348 относятся, помимо прочего, к официальным документам и файлам. Официальные файлы — это не что иное, как официальные документы, хранящиеся в системах обработки данных (*Vgl. Führen des Grundbuchs (§ 126 GBO) o. Handelsregisters (§§ 8a, 9a HGB) als elektronische*

Datenverarbeitung). Особенно в современную цифровую эпоху, большинство административных процедур сопровождаются техническими процессами (*Vgl. Führen des Grundbuchs (§ 126 GBO) o. Handelsregisters (§§ 8a, 9a HGB) als elektronische Datenverarbeitung*). Сфера защиты §§ 271, 348 УУ ФРГ была дополнена термином «официальный файл», поэтому уже само сохранение данных относится к составу деяния [23, с. 26]. Этим расширением состава уголовного преступления должны быть восполнены пробелы привлечения к уголовной ответственности, связанные с цифровизацией. В случае простого электронного хранения данных речь не идет о документе, поскольку отсутствует воплощение мысли [21].

Кинапфель не согласен с утверждением о существовании пробела привлечения к уголовной ответственности потому, что вследствие последующей распечатки манипулированных данных появляется публичный документ с ложным содержанием [9, с. 172]. Однако, это мнение является устаревшим. В настоящее время больше нельзя полагаться на распечатку, поскольку этот процесс часто не осуществляется. Обмен информацией обычно осуществляется в цифровом формате, поэтому сами файлы должны иметь доказательственную ценность как таковую [23, с. 27]. Кроме того, при следовании за *Кинапфелем* в случае с §§ 271, 348 УУ ФРГ возникают трудности с доказыванием, поскольку между записью ложных данных и распечаткой обработанных данных может пройти очень много времени [23, с. 28]. Официальный документ является квалифицированным документом [23, с. 17] и должен иметь свои собственные дополнительные отличительные признаки (*NomosKommentar-Puppe/Schumann, Strafgesetzbuch, 5. Auflage, 2017, § 271 Rn. 7*). Эти признаки не установлены в УУ ФРГ. Для определения характерных признаков официального документа можно воспользоваться § 415 (абз. 1) Гражданского процессуального кодекса (ГПК) (*Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch/Hoyer, 9. Auflage, 2019, § 271 Rn. 9.*), который дает правовое определение понятия официального документа.

Правовое определение согласно § 415 (абз. 1) ГПК. Согласно § 415 (абз. 1) ГПК, документ является официальным, если он «был выдан государственным органом в пределах его полномочий» или если он «был составлен в установленной форме лицом, пользующимся общественным доверием в рамках возложенной на него сферы деятельности» [22, с. 6].

В первую очередь официальный документ должен выдаваться эмитентом, пользующегося осо-

бым доверием в силу закона. Кроме того, документ должен быть составлен в правильной форме с учетом особого доверия к эмитенту, то есть обладать общественным доверием [11], а именно, представить доказательство в пользу и против любого.

Эмитентом официального документа может быть орган власти или лицо, пользующееся общественным доверием. По господствующему мнению, это могут быть как отечественные, так и иностранные должностные лица [5]. В современном глобализированном мире официальные документы должны быть обеспечены справедливой защитой. Документы могут быть быстро созданы и переданы. Отклонение документов на основании иностранного происхождения не практично, если они имеют доказательную силу на национальном уровне. Кроме того, эмитент должен, по крайней мере, нести предметную ответственность [21].

Специальные уголовно-правовые требования, предъявляемые к официальным документам. Если все требования § 415 (абз. 1) ГПК выполнены, то в соответствии с господствующей доктриной, не обязательно наличие официального документа в смысле §§ 271, 348 УУ ФРГ [16, с. 426; 15, с. 826]. Кроме того, согласно уголовному законодательству, специально требуется, чтобы документ обладал повышенной доказательной силой. Это позволяет исключать определенные виды документов из сферы правовой охраны уголовным правом.

Определение доказательств во внешних отношениях. Общеизвестно, что «доказательственная сила в пользу и против любого лица» относится к официальным документам, которые предназначены для внешнего правового оборота (*RGSt 75, 285 (287); Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch/Hoyer, 9. Auflage, 2019, § 271 Rn. 14.*). Поэтому документы, предназначенные исключительно для внутреннего делопроизводства, не подпадают под защиту §§ 271, 348 УУ (например, протокол судебного заседания по уголовным делам) (*Hauptverhandlungsprotokoll in Strafsachen: OLG Hamm NJW 1977, 592 (594).*). По мнению *Бока*, документы, предназначенные для внутренней администрации, должны также быть защищены от преступных посягательств, связанных с ложным засвидетельствованием согласно §§ 271, 348 УУ ФРГ [2, с. 330]. Если такой документ поступает во внешний оборот, то его особенность как суверенного документа дает ему такое же доверие, как и в случае с документами, составленными непосредственно для внешнего использования.

В качестве положительного момента нужно отметить, что позиция *Бока* отчасти исключает сложную казуистику. Это привело бы к обеспече-

нию более высокой правовой гарантии, поскольку позволило бы получить более четкое представление о документах, имеющих значение для уголовного права.

В то же время необходимо учитывать «цену», которой достигается такая правовая гарантия. В результате круг соответствующих объектов преступления увеличился бы во много раз. Кроме того, неясно, затрагивает ли каждый из этих соответствующих документов правовые блага, охраняемые §§ 271, 348 УУ ФРГ. Включение каждого документа в круг подходящих объектов преступления противоречит ст. 103 (абз. 2) Основного закона. Следовательно, не каждый документ, который предназначен для внутреннего пользования подлежит уголовно-правовой защите.

Обоснование повышенной доказательственной силы официального документа. Судебная практика не проясняет четко или единообразно, как обосновывается повышенная доказательственная сила [23, с. 50]. Более того она является даже противоречивой в своих решениях. В большинстве случаев обоснование основывается на телеологических аргументациях [2, с. 330].

Судебная практика предполагает, что при отсутствии четких положений, определяющих общественное доверие, оно может основываться на правовых нормах, описывающих создание и назначение этого документа (*BGHSt 22, 201 (203).*). Совсем недавно Федеральный Верховный Суд заявил, что возросшая доказательственная сила включает, в частности, те факты, которые точно указаны в законе, а не те, которые не установлены законом или другими правовыми положениями, а их неверное обнаружение не влияет на эффективность засвидетельствования (*BGHSt 47, 39 (42); 44, 186 (188); 42, 131 (132); BGH NJW 2004, 3195.* Однако, он не следовал этому строго (*Vgl. BGHSt 6, 380 (381); RGSt 46, 290 (293).*).

Опять же, в других решениях не отмечается необходимость введения специальных положений для установления общественного доверия, поскольку общественное доверие относительно документа вытекает из § 415 и следующих за ним параграфов ГПК, поскольку данный документ составлен компетентным должностным лицом (*BGHSt 7, 94 (96); RGSt 64, 328 (331).*).

Кроме того, в соответствии с судебной практикой, возросшая публичная сила доказывания может основываться на общем восприятии оборота (*BGHSt 47, 39 (42, 44); RGSt 70, 229 (230); 74, 26 (32).*).

Существует правомерная критика в отношении расплывчатого подхода судебной практики. Ниже

описываются некоторые подходы, существующие в литературе.

Хартлеб считает подход судебной практики, заключающийся в том, что доказательственная сила вытекает из специальных положений, связанных с засвидетельствованием, правильным [7, с. 71]. По мнению *Хартлеба*, только эти нормы дают четкие указания относительно доказательственной силы [7, с. 71]. С этим подходом следует согласиться в его базовом понимании, но его подход кажется не очень практичным, поскольку в действительности существует слишком мало положений, которые устанавливают точную процедуру засвидетельствования (например, § 128 Гражданского Уложения ФРГ).

Для *Винтера* повышенная доказательственная сила является необходимой. *Винтер* требует больше ссылаться на § 415 и следующие за ним параграфы ГПК, где эти положения, наряду с определением термина официального документа, будут обеспечивать доказательственную силу [23, с. 89]. С этой точки зрения, следует придерживаться позиции *Винтера*, поскольку правовая гарантия усиливается параллельно с ГПК и точностью, в отличие от судебной практики.

Существуют мнения в пользу того, чтобы отказаться от повышенной доказательственной силы. В связи с этим, *Фройнд* отмечает, что применительно к признакам § 415 и последующих параграфов ГПК признак повышенной доказательственной силы является необязательным и даже вводящим в заблуждение [6].

Бок видит это более четко. Он исходит из того, что отказ от возросшей доказательственной силы способствует обеспечению правовой гарантии, именно потому, что нельзя однозначно определить, на чем основана эта доказательственная сила [2, с. 330]. Данный признак действительно ограничивает возможность привлечения к уголовной ответственности. Однако для *Бока* неточное ограничение является таким же негативным фактором, как и неясное расширение рамок уголовной ответственности, поскольку в результате страдает предсказуемость уголовной ответственности. Несомненно, неоптимально, что казуистика, сформированная индивидуальными решениями, возникает из требования о повышенной доказательственной силе. Следует отметить, что расширение рамок уголовной ответственности действительно позволило бы более четко определить, какие действия в настоящее время являются наказуемыми. В то же время круг объектов преступления значительно расширяется, что выходит за пределы защитной цели §§ 271, 348 УУ ФРГ.

Идея *Бока* о расширении границ уголовной ответственности [2, с. 330] с целью обеспечения защиты имущества, поскольку официальные документы часто используются в связи с имущественными преступлениями, должна быть отклонена. Только потому, что существует опасность того, что имущество впоследствии может подвергаться угрозе, еще не означает, что необходимо расширить совершенно посторонний состав деяния. Имущество защищено посредством соответствующих собственных составов преступных деяний.

Пределы действия общественного доверия в отношении документов. Не все элементы официального документа считаются засвидетельствованными в смысле §§ 271, 348 УУ ФРГ (*Leipziger Kommentar/Zieschang, Strafgesetzbuch, 12. Auflage, 2009, § 271 Rn. 38*). Засвидетельствованными считаются, по сути, только те элементы, на которые распространяется действие доказательственной силы (*BGHSt 22, 201 (203)*). Поэтому общественное доверие распространяется только на те характеризующие признаки, которые необходимы для официального документа.

К казуистике, составленной в предыдущем разделе, добавляется еще одна казуистика, вызванная значимостью доказательственной силы. К примеру, дата рождения в водительском удостоверении должна иметь повышенную доказательственную силу [18, с. 383; 3, с. 370] (*BGHSt 34, 299, 301; Ranft, JR 1988, 383; weitere Probleme beim Führerschein siehe Böse, NStZ 2005, 370 (376)*). Сомнительно, служат ли вообще водительские права в качестве доказательства возраста. Дата рождения в водительском удостоверении является простым отличительным признаком для лица, которому выдано водительское удостоверение. В случае проверки, лицо, имеющее водительское удостоверение, может доказать, что у него есть разрешение на вождение. Нецелесообразно, чтобы дата рождения имела повышенную доказательственную силу [5]. Это не цель водительских удостоверений, последнее служит доказательством возможности управлять транспортным средством [17, с. 353]. Тем не менее, дата рождения в водительских удостоверениях часто используется для определения возраста. Не сразу видно, на что распространяется повышенная доказательственная сила по отдельности.

Соответствующие специальные законы, которые касаются засвидетельствования, нередко содержат недостаточные разъяснения в отношении объема общественного доверия к различным компонентам документа (*Vergleiche §§ 891, 2365, 2366 BGB, § 274 StPO, §§ 60, 66 PStG*). Поэтому *Бок* считает, что данные, содержащиеся в публичном

документе, не следует разделять [2, с. 330]. Этим он достигает обхода обширной казуистики. Документ должен рассматриваться как единое целое [1, с. 284]. Основанием для этого является то, что правовой оборот документа в целом создает доверие [1, с. 284].

Следует оценивать позитивно тот факт, что отказом от разделения официального документа, с одной стороны, в части, к которой относится общественное мнение, и, с другой стороны, в части, к которой общественное мнение не относится, можно избежать обширную и противоречивую казуистику. В этой связи следует рассмотреть вопрос о том, в какой степени это расширяет соответствующий круг составов преступных деяний.

Бок рассматривает обязанность соблюдения правдивости среди населения как обязанность, которую необходимо соблюдать, в противном случае, должны наступать уголовно-правовые последствия. Не каждая незначительная деталь, которую неверно засвидетельствовали, является основанием для привлечения к уголовной ответственности в соответствии с § 348 УУ ФРГ, и прежде всего, не в соответствии с § 271 УУ ФРГ. По-видимому, это никак не влияет на охраняемое правовое благо §§ 271, 348 УУ ФРГ, если незначительные признаки, фактически не имеющие значения для документа, подлежат уголовно-правовой защите только для того, чтобы избежать обширной казуистики.

Вывод и заключение. Следует отметить, что разработанные *Бок* тезисы [2, с. 330], должны быть отклонены. Эти тезисы включают слишком много форм документов в круг привлечения уголовной ответственности согласно §§ 271, 348 УУ ФРГ. Это противоречит ст. 103 (абз. 2) Основного Закона и, прежде всего, принципу, согласно которому уголовное право должно использоваться в качестве крайней меры (*ultima ratio*). Никакие, не имеющие отношения к делу соображения, такие как защита имущества, не могут служить основанием для уголовной ответственности. Выдвинутый *Бок* аргумент, о том, что привлечение к уголовной ответственности на раннем этапе не препятствует завоеванию социальной свободы, является противоречивым [2, с. 330]. Особенно в период ужесточения уголовного законодательства, особое внимание следует уделять тем областям, где уголовное право должно осуществляться более интенсивно. В этом случае предположение о том, что преступные деяния, связанные с ложным засвидетельствованием, подлежат наказанию на раннем этапе, не приносит никакой дополнительной общественно-политической пользы. Если это было бы реализовано таким образом, то наша свобода действий оказалась бы под большой угрозой, поскольку любая засвидетельствованная информация могла бы иметь уголовно-правовое значение.

Литература

1. Binding K. Lehrbuch des gemeinen Deutschen Strafrechts. Besonderer Teil Band 2. Goldbach, 1997. 384 s. (In German)
2. Bock D. Zur Auslegung der Falschbeurkundung i.S.d. §§ 271, 348 StGB. ZIS, 2011. (In German)
3. Böse M. Rechtsprechungsübersicht zu den Urkundendelikten. NStZ, 2005. 370 s. (In German)
4. Fischer T. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen. München, 2020. 2796 s. (In German)
5. Münchner Kommentar. 3. Auflage. München, 2017. 2074 s. (In German)
6. Freund G. Urkundenstraftaten. 2. Auflage. Heidelberg, 2010. 223 s. (In German)
7. Hartleb C. Die Reichweite des Wahrheitsschutzes in § 348 StGB. Bonn, 1993. (In German)
8. Joecks W., Miebach K. Münchener Kommentar Strafgesetzbuch. 3. Auflage. München, 2019. 2193 s. (In German)
9. Kienapfel D. Urkunden im Strafrecht. Frankfurt a.M., 1967. 447 s. (In German)
10. Kindhäuser U. Nomos Kommentar Strafgesetzbuch. 5. Auflage. Baden-Baden, 2017. 7836 s. (In German)
11. Kindhäuser U. Strafgesetzbuch Lehr- und Praxiskommentar. 7. Auflage. Baden-Baden, 2017. (In German)
12. Klein O. Der fehlsame, gleichwohl straffrei ausgehende Notar. DNotZ, 2005. 193 s. (In German)
13. Lackner K., Kühl K. Strafgesetzbuch. 29. Auflage. München, 2018. 1988 s. (In German)
14. Laufhütte H., Rissing-van Saan R., Tiedemann K. Leipziger Kommentar Strafgesetzbuch. 12. Auflage. Berlin, 2009. 482 s. (In German)
15. Mankowski P., Tarnowski T. Zum Umfang der besonderen Beweiskraft öffentlicher Urkunden. JuS, 1992. 826 s. (In German)
16. Meyer F. Die öffentliche Urkunde im Strafrecht, Festschrift für Eduard Dreher. Berlin, 1977. (In German)

17. Müller-Tuckfeld J. Personalienbescheinigung der Ausländerbehörde keine öffentliche Urkunde — Anmerkung. StV, 1997. 353 s. (In German)
 18. Ranft O. Anmerkung zu BGH, Urt. v. 26.2.1987 — 1 StR 698/86. JR, 1988. 383 s. (In German)
 19. Rengier R. Strafrecht. Besonderer Teil II. 20. Auflage. München, 2019. 599 s. (In German)
 20. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Strafgesetzbuch. 4. Auflage. Köln, 2019. (In German)
 21. Schönke A., Schröder H. Strafgesetzbuch. Kommentar. 30. Auflage. München, 2019. 3361 s. (In German)
 22. Spernau T. Der Begriff der öffentlichen Urkunde im Strafrecht. Gelsenkirchen, 2005. 152 s. (In German)
 23. Winter A. Die grundlegenden Probleme der Falschbeurkundungstatbestände der §§ 271, 348 StGB. Aachen, 2004. (In German)
 24. Wolter J. Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch. 9. Auflage. Köln, 2019. (In German)

References

1. Binding K. Lehrbuch des gemeinen Deutschen Strafrechts. Besonderer Teil Band 2. Goldbach, 1997. 384 s. (In German)
2. Bock D. Zur Auslegung der Falschbeurkundung i.S.d. §§ 271, 348 StGB. ZIS, 2011. (In German)
3. Böse M. Rechtsprechungsübersicht zu den Urkundendelikten. NStZ, 2005. 370 s. (In German)
4. Fischer T. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen. München, 2020. 2796 s. (In German)
5. Münchner Kommentar. 3. Auflage. München, 2017. 2074 s. (In German)
6. Freund G. Urkundenstraftaten. 2. Auflage. Heidelberg, 2010. 223 s. (In German)
7. Hartleb C. Die Reichweite des Wahrheitsschutzes in § 348 StGB. Bonn, 1993. (In German)
8. Joecks W., Miebach K. Münchener Kommentar Strafgesetzbuch. 3. Auflage. München, 2019. 2193 s. (In German)
9. Kienapfel D. Urkunden im Strafrecht. Frankfurt a.M., 1967. 447 s. (In German)
10. Kindhäuser U. Nomos Kommentar Strafgesetzbuch. 5. Auflage. Baden-Baden, 2017. 7836 s. (In German)
11. Kindhäuser U. Strafgesetzbuch Lehr-und Praxiskommentar. 7. Auflage. Baden-Baden, 2017. (In German)
12. Klein O. Der fehlsame, gleichwohl straffrei ausgehende Notar. DNotZ, 2005. 193 s. (In German)
13. Lackner K., Kühl K. Strafgesetzbuch. 29. Auflage. München, 2018. 1988 s. (In German)
14. Laufhütte H., Rissing-van Saan R., Tiedemann K. Leipziger Kommentar Strafgesetzbuch. 12. Auflage. Berlin, 2009. 482 s. (In German)
15. Mankowski P., Tarnowski T. Zum Umfang der besonderen Beweiskraft öffentlicher Urkunden. JuS, 1992. 826 s. (In German)
16. Meyer F. Die öffentliche Urkunde im Strafrecht, Festschrift für Eduard Dreher. Berlin, 1977. (In German)
17. Müller-Tuckfeld J. Personalienbescheinigung der Ausländerbehörde keine öffentliche Urkunde — Anmerkung. StV, 1997. 353 s. (In German)
 18. Ranft O. Anmerkung zu BGH, Urt. v. 26.2.1987 — 1 StR 698/86. JR, 1988. 383 s. (In German)
 19. Rengier R. Strafrecht. Besonderer Teil II. 20. Auflage. München, 2019. 599 s. (In German)
 20. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Strafgesetzbuch. 4. Auflage. Köln, 2019. (In German)
 21. Schönke A., Schröder H. Strafgesetzbuch. Kommentar. 30. Auflage. München, 2019. 3361 s. (In German)
 22. Spernau T. Der Begriff der öffentlichen Urkunde im Strafrecht. Gelsenkirchen, 2005. 152 s. (In German)
 23. Winter A. Die grundlegenden Probleme der Falschbeurkundungstatbestände der §§ 271, 348 StGB. Aachen, 2004. (In German)
 24. Wolter J. Systematischer Kommentar zum Strafgesetzbuch. 9. Auflage. Köln, 2019. (In German)

«ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА С ЦЕЛЬЮ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА» (§ 239А УУ ФРГ) И «ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ» (§ 239В УУ ФРГ)

Рааш Табеа

Цель. Представить краткий обзор о составах преступных деяний §§ 239а, 239в УУ ФРГ, которые имеют много совпадений. Кроме того, законодатель создал значительные проблемы правоприменения в результате реформы уголовного законодательства 1989 года, что в конечном итоге привело к тому, что Федеральный Верховный Суд принял решение по этому вопросу. Таким образом, данная работа должна также показать различные способы решения проблемы и осветить пока действующее основное мнение.

Методология: формально-юридический метод, систематический метод, дедуция.

Выводы. 1. Для выявления различий между двумя вариантами состава преступления решающим является их разграничение. Важным является то, когда именно исполнитель «развил» свое намерение совершения вымогательства или принуждения.

2. Даже если субъективная сторона обеих положений вызывает проблемы, судебной практике удалось найти решение, которое можно использовать для принятия разумных решений и которое позволяет отличить состав «классического» вымогательства и сексуального принуждения/изнасилования.

Научная и практическая значимость. В последние годы в полиции было зарегистрировано не так много случаев по §§ 239а, 239в УУ. Тем не менее, эти положения охватывают особо защищенное правовое благо, и, несмотря на проблемы, которые не всегда были единообразно решены в литературе и судебной практике, они играют важную роль.

Ключевые слова: похищение человека с целью вымогательства, захват заложников, неприкосновенность заложников, вариант похищения/завладения, вариант использования, соотношение между 2 лицами, ситуация стабильного завладения.

§§239а, 239в находятся в 18-м разделе особенной части УУ ФРГ. Они являются преступными деяниями против личной свободы.

Первые абзацы §§239а, 239в УУ ФРГ предусматривают основные составы деяния. Согласно 2-ому абзацу, возможны менее тяжкие случаи. Могут рассматриваться случаи, когда жертва предположительно или фактически продемонстрировала неправильное поведение в прошлом и тем самым дала исполнителю основание для совершения преступления [2; 13]. §239а (абз. 3), а также §239в (абз. 2) в сочетании с §239а (абз. 3) УУ ФРГ предусматривают значительное увеличение пределов наказаний, если исполнитель по грубой неосторожности причиняет смерть жертвы, т.е. совершает квалифицированное деяние с материальным составом. Крайне важно,

чтобы существовала функциональная связь между квалифицированным и основным деянием, т.е. чтобы между ними состояла конкретная причинная связь (*BGH v. 14.01.2016, NStZ 2016, 211 (214); S/S-Eisele, §239а, Rn. 30.*). Квалификация деяния с материальным составом также требует наличия грубой неосторожности, которая проявляется в том случае, если исполнитель игнорирует возможность смертельного исхода из-за безразличия или грубого легкомыслия, несмотря на то, что это очевидно при сложившихся обстоятельствах (*BGH v. 09.11.1984, NJW 1985, 690 (690)*). В интересах защиты жертв §§239а, 239в УУ позволяют смягчить наказание при деятельном раскаянии. Это закреплено в §239а (абз. 4) УУ ФРГ и требует от исполнителя отказаться от требуемого выкупа, способствовать возвращению потерпевшего

на место его жизнедеятельности (предл. 1). Если этот результат наступает без содействия исполнителя, то достаточным является его усердное старание, направленное на достижение этого результата (предл. 2) (*BGH v. 31.05.2001, NStZ 2001, 532 (532); Lackner/Kühl-Heger, §239a, Rn. 40*).

Объектами, подлежащими защите в §§ 239a, 239b УУ ФРГ, являются личная свобода жертвы, ее психическое и физическое благополучие, а также свободное волеизъявление заинтересованных третьих лиц, соответственно самого заложника [2]. На переднем плане стоит (психофизическая) неприкосновенность заложника [5]. Причина того, что неприкосновенность жертвы находится под угрозой в особенно высокой степени, заключается в том, что исполнитель может в любой момент реализовать свою угрозу, совершив деяние [9, с. 492] (*BGH v. 07.03.1996, NJW 1996, 2171 (2172); Renzikowski, JZ 1994, 492 (496)*), и чем дольше длится деяние, тем выше опасность эскалации [10; 7, с. 107]. § 239a УУ ФРГ дополнительно защищает имущество шантажированного лица [2; 13] (*BGH v. 14.07.1992, NStZ 1993, 39 (39); S/S-Eisele, §239a, Rn. 2; LK-Schluckebier, §239a, Rn. 1*). §§239a, b УУ ФРГ могут быть совершены в двух формах: похищения или овладения (вар. 1), аткже в форме использования (вариант 2) [2; 10].

Объективная сторона состава преступного деяния. Объективным признаком состава преступного деяния обоих вариантов является похищение человека против его воли или, альтернативно, овладение человеком. Согласно тексту нормы, каждый человек может быть подходящим объектом преступления. В отличие от § 239, жертва не обязательно должна быть в состоянии сформировать волю к передвижению, что означает, что заложниками могут считаться даже маленькие дети, спящие и лица без сознания [5; 6] (*BGH v. 21.11.1974, NJW 1975, 269 (269); Fischer, §239a, Rn. 3; Lackner/Kühl-Heger, §239a, Rn. 2*). Единственное условие — жертва должна быть живой во время совершения деяния, поскольку объектом похищения должен быть живой человек, а не мертвый [10; 13; 1, с. 87].

Похищение требует изменения местоположения жертвы таким образом, чтобы она оказалась под беспрепятственным контролем исполнителя [6; 14] (*BGH v. 22.11.1994, NJW 1995, 471 (472); Lackner/Kühl-Heger, §239a, Rn. 3; NK-Sonnen, §239a, Rn. 18*). Для этого исполнитель должен поставить жертву в беспомощное положение, которое возникает, когда последняя настолько ограничена в своих возможностях самообороны и защиты, что она не может самостоятельно избежать влияния исполнителя в конкретной ситуа-

ции. В то же время третьи лица также не представляют собой подходящее средство спасения [10; 1, с. 94; 9, с. 492]. Исполнитель не всегда должен обладать фактической физической властью над заложником. Он также может покинуть место, где удерживает заложника, пока сохраняет контроль над жертвой [9, с. 492]. Изменение места должно происходить против воли жертвы и может быть осуществлено насильно, угрозой и путем обмана (с ограничениями) в соответствии с § 237 УУ ФРГ [6; 14; 11, с. 32] (*BGH v. 23.01.1996, NStZ 1996, 276 (277); Lackner-Kühl-Heger, § 239a, Rn. 3; NK-Sonnen, § 239a, Rn. 18; Rheinländer, S. 32*).

Завладение предполагает, что исполнитель приобретает физическую распорядительную власть над телом другого лица [6] (*BGH v. 21.11.1974, NJW 1975, 269 (269); Lackner/Kühl-Heger, §239a, Rn. 3*). Для жертвы это означает исключение других средств защиты [9; 1, с. 96]. В литературе часто говорится об «уменьшение социальной защищенности» [8, с. 424; 1, с. 96]. Исходя из этого физическая целостность и жизнь потерпевшей не должны подвергаться конкретной опасности, а достаточно, чтобы положение завладения было связано с абстрактной опасностью для свободы и неприкосновенности похищенного лица [2; 5; 10]. В отличие от варианта похищения, завладение не требует смены места нахождения [2; 6] (*BGH v. 09.06.1999, NStZ 1999, 509 (509); S/S-Eisele, §239a, Rn. 7; Lackner/Kühl-Heger, §239a, Rn. 3*). Законом также не ограничивается, какое средство исполнитель использует для завладения [5; 10] (*BGH v. 09.06.1999, NStZ 1999, 509 (509); Fischer, §239a, Rn. 4a; MüKo-Renzikowski, §239a, Rn. 32*). Соответственно, любые средства, с помощью которых исполнитель получает контроль над жертвой, являются частью состава деяния [5; 10] (*BGH v. 09.06.1999, NStZ 1999, 509 (509); Fischer, §239a, Rn. 4a; MüKo-Renzikowski, §239a, Rn. 32*). В результате этого решения, по мнению судебной практики, завладение имеет место и в том случае, когда исполнитель, находящейся на большом расстоянии, угрожает жертве внешне подлинно выглядящим огнестрельным оружием и тем самым держит ее под контролем, позволяющим ему распоряжаться жертвой [13; 15] (*BGH v. 09.06.1999, NStZ 1999, 509 (509); BGH v. 19.09.2001, NStZ 2002, 31 (32); LK-Schluckebier, §239a, Rn. 14; SK-StGB-Wolters, §239a, Rn. 4*).

Для совершения § 239a (абз. 1 вар. 2) УУ ФРГ важно, чтобы исполнитель использовал созданное положение для вымогательства только в процессе совершения деяния, т. е. намерение использовать проявляется лишь позднее [13; 15; 1, с. 129]. Этот

вариант состава преступления обычно применяется в тех случаях, когда исполнитель отказывается от своей первоначальной мотивации и переходит к намерению вымогательства или если решение о вымогательстве позже сочетается с другими первоначальными мотивами [2; 13]. Такое положение должно быть создано им самим. Следовательно, тот, кто использует созданное другим лицом положение для вымогательства, не совершает похищение человека с целью вымогательства в варианте использования [2; 5; 10]. Деяние второго варианта, как можно предположить из текста нормы, заключается не в использовании, а в совершении вымогательства [2; 5; 13]. Помимо похищения/завладения, исполнитель должен с объективной стороны, по крайней мере, использовать сложившееся положение для покушения на вымогательство.

Совершение захвата заложника во втором варианте требует в объективной стороне состава преступного деяния, наряду с похищением/завладением, наличия принуждения посредством квалифицированной угрозы, путем использования созданного положения без намерения принуждения [2; 5].

Субъективная сторона состава преступного деяния. С субъективной стороны, как в § 239a, так и в § 239b УУ ФРГ, исполнитель должен иметь умысел (достаточно наличие косвенного умысла) относительно похищения/завладения [2; 14].

§ 239a УУ ФРГ дополнительно требует наличие преднамеренности использования похищения/завладения с целью вымогательства в смысле § 253 УУ ФРГ [10; 14]. Таким образом, исполнитель должен представить себе все элементы вымогательства, которое, в частности, включает в себя элемент незаконного обогащения [5; 2; 1, с. 132] (*BGH v. 15.05.2002, NStZ 2003, 151 (152); Fischer, § 239a, Rn. 5b; S/S-Eisele, § 239a, Rn. 11; Brambach, S. 132*). В соответствии с положением жертвой вымогательства может быть сам потерпевший (соотношение между 2 лицами) или третье лицо (соотношение между 3 лицами) [6; 3, с. 784; 7, с. 298].

Третьим может быть любое лицо, относительно которого исполнитель предполагает, что он будет действовать из-за заботы о благополучии жертвы [5; 1, с. 112]. К ним относятся родственники и друзья, а также государство, церковь или широкая общественность [2; 6; 1, с. 112]. Судебная практика также допускает наличие намерения разбоя (*BGH v. 05.03.2003; NStZ 2003, 604 (605)*). Для Федерального Верховного Суда состав разбоя включен в состав вымогательства [5] (*BGH v. 05.07.1960, NJW 1960, 1729 (1730); BGH v. 05.03.2003, NStZ 2003, 604 (605); Fischer, § 239a, Rn. 5c*). Разбой считается

особой формой вымогательства, поэтому вымогательство отступает, если выполнены все условия разбоя (*BGH v. 05.03.2003, NStZ 2003, 604 (605)*).

§ 239b УУ ФРГ, напротив, требует наличие двойной преднамеренности в дополнении к умышленному совершению похищения/завладения. С одной стороны, исполнитель должен иметь намерение угрозы, то есть он должен сообщить жертве или третьей стороне о возможности причинения смерти, тяжких телесных повреждений в смысле § 226 или о возможном лишении свободы на срок более одной недели [5; 13]. Исполнитель должен хотя бы угрожать лишением свободы на срок более одной недели [13] (*BGH v. 19.02.1997, 5 StR 643/96; LK-Schluckebier, § 239b, Rn. 8*).

С другой стороны, исполнитель должен иметь намерение принуждения (в смысле § 240 УУ ФРГ), которое характеризуется тем, что он принуждает жертву или третье лицо к действию, попустительству или бездействию [5; 10; 13].

Вероятно, самой большой проблемой в §§ 239a и b УУ ФРГ является возможность реализации обоих деликтов в соотношении между двумя лицами в результате реформы уголовного законодательства 1989 г. В 1992 г. в соответствии с предыдущим решением земельного суда Штутгарта, Федеральный Верховный Суд постановил, что применение §§ 239a, 239b к делам, в которых наступление принуждения происходит в прямом контексте с завладением, приводит к тому, что подавляющее большинство случаев изнасилования одновременно должно рассматриваться как захват заложников и, что значительная часть «типичных» разбойных вымогательств одновременно рассматривались как похищение человека с целью вымогательства (*BGH v. 17.11.1992, NJW 1993, 1145 (1146)*). Следовательно, уголовно-правовые обстоятельства дела, которые всегда составляли основу материального уголовного права, передвигались бы на «второй» план [4, с. 456] (*BGH v. 17.11.1992, NJW 1993, 1145 (1146); Fahl, Jura 1996, 456 (457)*). Федеральный Верховный суд далее пояснил: «В результате, противоправность состава деяния со своей основной задачей сместилась бы от специального к другому, более общему уголовному положению, которое было составлено с исключительно высоким минимальным пределом наказания за совершение преступлений иной группы, а именно, преступлений из области насильственных преступлений террористического характера (*BGH v. 17.11.1992, NJW 1993, 1145 (1146)*). Нет сомнений в том, что для этой проблемы необходимо было найти решение. Сенаты Федерального Верховного Суда начали спорить

о том, как правильно справляться с этой ситуацией. Сегодня они исходят из того, что §§ 239a (абз. 1) и § 239b (абз. 1) УУ ФРГ являются несовершенными двухактными деликтами [2]. Предпосылки для применения §§ 239a (абз. 1), 239b (абз. 1) УУ ФРГ к обстоятельствам дел, связанных с совершением вымогательства, изнасилования и сексуального принуждения возможны, если существует функциональная связь между первым объективно реализованным частичным актом похищения/завладения и вторым частичным актом дальнейшего преднамеренного принуждения, которое представляет себя исполнитель [12, с. 114] (*BGH v. 22.11.1994, NJW 1995, 471 (471); Satzger, Jura 2007, 114 (119).*). Следовательно, исполнитель во время похищения/завладения должен иметь умысел использования положения, созданного этим деянием, для квалифицированной угрозы и тем самым шантажировать или принуждать [12, с. 114]. Однако использование этого положения предполагает определенную стабильность ситуации завладения [1, с. 187; 12, с. 114] (*BGH v. 08.03.2006, NStZ 2006, 448 (449); Brambach, S. 187; Satzger, Jura 2007, 114 (119).* В случае похищения

это обычно не вызывает проблем, поскольку жертва находится под полным контролем исполнителя в связи со сменой ее места нахождения [12, с. 114]. В альтернативном варианте завладения спорным является вопрос о том, когда можно говорить о стабильном положении завладения. Требуется, чтобы этот вариант имел самостоятельное значение. Речь идет о том, что за пределами ситуации господства должна возникнуть еще одна напряженная ситуация, связанная со стабильным положением завладения (*BGH v. 31.08.2006, NStZ 2007, 32 (32).*). По крайней мере, такая ситуация не имеет место, если действия, направленные на принуждение/вымогательство совпадают с действиями, направленными на завладение в одном действии [12, с. 114; 10, с. 346] (*BGH v. 28.12.1995, NStZ 1996, 277 (278); Satzger, Jura 2007, 114 (119); Renzikowski, JR 1995, 346 (349).*). Кроме того, должна существовать временная связь между похищением/завладением и вымогательством/принуждением, которая отсутствует, если действия, направленные на принуждение, совершаются только после окончания положения завладения (*BGH v. 28.11.1995, NStZ 1996, 277 (277).*).

Литература

1. Brambach M. Probleme der Tatbestände des erpresserischen Menschenraubes und der Geiselnahme. Schriften zum Strafrecht. Heft 119, 2000. 269 s. (In German)
2. Eisele J. Schönke/Schröder Strafgesetzbuch Kommentar. 30. Auflage. München, 2019. (In German)
3. Elsner S. §§ 239a, 239b StGB in der Fallbearbeitung — Delikttaufbau und (bekannte und weniger bekannte) Einzelprobleme. JuS. 2006, ss. 784–788. (In German)
4. Fahl C. Zur Problematik der §§ 239a,b StGB bei der Anwendung auf «Zwei-Personen-Verhältnisse». Jura. 1996, ss. 456–461. (In German)
5. Fischer T. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. Kommentar. 67. Auflage. München, 2019. 2600 s. (In German)
6. Heger M. Lackner/Kühl Strafgesetzbuch Kommentar. 29. Auflage. München, 2018. (In German)
7. Immel M. Die Gefährdung von Leben und Leib durch Geiselnahme (§§ 239a, 239b StGB). Strafrechtliche Abhandlungen. Band 138. Berlin, 2001. S. 188–190. (In German)
8. Lampe E. Anmerkung zum Urteil des BGH v. 21.11.1974. JR. 1975, Heft 10, ss. 424–425. (In German)
9. Renzikowski J. Erpresserischer Menschenraub und Geiselnahme im System des Besonderen Teils des Strafgesetzbuches. JZ. 1994, ss. 492–499. (In German)
10. Renzikowski J. Münchner Kommentar zum StGB. 3. Auflage. München, 2017. 1857 s. (In German)
11. Rheinländer M. Erpresserischer Menschenraub und Geiselnahme (§§ 239a, 239b StGB) — eine Strukturanalyse. Beiträge zur Strafrechtswissenschaft. Band 1. Münster, 2000. 328 s. (In German)
12. Satzger H. Erpresserischer Menschenraub (§239a StGB) und Geiselnahme (§ 239b StGB) im Zweipersonenverhältnis. Jura. 2007, ss.114–120. (In German)
13. Schluckebier W. Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch, Laufhütte/Rissing-van Saan/Tiedemann (Hrsg.). Band 7, §§ 211–241a. 2. Teilband — §§ 232–241a. 12. Auflage. Berlin/Boston, 2014. 482 s. (In German)
14. Sonnen B. Nomos Kommentar zum Strafgesetzbuch, Kindhäuser/Neumann/Paeffgen (Hrsg.). 5. Auflage. 2017. (In German)
15. Wolters G. SK-StGB, Band 4. §§ 174–241a. 9. Auflage. Köln, 2017. 6000 s. (In German)

References

1. Brambach M. Probleme der Tatbestände des erpresserischen Menschenraubes und der Geiselnahme. Schriften zum Strafrecht. Heft 119, 2000. 269 s. (In German)
2. Eisele J. Schönke/Schröder Strafgesetzbuch Kommentar. 30. Auflage. München, 2019. (In German)
3. Elsner S. §§ 239a, 239b StGB in der Fallbearbeitung — Deliktsaufbau und (bekannte und weniger bekannte) Einzelprobleme. JuS. 2006, ss. 784–788. (In German)
4. Fahl C. Zur Problematik der §§ 239a, b StGB bei der Anwendung auf «Zwei-Personen-Verhältnisse». Jura. 1996, ss. 456–461. (In German)
5. Fischer T. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. Kommentar. 67. Auflage. München, 2019. 2600 s. (In German)
6. Heger M. Lackner/Kühl Strafgesetzbuch Kommentar. 29. Auflage. München, 2018. (In German)
7. Immel M. Die Gefährdung von Leben und Leib durch Geiselnahme (§§239a, 239b StGB). Strafrechtliche Abhandlungen. Band 138. Berlin, 2001. S. 188–190. (In German)
8. Lampe E. Anmerkung zum Urteil des BGH v. 21.11.1974. JR. 1975, Heft 10, ss. 424–425. (In German)
9. Renzikowksi J. Erpresserischer Menschenraub und Geiselnahme im System des Besonderen Teils des Strafgesetzbuches. JZ. 1994, ss. 492–499. (In German)
10. Renzikowski J. Münchener Kommentar zum StGB. 3. Auflage. München, 2017. 1857 s. (In German)
11. Rheinländer M. Erpresserischer Menschenraub und Geiselnahme (§§239a, 239b StGB) — eine Strukturanalyse. Beiträge zur Strafrechtswissenschaft. Band 1. Münster, 2000. 328 s. (In German)
12. Satzger H. Erpresserischer Menschenraub (§239a StGB) und Geiselnahme (§239b StGB) im Zweipersonenverhältnis. Jura. 2007, ss. 114–120. (In German)
13. Schluckebier W. Leipziger Kommentar zum Strafgesetzbuch, Laufhütte/Rissing-van Saan/Tiedemann (Hrsg.). Band 7, §§211–241a. 2. Teilband — §§ 232–241a. 12. Auflage. Berlin/Boston, 2014. 482 s. (In German)
14. Sonnen B. Nomos Kommentar zum Strafgesetzbuch, Kindhäuser/Neumann/Paeffgen (Hrsg.). 5. Auflage. 2017. (In German)
15. Wolters G. SK-StGB, Band 4. §§174–241a. 9. Auflage. Köln, 2017. 6000 s. (In German)

«ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА» (§ 234 УУ) И «УГОН ЧЕЛОВЕКА» (§ 234А УУ)

Ролофф Антония

Целью данной работы является обзор таких преступных деяний против личной свободы, как похищение человека согласно § 234 УУ ФРГ и угон человека в соответствии с § 234а УУ ФРГ. В связи с этим в статье будут изложены исторические предпосылки, в частности, состава угона человека, чтобы понять, в чем заключалась срочность введения этого положения. Как будет видно в работе, похищение человека и угон человека имеют как сходство, так и различия. На основе представления соответствующего характера преступления, охраняемых правовых благ, а также представления предпосылок наказуемости преступлений эти сходства и различия становятся узнаваемыми. На вопрос о праве существования этих положений следует ответить, в частности, сославшись на историю.

Методология: формально-юридический метод; анализ исторического развития; анализ практического значения.

Выводы. Похищение человека (§ 234 УУ ФРГ) и угон человека (§ 234а УУ ФРГ) имеют долгую историю развития. Особое значение имела ситуация с составом угона человека во время разделения Германии на Восток и Запад. Нередко людей в это время угоняли с восточной Германии в западную. Затем был введен § 234а для наказания за угон людей для случаев, когда не было выяснено, что случилось с жертвами. В §§ 234, 234а есть некоторые сходства в отношении их конструктивной структуры, например, средства совершения деяния, такие как «насилие, угроза и обман», которые, среди прочего, образуют основное направление составов. Тем не менее нормы, например, по характеру деликта, необходимо четко разграничить. Этого часто не происходит в обычном использовании.

Научная и практическая значимость. Составы деяний похищения человека и угона человека в связи с политическими изменениями в Германии, с одной стороны, и из-за ограниченной области применения, с другой стороны, имеют очень небольшое практическое значение. Однако как деликты, связанные с личной свободой, последние отражают особо охраняемые правовые блага. Следовательно, похищение человека и угон человека ни в коем случае не должны ограничиваться только их более ранним значением.

Ключевые слова: похищение человека; угон человека; личная свобода; практическая значимость; право на существование; опасное состояние.

Похищения в уголовно-правовом мире не являются редкостью. Однако в немецком уголовном праве не существует того самого состава преступного деяния, который наказывает похищение. 18-й раздел УУ насчитывает 17 параграфов, которые основаны на факте нарушения личной свободы. Похищение человека (§ 234 УУ) и угон человека (§ 234а УУ) (под термином «угон человека» здесь следует понимать его похищение с целью перемещения против его воли за пределы юрисдикции ФРГ. — Прим. ред.) также относятся к преступным

деяниям против личной свободы. В литературе очень часто указывается на практическую незначительность этих составов. В действительности, похищение человека и угон человека в настоящее время из-за разных аспектов являются несущественными. Отчасти из-за этого существование этих составов в немецком УУ ФРГ ставится под сомнение.

Исторические предпосылки. В 1952 г. Вальтер Линзе — адвокат из западного Берлина — по дороге на работу на улице в Берлине был избит

несколькими людьми, подстрелен и перемещен за границу в ГДР [1, с. 100; 17, с. 135]. Поскольку Линзе работал в организации, которая раскрывала и опубликовала противоправные действия ГДР [1, с. 100], его после нескольких месяцев заключения и пыток в тюрьме при Министерстве государственной безопасности ГДР (МГБ) в восточном Берлине приговорили к смертной казни за шпионаж, антисоветскую пропаганду и формирование антисоветских групп [17, с. 141]. Такие случаи не являлись редкостью во время холодной войны. [21, с. 160; 18]. МГБ были организованы до 255 угонов [21, с. 159]. Действующее в то время право имело огромный пробел [18]. Часто было невозможно определить, что случилось с теми людьми, которых угоняли. Многие преступления такого рода оставались безнаказанными, поскольку, согласно тогдашнему закону, привлечение к ответственности без выяснения судеб было невозможно [7; 11]. В 1951 году законодатель в этом увидел причину для введения § 234а в УУ [21, с. 159; 23, с. 14–15] (*BGBI. 1951 I, S. 488, Schießbau in Strafverfahren wegen MfS-Unrechts, S. 159; Schroeder, JUS 2009, S. 14 (15).*) § 234а был введен в форме преступного деяния с формальным составом [16]. Отныне для привлечения к уголовной ответственности достаточно была лишь наличие конкретной угрозы [18].

Законы о похищении человека уже многие столетия являются частью немецкого уголовного права. Состав преступного деяния § 234 имеет долгую историю развития, начало которого отходит к 18-му веку (*LK/Krehl, StGB, § 234, Entstehungsgeschichte; NK/Sonnen, StGB, § 234, Rn. 4.*) С тех пор были приняты изменения не только в тексте нормы, но и так же в сфере ее применения.

С 1998 года вместо «зарубежной войны и ко-рабельной службы» была внесена формулировка «служба в иностранной военной или ей подобной организации» (*Nelles in Einführung 6. StrRG, Rn. 6.*) Цель этой поправки заключалась в том, чтобы ясно дать понять, что для состава преступного деяния больше не требовалось состояние войны [20]. Последняя поправка 2005 г. исключила из текста нормы формулировку «приведение их в состоянии рабства и крепостной зависимости» [18; 5] (*BGBI. 2005 I S. 239–240; MüKo/Wieck-Noodt, StGB, § 234, Rn. 9; Fischer, StGB, § 234, Rn. 1.*)

Охраняемые правовые блага и характер деликта. Похищение человека и угон человека демонстрируют сходство не только в том, что касается предпосылок для привлечения к ответственности. Зачастую при употреблении слова в средствах массовой информации или в неюридической литера-

туре, не делается различий между терминами [17, с. 11]. Составы преступного деяния должны быть четко отделены друг от друга. Первое разграничение будет проведено с учетом характера деликта и охраняемых правовых благ, предусмотренных в этих параграфах. Похищение человека является частным случаем неправомерного лишения свободы (§ 239 УУ ФРГ) [5; 11; 23; 6]. Так же, как и § 239, § 234 является длящимся деликтом [9]. Деяние длится до тех пор, пока исполнитель сохраняет свой физический контроль над жертвой [9]. Исполнитель в смысле § 234 должен своими действиями преднамеренно причинить вред, указанный во второй части состава преступного деяния [16; 20]. Поэтому похищение человека является преднамеренным деликтом [16].

В отличие от этого, для выполнения состава преступного деяния угона человека, уже достаточно того, что отсутствие нарушения права зависит только от совпадения [9]. Поэтому должна существовать конкретная опасность того, что жертва будет подвергнута, например, политическому преследованию и тем самым ей будет нанесен ущерб [15]. Таким образом, угон человека является конкретным деликтом с формальным составом [9: 5].

Охраняемые правовые блага не совпадают, как предполагалось на первый взгляд, только потому, что они оба находятся в 18-м разделе. В то время как § 234 фактически защищает свободу (*Nelles in Einführung 6. StrRG, S. 53; HK-GS/Brasch, § 234, Rn. 1; Eisele/StrR. BT 1, Rn. 534.*), § 234а охватывает и другие правовые блага, упомянутые в законе как «совокупность свободы и достоинства человека» [10].

Условия привлечения к уголовной ответственности. Эти два деликта можно грубо разделить на три части. Действие, направленное на совершение деяния, средство совершения деяния и последствия. В то время как похищение человека ограничивается «завладением», § 234а содержит три варианта действия. Действие, направленное на совершение угона человека, является завладением. Это означает, что исполнитель берет жертву под свою физическую власть [16; 5; 10]. В случае угона исполнитель должен *увезти* свою жертву из Германии в другую страну [13], т. е. создать фактическую власть над жертвой [5] (*Fischer, StGB, § 234а, Rn. 4; LK/Krehl, StGB, § 234а, Rn. 4. Fischer, StGB, § 234а, Rn. 4; LK/Krehl, StGB, § 234а, Rn. 4.*) Вторым вариантом действия, направленное на совершение деяния, является *побуждение* [9]. Здесь речь идет о психологическом воздействии на жертву. Также наказывается тот, кто препятствует возвращению кого-либо из опасной зоны [5].

Завладение (§ 234 УУ), также как и перемещение, препятствование или побуждение (§ 234а УУ) должно осуществляться определенными средствами. Здесь следует отметить обман, угрозу (с нанесением осязаемого вреда) и насилие. Обман в смысле §§ 234, 234а — это поведение исполнителя, направленное на достижение своих целей при умелом сокрытии истинных намерений [22] (*BGHSt 32, 267, (269); Schmidt, StrR. BT 1, Rn. 914*). Насилие — это проявление физической силы, с помощью которой исполнитель воздействует на тело жертвы для противодействия сопротивлению (*Vgl. RGSt 56, 87, (88)*). Условием «насилия» является физическое силовое воздействие [12].

Угроза означает обещание причинения вреда в будущем, наступление которого зависит от воли исполнителя [6]. В случае похищения человека исполнитель угрожает «причинением осязаемого вреда». Тот факт, что об этом не упоминается в положении об уgone человека, практически не имеет значения, поскольку законодатель лишь хотел достичь языкового согласования с предыдущими уголовно-правовыми положениями [15; 10] (*BeckOK/Valerius, StGB, § 234a, Rn. 5; LK/Krehl, StGB, § 234, Rn. 22; Matt/Renzikowski/Eidam, StGB § 234a, Rn. 5; NK/Sonnen, StGB, § 234a, Rn. 8*)

Жертва похищения должна подвергаться опасности политического преследования. Причины преследования являются политическими, если они совершаются на расовой, религиозной или национальной почве [20]. Принадлежность к определенной социальной или политической группе также может послужить поводом политического преследования [16; 20]. Преследование жертвы должно противоречить принципам правового государства, т. е. меры не должны основываться на обеспечении справедливости, человеческого достоинства или гуманности [18; 15].

Кроме того, жертве должна угрожать опасность причинения определенного индивидуального ущерба в результате применения насильственных и произвольных мер. В § 234а конкретно указано, какой ущерб жертве может угрожать в результате преследования.

Жертва похищения должна быть оставлена на произвол судьбы в беспомощном положении или передана на службу в иностранную военную или ей подобную организацию. При беспомощном положении необходимо, чтобы жертва оказалась в такой ситуации, где она должна полагаться на чужую помощь [18]. Кроме того, должна состоять конкретная опасность для физической це-

лостности и жизни [5] (*1 StR 153/10, NStZ 01, 247; Fischer, StGB, § 234, Rn. 4a*). Военная организация характеризуется как вооруженное образование, организованное в соответствии с структурами военного командования [5]. В состав преступного деяния также входят медицинская или административная служба [20].

Исполнитель обоих деликтов должен иметь, по крайней мере, косвенный умысел относительно всех вышеупомянутых признаков состава преступного деяния [7; 11] (*BeckOK/Valerius, StGB, § 234 Rn. 6; Joecks/Jaeger, StGB, § 234a, Rn. 4; Lackner/Kühl/Heger, StGB, § 234a, Rn. 6; NK/Sonnen, StGB, § 234a, Rn. 15*). Исполнитель по § 234, должен преследовать намерения, именно указанные в законе [19].

Значимость и право на существование. Поскольку похищение человека требует наличие специального намерения в действиях исполнителя, сфера его применения весьма ограничена [20] (*HK-GS/Braasch, StGB, § 234a, Rn. 1; SSW/Schluckebier, StGB, § 234, Rn. 1*). Вследствие того, что «приведение в состоянии рабства и крепостной зависимости» была исключена из § 234 УУ, сферу применения и практическая значимость еще более сузилась (*HK-GS/Braasch, § 234, Rn. 1*). Состав преступного деяния по уgone человека почти имеет относительно низкое значение, что, в первую очередь, связано с политическими изменениями в Германии [10]. После воссоединения Германии число приговоров, вынесенных в связи с уgonом человека, заметно сократилось. В то время, как в 1950–1960-х годах подобные преступные деяния не были редкостью, статистика о преступности и осуществление уголовного преследования по § 234а в 2013 году не выявила ни одного осужденного [10]. Практическое применение § 234а сводится сегодня в основном к старым случаям [10]. Незначительная сфера применения § 234 и политические изменения ставят под сомнение право существования этих положений. Несмотря на то, что значение этих положений неуклонно снижалось на протяжении последних десятилетий [10], их полное исключение, ввиду возникающего пробела в уголовной защите и высокого статуса охраняемых правовых благ, было бы неприемлемым (*BT-Drucks. 13/6038, Anlage 2; HK-GS/Braasch, § 234a, Rn. 1*). Похищение человека и угон человека не имеют большого значения для практики. Тем не менее, эти деликты не должны быть ограничены лишь их исторической значимостью и, безусловно, имеют право на существование.

Литература

1. Bauernfeind W. Menschenraub im Kalten Krieg — Täter, Opfer, Hintergründe. Halle, 2016. 256 s. (In German)
2. Dencker F., Struensee E., Nelles U., Stein U. Einführung in das 6. Strafrechtsreformgesetz 1998. München, 1998. 114 s. (In German)
3. Dölling D., Duttge G., Rössner D., König S. Gesamtes Strafrecht. Handkommentar. 4. Auflage. Baden-Baden, 2017. (In German)
4. Eisele J. Strafrecht Besonderer. Teil 1. 4. Auflage. Stuttgart, 2017. 518 s. (In German)
5. Fischer T. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. Kommentar. 67. Auflage. München, 2019. 2600 s. (In German)
6. Gössel K., Dölling D. Strafrecht. Besonderer Teil 1. 2. Auflage. Heidelberg, 2004. (In German)
7. Joecks W., Jaeger C. Strafgesetzbuch. Studienkommentar. 12. Auflage. München, 2018. 963 s. (In German)
8. Kindhäuser U. Strafrecht. Besonderer Teil I. Straftaten gegen die Persönlichkeitsrechte. Staat und Gesellschaft. 8. Auflage. Baden-Baden, 2017. (In German)
9. Kindhäuser U. Strafgesetzbuch, Lehr- und Praxiskommentar. 7. Auflage. Baden-Baden, 2017. (In German)
10. Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H. Nomos Kommentar. Band 3: §§ 232–358 StGB. 5. Auflage. Baden-Baden, 2017. 7836 s. (In German)
11. Lackner K., Kühl K. Strafgesetzbuch. Kommentar. 29. Auflage. München, 2018. 1988 s. (In German)
12. Krey V., Hellmann U., Heinrich M. Strafrecht. Besonderer Teil I. Band 1: Besonderer Teil ohne Vermögensdelikte. 16. Auflage. Stuttgart, 2015. 430 s. (In German)
13. Leipold K., Tsambikakis M., Zöller M. Strafgesetzbuch. Anwaltskommentar. 2. Auflage. Heidelberg, 2015. (In German)
14. Leipziger Kommentar. Band 7/Teil 2: §§ 232–241a StGB. 12. Auflage. Berlin 2015. (In German)
15. Matt H., Renzikowski J. Strafgesetzbuch. Kommentar. München, 2013. 3000 s. (In German)
16. Maurach R., Schroeder F., Maiwald M. Strafrecht. Besonderer Teil. Teilband 1: Straftaten gegen Persönlichkeits- und Vermögenswerte. 10. Auflage. Heidelberg, 2009. 702 s. (In German)
17. Muhle S. Auftrag: Menschenraub: Entführungen von Westberlinern und Bundesbürgern durch das Ministerium für Staatssicherheit der DDR. Göttingen, 2015. 678 s. (In German)
18. Münchener Kommentar. Band 4: §§ 185–262, 3. Auflage. München, 2017. 2074 s. (In German)
19. Rengier R. Strafrecht Besonderer Teil II. Delikte gegen die Person und die Allgemeinheit. 20. Auflage. München, 2019. 599 s. (In German)
20. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Strafgesetzbuch. Kommentar 4. Auflage. Köln, 2019. (In German)
21. Schießbau R. Strafverfahren wegen MfS-Unrechts. Band 22. Berlin, 2006. (In German)
22. Schmidt R. Strafrecht. Besonderer Teil I. 19. Auflage. Bremen, 2018. (In German)
23. Schönke A., Schröder H. Strafgesetzbuch. Kommentar. 30. Auflage. München, 2019. 3361 s. (In German)
24. Schroeder F. Die Straftaten gegen die persönliche Freiheit — Erscheinungsformen und System Juristische Schulung. 2009. S. 14–16 (In German)
25. Von Heintschel-Heinegg B. Strafgesetzbuch. Kommentar. 3. Auflage. München, 2018. 3208 s. (In German)

References

1. Bauernfeind W. Menschenraub im Kalten Krieg — Täter, Opfer, Hintergründe. Halle, 2016. 256 s. (In German)
2. Dencker F., Struensee E., Nelles U., Stein U. Einführung in das 6. Strafrechtsreformgesetz 1998. München, 1998. 114 s. (In German)
3. Dölling D., Duttge G., Rössner D., König S. Gesamtes Strafrecht. Handkommentar. 4. Auflage. Baden-Baden, 2017. (In German)
4. Eisele J. Strafrecht Besonderer. Teil 1. 4. Auflage. Stuttgart, 2017. 518 s. (In German)

5. Fischer T. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. Kommentar. 67. Auflage. München, 2019. 2600 s. (In German)
6. Gössel K., Dölling D. Strafrecht. Besonderer Teil 1. 2. Auflage. Heidelberg, 2004. (In German)
7. Joecks W., Jaeger C. Strafgesetzbuch. Studienkommentar. 12. Auflage. München, 2018. 963 s. (In German)
8. Kindhäuser U. Strafrecht. Besonderer Teil I. Straftaten gegen die Persönlichkeitsrechte. Staat und Gesellschaft. 8. Auflage. Baden-Baden, 2017. (In German)
9. Kindhäuser U. Strafgesetzbuch, Lehr- und Praxiskommentar. 7. Auflage. Baden-Baden, 2017. (In German)
10. Kindhäuser U., Neumann U., Paeffgen H. Nomos Kommentar. Band 3: §§ 232–358 StGB. 5. Auflage. Baden-Baden, 2017. 7836 s. (In German)
11. Lackner K., Kühl K. Strafgesetzbuch. Kommentar. 29. Auflage. München, 2018. 1988 s. (In German)
12. Krey V., Hellmann U., Heinrich M. Strafrecht. Besonderer Teil I. Band 1: Besonderer Teil ohne Vermögensdelikte. 16. Auflage. Stuttgart, 2015. 430 s. (In German)
13. Leipold K., Tsambikakis M., Zöller M. Strafgesetzbuch. Anwaltskommentar. 2. Auflage. Heidelberg, 2015. (In German)
14. Leipziger Kommentar. Band 7/Teil 2: §§ 232–241a StGB. 12. Auflage. Berlin 2015. (In German)
15. Matt H., Renzikowski J. Strafgesetzbuch. Kommentar. München, 2013. 3000 s. (In German)
16. Maurach R., Schroeder F., Maiwald M. Strafrecht. Besonderer Teil. Teilband 1: Straftaten gegen Persönlichkeits- und Vermögenswerte. 10. Auflage. Heidelberg, 2009. 702 s. (In German)
17. Muhle S. Auftrag: Menschenraub: Entführungen von Westberlinern und Bundesbürgern durch das Ministerium für Staatssicherheit der DDR. Göttingen, 2015. 678 s. (In German)
18. Münchener Kommentar. Band 4: §§ 185–262, 3. Auflage. München, 2017. 2074 s. (In German)
19. Rengier R. Strafrecht Besonderer Teil II. Delikte gegen die Person und die Allgemeinheit. 20. Auflage. München, 2019. 599 s. (In German)
20. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Strafgesetzbuch. Kommentar 4. Auflage. Köln, 2019. (In German)
21. Schießau R. Strafverfahren wegen MfS-Unrechts. Band 22. Berlin, 2006. (In German)
22. Schmidt R. Strafrecht. Besonderer Teil I. 19. Auflage. Bremen, 2018. (In German)
23. Schönke A., Schröder H. Strafgesetzbuch. Kommentar. 30. Auflage. München, 2019. 3361 s. (In German)
24. Schroeder F. Die Straftaten gegen die persönliche Freiheit – Erscheinungsformen und System Juristische Schulung. 2009. S. 14–16 (In German)
25. Von Heintschel-Heinegg B. Strafgesetzbuch. Kommentar. 3. Auflage. München, 2018. 3208 s. (In German)

«ПРЕСЛЕДОВАНИЕ» (§ 238 УУ ФРГ)

Флайшауер Луиза

Цель. Путем изменения структуры состава преступного деяния преследования (§ 238 УУ) в 2017 году его практическая применимость должна была быть увеличена. С этой целью произошло изменение в характере деликта, которое также охватывает такие действия, направленные на преследование, которые могут значительно ухудшать качество жизни жертвы. В этой статье рассматривается необходимость реформы положения преследования и дается обзор § 238 УУ в редакции от 10 марта 2017 г.

Методология: формально-юридический метод.

Выводы. 1. При более подробном рассмотрении реформа оказывается излишней, потому что вместо того, чтобы признать нарушения психического характера в качестве последствий, законодатель преобразил состав в деяние, пригодное для того, чтобы серьезно повлиять на жизненный уклад жертвы, но не требующий наступления этих последствий (далее пригодное деяние), и тем самым придерживался объективных стандартов оценки.

2. Кроме того, в статье указывается, что структура состава преступного деяния так же бесформенна, как и само явление. Однако практически невозможно удовлетворить все требования, представленные относительно состава деяния.

Научная и практическая значимость. На практике из-за проблем доказывания существует значительное расхождение между представленными заявлениями и вынесенными обвинительными приговорами. Следовательно, существует необходимость улучшения защиты жертв, что, по мнению законодателя, достигается путем реформы § 238 УУ. Однако еще не известно, будет ли реформа работать в уголовно-правовой практике.

Ключевые слова: преследование; пригодное деяние; реформа, неопределенность.

Преследование и формы его проявления. § 238 УУ ФРГ, который был введен 22 марта 2007 г. на основании 1-й ст. Закона о преступлениях, связанных с постоянным преследованиям (Сороковой закон о внесении изменений в уголовное законодательство) и вступил в силу 31 марта 2007 года (BGBl. I 2007, 354.), включен в 18-й раздел УУ как преступление против личной свободы. В 2018 г. полицией было зарегистрировано 18 960 случаев [2, с. 12]. С 1990-х годов понятие «преследование» все чаще становится предметом общественного внимания и обсуждается под английским термином «Stalking» (LK/StGB-Krehl, § 238 StGB Rn. 1). Это термин использовался в английском языке в речи охотников для обозначения действия как «подкрадывание и преследование добываемой добычи» [1, с. 3382–3384; 21, с. 47; 23, с. 319]. В силу

многообразия этого явления невозможно исчерпывающе перечислить виды проявления преследований [16, с. 28]. Тем не менее, можно сделать грубое различие между легким и тяжким преследованием [1, с. 3382–3384]. Последнее содержит оскорбления, угрозы, вторжение в дом вплоть до убийства жертвы [1, с. 3382–3384; 13, с. 249–254; 16, с. 28]. Легкое преследование, в частности, характеризуется тем, что включает в себя повседневное поведение, такое как телефонные звонки, письма, наблюдение или почтовая отправка предметов [1, с. 3382–3384]. Оно приобретает преступный характер из-за постоянства деяния (BT-Drs. 16/575, 1.).

Необходимость реформы. § 238 (абз. 1) УУ был изменен 1-й ст. Закона об улучшении защиты от преследований от 1 марта 2017 г., который

вступил в силу 10 марта 2017 г. (*BGBI. I., 386*). Новая версия предусматривала преобразование преступления с материальным составом в пригодное деяние, с тем чтобы придать больше значения защите пострадавшим (*BT-Drs. 18/9946, 10f.*). Причина этого заключалась в том, что предыдущее уголовное преследование имело недостатки, которые могли быть исправлены только с помощью преобразования нормы (*Vgl. BT-Drs. 18/9946, 10; Steinberg, JZ 2017, 676, 676f.*). Наказание могло применяться только в том случае, если изменение внешних обстоятельств жизни было обусловлено поведением преступника (*BGH Beschl. v. 19.12.20112, NSiZ-RR 13, 145, 146*). Однако это привело к тому, что критерием для применения санкций являлось не поведение преступника, а поведение жертвы (*BT-Drs. 18/9946, 10*). Трудности осуществления уголовного преследования объяснялись толкованием признака состава преступления «значительное ухудшение качества жизни», которое связано с составом как преступление с материальным составом (*BT-Drs. 18/9946, 10f.; Steinberg, JZ 2017, 676, 677*). Хотя в настоящее время состав преступного деяния должен также обращать внимание на существенное психологическое воздействие на жертву, поскольку они могут значительно ухудшать качество жизни (*BT-Drs. 18/9946, 10*), однако преобразование в пригодное деяние не приводит к изменению понятия «значительное ухудшение качества жизни» [4]. По-прежнему существует поддающийся объективному определению стандарт оценки понятия «качество жизни» (*BT-Drs. 18/9946, 10*). Федеральный Верховный Суд должен был лишь признать психологическую травму как последствие преступного деяния, чтобы включить случаи, которые хотел законодатель согласно § 238 УУ [22, с. 676–679].

Обзор состава преступного деяния. Преследование является многогранным явлением и поэтому сопряжено с трудностями при определении контуров, присущих составу преступного деяния [6; 23, с. 319–321]. Отчасти это связано с тем, что состав преступного деяния с учетом ст. 103 (абз. 2) Основного закона имеет значительные неопределенности [10]. § 238 УУ разделен на четыре абзаца.

Основной состав преступного деяния, § 238 (абз. 1) УУ. Абзац 1 является основным составом преступного деяния, который, согласно 4 абзацу, подлежит уголовному преследованию только по ходатайству. По § 238 (абз. 1) УУ наказывается лишением свободы на срок до трёх лет или денежным штрафом того, кто незаконно преследует человека систематически реализуя один из вари-

антов состава от 1. пункта до 5 и тем самым значительно ухудшает качество жизни. Согласно § 12 (абз. 2) УУ здесь речь идет об уголовном проступке, за покушение на которое, в соответствии с § 23 (абз. 1) УУ, не предусмотрено наказание. К тому же, согласно § 15 УУ наказуемо только умышленное совершение, при этом достаточно наличие косвенного умысла [4; 11]. Деянием, предусмотренным § 238 (абз. 1) УУ, является недозволенное преследование. Законодатель определяет преследование как действия, направленные на непосредственное или опосредованное вмешательство в личную жизнь жертвы и тем самым ущемление его прав на свободу действий и решений (*BT-Drs. 16/575, 7*). Однако термин «преследование» сам по себе не имеет уголовно-правового значения, поскольку все наказуемые деяния перечислены в пунктах 1–5 (*So auch BGHSt 54, 189, 193; vgl. Krey/Hellmann/Heinrich-Hellmann, § 238 StGB Rn. 438; Seher, JZ 2010, 582, 582*). Недозволенно преследует тот, кто делает это без явного или подразумеваемого согласия жертвы или без правовых полномочий на это (*BT-Drs. 16/575, 7*). При этом не имеет значения, носит ли это публично-правовой или частно-правовой характер [6]. Судебный пристав действует, например, дозволено (*BT-Drs. 16/575, 7*). В 3 пункте § 238 (абз. 1) УУ необходимо обратить внимание, что согласие жертвы уже исключает «злоупотребление», то есть, в этом отношении недозволенность не приобретает собственное значение [19; 8]. Первые четыре варианта представляют собой типичные случаи преследования (*BT-Drs. 16/575, 7; Mitsch, NJW 2007, 1237, 1238*). К ним относятся: поиск пространственной близости с жертвой (§ 238 (абз. 1 пункт 1) УУ), попытка установления контакта, используя телекоммуникационные средства, иные средства коммуникации или через третьи лица (§ 238 (абз. 1 пункт 2) УУ), злоупотребление ее личными данными, заказами товаров или услуг для нее или привлечение третьих лиц к установлению с ней контакта (§ 238 (абз. 1 пункт 3) УУ ФРГ) и угрозы причинением вреда жизни, телесной неприкосновенности, здоровью или свободе жертве или близкого ей лица (§ 238 (абз. 1 пункт 4) УУ). § 238 (абз. 1 пункт 5) УУ действует как общая норма для других вариантов, если применение специальных норм невозможно и, в частности, требуется для охвата разнообразия состава преследования, включая и современные формы преследования, которые связаны с техническим развитием (*BT-Drs. 16/3641, 14; Zypries, BT-PIPr. 16/35, 2970; Mitsch, NJW 2007, 1237, 1238*) [14, с. 1237–1238]. Если деяние сопоставимо с вариантами 1–4, исполнитель будет наказан соглас-

но § 238 (абз. 1 пункт 5) УУ (*BT-Drs. 16/3641, 14*). К ним относятся случаи, которые количественно и качественно аналогичны по степени тяжести (*BT-Drs. 16/3641, 14*). Однако варианты совершения деяния настолько отличаются друг от друга, что вряд ли можно сделать какие-либо выводы по ним [5, с. 247, 258]. Поэтому найти оговорку, касающаяся применения норм с конституционно-правовой точки зрения очень сложно [12, с. 481, 486]. Примерами установленных деяний являются: сообщение о преступлении, повреждение вещей, неверные публичные сообщения (например, извещение о смерти), клевета и сплетни, прекращение предоставления услуг (например, электричество), отправка нежелательных подарков, наблюдение с помощью камеры или бинокля и т. д. [4; 15, с. 983, 985; 18]. Однако эти деяния наказуемы только в том случае, если они совершались систематически (§ 238 (абз. 1) УУ). Дополнительно к систематичному совершению преступления необходимо, чтобы в нем проявилось неуважение к противостоящей воле жертвы или безразличие по отношению к ее желаниям, сопряженное с намерением исполнителя продолжать вести себя таким образом (*BT-Drs. 16/3641, 14*). С одной стороны, этот признак служит ограничению состава преступления (*BGHSt 54, 189, 195*), а с другой стороны, тип деликта «продолжающегося преследования» должен быть выражен именно этим (*Vgl. BT-Drs. 16/575, 6; Fischer, § 238 StGB Rn. 18*). Систематичность является результатом общей оценки всего деяния (*BT-Drs. 16/575, 7*). Используются такие критерии, как периодичность и внутренняя связь (*BT-Drs. 16/575, 7; BGHSt 54, 189, 195*). Поведение исполнителя должно быть подходящим для значительного ухудшения качества жизни. Под качеством жизни подразумевается свобода действий и решений человека (*BT-Drs. 16/575, 7*). Ограничение жизнедеятельности должен быть серьезным и в конкретном случае очень значительным, тем самым выходя за границы обычного и терпимого (*BT-Drs. 16/3641, 14*). К тому же, не каждое отдельное действие должно быть качественно значительным, а достаточно того, что все действия в целом переходили эти границы [4]. Примерами являются смена имени, лечение, разлука с партнером и другие значительные изменения в повседневной жизнедеятельности [19; 4]. Фактическое наступление ухудшения не обязательно, однако необходима объективная причина для изменения поведения жертвы [8]. Решающими факторами являются степень психологического давления, которому подвергается жертва, частота, непрерывность и интенсивность

действий, их временная связь, а также уже произошедшие изменения в жизненных условиях и физические, соответственно психологические последствия (*BT-Drs. 18/9946, 14*). Основная норма была задумана как деликт, уголовное преследование которого осуществляется на основе ходатайства (§ 238 (абз. 1) УУ), с тем чтобы оставить на усмотрение жертвы (§ 77 УУ), желает ли она возбуждение уголовного производства (*BT-Drs. 16/575, 8; Schönke/Schröder-Eisele, § 238 StGB Rn. 40; Neubacher/Seher, JZ 2007, 1029, 1035*). Поскольку только жертва может судить о масштабах, характере и интенсивности преследования, это мера кажется разумной [9, с. 106]. Требование о ходатайстве не применяется в случаях, в которых, по мнению правоохранительных органов, в силу особого общественного интереса в уголовном преследовании требуется государственное вмешательство по официальной инициативе. Это происходит в особо тяжких случаях, когда жертвы боятся или напуганы, тем самым вообще не представляют ходатайство или забирают в ходе рассмотрения дела [7; 4]. Тогда прокуратура может обеспечить продолжение производства в целях защиты жертвы [7].

Квалификация, § 238 (абз. 2) УУ. Согласно § 238 (абз. 2) УУ, предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от трёх месяцев до пяти лет, если исполнитель посредством совершения деяния подвергает потерпевшего, родственника потерпевшего или иное близкое для потерпевшего лицо смертельной опасности [8] или опасности причинения тяжкого вреда здоровью. Речь идет о составе квалификации с наличием намерения на создание опасности [3; 4]. Исполнитель должен только принять наступление опасной ситуации, но не наступление самого ущерба, чтобы состав деяния считался исполненным (*BGHSt 22, 74, (L).*). Как и в случае основного деяния, этот состав тоже является уголовным проступком в соответствии с § 12 (абз. 2) УУ, из-за чего покушение не наказуемо согласно § 23 (абз. 1) УУ.

Квалификация с материальным составом, § 238 (абз. 3) УУ. В соответствии с § 238 (абз. 3) УУ наказанием является лишение свободы на срок от одного года до десяти лет, если исполнитель причиняет содеянным смерть потерпевшему, родственнику потерпевшего или иному близкому для потерпевшего лицу. Преступление направлено на то, чтобы охватить случаи, когда жертва погибает в результате самоубийства или во время спасения от преступника (*BT-Drs. 16/3641, 14*). Так как этот состав является квалификацией с материальным составом, то, в соответствии с § 18 УУ,

достаточно наступление этих тяжких последствий по неосторожности [4]. В отличие от основного деяния и квалификации, квалификация с материальным составом является уголовным преступлением (§ 12 (абз. 2) УУ), поэтому покушение является наказуемым (§ 23 (абз. 1) УУ).

В представленном обзоре не только отрицается необходимость реформы, но и подчеркивается, что состав этого преступного деяния не имеет контуров. Это связано и с тем, что границы между

социально адекватным поведением и уголовным преследованием стираются [1, с. 3382, 3384; 16, с. 28]. В частности, охватывающий состав преступного деяния, вызывает с конституционно-правовой точки зрения сомнения. Исключение оговорки, касающейся применения норм из УУ придало бы составу преступного деяния больше контуров. Вопрос, будут ли устранены трудности, связанные с проблемами уголовного преследования, еще предстоит выяснить.

Литература

1. Bieszk D., Sadtler S. Mobbing und Stalking: Phänomene der modernen (Arbeits-) Welt und ihre Gegenüberstellung. *Neue Juristische Wochenschrift*. 2007, ss. 3382 ff. (In German)
2. Bundeskriminalamt (Hrsg.), *Polizeiliche Kriminalstatistik*, Bundesrepublik Deutschland. Jahrbuch 2018. Band 1. Fälle. Aufklärung. Schaden. 66. Ausgabe. Version 1.0. (Stand: 01.07.2019) (In German)
3. Eisele J. *Strafrecht — Besonderer Teil I. Straftaten gegen die Person und die Allgemeinheit*. 4. Auflage. Stuttgart, 2017. 577 s. (In German)
4. Fischer T. *Kommentar zum StGB*. 66. Auflage. München, 2019. 2600 s. (In German)
5. Gazeas N. >>Stalking << als Straftatbestand — effektiver Schutz oder strafrechtlicher Aktionismus? *Kritische Justiz*. 2006, ss. 247 ff. (In German)
6. Von Heintschel-Heinegg B. *Beck'scher Online Kommentar StGB*. 41. Edition. (Stand: 01.02.2019) (In German)
7. Janovsky T. Sachverständigenanhörung in der öffentlichen Anhörung des Rechtsausschusses zu den Gesetzesentwürfen zur Stalking-Bekämpfung vom 18.10.2006. *Protokoll der 30. Sitzung*, Berlin. S. 91–96. (In German)
8. Joecks W., Miebach K. *Münchener Kommentar zum StGB*. Band 4: §§ 185–262 StGB. 3. Auflage. München, 2017. 2193 s. (In German)
9. Käppner K. *Der Stalking-Tatbestand in der Rechtsprechung seit seiner Einführung*. Hamburg, 2014. (In German)
10. Krey V., Hellmann U., Heinrich M. *Strafrecht. Besonderer Teil I. Band 1: Besonderer Teil ohne Vermögensdelikte*. 16. Auflage. Stuttgart, 2015. 430 s. (In German)
11. Kühl K., Heger M. *Strafgesetzbuch. Kommentar*. 29. Auflage. München, 2018. (In German)
12. Kinzig J., Zander S. Der neue Tatbestand der Nachstellung (§ 238 StGB), — Gelungener Abschluss einer langen Diskussion oder missglückte Maßnahme des Gesetzgebers? *Juristische Arbeitsblätter*. 2007, ss. 481 ff. (In German)
13. Meyer F. Strafbarkeit und Strafwürdigkeit von «Stalking» im deutschen Recht. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 2003, ss. 249 ff. (In German)
14. Mitsch W. Der neue Stalking-Tatbestand im Strafgesetzbuch. *Neue Juristischer Wochenschrift*. 2007, ss. 1237 ff. (In German)
15. Mosbacher A. Neuregelung der Stalking-Strafbarkeit. *Neue Juristische Wochenschrift*. 2017, ss. 983 ff. (In German)
16. Müller P. Zum tatbestandlichen Anwendungsbereich des § 238 Abs.1 StGB. Berlin, 2013. 368 s. (In German)
17. Neubacher F., Seher G. Das Gesetz zur Strafbarkeit beharrlicher Nachstellungen (§ 238 StGB). *Juristenzeitung*. 2007, ss. 1029 ff. (In German)
18. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. *Strafgesetzbuch. Kommentar*. 3. Auflage. Köln, 2016. (In German)
19. Schönke A., Schröder H. *Kommentar zum StGB*. 30. Auflage. München, 2019. 3361 s. (In German)
20. Seher G. Anmerkung zu BGH, Beschluss vom 19.11.2009 — 3 Strafsenat 244/09 (Landgericht Lüneburg). *Juristenzeitung*. 2010, ss. 582 ff. (In German)
21. Smischek L. *Stalking, Eine strafrechtswissenschaftliche Untersuchung*. Frankfurt a.M. (u.a.), 2006. (In German)

22. Steinberg G. Die missratene Änderung des § 238 StGB. Juristenzeitung. 2017, ss. 676 ff. (In German)
23. Valerius B. Stalking: Der neue Straftatbestand der Nachstellung in § 238 StGB. Juristische Schulung. 2007, ss. 319 ff. (In German)

References

1. Bieszk D., Sadtler S. Mobbing und Stalking: Phänomene der modernen (Arbeits-) Welt und ihre Gegenüberstellung. Neue Juristische Wochenschrift. 2007, ss. 3382 ff. (In German)
2. Bundeskriminalamt (Hrsg.), Polizeiliche Kriminalstatistik, Bundesrepublik Deutschland. Jahrbuch 2018. Band 1. Fälle. Aufklärung. Schaden. 66. Ausgabe. Version 1.0. (Stand: 01.07.2019) (In German)
3. Eisele J. Strafrecht — Besonderer Teil I. Straftaten gegen die Person und die Allgemeinheit. 4. Auflage. Stuttgart, 2017. 577 s. (In German)
4. Fischer T. Kommentar zum StGB. 66. Auflage. München, 2019. 2600 s. (In German)
5. Gazeas N. >> Stalking << als Straftatbestand — effektiver Schutz oder strafrechtlicher Aktionismus? Kritische Justiz. 2006, ss. 247 ff. (In German)
6. Von Heintschel-Heinegg B. Beck'scher Online Kommentar StGB. 41. Edition. (Stand: 01.02.2019) (In German)
7. Janovsky T. Sachverständigenanhörung in der öffentlichen Anhörung des Rechtsausschusses zu den Gesetzesentwürfen zur Stalking-Bekämpfung vom 18.10.2006. Protokoll der 30. Sitzung, Berlin. S. 91–96. (In German)
8. Joecks W., Miebach K. Münchner Kommentar zum StGB. Band 4: §§ 185–262 StGB. 3. Auflage. München, 2017. 2193 s. (In German)
9. Käppner K. Der Stalking-Tatbestand in der Rechtsprechung seit seiner Einführung. Hamburg, 2014. (In German)
10. Krey V., Hellmann U., Heinrich M. Strafrecht. Besonderer Teil I. Band 1: Besonderer Teil ohne Vermögensdelikte. 16. Auflage. Stuttgart, 2015. 430 s. (In German)
11. Kühl K., Heger M. Strafgesetzbuch. Kommentar. 29. Auflage. München, 2018. (In German)
12. Kinzig J., Zander S. Der neue Tatbestand der Nachstellung (§ 238 StGB), — Gelungener Abschluss einer langen Diskussion oder missglückte Maßnahme des Gesetzgebers? Juristische Arbeitsblätter. 2007, ss. 481 ff. (In German)
13. Meyer F. Strafbarkeit und Strafwürdigkeit von «Stalking» im deutschen Recht. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 2003, ss. 249 ff. (In German)
14. Mitsch W. Der neue Stalking-Tatbestand im Strafgesetzbuch. Neue Juristischer Wochenschrift. 2007, ss. 1237 ff. (In German)
15. Mosbacher A. Neuregelung der Stalking-Strafbarkeit. Neue Juristische Wochenschrift. 2017, ss. 983 ff. (In German)
16. Müller P. Zum tatbestandlichen Anwendungsbereich des § 238 Abs.1 StGB. Berlin, 2013. 368 s. (In German)
17. Neubacher F., Seher G. Das Gesetz zur Strafbarkeit beharrlicher Nachstellungen (§ 238 StGB). Juristenzeitung. 2007, ss. 1029 ff. (In German)
18. Satzger H., Schluckebier W., Widmaier G. Strafgesetzbuch. Kommentar. 3. Auflage. Köln, 2016. (In German)
19. Schönke A., Schröder H. Kommentar zum StGB. 30. Auflage. München, 2019. 3361 s. (In German)
20. Seher G. Anmerkung zu BGH, Beschluss vom 19.11.2009 — 3 Strafsenat 244/09 (Landgericht Lüneburg). Juristenzeitung. 2010, ss. 582 ff. (In German)
21. Smischek L. Stalking, Eine strafrechtswissenschaftliche Untersuchung. Frankfurt a.M. (u.a.), 2006. (In German)
22. Steinberg G. Die missratene Änderung des § 238 StGB. Juristenzeitung. 2017, ss. 676 ff. (In German)
23. Valerius B. Stalking: Der neue Straftatbestand der Nachstellung in § 238 StGB. Juristische Schulung. 2007, ss. 319 ff. (In German)

ПРИНУЖДЕНИЕ (§ 240 УУ ФРГ)

Цимборски Сара

Цель. Состав принуждения является одним из наиболее спорных составов преступных деяний в немецком уголовном праве. Из-за широких возможностей толкования он должен быть особенно ограничен, чтобы не допустить выхода за пределы состава. Целью данного исследования является представление состава принуждения и установление его границ путем обсуждения некоторых наиболее противоречивых вопросов. Основное внимание в этой статье уделяется обсуждению признаков состава преступного деяния.

Методология: формально-юридический метод, сравнение и анализ судебной практики и литературы.

Выводы. Состав преступного деяния принуждения является одним из самых широко составленных составов немецкого уголовного права. До настоящего времени не окончательно проясненные споры приводят к проблемам. В то же время, при определении понятий, широкая редакция § 240 УУ ФРГ дает также огромные возможности толкования. Результатом этого является то, что насилие в отношении вещей, третьих лиц и путем бездействия, также и угроза в отношении третьих лиц и угроза бездействия, составляют состав принуждения.

Научная и практическая значимость. В статье показано, с одной стороны, насколько незначительна доля деликтов, связанных с принуждением, в практике осуществления уголовного преследования, а также освещены трудности, с которыми сталкиваются уголовные суды при вынесении обвинительного приговора за принуждение. В то же время представлены разногласия между судебной практикой и литературой относительно определений понятий состава. С другой стороны, в статье отмечается, что из-за широких возможностей толкования многие случаи, существующие в реальной жизни, могут быть отнесены к принуждению. § 240 УУ ФРГ долгое время широко обсуждается, однако до сегодняшнего дня не было найдено окончательного решения, которое ограничивало бы пределы состава и четко определило бы его.

Ключевые слова: насилие, угроза причинения ощутимого вреда, подневольная ситуация, способность к формированию воли, физическое принуждение, предосудительность.

«Принуждение», согласно § 240 УУ ФРГ, защищает личную свободу человека от насильственных действий или угрозы причинения ощутимого вреда. (*Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 1; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 1.*) Таким образом, состав преступного деяния содержит некоторые противоречивые понятия уголовного права, которые до сих пор обсуждаются в судебной практике и литературе. (*Magnus, in: NStZ 2012, 538; Sinn, in: JuS 2009, 577.*) К ним, прежде всего, относится понятие принуждающее насилие (*BGH NSTZ 1995, 541 (542); Hellmann, in: Krey/Hellmann/Heinrich, Strafrecht BT 1, S. 124 Rn. 368; Krey, in: JR 1995, 265 ff.*). В то же время, в практике уголовного преследования, преступные деяния, связанные с принуждением,

не представляют большого значения, поскольку они составляют лишь небольшую часть от общего числа преступности. По данным полицейской статистики о преступности за 2018 г., преступления, связанные с принуждением, составляли около 1,2% от общего числа совершенных преступлений. Эта низкая цифра говорит о сложности определения противоправности принуждения.

Правовое благо. Определение охраняемого § 240 УУ ФРГ правового блага уже затруднено из-за различных, существующих по данному поводу, мнений (*Sinn, in: JuS 2009, 578 ff.*). Согласно господствующему мнению, § 240 УУ ФРГ защищает свободу формирования воли и совершение действий по своей воли (*BVerfG v. 10.01.1995, NJW*

1995, 1141 (1142); Eisele, in: JA 2009, 698; ders., in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 1; Fischer, StGB, § 240 Rn. 2; Jakobs, in: FS Karl Peters, S. 69; Roxin, in: JuS 1964, 373 (374).

Объективная сторона состава преступного деяния.

Деяние: принуждение. Принуждение означает, что жертва принуждается вести себя против своей свободной воли (BGH, NJW 2000, 1048 (1049); Küpper/Börner, Strafrecht BT 1, S. 109 f. Rn. 35; Rössner/Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 5).

Объект преступления. Объектом принуждения является другое лицо (Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 2; Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 4; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 26.). В соответствии с § 240 УУ ФРГ юридические лица не могут быть жертвами принуждения (Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 2; Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 4; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 26; krit. Wallau, in: JR 2000, 312 (313 ff.)). Исполнитель имеет возможность влиять на волеизъявление множества людей, прямо не называя их (Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 2; Schluckebier, in: SSW-STGB, § 240 Rn. 2; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 26.). Достаточно того, чтобы исполнитель использовал обобщающее обозначение, по которому можно без сомнения определить, на кого направлено это влияние (Altvater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 5; Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 2; Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 4; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 26). В то же время объектом преступления § 240 УУ ФРГ могут быть только те, кто в состоянии сформировать свою собственную волю и действовать соответствующим образом (Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 4; vgl. Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 31; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 26). Из этого следует, что дети, пьяные или лица с ограниченными психическими возможностями также могут стать жертвами принуждения при условии, что у них есть способность естественного формирования воли и совершения действий по своей воле (Altvater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 5; Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 4; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 26.). Напротив, спящие, бессознательные лица и пьяные до бесчувствия не обладают этой способностью, по крайней мере временно, так что, по господствующему мнению, они отпадают как подходящие объекты преступного деяния (Vgl. BGH, NJW 2000, 1048 (1049); Altvater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 5; Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 31; Wolter, in: NStZ 1985, 245 (247)).

Средства принуждения. В качестве средств принуждения можно рассматривать только насилие или угрозу причинения ощутимого вреда (Eisele,

in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 3; Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 6; Valerius, in: BeckOK, StGB, § 240 Rn. 3.).

Насилие. Понятие насилия является одним из самых спорных понятий уголовного права и поэтому неоднократно менялось на протяжении многих лет (Fischer, StGB, § 240 Rn. 10; Hellmann, in: Krey/Hellmann/Heinrich, Strafrecht BT 1, S. 125 Rn. 372; Schroeder, in: Maurach/Schroeder/Maiwald, Strafrecht BT, Teilband 1, S. 150 Rn. 1.1.). Сегодня насилие понимается как любая физическая активность, посредством которой осуществляется эффективное физическое принуждение к преодолению сопротивления (Fischer, StGB, § 240 Rn. 8,25; König, in: Berz/Burmann, Hdb. d. Straßenverkehrsrechts, V. Nötigung Rn. 16; Rengier, Strafrecht BT II, § 23 Rn. 23.). В этой связи различают две формы насилия: абсолютное подавление воли потерпевшего (*vis absoluta*) и относительное подавление воли (*vis compulsiva*) (Eidam, in: JuS 2010, 963 (966); Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 4; Heger, in: Lackner/Kühl, StGB, § 240 Rn. 5; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 29.). Первая относится к форме насилия, которая исключает любое формирование воли или совершение каких-либо действий по своей воле (Magnus, in: NStZ 2012, 538 (539); Rengier, Strafrecht BT II, § 23 Rn. 3; Swoboda, in: JuS 2008, 862 (863)). Примерами этой формы являются избивание до состояния потери сознания, связывание, запираение без выхода на свободу и др. (Magnus, in: NStZ 2012, 538 (539); Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 29; Wessels/Hettinger/Engländer, Strafrecht BT 1, S. 138 Rn. 446.). При второй форме посредством принудительного воздействия исполнитель вынуждает жертву к реализации требуемого поведения (Vgl. Eisele, in: JA 2009, 698 (699); Magnus, in: NStZ 2012, 538 (539); Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 29; ders., in: JuS 2009, 577 (580); Swoboda, in: JuS 2008, 862 (863)). Такое принуждение имеет место, например, когда исполнитель бьет по лицу жертвы до того, пока она не освобождает путь (Eidam, in: JuS 2010, 963 (966)).

Насилие отношении вещей и третьих лиц. Насилие в отношении вещей существует в случаях, когда исполнитель воздействует на вещь и тем самым создает для жертвы непосредственную ситуацию физического принуждения (Huhn, Nötigende Gewalt mit und gegen Sachen, S. 198 ff.; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 65; vgl. Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 66; a.A. Wolter, in: NStZ 1985, 245 (249)). Не является достаточным простое воздействие на вещь (Altvater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 60; Paeffgen, in: FS f. Grünwald, 1999, 433 (452); Sinn, in: MüKo, StGB, § 240 Rn. 65).

Согласно господствующему мнению, насилие в смысле принуждения также возникает, если оно направлено не против самой жертвы принуждения, а против третьего лица (*RGSt. 17, 82; BayObLG, Urteil v. 17.10.1951, in: JZ 1952, 237 (238); Altwater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 55; Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 6; Fischer, StGB, § 240 Rn. 21; Wolter, in: NStZ 1985, 245 (249)*). Однако, применение силы против третьего лица должно оказывать физическое принудительное воздействие на жертву принуждения (*Altwater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 46; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 66; Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 59; Wessels/Hettinger/Engländer, Strafrecht BT I, S. 138 Rn. 447*). Это происходит, например, когда водителя автобуса оглушили, а пассажиров удерживают (*Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 66, Valerius, in: BeckOk, StGB, § 240 Rn. 27*). Это имеет место, например, когда пассажиры автобуса удерживаются посредством оглушения водителя автобуса.

Насилие, совершаемое путем бездействия. В соответствии с преобладающим мнением, насилие может совершаться путем бездействия (*BayObLG, NJW 1963, 1261; Altwater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 72; Fischer, StGB, § 240 Rn. 22; Geppert, in: Jura 2006, 31 (36); Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 72*). Предпосылкой этого является требование о том, чтобы исполнитель имел положение гаранта для предотвращения физического принуждения жертвы (*Rössner/Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 12; Timpe, in: JuS 1992, 748 (751); Valerius, in: BeckOk, StGB, § 240 Rn. 28*).

Угроза причинения осязаемого вреда. Угроза определяется как представление возможности причинения осязаемого вреда, на что исполнитель имеет влияние или делает вид, что имеет такое влияние (*BGH, NJW 1962, 596; Altwater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 77; Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, Vorb. § 234 Rn. 30; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 69; a.A.: Jakobs, in: FS f. Peters, S. 84*). При этом, следует отличать угрозу от простого предупреждения. В случае с предупреждением жертве указывается на возможность причинения вреда, не зависящее от воли исполнителя (*Vgl. BGH, NJW 1957, 596 (598); BGH, NStZ 2009, 692; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 72*). В случае угрозы, напротив, исполнитель должен утверждать, что он может оказать фактическое влияние на причинение вреда (*Vgl. BGH, NJW 1983, 765 (767); Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, Vorb. § 234 Rn. 31; Rössner/Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 15; Sinn, in: JuS 2009, 577 (583); ders., in: MüKo, StGB, § 240 Rn. 72*). Не имеет значения, имеет ли он фактически такое влияние, достаточно, если жертва верит

в это (*Geppert, in: Jura 2006, 31 (36); Sinn, in: JuS 2009, 577 (582); ders., in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 69*). Угроза может быть в ясно выраженной форме или вытекающая из поведения (*Vgl. BGH, NJW 1955, 877; BGH, NJW 1984, 1632; Fischer, StGB, § 240 Rn. 31; Toepel, in: NK-StGB*). Необходимо угрожать причинением осязаемого вреда. Вред — это что-то отрицательное (*Hellmann, in: Krey, Hellmann/Heinrichs, Strafrecht BT II, S. 125 Rn. 373; Rengier, Strafrecht BT II, § 23 Rn. 42; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 72*). Это может быть все, что заставит жертву отказаться от свободы волеизъявления (*Sinn, Die Nötigung im System des heutigen Strafrechts, S. 231; ders., in: JuS 2009, 577 (582)*). Вред является осязаемым тогда, когда угроза представляется уместной, чтобы побудить лицо, подверженное угрозе, вести себя так, как этого требует исполнитель (*BGH NStZ, 1982, 287; BGH, NStZ 1992, 278; BGH, NStZ 2014, 149 (151)*). Это основано на объективно индивидуальном критерии, поэтому данное требование отпадает, «если можно ожидать от лица, находящегося под угрозой, способность противостоять этой угрозе» (*BGH, NJW 1983, 765 (767)*).

Соотношение с третьими лицами. Исполнитель также может угрожать своей жертве причинением вреда третьим лицам (*Vgl. Fischer, § 240 Rn. 37; Rössner*). В этом случае угроза должна означать для жертвы как причинение вреда непосредственно ему самому (*BGH, NStZ 1983, 408; BGH, NJW 1992, 702 (703); vgl. BGH, NStZ 1996, 435; Bohnert, in: JR 1982, 397*). Наличие особых отношений близости или обязанности, вытекающей из положения гаранта не обязательно (*Vgl. BGH, NStZ 1987, 222 (223); Fischer, StGB, § 240 Rn. 37; Rössner/Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 17*).

Угроза бездействия. Угроза бездействия, как правило, выполняет состав деяния, если исполнитель заявляет, что воздержится от совершения каких-либо действий, несмотря на обязанность действовать из-за положения гаранта (*BGH, NStZ 1982, 287; Schubarth, in: JuS 1981, 726 (727), Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 118*). Однако разногласия существуют в тех случаях, в которых исполнитель грозит бездействием, будучи юридически не обязан действовать (*Geppert, in: Jura 2006, 31 (37); Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 118*).

Последствие деяния. Для завершения принуждения исполнитель должен посредством действий, направленных на принуждение, вызвать в качестве последствия состояние принуждения, которое может быть результатом действия, попустительства или бездействия жертвы. Не является достаточным простое попустительство относи-

тельно средств принуждения (*BGH, NStZ-RR 2006, 77; Geppert, in: Jura 2006, 31 (37)*). Для того, чтобы признать принуждение завершенным, необходимо, чтобы жертва осуществляла принудительно навязанное действие или хотя бы начала его (*BGH, NStZ 1987, 70; BGH, NJW 1997, 1082; BGH, NStZ 2004, 385; BGH, NStZ-RR 2006, 77; Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 13; Valerius, in: BeckOK, StGB, § 240 Rn. 66*). В противном случае, согласно §240 (абз. 3) УУ ФРГ, имеет место только покушение (*Kastenbauer, in: Haus/Krumm/Quarch, Gesamtes Verkehrsrecht, § 240 StGB Rn. 23; Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 130; Valerius, in: BeckOk, StGB, § 240 Rn. 65*).

Исключение преступности деяния посредством согласия. Состав принуждения выполнен только тогда, когда действие направлено против воли жертвы. Таким образом, преступность деяния исключается в тех случаях, когда исполнитель действует с согласия жертвы принуждения (*Kargl, in: FS f. Roxin (2001), 905 (915); Schluckebier, in: SSW-StGB, § 240 Rn. 14; Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 104*). Жертва принуждения должна дать исполнителю согласие до совершения деяния, согласие должно существовать и во время совершения преступления и охватывать созданное исполнителем подневольное положение (*Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 104; Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 129*). В противном случае, речь не шла бы о свободном волеизъявлении и, следовательно, не имело бы место согласие, исключающее преступность деяния (*Vgl. Sinn, in: MüKo-StGB, § 240 Rn. 104*).

Субъективная сторона состава преступного деяния. Субъективная сторона состава требует наличия умысла (§ 15 УУ ФРГ). Достаточно иметь косвенный умысел («*dolus eventualis*») относительно использования средств принуждения (*Eisele, in: Schönke/Schröder, StGB, § 240 Rn. 34; Toepel, in: NK-StGB, § 240 Rn. 194; Valerius, in: BeckOk, StGB, § 240 Rn. 42*). Однако спорным является то, какая форма умысла должна присутствовать относительно последствий принуждения, в том числе является ли достаточным косвенный умысел с точки зрения последствий принуждения или необходимо наличие преднамеренности, вряд ли будет иметь большое значение на практике (*Fischer, StGB, § 240 Rn. 53; Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 24*).

Противоправность. Наказуемость деяния почти во всех преступных деяниях связана с выполнением состава и отсутствием оснований, исключающих противоправность виновно совершенных действий (*Vgl. BGH, LMRR 1952, 8; vgl. Kindhäuser, Strafrecht BT I, S. 146 § 13 Rn. 33; Rengier, Strafrecht*

BT II, § 13 Rn. 57). Исключение составляет § 240 УУ ФРГ. Согласно § 240 (абз. 2) УУ ФРГ, это деяние является противоправным только в случае особой предосудительности и должен быть позитивно определено (*Altwater, in: LK-StGB, § 240 Rn. 102; Hellmann, in: Krey/Hellmann/Heinrich, Strafrecht BT I, S.135 Rn. 400; Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 26*). Для определения противоправности средства воздействия на волю должны быть связаны с намеченной целью — так называемое соотношение цели и средств (*BGH, NJW 1962, 1923 (1924); Küper, in: JZ 2013, 449; Valerius, in: BeckOk, StGB, § 240 Rn. 47*). Для оценки соотношения цели и средств решающим является понятие предосудительности (*Rengier, Strafrecht BT II, § 13 Rn. 60*). Поведение является предосудительным, если оно вызывает повышенное моральное неодобрение и, следовательно, представляет собой наказуемую неправомочность (*BGH, NJW 1962, 1923 (1924); BGH, NJW 1964, 1426 (1427); Küper, in: JZ 2013, 449 (450)*). Предосудительность может быть вызвана правовым неодобрением цели, средств или соотношением между средствами и целью (*Eisele, Strafrecht BT I, S. 172 f. Rn. 492, 493; Otto, in: HK-GS, § 240 Rn. 29,30,32; Rengier, Strafrecht BT II, § 13 Rn. 61,62*).

Особо тяжкие случаи принуждения. В качестве типового примера § 240 (абз.4) УУ ФРГ описывает особенно серьезные случаи принуждения. В своей текущей редакции § 240 (абз.4) УУ ФРГ содержит четко определенные действия, такие как принуждение беременной женщины к прерыванию беременности (предл. 2 № 1), а также принуждение, при котором исполнитель злоупотребляет своими полномочиями или своим положением должностного лица (предл. 2 № 2). В дополнение к вышеупомянутым типовым примерам может иметь место особо тяжкий случай, в частности, при использовании особо интенсивного средства принуждения или когда вынужденное поведение является особенно унижительным или опасным для жертвы.

Заклучение. Все еще не окончательно разрешенные споры приводят к трудностям в практическом применении § 240 УУ ФРГ. Таким образом, судебная практика должна иметь дело почти со всеми возможными случаями и по сей день ориентируется на более старые решения. Следовательно, § 240 УУ ФРГ является не менее значимой для практики, поскольку из-за широких возможностей толкования многие случаи, существующие в реальной жизни, могут быть отнесены к принуждению.

Литература

1. Beck'scher Online Kommentar zum Strafrecht, 41. Edition, hrsg. v. von Heintschel-Heinegg, 2019, zitiert als: BeckOk
2. Bohnert Joachim. Gibt es eine Drittbeziehung bei der strafrechtlichen Nötigung? in: JR 1982. S. 397–399.
3. Burmann Michael / Heß Rainer. Handbuch des Straßenverkehrsrecht, Band 1, 38. Ergänzungslieferung, München 2017, zitiert als: Berz/Burmann, Hdb. d. Straßenverkehrsrechts.
4. Dölling Dieter / Duttge Gunnar / König Stefan / Rössner Dieter. Gesamtes Strafrecht, 4. Auflage, Baden-Baden 2017, zitiert als: HK-GS.
5. Eidman Lutz. Die Straftaten gegen die persönliche Freiheit in der strafrechtlichen Examensklausur, in: JuS 2010. S. 869–873.
6. Eisele Jörg. Nötigung durch Gewalt im Straßenverkehr, in: JA 2009. S. 698–701.
7. ders., Strafrecht Besonderer Teil I, 4. Auflage, Stuttgart 2017.
8. Fischer Thomas. StGB mit Nebengesetzen, 65. Auflage, München 2018.
9. Geppert Klaus, Die Nötigung (§ 240 StGB), in: Jura 2006. S. 31–41.
10. Haus Klaus-Ludwig / Krumm Carsten / Quarch Matthias. Gesamtes Verkehrsrecht, 2. Auflage, Baden-Baden 2017.
11. Huhn Andreas. Nötigende Gewalt mit und gegen Sachen, 1. Auflage, Baden-Baden 2007 (zugleich Diss. Freie Univ. Berlin 2006).
12. Jakobs Günther. Nötigung durch Drohung als Freiheitsdelikt, in: Einheit und Vielfalt des Strafrechts — Festschrift für Karl Peters zum 70. Geburtstag, hrsg. v. Jürgen Baumann u. Klaus Tiedemann, Tübingen 1974. S. 69–89.
13. Kargl Walter. Zur objektiven Bestimmung der Nötigung, in: Festschrift für Claus Roxin zum 70. Geburtstag, hrsg. v. Bernd Schünemann, Hans Achenbach, Wilfried Bottke, Bernhard Haffke und Hans-Joachim Rudolphi, Berlin 2001. S. 905–916.
14. Kindhäuser Urs. Strafrecht Besonderer Teil I, 7. Auflage, Baden-Baden 2015.
15. Kindhäuser Urs / Neumann Ulfrid / Paeffgen Hans-Ulrich. Strafgesetzbuch Kommentar, 5. Auflage, Baden-Baden 2017, zitiert als: NK-StGB.
16. Krey Volker. Kritische Anmerkungen anlässlich des Sitzblockaden- Beschlusses des Ersten Senats vom 10. Januar 1995, in: JR 1995. S. 265–273.
17. Krey Volker / Hellmann Manfred / Heinrich Uwe. Strafrecht Besonderer Teil, Band 1, 16. Auflage, Stuttgart 2015.
18. Küper Wilfried. Verwerflichkeit und Rechtfertigung bei der Nötigung, in: JZ 2013. S. 449–457.
19. Küpper Georg / Börner René. Strafrecht Besonderer Teil 1, 4. Auflage, Berlin 2017.
20. Lackner Carl / Kühl Kristian. Strafgesetzbuch, Kommentar, 29. Auflage, München 2018.
21. Leipziger Kommentar, zum Strafgesetzbuch, 12. Auflage, Band 7, Teil 2 (§§ 232–241a), hrsg. v. Heinrich Wilhelm Laufhütte, Ruth Rissing-van Saan und Klaus Tiedemann, Berlin 2015, zitiert als: LK-StGB.
22. Magnus Dorothea. Der Gewaltbegriff der Nötigung (§ 240 StGB) im Lichte der neuesten BVerfG-Rechtsprechung, in: NSTz 2012. S. 538–543.
23. Maurach Reinhart / Schroeder Friedrich-Christian / Maiwald Manfred. Strafrecht Besonderer Teil, Teilband 1, Straftaten gegen Persönlichkeits- und Vermögenswerte, 10. Auflage, Heidelberg 2009.
24. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 4 (§§ 185–262), hrsg. v. Wolfgang Joecks, Klaus Miebach, 3. Auflage, München 2017, zitiert als: MüKo-StGB.
25. Paeffgen Hans-Ulrich, Unzeitgemäße (?) Überlegungen zum Gewalt- und Nötigungsbegriff, in: Festschrift für Gerald Grünwald zum 70. Geburtstag, hrsg. v. Erich Samson, Friedrich Dencker, Peter Frisch, Helmut Frister und Wolfram Reiß, Baden-Baden 1999. S. 433–468.
26. Rengier Rudolf. Strafrecht Besonderer Teil II, 18. Auflage, München 2017.
27. Roxin. Claus. Verwerflichkeit und Sittenwidrigkeit als unrechtsbegründende Merkmale im Strafrecht, in: JuS 1964. S. 373–381.
28. Satzger Helmut / Schluckebier, Wilhelm/ Widmaier, Gunter, Strafgesetzbuch Kommentar, 3. Auflage, Köln 2016, zitiert als: SSW-StGB.
29. Schönke Adolf / Schröder Horst. Strafgesetzbuch, Kommentar, 30. Auflage, München 2019.
30. Schubarth Martin. Grenzen der Strafbarkeit sexueller Zumutungen — OLG Hamburg, NJW 1980, 2592, in: JuS 1981. S. 726–728.

31. Sinn Arndt. Die Nötigung, in: JuS 2009. S. 547–548.
32. ders., Die Nötigung im System des heutigen Strafrechts, Baden-Baden 2000 (zugl. Diss. Univ. Giessen 2000).
33. Swoboda. Sabine. Grundwissen-Strafrecht: Der Gewaltbegriff, in: JuS 2008, S. 862–863.
34. Timpe Gerhard. Nötigende Gewalt durch Unterlassen, in: JuS 1992. S. 748–752.
35. Wallau Rochus. Der «Mensch» in §§ 240, 241, 253 StGB und die Verletzung der Rechte juristischer Personen, in: JR 2000. S. 312–316.
36. Wessels Johannes / Hettinger Michael / Engländer Armin. Strafrecht Besonderer Teil I, Straftaten gegen Persönlichkeits- und Gemeinschaftswerte, 41. Auflage, Heidelberg 2017.
37. Wolter Jürgen. Gewaltanwendung und Gewalttätigkeit -2.Teil -, in: NStZ 1985, S. 245–252.

References

1. Beck'scher Online Kommentar zum Strafrecht, 41. Edition, hrsg. v. von Heintschel-Heinegg, 2019, zitiert als: BeckOk.
2. Bohnert Joachim. Gibt es eine Drittbeziehung bei der strafrechtlichen Nötigung?, in: JR 1982. S. 397–399.
3. Burmann Michael / Heß Rainer. Handbuch des Straßenverkehrsrecht, Band 1, 38. Ergänzungslieferung, München 2017, zitiert als: Berz/Burmann, Hdb. d. Straßenverkehrsrechts.
4. Dölling Dieter / Duttge Gunnar / König Stefan / Rössner Dieter. Gesamtes Strafrecht, 4. Auflage, Baden-Baden 2017, zitiert als: HK-GS.
5. Eidman Lutz. Die Straftaten gegen die persönliche Freiheit in der strafrechtlichen Examensklausur, in: JuS 2010. S. 869–873.
6. Eisele Jörg. Nötigung durch Gewalt im Straßenverkehr, in: JA 2009. S. 698–701.
7. ders., Strafrecht Besonderer Teil I, 4. Auflage, Stuttgart 2017.
8. Fischer Thomas. StGB mit Nebengesetzen, 65. Auflage, München 2018.
9. Geppert Klaus. Die Nötigung (§ 240 StGB), in: Jura 2006. S. 31–41.
10. Haus Klaus-Ludwig / Krumm Carsten / Quarch Matthias. Gesamtes Verkehrsrecht, 2. Auflage, Baden-Baden 2017.
11. Huhn Andreas. Nötigende Gewalt mit und gegen Sachen, 1. Auflage, Baden-Baden 2007 (zugleich Diss. Freie Univ. Berlin 2006).
12. Jakobs Günther. Nötigung durch Drohung als Freiheitsdelikt, in: Einheit und Vielfalt des Strafrechts — Festschrift für Karl Peters zum 70. Geburtstag, hrsg. v. Jürgen Baumann u. Klaus Tiedemann, Tübingen 1974. S. 69–89.
13. Kargl Walter. Zur objektiven Bestimmung der Nötigung, in: Festschrift für Claus Roxin zum 70. Geburtstag, hrsg. v. Bernd Schünemann, Hans Achenbach, Wilfried Bottke, Bernhard Haffke und Hans-Joachim Rudolphi, Berlin 2001. S. 905–916.
14. Kindhäuser Urs. Strafrecht Besonderer Teil I, 7. Auflage, Baden-Baden 2015.
15. Kindhäuser Urs / Neumann Ulfrid / Paeffgen Hans-Ulrich. Strafgesetzbuch Kommentar, 5. Auflage, Baden-Baden 2017, zitiert als: NK-StGB.
16. Krey Volker. Kritische Anmerkungen anlässlich des Sitzblockaden- Beschlusses des Ersten Senats vom 10. Januar 1995, in: JR 1995. S. 265–273.
17. Krey Volker / Hellmann, Manfred / Heinrich Uwe. Strafrecht Besonderer Teil, Band 1, 16. Auflage, Stuttgart 2015.
18. Küper Wilfried. Verwerflichkeit und Rechtfertigung bei der Nötigung, in: JZ 2013. S. 449–457.
19. Küpper Georg / Börner René. Strafrecht Besonderer Teil 1, 4. Auflage, Berlin 2017.
20. Lackner Carl / Kühl Kristian. Strafgesetzbuch, Kommentar, 29. Auflage, München 2018.
21. Leipziger Kommentar, zum Strafgesetzbuch, 12. Auflage, Band 7, Teil 2 (§§ 232–241a), hrsg. v. Heinrich Wilhelm Laufhütte, Ruth Rissing-van Saan und Klaus Tiedemann, Berlin 2015, zitiert als: LK-StGB.
22. Magnus Dorothea. Der Gewaltbegriff der Nötigung (§ 240 StGB) im Lichte der neuesten BVerfG-Rechtsprechung, in: NStZ 2012. S. 538–543.
23. Maurach Reinhart / Schroeder Friedrich-Christian / Maiwald Manfred. Strafrecht Besonderer Teil, Teilband 1, Straftaten gegen Persönlichkeits- und Vermögenswerte, 10. Auflage, Heidelberg 2009.

24. Münchener Kommentar zum Strafgesetzbuch, Band 4 (§§ 185–262), hrsg. v. Wolfgang Joecks, Klaus Miebach, 3. Auflage, München 2017, zitiert als: MüKo-StGB.
25. Paeffgen, Hans-Ullrich. Unzeitgemäße (?) Überlegungen zum Gewalt- und Nötigungsbegriff, in: Festschrift für Gerald Grünwald zum 70. Geburtstag, hrsg. v. Erich Samson, Friedrich Dencker, Peter Frisch, Helmut Frister und Wolfram Reiß, Baden-Baden 1999. S. 433–468.
26. Rengier Rudolf. Strafrecht Besonderer Teil II, 18. Auflage, München 2017.
27. Roxin Claus. Verwerflichkeit und Sittenwidrigkeit als unrechtsbegründende Merkmale im Strafrecht, in: JuS 1964. S. 373–381.
28. Satzger Helmut / Schluckebier Wilhelm / Widmaier Gunter. Strafgesetzbuch Kommentar, 3. Auflage, Köln 2016, zitiert als: SSW-StGB.
29. Schönke Adolf / Schröder Horst. Strafgesetzbuch, Kommentar, 30. Auflage, München 2019.
30. Schubarth Martin. Grenzen der Strafbarkeit sexueller Zumutungen — OLG Hamburg, NJW 1980, 2592, in: JuS 1981. S. 726–728.
31. Sinn Arndt. Die Nötigung, in: JuS 2009. S. 547–548.
32. ders., Die Nötigung im System des heutigen Strafrechts, Baden-Baden 2000 (zugl. Diss. Univ. Giessen 2000).
33. Swoboda Sabine. Grundwissen-Strafrecht: Der Gewaltbegriff, in: JuS 2008. S. 862–863.
34. Timpe Gerhard. Nötigende Gewalt durch Unterlassen, in: JuS 1992. S. 748–752.
35. Wallau Rochus. Der «Mensch» in §§ 240, 241, 253 StGB und die Verletzung der Rechte juristischer Personen, in: JR 2000. S. 312–316.
36. Wessels Johannes / Hettinger Michael / Engländer Armin. Strafrecht Besonderer Teil I, Straftaten gegen Persönlichkeits- und Gemeinschaftswerte, 41. Auflage, Heidelberg 2017.
37. Wolter Jürgen. Gewaltanwendung und Gewalttätigkeit -2.Teil -, in: NStZ 1985. S. 245–252.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

ИНФАНТИЦИД: ЖЕСТОКИЙ МИФ ИЛИ СУРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Бушманова Юлия Александровна

Цель: исследование убийства матерью новорожденного ребенка как одной из преступных категорий действующего законодательства с целью выявления причин и условий совершения данного преступления, формирования криминологической характеристики личности преступника, а также выработки и анализа возможных путей ликвидации обстоятельств, способствующих совершению данного преступления.

Методология: дедуция, анализ, синтез, сравнительно-правовой метод, логический метод, исторический метод.

Выводы. Истоки женской преступности, связанные с убийством своих новорожденных детей, прежде всего стоит искать в озлоблении современного общества, его деморализации, ликвидации нравственных ценностей, полном разочаровании жизнью, что является производным от исторических, политических, экономических, правовых, экологических, демографических, духовных и иных проблем государства в целом. Но особое внимание следует уделять внутренним причинам, сложившимся под влиянием психофизиологических факторов, условий жизни, религиозных предрассудков, традиций и обычаев. Беби-боксы в условиях сложившихся проблем — это вариант спасения не только беззащитных детей, но и беззащитных матерей.

Научная и практическая значимость. Автором подробно исследуется состав преступного деяния с обращением особого внимания на существенные недостатки действующего законодательства и указанием на возможные способы их ликвидации. Обозначены основные причины и условия совершения преступления и подробно рассмотрен один из способов значительного снижения статистических показателей преступности в данной области.

Ключевые слова: инфантицид, новорожденный ребенок, психотравмирующая ситуация, беби-боксы.

Общая характеристика убийства матерью новорожденного ребенка. Инфантицид, или убийство матерью новорожденного ребенка — это преступление с привилегированным составом, которое прямо предусмотрено ст. 106 УК РФ. В УК РСФСР 1960 г. данное преступление не рассматривалось в качестве самостоятельного вида, а выделилось лишь в 1996 г. с принятием Уголовного кодекса РФ и было квалифицировано как вид убийства со смягчающими обстоятельствами. Но деяние будет квалифицировано по данной норме лишь при наличии одного из 3 особых обстоятельств: преступление было совершено во время или сразу после родов; преступление совершено в условиях психотравмирующей ситуации; преступление со-

вершено в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемость.

Инфантицид стоит отличать от детоубийства, так как понятие детоубийства наиболее широкое. Разница наблюдается в объектах и субъектах преступления, возрастных характеристиках и субъективной стороне. Поэтому важно установить особенности уголовно-правового состава данного преступления с целью дальнейшего анализа криминологической характеристики преступника, формирования тенденций развития уголовного законодательства и разработки мер, направленных на предупреждение совершения данного преступления.

Родовым и видовым объектом данного преступления является жизнь человека. Но если при

определении факта жизни взрослого человека у нас не возникает проблем, то по-иному складывается порядок определения факта жизни новорожденного ребенка, так как на законодательном уровне данный вопрос прямо не урегулирован, а в науке сформировалось несколько точек зрения: кто-то характеризует начало жизни началом физиологических родов, Глухарева Л. И. связывает это с моментом прорезания плода из тела матери, Шаргородский М. Д. придерживается точки зрения о том, что момент определяется моментом отделения плода от тела матери, четвертая точка зрения обусловлена появлением дыхания ребенка. Законодательная база формирует лишь понятие момента рождения, с которым ст. 53 «Рождение ребенка» Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (*Российская газета*, № 263, 23.11.2011) связывает момент отделения плода от организма матери посредством родов. Важным для квалификации деяния по ст. 106 УК РФ является также определение факта живорождения плода, характерные признаки которого прямо установлены пункте 1 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» (*Российская газета*, № 64, 23.03.2012). В этом акте определены медицинские критерии живорождения: срок беременности 22 недели и более; масса тела ребенка при рождении 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах); длина тела ребенка при рождении 25 см и более (в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна).

Объективная сторона данного преступления может быть выражена как в форме действия, так и в форме бездействия, заключающаяся в причинении смерти новорожденному ребенку. Ввиду того, что норма ст. 106 УК РФ предусматривает убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов, важно определить временной промежуток, в течение которого ребенок будет считаться новорожденным. В данном случае, за основу применяется педиатрический критерий для определения периода новорожденности. Данный срок составляет 4 недели после родов, так как именно этот период обусловлен тем, что ребенок нуждается в наблюдении, помощи и патронировании со стороны медицинского учреждения (*Новорожденность [Электронный ресурс] // Сайт Большой Медицинской энциклопедии в электронной форме URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%9A%D0%A0%D0%9E%D0%96%D0%94%D0%81%D0%9D%D0%9D%D0%AB%D0%99>* (дата обращения: 01.11.19)).

При этом совершение действия (удушение, удар по голове и др.) или бездействия может быть обусловлено психотравмирующей ситуацией. Структурное содержание данного понятия в законодательстве так же отсутствует, именно поэтому в науке сформировалось несколько подходов к раскрытию его сущности. Дуюнов В. К. определяет психотравмирующую ситуацию как возникающую, как правило, не одновременно, а постепенно и связанную с аккумуляцией у матери новорожденного отрицательных эмоций на фоне негативного воздействия внешних факторов на ее психику [6, с. 304]. На основе анализа данного понятия у многих авторов (Красикова А.Н, Наумова А. В., Ляпуновой Ю. А. и Ивановой Н.Г и др.) в качестве характерных признаков психотравмирующей ситуации можно выделить: длительный процесс формирования под негативным воздействием внешних факторов, а в качестве результата формирования выступают отрицательные эмоции [3, с. 74–77].

Субъективная сторона данного преступления может быть представлена как прямым, так и косвенным умыслом. При этом, умысел может быть как заранее, так и внезапно возникший. В ходе исследования судебной практики большое количество матерей, убивших своих новорожденных детей, убеждают суд в том, что до момента рождения ребенка смерти они не желали, а мысли о лишении его жизни возникали уже во время родов или непосредственно после них, в результате возникновения послеродовой депрессии и формирования под ее воздействием тяжелой жизненной ситуации. В таких случаях суды рассматривают данные обстоятельства, как смягчающие, и наказание достигает минимума, но если подробнее рассмотреть обстоятельства дела, можно с точностью исключить те доводы, на которые ссылаются женщины. Во-первых, виновные с момента установления ими беременности не вставали на учет в женскую консультацию, во-вторых, в большинстве случаев факт беременности они скрывали от семьи, родственников, в-третьих, не обращались в медицинские учреждения с целью прервать беременность, в-четвертых, не пытались устроить данного ребенка кому-либо, в-пятых, не покупали и не шили детской одежды, колясок, пеленок, игрушек, как это делает большинство женщин в период беременности [5, с. 78].

Таким образом, преступление, которое якобы было совершено под влиянием особой ситуации

посредством импульсивных действий, в действительности в большинстве случаев имеет запланированный характер.

Субъектом данного преступления выступает биологическая мать новорожденного ребенка, достигшая к моменту совершения преступления 16 лет. Но за последние 5 лет возраст рождения стал существенно ниже, что в настоящее время составляет 12–15 лет. Ввиду того, что такие «девушки» не являются субъектами данного преступления в силу их возраста, они не будут привлечены к уголовной ответственности, а совершенное деяние останется безнаказанным. Таким образом, вполне целесообразно было бы снизить возраст привлечения к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ.

Особое внимание законодателя обращено к «психическому расстройству» субъекта преступления, не исключающего вменяемости. На основе анализа нормы можно предположить, что законодатель исходил из презумпции тяжелых психических перегрузок женщины после родов, которые могут оказывать существенное влияние на осознание общественной опасности своих действий или бездействий, а также возможность руководить ими.

Статистика совершения преступления на примере некоторых зарубежных стран и РФ. Анализируя официальные статистические данные МВД РФ зарегистрированных убийств матерями новорожденных детей за период 2010–2018 гг., можно однозначно сказать, что в настоящее время количество преступлений существенным образом снизилось. В 2010 г. количество преступлений достигло — 130, в 2011 г. — 138, в 2012 г. — 132, в 2013 г. — 132, в 2014 г. — 119, в 2015 г. — 98, в 2016 г. — 96, в 2017 г. — 94, в 2018 г. — 101 (*Состояние преступности [Электронный ресурс]// Сайт МВД РФ URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 22.10.19)*).

Уменьшение статистических показателей не свидетельствует о том, что в действительности матери реже стали убивать своих новорожденных детей, так как преступление, предусмотренное ст. 106 УК РФ является латентным преступлением, то есть предполагается, что часть преступлений, совершенных женщинами-матерями в отношении своих новорожденных детей, зафиксированы не были. Неизвестен и тот факт, сколько погибших новорожденных детей от рук своих матерей не найдено, и были ли они на самом деле.

Инфантицид, как порок общества — это проблема не только России, но и всего мира. Несмотря на то, что официальная статистика и обоснование

причин совершения данного вида преступлений некоторых зарубежных государств имеется в нашем распоряжении только за 2014 г., это может отразить лишь частичную картину преступности в отношении новорожденных детей со стороны матерей. По данным полиции Германии в 2014 г. были убиты 230 младенцев. Основная причина — страх потерять партнера, а не ребенка, в том случае, если мужчина от него отказывается. В 2014 г. во Франции было совершено 211 преступлений. Причиной послужило нежелание матерей воспитывать своего ребенка [2].

Следует иметь в виду, что зарубежные страны можно разделить на две большие группы, которые придерживаются двух разных позиций по вопросу уголовной ответственности за данный вид преступления. Общий подход — подход, сформировался в таких странах, как Испания и Франция. В уголовном законодательстве этих стран ответственность предусмотрена как за простое, так и за тяжкое убийство. Второй подход сформировался для стран Швеции, Швейцарии, Румынии, Израиля, Болгарии, Сан-Марино, где данное преступление имеет привилегированный состав.

В некоторых зарубежных странах выделяют так же особый круг смягчающих обстоятельств: «слабость, смятение или паника, вызванная родами», «ненормальное состояние, вызванное родами», «влияние органического возбуждения, которое наступает после родов». А в законодательстве некоторых стран учитываются и особые социальные характеристики личности: страх позора, бедственное положение матери и др. Законодательство Швеции, например, предусматривает и медицинский, и социальный показатель — нарушение душевного состояния или наличие сильной нужды, обусловленные факторами, взаимосвязанными с родовым процессом (*Уголовный кодекс Швеции, ч. 2, гл. 3, ст. 3 [Электронный ресурс]// Сайт Svenska Palmen URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 23.10.19)*). По законодательству Дании, например, характерными критериями является убийство ребенка в течение или сразу же после родов, и если мать действовала, находясь в бедствии, из страха позора или испытывая страдания вследствие слабости, смятения или паники, вызванной родами, но если произошло покушение без причинения какого-либо вреда ребенку, то наказание может быть отменено (*Уголовный кодекс Дании. §238 [Электронный ресурс]// Сайт PRAVO. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/> (дата обращения: 23.10.19)*).

Причины и условия совершения преступления. Сегодня Россия находится на достаточно сложном этапе развития, где особое место среди преступных посягательств против личности занимают преступления против жизни новорожденных детей, а в современных условиях обеспечение охраны жизни ребенка является одной из наиболее приоритетных задач государства.

В последнее время наиболее тревожной тенденцией женской преступности является процесс ее омоложения, что является следствием общественных проблем и конфликтов. Агрессивность, жестокость женщин, совершающих преступления, особенно молодых, негативно характеризует атмосферу в государстве. Истоки женской преступности, прежде всего, стоит искать в озлоблении современного общества, его деморализации, ликвидации нравственных ценностей, полном разочаровании в жизни, что является производным от исторических, политических, экономических, правовых, экологических, демографических, духовных и иных проблем государства в целом [7, с. 143]. Но особое внимание следует уделять внутренним причинам, сложившимся под влиянием психофизиологических факторов, условий жизни, религиозных предрассудков, традиций и обычаев.

Общественная опасность данного преступления определяется не столько шириной распространенности в настоящее время, сколько тяжестью тех последствий, которые наступают после лишения жизни не просто человека, а беспомощного младенца, мать которого сама наделяет себя правом, которое ей не принадлежит — распоряжение жизнью ребенка [4, с. 179–181]. Ребенок, появившийся на свет, лишается своего конституционного права, предусмотренного ст. 20 Конституции РФ, — права на жизнь.

Формируя причины и анализируя мнения многих специалистов, при которых женщины-матери новорожденных детей совершают данные преступления, можно прийти к выводу, что предпосылки для совершения данного вида преступления чаще всего формируются задолго до родов и обусловлены той средой, в которой женщина находится. Негативное воздействие, обусловленное бытом, семейной атмосферой, досугом, материальным положением, и является первичным элементом для возникновения данных предпосылок. Возникают и особые ситуации, когда преступления совершаются женщинами-матерями из сострадания при наличии у ребенка пороков развития.

В ходе анализа судебной практики, в большинстве случаев данное преступление квалифицируется по привилегированному составу, несмотря

на особо жестокие способы его совершения. Конечно, чаще всего женщины умертвляют новорожденных детей посредством удушения, утопления, отравления, нанесения ударов, оставления на холоде, помещения в мусорные контейнеры или оставления в иных менее людных местах, при этом они предварительно скрывают факт беременности от окружающих лиц. В данных случаях роды происходят вне медицинского учреждения: в квартирах, частных домах, иных помещениях, на улице. Но бывают и особые исключения, в таких случаях дела чаще всего приобретают общественный резонанс и подлежат особому контролю.

Один из наиболее изощренных способов убийства был совершен в 2013 г., когда тела младенцев обнаружили в морозильной камере магазина «Центральный» в Верхней Пышме. Во время реорганизации магазина, рядом с замороженными пельменями были обнаружены два свертка с замороженными младенцами. Тела пролежали в морозилке несколько лет. На допросах мать призналась, что сыновья родились от разных отцов: одного в 2007 г., второго в 2009 г. Обоих мальчиков женщина родила сама в коммунальной квартире. На допросах она призналась, что на жестокие поступки ее толкнула нищета, необходимость воспитывать дочь и послеродовая депрессия (*Заморозившую своих детей жительницу Урала отправили под суд [Электронный ресурс]// Сайт НТВ URL: <https://www.ntv.ru/novosti/683777/> (дата обращения: 22.10.19)*).

Инфантицид — это преступление, которое является наиболее распространенным в условиях сельской местности, нежели в городской среде, совершенное под влиянием искаженных общепринятых социальных норм, достаточно часто в случаях беременности вне брака либо в результате случайного знакомства. Женщина убеждена, что это избавит ее от чувства стыда, унижения в глазах окружающих или поможет избежать материальных трудностей, которые могут возникнуть при воспитании этого ребенка в одиночку или с партнером/супругом.

Таким образом, основными причинами убийства матерью новорожденного ребенка является обстоятельства, связанные с низким жизненным уровнем, отсутствием поддержки со стороны семьи, близких родственников, друзей, в том числе, боязнь родителей, отсутствие партнера/супруга, страх за свое будущее, карьеру, накопление нервного стресса, вызванного непрерывным бессонным состоянием, напряжением, усталостью, что носит накопительный характер, вызывает резкое раздражение и отторжение матери. Данные

аспекты создают негативный социально-психологический климат, атмосферу непредсказуемости и неустойчивости поведения, незащищенности, жесточенности [4, с. 180–181].

Криминологическая характеристика личности преступника. В результате исследования и анализа уголовных дел по Российской Федерации за последнее время можно сделать вывод о том, что по возрастному составу женщины-матери, убившие своих новорожденных детей распределяются: 43% — женщины в возрасте от 30 до 49 лет, 32% — женщины в возрасте от 18 до 24 лет, 15% — от 25 до 29 лет, 10% — лица в возрасте от 16 до 17 лет. Таким образом, наиболее многочисленной группой являются женщины старше 30 лет, которые уже на момент совершения данного преступления могут состоять в браке, иметь детей, для которых характерен достаточно устойчивый жизненный опыт, убеждения, сложившийся характер, определенные моральные принципы, и которые в качестве причин совершения данного преступления рассматривают лишь внешние факторы, хотя некоторые ученые придерживаются точки зрения о том, что имеет место лишь гипертрофированный эгоизм [1, с. 45].

Несмотря на то, что лица в возрасте до 18 лет в настоящее время все чаще вступают во внебрачные половые связи, количество убийств, совершенных такими матерями, невелико, ввиду несформированного характера, возможной зависимости от родителей, слабой воли и моральной неготовности решиться лишить жизни новорожденного ребенка. Но при этом их наличие одновременно говорит нам о неблагополучии в обществе, так как в ребенке они видят основной источник своих бед, связанных с карьерой, общением, отношением других лиц и поиском партнера для создания будущей семьи (при его отсутствии).

На круглом столе «Причины и методы профилактики инфантицида (убийства матерью новорожденного) на территории Российской Федерации» в Общественной палате РФ был сформирован портрет матери-убийцы новорожденного ребенка. Исследователи пришли к следующим выводам: это женщины, граждане РФ из села или малого города, скрывающие беременность в 80% случаев и совершающие инфантицид, социально неблагополучны, и чаще всего это неблагополучие, «накопленное» во втором поколении, когда неблагополучной была и родительская семья женщины. Среди осужденных за совершение данного вида преступления наиболее часто встречаются: матери, имеющие от 2 до 5 старших детей; женщины, которые не имеют постоянного

партнера (в том числе имеющие нескольких детей от разных отцов); женщины с низким «социальным капиталом». А именно, имеющие низкий образовательный уровень (образование — среднее или неполное среднее), отсутствие постоянного источника доходов, замкнутость, ограниченность интересов, необщительность. Такие особенности обусловлены социально-экономическими негативными изменениями жизни общества, которые затронули незащищенные слои населения, что сыграло свою роль. Также, в основном, это женщины, которые ранее никогда не были судимы и преступлений не совершали (*Портрет матери-убийцы новорожденного обсудили на круглом столе в Общественной палате РФ* [Электронный ресурс] // Сайт Милосердие.RU URL: <https://www.miloserdie.ru/article/portret-materi-ubijtsy-narisoวาน-po-dannym-interneta/> (дата обращения: 24.10.19)). В 95% случаев такие женщины рожают самостоятельно по месту жительства, в 96% убивают прямо на месте родов, а убийство осуществляет в 60% случаев посредством механической асфиксии (удушением или утоплением).

Беби-боксы: избавление или спасение? Беби-бокс, он же «сейф», «окно жизни», «колыбель жизни», «ящик для младенцев», социальное окно «Колыбель» — специально подготовленное и оборудованное место в виде металлопластикового окна со стороны улицы и специальной колыбели с внутренней стороны с целью анонимного отказа матери от ребенка и передачи его государственным службам и органам. Чаще всего такие колыбели располагаются при медицинских или религиозных организациях. Данные боксы специально оборудованы для непродолжительного пребывания малыша: поддержка необходимой температуры воздуха, подача кислорода, при этом конструкция зафиксирована крепко и не способна опрокинуться.

После открытия колыбели и помещения туда ребенка, женщине дается еще 30 секунд, чтобы одумать: посмотреть ему в глаза, обратить внимание на телефоны с целью оказания помощи, которые расположены прямо над боксом. По истечении 30 секунд дверцы бокса блокируются с внешней стороны (открыть их и забрать ребенка снаружи становится невозможно).

После этого срабатывает сигнал для персонала клиники или церковнослужителей, они забирают младенца и передают для медицинского осмотра и оформления в дом ребенка. Главная особенность беби-боксов — полное отсутствие камер видеонаблюдения, что позволяет сохранить полную анонимность.

В действительности, иногда к малышу прикладывают записки, обычно записки очень сухие, просто факты: имя, дата рождения, были ли сделаны прививки. Но бывают и исключения. Например: «Я повстречала на своем пути плохих людей, которые меня обманули, и сейчас у меня просто нет возможности прокормить этого малыша». Были записки с просьбами о прощении, обращенными к ребенку: «Прости, дорогой сыночек, но я просто не могла поступить иначе».

Медицинские учреждения и религиозные организации все присутствующие при младенце вещи: пеленки, распашонки, записки, фотографии и игрушки собирают отдельно и передают вместе с ребенком, куда бы он ни попал: в дом ребенка или же в семью. Для чего? Возможно, лет через десять мама захочет разыскать малыша. Или ребенок захочет найти мать. И смогут они сделать это именно по этим вещам. Женщина, оставившая ребенка, на всю жизнь запомнит пеленку, в которую она завернула кроху. Она узнает ее даже через 10 лет.

У матери есть возможность вернуть своего младенца и никаких последствий для нее в данном случае не возникнет. Она вправе обратиться в органы опеки и попечительства, а в случае возникновения проблем с доказательствами материнства по отношению к младенцу, может быть назначена ДНК-экспертиза.

Согласно статистическим данным с 2014 г. по настоящее время спасены свыше 170 младенцев. Это один из наиболее эффективных способов сохранения жизни новорожденному, курс на который дал Президент РФ.

Противники колыбелей жизни считают, что беби-бокс не спасает дитя от убийства со стороны матери, а лишь упрощает отказ от ребенка. Женщины, желающие избавиться от ребенка, не будут искать возможность его спасти, так как, чаще всего, у таких женщин в отношении младенца особое негативное отношение.

Представители медицинских учреждений, в которых устанавливаются колыбели жизни, считают иначе, и они убеждены на практике в эффективности работы колыбелей для спасения маленьких жизней. Врачи также считают, что необходимо направить все силы, чтобы создать сеть кризисных центров для женщин с детьми и беременных женщин, чтобы уже на ранних этапах зарождения негативных намерений и психологических проблем, эти проблемы могли быть решены и невинные младенцы не остались без матерей. За годы практики огромное количество малышей были найдены на крылечках данных

медицинских учреждений, и именно беби-боксы в настоящее время ликвидируют угрозу жизни младенцев со стороны внешних факторов (погодных условий, инородных организмов) (*История одного беби-бокса: «Прости, сыночек, так получилось» [Электронный ресурс] // Сайт MKRU URL: <https://www.mk.ru/social/2016/06/03/istoriya-odnogo-bebiboksa-prosti-synocek-tak-poluchilos.html> (дата обращения 25.10.19)*).

Главный врач Московского государственного областного центра охраны материнства и детства в г. Люберцы Татьяна Мельник также отметила, что в больнице следят за дальнейшей судьбой каждого из прошедших через «окно надежды» малышей. Практически все малыши, помещенные в колыбели, ушли под опеку в семьи и лишь единицы в Дом ребенка.

Результаты проведенных исследований. В ходе проведенного исследования, автором работы было взято интервью у кандидата медицинских наук, подполковника медицинской службы запаса, награжденного медалями «За участие в международных гуманитарных операциях» МЧС РФ, «За отличие в военной службе» Минобороны РФ, в настоящее время доцента кафедры гражданско-правовых дисциплин и доцента кафедры медицинского права Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) Пекшева Алексея Викторовича. В ходе интервью были заданы вопросы по исследуемой теме, ответы на которые не имеют прямого законодательного закрепления и относятся к разряду дискуссионных.

Ранее было указано, что ст. 106 УК РФ предусматривает ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, но порядок определения срока жизни новорожденного ребенка на законодательном уровне прямо не урегулирован, а в науке сформировалось несколько точек зрения относительно данного вопроса. По мнению А. В. Пекшева, «новорожденный ребенок — это ребенок, который отделяется от организма матери естественным или иным путем. Это возникает тогда, когда ребенок перестает дышать кислородом из крови матери, тогда возникает два варианта: либо он раскрывает свои легкие либо прекращает свое существование. С этого момента более разумно считать момент новорожденности — ребенок, который уже родился, но анатомическая целостность с телом матери которого уже прекращена. Момент первого вдоха — юридического значения в данном случае не имеет, юридическое значение возникает тогда, когда ребенок лишается возможности получения кислорода из крови матери в результате отделения от ее организма».

Бушманова А. Ю.: Часть нормы УК РФ предусматривает убийство матерью новорожденного ребенка во время родов, как Вы думаете, что в данном случае имел в виду законодатель, ведь разъяснения по данному вопросу также отсутствуют?

Пекшев А. В.: Безусловно, вопрос дискуссионный, и законодатель не дает нам четкого ответа на него. Вероятнее всего, речь идет о членовредительском поведении матери. Если рассмотреть этот вопрос на практике, наиболее вероятным является бездействие матери так называемое пассивное поведение, которое связано с тем, что мать пытается воспрепятствовать рождению ребенка физически, например, не тужиться во время родов, в результате чего родовые пути раскрыты недостаточно. Это возникает и тогда, когда мать, рожая вне медицинского учреждения, не перерезает пуповину, не стимулирует самостоятельное дыхание ребенка, в результате чего ребенок задыхается. Совершить какие-либо иные действия во время родов самостоятельно, например, нанести спинномозговую травму, физически маловероятно, а скорее — несподручно.

Мне больше импонирует южно-американской подход. Где ребенок — юридическая личность с момента зачатия. Правда, правовые последствия возникают только в гражданско-правовой сфере: для имущества, для будущих наследственных правоотношений по кодексу Бустаманте. Но в таком случае действительно, если ребенок — юридическая личность, возможно причинение ему вреда задолго до лишения его возможности получения кислорода из крови матери.

Бушманова А. Ю.: Как Вы думаете, каковы основные причины убийства матерями своих новорожденных детей? Есть ли, по-вашему мнению, способы, которые бы способствовали ликвидации таких причин?

Пекшев А. В.: Одна из основных причин состоит в том, что женщины не осознают себя как матерей. У нас создается альтернативная реальность, понятие матери и беременной женщины становится не одним и тем же. Мы привыкли воспринимать то, что это равнозначные понятия, но мы мыслим клипово, сериально. Чем больше государство берет на себя ответственность, с одной стороны, с другой, чем больше оно выбивает из-под людей средний уровень зарплаты, тем хуже ты живешь. Фактически, тебе хватает на жизнь, но только на свою собственную, и ты перестаешь отвечать за будущего ребенка. Практически, ни одна мать в таких ситуациях не думает, что она должна воспитать своего ребенка назло всем, независимо от своего материального положения. Снижение социальной ответствен-

ности, социальный инфантилизм, неготовность принимать решения и отвечать за них умноженное на то, что государство привязывает к себе человека, в том числе, отсутствием достойной зарплаты и закрытием социальных лифтов, категория комплексная. Это общие психологические сложности, происходит сдвиг индивидуальных ценностей, что бьет по самым беззащитным.

Бушманова А. Ю.: В настоящее время остро стоит вопрос о наличии/отсутствии беби-боксов, что Вы думаете на этот счет?

Пекшев А. В.: Безусловно, они должны быть доступны. В данном случае, у беззащитной матери появляется возможность выбора убить или сохранить жизнь малышу. Если государство тратит средства на сохранение жизней, то нужно тратить их разумно, чтобы это было удобно и эффективно. Если беби-боксы останутся скрытными, как это происходит в настоящее время, статистика, безусловно, останется неизменной, но когда он доступен, даже при особом психологическом состоянии, женщина будет иметь право выбора, и этот выбор может быть в пользу сохранения жизни ребенку. Необходимо лишь создать возможность.

Бушманова А. Ю.: Достаточно большое количество противников беби-боксов считают, что женщины, желающие избавиться от ребенка, не будут искать возможность его спасти, так как чаще всего у таких женщин в отношении младенца особое негативное отношение, что Вы думаете?

Пекшев А. В.: Безусловно, если мать приняла решение об убийстве своего ребенка, к сожалению, это произойдет, и данная статистика не обновится, но означает ли это, что мы не должны давать иным новорожденным детям шанса на жизнь, в отношении которых мать не приняла четкого решения? А это решение как раз таки и формируется под воздействием внешних факторов. Пока мы не затратим на это деньги, у нас не будет объективного ответа. Возникает вопрос государству: мы в сохранении жизни детям заинтересованы? Вроде бы, да, так как платим материнский капитал. Если мы действительно заинтересованы, не стоит жалеть средств для возможной работы таких устройств, необходимо, чтобы была обратная связь, необходимо, чтобы они находились в зоне шаговой доступности.

Действительно, с особой точностью мы сказать не можем, изменится ли у нас такая тенденция, и будет ли мать стремиться к сохранению жизни ребенка хотя бы таким способом. Если она знает, что она родит и у нее будет возможность положить этого ребенка в беби-бокс, возможно, такие женщины перестанут избегать и женских

консультаций, зная о возможной поддержке государства такого рода, чтобы позаботится о себе и бесппроблемно выносить малыша, мать перестанет прятаться от самой себя и окружающих, в том числе. Все дети имеют шанс жить.

И, возможно, наше государство доживет до того времени, когда статья ст. 106 УК РФ не будет нужна по причине невостребованности, так как матери будут видеть иной выход из сложившейся ситуации, а не только убийство новорожденного.

Бушманова А. Ю.: Алексей Викторович, как Вы считаете, необходимо ли распространение информации о беби-боксах?

Пекшев А. В.: Конечно, в основном убивают детей асоциальные категории граждан, если категории социальные более или менее, у них имеется,

хотя бы минимальная информация о наличии таких программ, а у асоциальных категорий нет возможности в получении такой информации. Распространение сведений, конечно, должно быть, но в порядке информационной функции. Это должно быть кратко, возможно, с привлечением видеоряда, в навязывании данной информации, конечно, нет необходимости, и это не должно быть длительно, чтобы все понимали, о чем идет речь. Это именно те вещи, которые человек сам решает для себя.

Таким образом, проблема убийств матерью новорожденного ребенка является, безусловно, актуальной и требует особого подхода не только со стороны государства, но и его социальных институтов с целью ее преодоления и ликвидации.

Литература

1. Бабаева Л. В. Женщины: актуальные направления социальной политики // Социс. 1997. № 7. С. 51–59.
2. Живодрова Н. А., Безруков А. В., Абрамова Е. А. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и возможные пути решения // Научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. № 1 (21). С. 53–59.
3. Лукомская А. С. Понятие психотравмирующей ситуации в ст. 106 УК РФ // Вестник ОГУ. 2011. № 3(122). С. 74–77.
4. Штефан А. В. К вопросу об изучении причин, способствующих совершению убийства матерью новорожденного ребенка // Вестник Чел ГУ. 2015. № 4 (359). С. 179–182.
5. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. М., 1992. 252 с.
6. Дуюнов В. К. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2007. 1080 с.
7. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. 431 с.

References

1. Babaeva L. V. Zhenshchiny: aktual'nye napravleniya sotsial'noi politiki [Women: actual directions of social policy]. Sotsis [Socis], 1997, no. 7, pp. 51–59. (In Russian)
2. Zhivodrova N. A., Bezrukov A. V., Abramova E. A. Problemy kvalifikatsii ubiistva mater'yu novorozhdenennogo rebenka i vozmozhnye puti resheniya [Problems of qualification of murder by the mother of a newborn child and possible solutions]. Nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» [Scientific journal «Science. Society. State.»,], 2018, vol. 6, no. 1 (21), pp. 53–59. (In Russian, abstract in English)
3. Lukomskaya A. S. Ponyatie psikhotravmiruyushchei situatsii v st. 106 UK RF [The Concept of a psychotraumatic situation in article 106 of the RF Criminal code] Vestnik OGU [Bulletin of OGU], 2011, no. 3(122), pp. 74–77. (In Russian, abstract in English)
4. Shtefan A. V. K voprosu ob izuchenii prichin, sposobstvuyushchikh soversheniyu ubiistva mater'yu novorozhdenennogo rebenka [To the question of studying the causes contributing to the commission of murder by the mother of a newborn child]. Vestnik Chel GU [Bulletin of Chel GU], 2015, no. 4 (359), pp. 179–182. (In Russian, abstract in English)
5. Antonyan Yu. M. Prestupnost' sredi zhenshchin [Crime among women]. Moscow, 1992. 252 p. (In Russian)
6. Dyuonov V. K. i dr. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Comment to the Criminal code of the Russian Federation]. Moscow, «Volters Kluver» Publ. 2007. 1080 p. (In Russian)
7. Karpets I. I. Prestupnost': illyuzii i real'nost' [Crime: illusions and reality]. Moscow, 1992. 431 p. (In Russian)

ПИСАТЕЛЬ–ПУБЛИЦИСТ– КРИМИНАЛИСТ–КРИМИНОЛОГ

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ТЮДОРОВ

Морозов Александр Алексеевич

***Цели и задачи:** показать значение структурных изменений в системе государственных служб.*

***Методологические основы исследования.** В работе применялись: историко-хронологический, биографический, контент-анализ.*

***Выводы.** К XV в. в Англии установилось государство с развитой системой управления. Складывались основы разделения власти между судебными, исполнительными, законодательными сферами государственной жизни еще при Плантагенетах. Его функционирование обеспечивало многочисленное и компетентное чиновничество. Первоначально оно выходило из рядов клириков, грамотного слоя по обязанности. В XIV в. самые знаменитые администраторы, вплоть до канцлера, были духовными лицами. Но с конца XV столетия, и со второй четверти XVI века, рост числа чиновников-клерков из светских групп населения, т. е. не принадлежащих к духовенству, стал постоянным.*

***Научная и практическая значимость.** Новизна данной работы заключается в том, что в ней отражены пробелы и отдельные слабо разработанные темы в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Работа дает новый ракурс для изучения темы. Задействован целый ряд редко используемых документов. Практическая значимость работы определяется возможностью использовать ее данные для освещения отдельных проблем по истории Англии в трудах исследователей. Материалы могут быть также использованы при разработке учебных пособий, курса лекций, а также специальных курсов, для написания работ по английской социально-экономической истории периода позднего Средневековья и обобщающих трудов по проблемам становления и развития Английского государства в целом.*

***Ключевые слова:** судебная власть, процессуальный порядок, государственные учреждения, правовая система, чиновники.*

К середине XVI в. экономика Англии развивалась в рамках типичной средневековой традиции, уступая по уровню объемов производства и разнообразию отраслей своему основному континентальному конкуренту — Нидерландам [3; 63].

К моменту прихода к власти Елизаветы Тюдор, королевы Англии и Ирландии с 1558 г., Англия переживала сложный период, который характеризовался целым комплексом внутренних (социально-экономических, конфессиональных, финансовых и т. д.) и внешних проблем.

В то же время при королеве начались необратимые социальные изменения в стране. Елизавета занялась реформированием хозяйственной системы и экономики, созданием мощного административно-финансового аппарата, предназначенного для решения насущных задач правительства. -В стране

сложилась своя сеть обучения будущих чиновников. Они выходили из стен судебных корпораций, Оксфордского университета. Свою систему обучения имели отдельные институты управления (канцлерство, казначейство, отдельные гильдии), новоиспеченные чиновники получали и домашнее образование особенно в семьях законовладельцев с опытом. Это была корпоративная группа, все в одной лодке, одни амбициозны, другие менее удачливы и не всегда и не все, имеющие щедрого или скуповатого покровителя. Ведь сама королева: «Известно не много случаев ее щедрости или крупных дарений отдельным лицам; что касается денег, в особенности больших сумм, она была очень скупа» [2, с. 262].

Чиновники являлись выходцами из разных слоев общества — от низших до аристократии.

Клерки XVI в. умели многое: они управлялись с рулонами пергамента и связками бумаг, переписывали стопки счетов и представлений, составляли отчеты по финансовым операциям, прилагали печать к различным бумагам, умели пользоваться правовой терминологией, составляли отчеты по хозяйству и делали это на французском, английском, латинском языках и многое другое, вплоть до умения вести заседания суда.

Чиновники вынуждены были быть вместе. Часто они являлись друзьями, соседями, партнерами по долгу, часто называли в завещаниях друг друга своими душеприказчиками. В земельных сделках коллеги часто были среди свидетелей, ленников, агентов. Эта вторая жизнь, за стенами королевских и городских канцелярий, судов, присутственных мест, текла не менее живо и деятельно, нежели работа по найму. Являясь служивыми людьми, пребывая в рамках государственной и корпоративной дисциплины, они были достаточно независимы и самостоятельны. Блюдя государственный интерес, они не забывали о доме, о семье (если имели ее) и о себе любимых.

Слово «рыцарь» начинает приобретать новое значение: оно становится определением не для крупного земельного собственника, а для представителя господствующего класса в парламенте. Именно «такой» парламент еще в 1495 г. для деда Елизаветы Тюдор Генрих VII одобрил Акт о беневоленции (добровольное подношение), собираемой в пользу короля для «защиты от Франции» [6, с. 576].

В Англии, в отличие, например, от Франции, не было социальных и юридических барьеров, какого-то предубеждения против предпринимательства лиц на государственной службе. «Новое дворянство» рекрутировалось и из чиновников. Английское общество того времени было пронизано бесчисленными нитями предпринимательства и карьеризма по классификацию введенной еще английскими юристами в XVI в. [5, с. 37–40], которые разделяли доходы короны на обычные (полученные согласно традиции) и экстраординарные (помощь, десятины и пятнадцатины, субсидии).

Система управления государством в Англии имела одну особенность — она шла через суды. Суды же выросли из королевской курии (совета) XII в. во главе с юстициарием. Первым из королевского совета выделилось казначейство, но не просто финансовое ведомство — оно выносило в упрощенном порядке решения по спорам, имевшим отношение к королевским доходам — Суд казначейства. Так из королевской бухгалтерии

возник суд. В начале XIII в. из него выделился Суд королевской скамьи и Суд общих тяжб (общее гражданских дел). В течение XIII в. все три суда регулярно заседают в Вестминстере. С середины XIV в. определились окончательно prerogatives судов. Больше всего их стало у Суда королевской скамьи [1, с. 375].

Он осуществлял надзор над уголовными и прочими исками короны, он мог рассматривать апелляции по решениям Суда общих тяжб. В юрисдикции Суда королевской скамьи входили дела о действиях, связанных с незаконным применением насилия, поскольку они направлены против «королевского мира» и поэтому носили уголовный характер. В суд королевской скамьи стали обращаться по делам о гражданском возмещении ущерба почти от всех правонарушений, сопряженных с насилием. Кроме того, истец по гражданскому делу мог перенести производство в Суд королевской скамьи, так как этот суд давал предписание о задержании обвиняемого и более оперативно, чем Суд общих тяжб, рассматривал дела (насилие требовало такой оперативности). Ведь в Англии совершался процесс «первоначально накопления» (URL: <https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.32454/2015.32454.A-History-Of-English-Law--Vol-2#page/n231/mode/2up> (дата обращения: 12.11.2019)).

Но главный советник всем королям и Тюдорам, в том числе был нужен. Им стал канцлер. Фактически он — главный клерк короля. Через его канцелярию — «канцлерство» — проходила вся переписка короля, и отсюда исходили предписания, необходимые для осуществления управления. В частности канцлерство вскоре превратилось в канцелярию по выдаче королевских приказов. Куда люди, просившие помощи короля против своих обидчиков, обращались с жалобами. Неподчинение приказу составляло преступление против короля и строго наказывалось. В то же время королевский совет оказался быстро перегружен обращениями к королю, поэтому было найдено лицо, которому можно было передать эти обращения. Им стал глава королевской администрации. Будучи, сначала уполномочен лишь рассматривать прошения и докладывать их Совету, он получил в дальнейшем право сам выносить решения.

Начиная с XV в. прошения все чаще стали направляться непосредственно ему. Канцлер считался «блюстителем королевской совести» [1, с. 395] и за ним в качестве такового, вскоре было признано право независимо от Совета от имени короля, осуществлять королевскую функцию отправления высшего правосудия. Система приказов давно вы-

шла из ведения канцлерства, и, хотя ведомство лорд-канцлера продолжало существовать, его связь с судом канцлера едва ли была большей, чем с судами общего права. Рост значения канцлера сопровождался возвышением некоторых клерков. Уже в XIV в. главные из них стали называться судебными распорядителями (*masters*) и помогали канцлеру в его судебной деятельности. Старший среди них именовался хранителем судебных архивов. Одновременно некоторые клерки казначейства находят много работы на стороне, вне своих служебных обязанностей.

Мир чиновников многообразен в своей индивидуальности. Чиновники хорошо ориентированы не только в том, как составлять отчеты и писать приказы, но и в рыночной конъюнктуре. При этом они были людьми государственными, стены королевской канцелярии их главный капитал. Для Тюдоров они были главной опорой власти. Ни один город средневековья не мог поддерживать численность своих жителей за счет «внутренних» ресурсов, то есть за счет естественного воспроизводства [3, с. 147].

Принято считать, что население города пополнялось за счет беглых крестьян. В последующие времена приток новоприбывших из сельской округи не истощался. Город с его высокой смертностью был ориентирован на постоянное прибавление его жителей извне. Ряд ученых считает, что иммиграционные потоки усиливаются до XV в. и в первой четверти XVI в. они переживают взлет после больших эпидемий и в периоды войн [3, с. 150]. Для процесса характерна широкая горизонтальная мобильность, переход жителей города от одной профессии к другой.

Многие правоведы, знатоки законов, также «записывали» себя джентльменами, тем более, что большинство из них состояло на службе у лорда. Добавим, что необеспеченность полными правами горожанина (*фримена*) заставляла пришельцев из провинции, нередко обладавших значительными средствами, прикрываться такой полноправностью при поддержке лондонца-компаньона. Еще в 1350 г. ордонанс ворсовщиков фиксировал, что «...никто из фрименов не должен совместно с чужеземцем (нелондонцем) держать лавку или быть компаньоном с ним, прикрывая его своей полноправностью» [4, с. 25]. Вплоть до конца первой четверти XV в., для описания лица, грамотного и способного составить отчет по доходам, использовался термин «клерк».

Время несовершеннолетия Генриха VI (1422–1436 гг.) было периодом, когда королевские клерки регулярно начали использовать для себя по-

нятие «джентльмен», хотя в официальных бумагах они продолжали описываться как клерки. В своих частных делах многие младшие клерки канцлерства записывают себя джентльменами. Важно и то, что они были светскими лицами. Искони чиновники являлись клириками. Многие выдающиеся официалы английского средневекового государства были посвященными в духовный сан клириков, чьи старания вознаграждались предоставлением церковных бенефициев. «Ее Величество всегда было милосердной и из-за своего милосердия терпит больший ущерб, чем из-за строгости. Она же полагает, что ее больше любят за то, что она причиняет себе вред. Сохрани ее, Господь, надолго среди нас», — молились подданные.

Ордонанс 1388–1389 г. обязывал их оставаться вне брака, за что получали бенефиций от короля и 20 шиллингов в год (правда, первый клерк королевства, о котором стало известно, что он женат, умер еще в 1375 г.) [4, с. 26].

Таким образом, набирает силу процесс секуляризации английского чиновничества, переход от бенефиции к королевским вознаграждениям в виде аренд, продаж, инвестиций и крючкотворства, по сути завуалированного вымогательства, особенно заметного при слабой королевской власти Тюдоров. Чиновник идет к приобретению собственности, и его все больше становится в столице.

Единственный город, который выиграл — это Лондон. Помимо численного роста, а он достиг численности населения в 200 тыс. человек, что превосходило население всех портовых городов тогдашней Англии, он укрепил дарованные ранее привилегии. Историческая традиция привела к тому, что в Лондоне не было королевской резиденции, подобной Лувру в Париже.

Лондон превратился в крупнейший финансово-торговый центр. Самые богатые граждане Лондона были теперь на равной ноге с крупнейшей поместной земельной знатью не только потому, что в их распоряжении находилась городская милиция и большая часть английского коммерческого флота, но и потому, что они ссужали государству деньгами.

В большинстве городов, несмотря на слабость там цеховых организаций, нормы этого статута соблюдались. Исключение составил Лондон, где в силу серьезных социальных изменений цеховая структура безоговорочно проиграла новому предпринимательскому классу джентри. Для последних главным модератором стала не королевская канцелярия, а собственные интересы и перспективы роста собственности.

Эта экономическая свобода еще не была неограниченной политикой свободы торговли. Государство, которое дало отдельному англичанину или гугеноту право производить или торговать, устанавливало правила, которым он в интересах общества вынужден был подчиняться. С другой стороны, и рабочий, нанимаемый предпринимателем, должен был подчиняться определенным установлениям государственной системы. В ходе неизбежно возникающих производственных споров корона теперь стала придерживаться стороны нового предпринимательского класса.

Елизавета выигрывала время, а каждый выигранный год увеличивал и силы. Однако, ее изолированное положение только отражало исключительность ее характера. Она жила совсем отдельно от окружавшего ее мира, иногда оказывалась выше, иногда ниже его, но никогда не внутри. С Англией Елизавета соприкасалась только рассудочной стороной. Все нравственные черты эпохи для нее не существовали. Это было время, когда новая нравственная энергия, неожиданно, охватившая весь народ, облагородила людей, когда честь и энтузиазм получили отпечаток поэтической красоты, а религия стала рыцарским подвигом. Но благородные чувства людей, окружавших Елизавету, затрагивали ее не больше, чем чудесные краски на картине. Она одинаково равнодушно извлекала пользу как из героизма Вильгельма Оранского, так и из ханжества Филиппа II. Благороднейшие люди и стремления служили ей только костылями на счетах.

Исследователи привыкли к потоку законов, исходящих из парламента. Однако, что поразительно, как мало законов было принято за все долгое царствование Елизаветы. Она находила замечания своих верных членов парламента о ее личной жизни, в частности о ее долге выйти замуж, раздражающими и ненужными, поэтому она обходилась без парламента, насколько это было возможно, — привычка, принятая ее преемниками с таким энтузиазмом, что это привело к гражданской войне в следующем столетии.

По мнению королевы, надлежащая функция парламента заключается именно в том, чтобы выделять деньги на государственные цели. Это же она находила, насколько это было возможно, особенностью и городов. Но были вопросы, которые требовали согласия нации, выраженного Палатой общин и лордами, включая епископов. Полномочия Короны должны были быть признаны в соответствии с Актом о верховенстве. Трудовые отношения и система ученичества нуждались в ужесточении: всеобъемлющий Статут ремеслен-

ников 1563 г. был шедевром законодательства, но он не распространялся на город, и в любом случае его постигла судьба многих идеалистических законов, которые не были полностью применены.

Английская история и политические институты, как создавшие «смешанную монархию», в которой суверенитет состоял из трех равных частей: поместья короля, лордов и общин, а «корона» символизировала принятие их коллективной воли, сформулированной в той или иной форме в парламенте. Эта собирательная идентичность стала называться, причем все чаще, специфическим значением «Содружество», а в некоторых случаях страна.

С другой стороны, можно проследить попытку королевы настаивать на превосходстве короны, претендовать, как король, на суверенную дееспособность в вопросах государства и на роль главного органа, занимающегося политикой в отношении вопросов общего блага.

В этом прочтении короны не было, а скорее была эмблема королевского величества. Хотя, например, во Франции, то же самое, должно было привести к идеологии божественного права царствования, сосредоточенного на абсолютном отождествлении государства с лицом монарха.

Концентрация роли парламента в смешанной монархии в течение периода правления Елизаветы, таким образом, привела к политически значимому прочтению смысла такой власти. Палата общин как *primus inter pares* в смешанной монархии из-за его связи не с короной, а всей страной: графство, местность, деревня и истинная Церковь.

Но, в то же время, произошло раздвоение, что привело к воинственности и неизбежно подвело к политической переориентации, которая конкретно характеризовала последние восемнадцать лет царствования Елизаветы.

В итоге королевская власть была вынуждена отказаться от поддержки старых структур и, наконец, «дать волю» предпринимательской инициативе. Решающую роль в этих делах стали играть не прежние узкие интересы отдельных городов и гильдий, а соображения государственной политики.

Король, лорды и Палата общин, поэтому принимают, как в форме власти парламента они воплощают общее благо в эгалитарном смысле. А законы, которые они принимают, являются материальным продуктом. Их работы отражают участие всех частей власти. Они провозглашают, что хорошие порядки придуманы, как и прежде, для общего и общественного блага. И Англия — этот маленький остров и Королевство — превзошла

прошлые примеры, потому что ее древние вожди и правители связали себя законом, воплощением коллективной мудрости.

Здесь можно видеть доказательства слияния английского или общего права и Божий закон, сформулированный как парламентский устав, ко-

торый предполагал политическое значение в этот момент правления Елизаветы. И это позволило, выразить мнение, что все английские предметы ведения права, независимо от степени, были связаны актами парламента, потому что они участвовали в его обсуждениях.

Литература

1. Гусарова Т. П. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время: монография. М.: КДУ, 2011. 600 с.
2. Дмитриева О. А. Елизавета Тюдор. М.: Молодая гвардия, 2012. 308 с.
3. Джон Гай. Эпоха Тюдоров (1485–1603). Оксфордская история Великобритании / под ред. К. Моргана. М., 2008. 166 с.
4. Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке: учеб. пособие. М., 1995. 416 с.
5. Английская деревня в XIII–XIV вв. / пер. Д. М. Петрушевского). М.: Соцэкгиз, 1936. 238 с.
6. Fortescue J. Commendation of the Laws of England. Transl. of «De Laudibus Legum Angliae». Ed. by F. Grigor. London: Sweet and Maxwell, 1917. P. 37–40.
7. The Statutes of the Realm / Ed. by T. E. Tomlins. Vol. II. L., 1817.

References

1. Gusarova T. P. Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya. Monografiya [Power institutions and positions in Europe in the Middle ages and early Modern times. Monograph]. Moscow, KDU Publ., 2011. 600 p.
2. Dmitrieva O. A. Elizaveta Tyudor [Elizabeth Tudor]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012. 308 p.
3. Dzhon Gai. Epokha Tyudorov (1485–1603). Oksfordskaya istoriya Velikobritanii [The Tudor Era (1485–1603). Oxford history of great Britain]. Ed. K. Morgan. Moscow, 2008. 166 p.
4. Yastrebitskaya A. L. Srednevekovaya kul'tura i gorod v novoi istoricheskoi nauke. Uchebnoe posobie [Medieval culture and the city in the new historical science. Textbook]. Moscow, 1995. 416 p.
5. Angliiskaya derevnya v XIII–XIV vv. (v perevode D. M. Petrushevskogo) [Collection of documents. English village in the thirteenth and fourteenth centuries]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1936. 238 p.
6. Fortescue J. Commendation of the Laws of England. Transl. of «De Laudibus Legum Angliae». Ed. by F. Grigor. London: Sweet and Maxwell, 1917. P. 37–40.
7. The Statutes of the Realm. Ed. by T. E. Tomlins. Vol. II. L., 1817.

СТЕНОГРАММА

СТЕНОГРАММА КРУГЛОГО СТОЛА «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ», СОСТОЯВШЕГОСЯ 6 АПРЕЛЯ 2019 Г. В РАМКАХ МОСКОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

(Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА))
Редникова Татьяна Владимировна
Серебренникова Анна Валерьевна
Лебедев Максим Владимирович
Мацкевич Игорь Михайлович

Руководители Круглого стола:

Мацкевич Игорь Михайлович — заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России
Федорович Василий Юрьевич — заместитель начальника Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

Заместители руководителей Круглого стола:

Антонян Елена Александровна — профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор
Иванцов Сергей Вячеславович — профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор
(приводится с сокращениями)

Цель: дать текстовое изложение дискуссии круглого стола по проблемам преступлений в сфере компьютерных технологий, детализировать общие международные проблемы обеспечения компьютерной безопасности.

Методология: использованы методы открытой дискуссии Сократа, сравнительного анализа, дедукции и индукции.

Выводы

1. Современные угрозы компьютерной безопасности носят характер глобальной мировой проблемы.
2. Обеспечить надежную компьютерную безопасность без международного сотрудничества невозможно.
3. Грядет век квантовых компьютеров, для которых не существует безопасных информационных систем.
4. Любая телекоммуникационная система квантовым компьютером взламывается в микродоли секунды.
5. Специалистов для борьбы с новой киберпреступностью нет.

Научная и практическая значимость. Материалы круглого стола представляют интерес для ученых в разных областях знаний, включая криминологов, криминалистов, социологов, специалистов IT техноло-

гий, ученых, занимающихся уголовным правом и уголовным процессом. Помимо этого, материалы дискуссии будут интересны представителям правоохранительных органов.

Ключевые слова: интернет, компьютер, квантовый компьютер, киберпреступность, кибербезопасность, киберпреступники, информационные технологии, искусственный интеллект, цифровизация, даркнет, злоецающая долина, правоохранительные органы.

Мацкевич Игорь Михайлович: Уважаемые коллеги, доброе утро! Есть предложение начать работу. У нас, как видите, получился аншлаг. Тема нашего круглого стола всем известна, она обозначена в программе. Разрешите коротко представить президиум: Федоров Александр Вячеславович, заместитель Председателя Следственного комитета, думаю, все его знают, тем не менее; Овчинский Владимир Семенович, советник Министра внутренних дел, Федорович Василий Юрьевич, заместитель начальника по научной работе Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Вчера у нас был совместный круглый стол с кафедрой уголовного права, тема примерно такая же была, но только рассматривали ее в аспекте уголовного права. Один из выступающих — профессор Людмила Валентиновна Иногамова-Хегай сказала, что мы прошли некий пик цифровых технологий, и сейчас надо приспосабливаться к этим новым реальностям. Я недели две назад был в Дубне, где строится коллайдер. Вы, наверное, знаете. И я убедился — что мы ни на каком не на пике, а находимся в самом начале пути. Что завтра будет с технологиями XXI века? И даже те самые люди, которые исследуют эти явления, толком мало представляют, насколько колоссальным будет прорыв. Мы находимся только в начале всех этих прорывных технологий. А сейчас разрешите предоставить слово Александру Вячеславовичу Федорову.

Федоров Александр Вячеславович: Спасибо! Сегодня я постараюсь немного сегментировать обозначенную в качестве головной для нашей научной секции тему и остановиться на более конкретных и частных вопросах, но, на мой взгляд, не менее значимых. Настоящий круглый стол посвящен весьма актуальной теме: «Использование цифровых технологий в борьбе с киберпреступностью». Об этом уже много сказано и написано, но тем не менее еще существует ряд важных вопросов по объекту и субъекту, причинам, вышедших из поля зрения российских специалистов. Я бы хотел остановиться на некоторых из ее аспектов, в частности: обсуждение вопросов борьбы с конкретным видом преступности. Должно предшествовать определению того, о какой именно преступности идет речь, и кто при этом является субъектом соответствующих преступлений и субъек-

том уголовной ответственности. В последние годы устоялось понимание киберпреступности как преступности в киберпространстве, то есть как совокупности преступлений, совершаемых с использованием компьютеров, информационных технологий и глобальных систем, включая Интернет. При этом, такими преступлениями в РФ признаются исключительно деяния физических лиц, тогда как во многих странах, каковых уже более 70, доктринально и законодательно признается наличие корпоративной преступности и введена уголовная ответственность юридических лиц за совершение преступлений, в том числе киберпреступлений.

Увеличение числа стран, установивших уголовную ответственность за киберпреступления потребовало организации международного сотрудничества в борьбе с этими преступлениями и принятия международных актов в указанной сфере. К их числу, например, относится Будапештская конвенция о преступности в сфере компьютерной информации, предусматривающая установление странами-участниками уголовной ответственности, в том числе юридических лиц, за четыре группы киберпреступлений: 1) преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем; 2) преступлений, связанных с использованием компьютерных средств; 3) преступлений, связанных с содержанием размещаемых данных; 4) преступлений, связанных с нарушением авторских прав. Как видим, этот перечень далеко не исчерпывающий.

Кроме этого, эти вопросы регулируются рядом актов Европейского Союза и Совета Европы. Это Директива Европейского Парламента и Совета Европейского союза 2013 г. «Об атаках на информационные системы», во многом дублирующая Будапештскую конвенцию и содержащая требования к государствам-членам Европейского Союза по обеспечению и привлечению юридических лиц к уголовной ответственности за киберпреступления; рекомендации Комитета министров Совета Европы 2018 г. о соблюдении, защите и обеспечении прав детей в цифровой среде, предусматривающие необходимость определения соответствующих преступлений, совершенных в цифровой сфере и уголовной ответственности

за них, в том числе уголовной ответственности юридических лиц.

Выполнение положений указанных актов во многом обусловило рост числа стран, установивших уголовную ответственность юридических лиц за киберпреступления. В Российской Федерации в настоящее время имеет место лишь административная ответственность юридических лиц. Возникает вопрос, достаточно ли в современных условиях уголовной ответственности физических лиц, совершающих преступления в интересах юридических лиц, либо требуется установление уголовной ответственности и для юридических лиц, в интересах которых совершаются преступления физическими лицами? Фактически стоит вопрос о признании или непризнании юридического лица субъектом преступлений, уголовной ответственности.

На наш взгляд, следует поддержать российских юристов, считающих, что во многих случаях роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности. В то же время вопрос об уголовной ответственности юридических лиц и изучение корпоративной преступности, в том числе киберпреступности, пока еще находится на периферии российских научных исследований. Объясняется это тем, что в Российской Федерации уголовная ответственность юридических лиц не предусмотрена, а так как преступность — уголовно-правовое явление, де-юре такой преступности нет. То, что признается преступностью за рубежом, в российских реалиях рассматривается как деликты юридических лиц, то есть противоправные деяния, не являющиеся преступлениями.

Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, в нашей стране преступность традиционно отождествляется с деяниями физических лиц. Во-вторых, в советское время в условиях преобладания социалистической собственности на орудия и средства производства изучение вопросов преступности юридических лиц и их ответственности по идеологическим причинам отторгалось. За рубежом установление такой ответственности оценивалось с классовых позиций — как направленность против прав трудящихся. В-третьих, в период перехода от социалистических к рыночным отношениям акцентировалось внимание лишь на гражданско-правовой ответственности юридических лиц. Правонарушения с соучастием зачастую воспринимались как неизбежное

негативное явление периода первоначального накопления капитала, не требующего признания юридических лиц субъектами преступлений и административных правонарушений. Тем не менее, в отечественных криминологических исследованиях и работах по сравнительному правоведению стало получать признание фактического наличия в Российской Федерации преступности юридических лиц в наднациональном ее понимании — как социальной реальности, требующей всестороннего изучения и адекватной реакции со стороны государства. В этой связи хочу отметить исследование присутствующего здесь Игоря Михайловича Мацкевича, обосновавшего наличие с криминологической точки зрения трех субъектов преступления: юридического лица, физических лиц, действующих от имени и в интересах юридических лиц, физических лиц, действующих от собственного имени и в своих интересах.

В Российской Федерации уже установлена и получила доктринальное обоснование административная ответственность юридических лиц. Произошло это совсем недавно, на наших глазах. Она применяется в установленных законом случаях совершения административных правонарушений физическими лицами от имени или в интересах соответствующих юридических лиц. На ряду с этим, по нашему мнению, должна быть сформулирована позиция и по вопросу уголовной ответственности юридических лиц. Отметим, что такая ответственность предусмотрена рядом международных договоров, участником которых является Российская Федерация. С учетом зарубежного опыта ввести уголовную ответственность юридических лиц за совершение преступления, в том числе киберпреступлений, не представляет сложности. Необходимо только определиться с оптимальным законодательным вариантом установления такой ответственности. В частности, решить, как это целесообразно сделать, или путем внесения изменений в УК РФ, или путем принятия специального закона об уголовной ответственности юридических лиц, сформулировав соответствующие теоретические положения, вписывающиеся в национальные правовые традиции.

Представляется, что настало время для завершения доктринальной разработки и официального признания российской теоретической концепции уголовной ответственности юридических лиц. Предстоит сформулировать основания и условия их привлечения к такой ответственности, определить за все ли преступления должна быть введена уголовная ответственность юридических лиц, установить перечень юридических лиц, в от-

ношении которых может быть применена уголовная ответственность. Также следует разработать систему наказаний для юридических лиц.

Необходимо отказаться от исключительно административной ответственности юридических лиц, ибо она не может компенсировать отсутствие возможности привлечения их к уголовной ответственности. Так, если противоправные деяния физических лиц являются уголовно наказуемыми, то взаимосвязанные с ними деяния юридического лица должны признаваться преступлениями, а не административными правонарушениями. На это фактически указывается в решениях Конституционного Суда РФ, касающихся степени общественной опасности противоправных деяний и Европейского Суда по правам человека, которые констатируют необходимость введения уголовно-процессуального расследования по делам такой категории. Такое решение будет соответствовать современным стратегиям противодействия преступности и международным стандартам. Это весьма важно и актуально для борьбы с киберпреступностью, так как ряд зарубежных стран весьма успешно формирует практику привлечения к ответственности юридических лиц, зарегистрировавшихся и работающих на территории Российской Федерации, в том числе за киберпреступления. В то же время Российская Федерация не может принять адекватные зеркальные меры в отношении иностранных юридических лиц по причине отсутствия законодательно установленной возможности привлечения их к уголовной ответственности. Есть о чем задуматься, есть о чем поговорить. Благодарю за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович. Спасибо, задавайте вопросы. Да, да, пожалуйста!

Реплика из зала: Так и хочется ответить словами из фильма о Шерлоке Холмсе: «Элементарно, Ватсон!» Так вот, это элементарно, это сложилось на протяжении десятилетий. Существует система наказаний для юридических лиц, начиная от ликвидации юридического лица, штрафа, ограничения деятельности, запрета на участие в конкурсах с участием бюджетных средств, до введения различных процедур, ограничивающих деятельность юридических лиц и, в том числе даже применяются такие санкции, как позорящие, публикация судебного решения о привлечении юридического лица к ответственности.

Мацкевич Игорь Михайлович: Коллеги, мы так не закончим никогда, у вас вопрос или выступление?

Федоров Александр Вячеславович: В чем смысл признания этих деяний уголовно наказуемыми?

В первую очередь, это касается не только квалификации, но и административного процесса. Административный процесс не позволяет обеспечить применение адекватной ответственности юридических лиц, не позволяет осуществлять международное сотрудничество в этой сфере по привлечению к ответственности юридических лиц, потому что вы знаете такое сотрудничество ведется лишь по уголовным делам. Если нет уголовного преследования, то это не позволяет во многих случаях применять весь комплекс мер противодействия преступности, включая оперативно-розыскные мероприятия. Сложившаяся мировая практика показывает, что в тех странах, где ведена уголовная ответственность юридических лиц, борьба с преступностью, которая совершается юридическими лицами или, есть разные концепции: и физическими лицами в интересах и за счет средств юридических лиц, значительно эффективнее. И вот сейчас как раз мы говорим о киберпреступности. Какие обвинения выдвигаются в адрес Российской Федерации? В целом говорится о конкретных юридических лицах Российской Федерации, совершивших киберпреступления, в том числе связанных со вмешательством в выборы на территории других государств, с совершением экономических преступлений, в том числе преступлений, связанных с подкупом иностранных должностных лиц. Обвинения серьезные предъявляются и часть российских юридических лиц привлекается уже к ответственности. Ну, если взять такие одиозные примеры, за последнее время — это привлечение к уголовной ответственности компании «Вымпелком». Как вы знаете, эта компания была подвергнута санкциям на сумму более 1 млрд долларов США, и она выплатила эти суммы. Сейчас согласилась другая российская компания МТС выплатить 995 млн долларов финансовой системе США за те уголовные нарушения, которые, как считают американцы, были допущены этой фирмой при вхождении на рынки одной из азиатских стран и так далее. Чем мы можем ответить на это? Я еще раз хочу сказать, что сначала практика привлечения к ответственности юридического лица сложилась в нескольких государствах, затем она показала свою эффективность и получила распространение во всем мире. После были приняты международные договоры, регламентирующие этот вид ответственности. Принятие соответствующих договоров привело к увеличению стран, которые ввели такую ответственность. Сейчас она реализуется более чем в 70-ти странах мира, в том числе в большинстве постсоветских государств.

То есть такая ответственность в разных ее видах установлена уже в таких странах как: Эстония, Латвия, Литва, Украина, Молдавия, Грузия, Азербайджан. В Киргизии такая ответственность введена с января 2019 года. Правда она не называется уголовной, но она применяется в соответствии с уголовным кодексом и в уголовно-процессуальном порядке. Что это такое? Мне кажется, надо, активно отслеживать те мировые тенденции, которые имеют место быть, брать из них все наиболее эффективное и внедрять это в нашей стране. Иначе можно оказаться на обочине борьбы с преступностью, в том числе борьбы с преступностью юридических лиц.

Вот есть же такое сравнение: «Вам шашечки или ехать?» Можно называть как угодно, этот вид ответственности называется по-разному, где-то она называется «корпоративная ответственность», где-то по-другому. Вот в Польше считают, что у них нет уголовной ответственности юридических лиц. Но там есть закон о такой ответственности, они привлекают к аналогичной ответственности в соответствии со специфическими статьями уголовного кодекса ответственных юридических лиц. Они привлекают к ответственности юридические лица в уголовно-процессуальном порядке по польскому законодательству. Но это такая ответственность, она не уголовная, она специфическая. Но, понимаете, здесь спор не о терминах, а о существе. По сути — это есть уголовная ответственность, которая реализуется по-другому, есть несколько доктринальных подходов к обоснованию теоретической Концепции этой ответственности. Она успешно реализуется и, самое главное, она позволяет отстаивать национальные интересы и поддерживать нужный правопорядок.

Вопрос из зала: Не скажете, когда, по Вашему мнению, впервые в России заговорили о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц?

Федоров Александр Вячеславович: Да, скажу. Во-первых, знамя поднял в 1991 г. Наумов Анатолий Валентинович, который первым обозначил эту проблему. Он пошел наперекор сложившимся стереотипам, что субъектом уголовной ответственности может быть только физическое лицо. Его тогда поддержали очень многие, но наш Верховный законодательный орган не поддержал внесенный законопроект по этой части, уголовный кодекс был принят без ответственности юридических лиц, хотя в проекте эта ответственность была. Чем мотивируется позиция противников уголовной ответственности юридических лиц? Какие минусы? Знаете, путем обсуждения

со многими людьми этой темы я прихожу к выводу: только один минус — есть опасения, что будет после введения нового субъекта уголовной ответственности. И есть опасения, что этот институт может быть использован во вред: прежде всего, во вред развитию экономических отношений, поскольку в экономические отношения вовлекается какой-то правоохранительный орган, наделенный правами привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, и тем самым невольно начинающий участвовать в переделе рынков, предоставлении каких-то преференций одним хозяйственным субъектам вопреки интересам других хозяйственных субъектов.

По моему мнению, полезно обратить внимание на опыт уже упоминавшегося здесь Китая. Когда Китай приступил к переходу от социалистических к рыночным отношениям, одним из первых актов, принятым КНР, стал акт о внесении изменений в уголовный кодекс и установлении уголовной ответственности юридических лиц, фактически за два состава преступлений. Это контрабанда и взяточничество (коррупция). Для чего это было сделано? Во-первых, для того, чтобы при переходе к рыночным отношениям обеспечить свою безопасность, чтобы не вывозилось то, что представляет национальные богатства и достояние страны и чтобы не ввозились товары, которые подрывают внутренний рынок. И, во-вторых, чтобы коррупционные проявления, с которыми, естественно, всегда боролись на уровне чиновников, были исключены на уровне частных не государственных компаний, чтобы были созданы условия для нормального развития конкуренции. Чтобы контракты получали те, кто действительно имеют преимущества, а не те, кто платит большие взятки. И эта линия жестко проводится сейчас. Более того, расширен перечень составов преступлений, по которым привлекаются к ответственности юридические лица в Китае. Видите, на сколько это сработало эффективно. И китайцы расширяют эту практику. Здесь можно много позитивных примеров привести в пользу плюсов решения вопроса ответственности юридических лиц. Примеров, подтверждающих минусы этого решения, то есть опасения применения ответственности юридических лиц, нет, потому что это опасения носят теоретический характер. Кстати, что касается теории, то у нас в 2011 году защищена докторская диссертация по введению уголовной ответственности юридических лиц Антоновой Еленой Юрьевной и нескольких кандидатских на эту же тему. А вот диссертаций, доказывающих, что вводить такую ответственность не нужно, не было.

Вопрос из зала: Сможете ли Вы вкратце сформулировать уголовно-правовую формулу ответственности юридических лиц?

Федоров Александр Вячеславович: Надо быть кратким, опять же вернусь к опыту Китая. Есть коллективная монография, допустим, профессор Александра Ивановича Коробеева и Хе Бинсуна — китайского профессора о составе преступления в России и Китае, там все это расписано. Понимаете, я еще раз говорю, мы можем упираться в какие-то формальные вещи, но это будет спор о терминах, а не спор по существу. Возьмите работу 1817–1818 годов профессора Казанского университета Гавриила Солнцева, где он уже писал об уголовной ответственности юридических лиц и сопрягал ее с Российской Концепцией уголовного права.

Вопрос из зала: Разве проблема уголовной ответственности юридических лиц связана только с проблемой ее фиксации в уголовном праве?

Федоров Александр Вячеславович: Она связана не только с материальным, но и процессуальным правом, а самое главное, решение этой проблемы необходимо для организации борьбы с преступностью.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо! Уважаемые коллеги, давайте двигаться дальше. У нас проблем для обсуждений много. Вот адвокаты активность проявляют. Александр Вячеславович Федоров выступал на заседании Московского клуба юристов, который, собственно говоря, клуб московских адвокатов, и там те же вопросы задавались, на которые он отвечает сегодня. Ну, просто по этому вопросу можно еще много раз собираться, и опять мы начнем по кругу все тоже самое обсуждать. При этом все как-то забывают Конвенции, которые подписала Российская Федерация, согласно которым мы должны ввести ответственность юридических лиц.

Федоров Александр Вячеславович: Чтобы точку поставить, хочу обратить ваше внимание на Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ «О Международных компаниях». Есть вот такой закон в нашей стране, в котором предусмотрена возможность привлечения международных компаний как к гражданско-правовой, так к уголовно-правовой ответственности. И вот вопрос к законодателям: в уголовном кодексе такой ответственности нет, при том уже есть закон, который предусматривает возможность такой ответственности.

Мацкевич Игорь Михайлович: Концептуально все просто, раз мы подписали Конвенцию, в которой есть ответственность юридических лиц, зна-

чит мы обязаны сделать следующий шаг и вписать соответствующие положения у себя в законе. Вот законодатель и сделал это. Если не делать дальше шаги в этом направлении, то надо отзывать свою подпись под Конвенцией.

Коллеги, продолжим. Василий Юрьевич, мы Вас приветствуем. Может быть, от Вас еще небольшое выступление будет?

Федорович Василий Юрьевич: Уважаемые коллеги, добрый день! В начале своего выступления я хочу передать слова благодарности от начальника нашего университета Калининко Игоря Александровича, а также выразить свою признательность за организацию подобного мероприятия, в котором более пяти лет принимают участие наши преподаватели и ученые.

В свое время по заданию заместителя министра Александра Николаевича Савенкова мы создали рабочую группу и направили ее вектор на формирование научной основы по борьбе с киберпреступностью. *(Александр Николаевич Савенков Указом Президента России от 12 мая 2014 года был назначен заместителем Министра внутренних дел Российской Федерации — начальником Следственного департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации. 28 ноября 2016 года освобожден от должности указом президента РФ по собственному желанию. В настоящее время — член-корреспондент РАН, директор Института государства и права РАН — при. ред.)* Поскольку эта сфера оказалась достаточно сложной, на сегодняшний день в этой рабочей группе работают юристы, IT-специалисты и иные специалисты, без которых невозможно продвинуться в изучении данного явления. Сегодня общество ожидает от нас, правоохранительных органов, наведения порядка в сфере компьютерной безопасности. Вопросы и проблем — огромное количество, начиная с того, что обычные электронные платежи, транзакции с личных банковских карт и счетов стали уязвимы для различного вида хищений. Но мы не стоим на месте. Уже сегодня можно обнародовать некоторые результаты работы нашей группы, которые внедрены в повседневную работу правоохранительных органов в Москве — создана цифровая система «Безопасный город». Эта система, безусловно, снизила объем преступности. Сегодня в городе нет такого громадного количества водителей автомобилей, которые в массовом порядке нарушают правила дорожного движения, нет такого большого количества хулиганов, и это, на самом деле, благодаря, в том числе использованию IT-технологий правоохранительными органами в целях обеспечения безопасности.

Сегодня перед нами стоит задача консолидировать все знания, все наработки науки и опыт практики для вооружения сотрудников наших органов, которые занимаются борьбой с экономическими преступлениями, эффективными современными инструментами. Я приведу только один пример, поскольку время на выступление ограничено регламентом. По результатам доклада первого заместителя Главного управления по контролю за оборотом наркотиков было проведено международное научное исследование, посвященное проблеме пресечения продажи наркотиков через Интернет. Ошибочно считать, что эта проблема относится только к Российской Федерации. Буквально вчера на международном форуме у нас присутствовали специалисты из Израиля. Они подтвердили, что в Израиле эта проблема также актуальна.

Наша разработка позволила на 60% увеличить раскрываемость преступлений в этой сфере. Это наглядный пример успешного сочетания новейших технологий, в которых мы используем и современные информационные технологии. Я думаю, что если мы пошагово будем стремиться к обеспечению результативности в своей повседневной деятельности, то это позволит снизить риски и вооружить нашу экономику необходимыми средствами защиты.

Сегодня Сбербанк рекламирует высокие технологии, например, сканирование лица для дистанционного получения кредитов и займов. Окружающая нас информационная среда становится очень развитой. Как нам поступать в этих реалиях? Наша группа активно работает над этой проблемой, мы активно дискутируем, высказываем и обосновываем свои опасения, свои решения, свои гипотезы.

В заключении хотел бы еще раз отметить важность нашей встречи и пригласить вас на наши конференции. Вся информация есть на сайте Московского университета МВД. В ближайшее время у нас запланировано несколько важных конференций, посвященных узким вопросам в различных направлениях, связанных с преступностью. На 17 апреля 2019 г. у нас запланирована конференция по уголовному праву, а на 18 апреля — международная конференция. Просим присылать заявки заранее, для их своевременной обработки. Ждем вас. Спасибо за внимание!

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо Вам за организацию Круглого стола. У нас здесь присутствует Чекунов Игорь Геннадьевич, представляющий компанию «Лаборатория Касперского», я думаю, всем здесь будет интересно Ваше выступление.

Чекунов Игорь Геннадьевич: Да, я работаю в компании «Лаборатория Касперского», а также являюсь доцентом Московского университета МВД. Я не буду озвучивать страшные цифры по поводу различных хищений, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ и интернета. Я не буду вас ничем пугать, скажу только, что мы работаем в этом направлении. Я могу сказать одно — в 2017 г. было проведено исследование ВЦИОМ, где было показано, что 30% наших граждан считает себя потерпевшими от киберпреступлений. Это данность. (*ВЦИОМ — Всероссийский центр изучения общественного мнения — старейшая российская исследовательская организация, регулярно проводящая социологические и маркетинговые исследования на основе опросов общественного мнения. Основана в 1987 г. — прим. ред.*). Наверное, в реальности цифры могут быть больше, но это так воспринимают проблему наши граждане. Наверное, здесь вопрос стоит об информированности наших граждан о методах и способах защиты; наверное, недостаточно защищаются системы дистанционного банковского обслуживания; наверное, у нас нет еще такой культуры Интернета, когда граждане занимались бы вопросам собственной компьютерной безопасности. Но, здесь я могу рассказать, как мы видим ситуацию с нашей «колокольни». В день мы обрабатываем до 300 тысяч вредоносных программ. Понятно, что вручную обработать такое количество вредоносных программ уже совершенно нереально. Это делает робот, который разбирает на составные части вредоносную программу, пишет сигнатуру и добавляет ее в нашу базу. Там так же используется алгоритм искусственного интеллекта, он тоже сам принимает решения, что считать вредоносной программой, и сам добавляет информацию о ней в базы, а эти базы уже получают наши пользователи.

У нас есть «Облачная система Касперский». Все устройства, которые подключены к этой системе, имеют нашу защиту, посылают в эту систему определенные метаданные. Благодаря этому мы в любое время дня и ночи можем сказать, что происходит с компьютером, компьютерным устройством или смартфоном наших пользователей. Мы ведем определенную статистику, которая показывает то, что на сегодняшний день у нас основной прирост вредоносных программ составляет сотни процентов в год именно по операционным системам Андроид и устройствам Гугл. Это значит, что это проблема не только российская, но и международная.

Я сравнивал Германию, Францию, Италию, Японию и пришел к выводу, что цифры пример-

но у всех одинаковые. Из расчета на 1 млн пользователей количество «сработок» вредоносных программ Андроид у всех примерно одинаковое. Соответственно, даже если они используют более инновационные методы, то это не сильно им помогает. Статистика показывает совершенно другое — пользователи указанных стран находятся на том же уровне, что и мы. Делают ли они больше чем мы? Наверное, да.

Давайте посмотрим, какие у нас есть новые средства защиты, какие установлены программы у жертвы компьютерного преступления, на основании этого мы должны предусматривать определенные компенсирующие меры. Если для простой вредоносной программы достаточно установить антивирус, то для общественных сетей существуют другие способы, например, защита через систему, когда вы используете публичный вай-фай. Так же требуется защита наших роутеров, потому что для защиты наших данных должен быть защищен и контейнер.

Мы создали приложение — «Безопасные платежи», которые покрывают риски связанные с использованием систем типового программного обеспечения в этой части. Сейчас большая проблема — это IP- телефония. Происходит хищение путем обмана, либо злоупотребления доверием у граждан через простой звонок, чаще всего организованное через инструменты, расположенные в других странах. Это реализуется посредством подмены телефонного номера. В результате граждане добровольно отдают свои денежные сбережения мошенникам. Для борьбы с этими хищениями у нас есть программа «Who Calls» («Кто звонит» — прим. ред.). Если ее немножечко «подкрутить», то она сможет определять, что звонок идет не из вашего банка, а из-за рубежа. И если мы сможем внедрить эти технологии, то я думаю, что уровень преступности мы сможем здорово снизить. Во-первых, раскрываемость и необратимость наказания — это мощнейший сдерживающий фактор, во-вторых, нужно стремиться к тому, чтобы нападение было гораздо дороже, чем результат этого нападения. К примеру, при конечном хищении в 100 рублей, себестоимость атаки вам обойдется в 1000 рублей. Соответственно, экономического интереса производить такую атаку ни у кого не будет. Вот что вкратце я хотел сказать вам. Спасибо за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо! Я думаю, что мы все надеемся на помощь со стороны специалистов «Лаборатории Касперского». Есть ли вопросы?

Кадников Николай Григорьевич: У меня вопрос к Игорю Геннадьевичу. Вы работаете автономно,

но у нас в системе МВД есть Управление «К». Есть ли у Вас какое-то взаимодействие со структурами МВД, поскольку подобные преступления находятся в сфере информационной безопасности? В первую очередь с Управлением «К»? Возможно это взаимодействие осуществляется с Вашей помощью?

Чекунов Игорь Геннадьевич: Да, безусловно, это является одним из направлений нашей работы. В принципе у меня была заявлена тема — «Предотвращение преступности», а это уже непосредственная работа со негативными последствиями этой преступности. Мы работаем, в том числе, и с «Управлением К», и с Уголовным розыском, потому, что объем дел такой, что с ним одно «Управление К» справиться не может. Здесь и работа со следователями и дознавателями. Мы в лучшие времена участвовали очень активно, и по нашим материалам происходило задержание до 3–4 преступных групп в год. Кроме того мы проводим 200–250 судебных экспертиз в год, при этом я не считаю самостоятельных исследований по запросам МВД. В эти исследования входят, например, мониторинг активности центров управления и предоставление информации. Сотрудничество между нами и МВД давнее и плодотворное.

Кадников Николай Григорьевич: Вы же одновременно участвуете в подготовке специалистов, которых готовит наш Московский университет МВД, да?

Чекунов Игорь Геннадьевич: Конечно.

Кадников Николай Григорьевич: Вот как Вы считаете, их уровень соответствует современным требованиям?

Чекунов Игорь Геннадьевич: Вот 18-го числа будет большая конференция, посвященная подготовке специалистов по борьбе с компьютерными преступлениями. Сегодня, на этой конференции, я как раз и хотел сказать по поводу уровня подготовки. На мой взгляд, мы многое уже сделали по сравнению с несколькими годами ранее. Однако в образовании требуется больше математики, больше информатики, а это значит, что нужно учить программированию, для чего нужно пересматривать образовательные стандарты, делать специальные образовательные программы, вводить соответствующие специальности.

Необходимо сказать, что проведение компьютерно-технических экспертиз — это прерогатива все-таки технических специалистов, а не юристов. Гораздо проще обучить технаря нескольким статьям уголовно-процессуального кодекса, чем научить юриста пользоваться ассемблером. (*Ассемблер (от англ. assembler — сборщик) — транслятор ис-*

ходного текста компьютерной программы. — прим. ред.) Вот, соответственно, тут такой объем работы, что на наш век, Николай Григорьевич, хватит.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо Вам. Представьте себе, если введут в образовательные стандарты математику для юриспруденции. Я шучу, поскольку понимаю, что произойдет и скольких абитуриентов мы лишимся. Хотя, уверен, введение математики для обучение всех студентов гуманитарного профиля, включая юристов, неизбежно. Слово предоставляется Анатолию Семеновичу Овчинскому, профессору кафедры информационной безопасности Университета имени В. Я. Кикотя.

Овчинский Анатолий Семенович: Начну я, пожалуй с того, что около 20 лет назад я был участником весьма представительной конференции, посвященной проблемам борьбы с так называемой компьютерной преступностью. Тогда наша позиция стояла на том, что нет никакой особой компьютерной преступности, а есть проблема применения информационных технологий в преступной деятельности. Преступность остается во всем своем многообразии, расцвете, меняются только технологии.

Сейчас у нас проблема киберпреступности. Безусловно, цифровые технологии меняют характер преступности, развивают и совершенствуют способы совершения преступлений, открывают новые криминальные возможности. Все это очевидно. Однако многообразие преступности остается, а это все-таки технологии преступной деятельности. Впереди у нас, как было правильно замечено, проблемы борьбы с нейропреступностью, возможно через пару лет с преступностью, которая применит возможности искусственного интеллекта и технологии будущего. Ну это один вопрос, который хотел я затронуть. Второй вопрос, который уже был обстоятельно раскрыт, — это проблема защиты информации.

Но мой доклад посвящен иным аспектам. Первая картинка — технологическая преступность. О компьютерной преступности о киберпреступности, о нейропреступности — я уже сказал. Что касается преступности, то необходимо развивать криминологию «кристальной среды цифрового мира». Это явление для криминологов интересное и объемное. Вот опять же, об организованной преступности в последние годы вспоминается относительно нечасто, хотя она заслуживает большего внимания, особенно в связи с новыми возможностями, с новыми технологиями.

По моему мнению, на борьбу со всей преступностью у нас никогда не хватит сил. Полностью

с преступностью нам никогда не справиться. Видимо, проблема заключается в том, что нужно выделять некоторые категорически неприемлемые качества преступности, на которые надо обращать внимание.

Одновременно с этим, безусловно, можно выделить условно приемлемую преступность. Здесь мы уже говорили о деструктивных качествах преступности. Увы, в цифровой экономике эта проблема многократно обостряется. С другой стороны, мы можем говорить о конструктивных судебных качествах рассмотрения дел о совершенных и раскрытых преступлениях, но это уже другая большая тема.

Главное, на что я хочу акцентировать ваше внимание, это на подходы к сути информации. Когда мы говорим о киберпреступности, мы в основном рассматриваем информацию как объект защиты. Но этого недостаточно. Информация в цифровом мире это уже не только информация, а средство контроля за окружающей реальностью. Здесь был приведен опыт Китая и Америки, а также рассмотрены современные аналитические технологии. Первоочередной задачей для нас является освоение технологий мониторинга, контроля и обработки больших данных.

В США функционируют системы, которые в непрерывном режиме прокачивают через себя огромные массивы данных самых разнообразных стран. Это можно назвать глобальной аналитикой. Американцы нигде не афишируют тот факт, что они везде создают цифровые профили своих граждан и гостей Америки. Наши китайские товарищи заявили, что к 2030 году будет создана глобальная система искусственного интеллекта с центральным блоком, управляющим всеми процессами в государстве. Это будет блок, посвященный борьбе с преступлениями и обеспечению антикриминальной безопасности. В этом блоке все берется под контроль: и вопросы рейтинга населения, и социального кредита, и голограммы людей, и иное.

Удивительные процессы происходят в мире. Например, в Сингапуре человек может зайти в супермаркет, взять необходимые ему продукты и спокойно уйти, а может прийти в закусочную, перекусить и уйти. Все потому, что работает идентификация изображения лица. Куда бы человек ни пришел — везде он узнается. С его счета списываются нужные суммы. В случае, если на счету лица нет денег, ему оформляется кредит, контролируются все его покупки. Если какие-то покупки необоснованны, то с ними разбираются, в том числе контрольные и правоохранительные

органы. Все жители Сингапура находятся под контролем. И действительно, по этому поводу можно рассуждать и дискутировать, насколько это хорошо или плохо. Как было сказано, это наше будущее, наша неизбежность, и нам надо привыкать жить в этом мире.

По всей вероятности, вопросы защиты информации видимо скоро отойдут на второй план. Нужно перестраивать всю свою психологию на то, что скоро ничего нельзя будет скрыть и все будет под контролем. Информация как объект защиты, как средство контроля — это верхний вектор, инструмент управления. Все идет к тому, что управление социальными процессами будет происходить через информационное психологическое воздействие. Дальше то, о чем я говорил: технология антикриминальной безопасности, технология защиты, технология аналитики и технология управления. Все то, что нам нужно осваивать.

Несколько слов о том, почему такое неоднозначное воздействие на нас производят все эти процессы. Потому, что все наши действия, поступки которые мы совершаем, требуют какую-то энергию. Эта энергия — энергия действий, поступков, социальная энергия, она, конечно, рождается из той информации, которая возникает в сознании человека. Очень важна информация та, которой мы питаемся, питается наша молодежь, информация, от которой зависит наше будущее. Это основная моя тема: мы приходим к неким проблемам деструктивной информации. Нами обозначены представления о криминальной идеологии, идеологии обоснования права на преступную деятельность, экстремистской деятельности, террористических актов, идеологии деструктивных объединений, программ, манифестов, типа манифеста Брейвика.

Недавнее яркое событие произошло в Новой Зеландии, когда человек расстрелял 50 прихожан мусульманской мечети. Все удивляются, что преступление совершил одиночка. Когда одиночка готовит преступление, его трудно выявить, остановить, но в этом конкретном случае он был включен в информационную среду. У него было много сподвижников, у него было много соратников по идеологии (так называемые «группы ненависти», которые распространены в Америке). У нас в России есть масса подобных сайтов, «Арестанский Устав Един (АУЕ)», «Синий кит», детские сайты суицидальной направленности — много чего интересного еще. И этот человек, совершивший упомянутый расстрел, он ведь не только расстрел совершил, он оставил манифест на 77 страницах, в котором обосновал

исторически, идеологически, а также политически свои действия. И надо отметить, что было много отзывов в его поддержку.

Деструктивное действие в информационной среде в данном случае должно привести к развитию кибербезопасности. В этом, как это ни странно звучит, состоит плюс деструктивных действий. Одновременно развивается деструктивная и информационная деятельность. На нас уже оказывает всеобщее давление глобальное информационное воздействие, которое подчас можно назвать информационной войной. Очень интересно, что сейчас можно встретить работы, посвященные «психо-исторической» войне. Здесь можно говорить о «психо-идеологической» войне, можно о «психо-демографической» войне, и все это отдельные самостоятельные темы, которые требуют изучения.

Все происходит в рамках мировых идеологий. Про идеологию у нас стараются не вспоминать, но если так вдуматься, в каждом из нас сидят осколки этих идеологий, либерализма, которая рождает человека-потребителя с правами человека; консерватизма, которая сейчас у нас как бы берется на вооружение и формирует человека-защитника и патриота: социализма, а после коммунизма, которая все больше забывается. Китай пытается очень хорошо использовать идею коммунизма, реализуя Китайскую коммунистическую мечту. Коммунизм — это человек-творец, в общем-то это идеология, которая направлена на создание и развитие элементов творчества.

Построение истории — это элемент психо-исторической войны. Мы понимаем, что история: это сведения и факты, дошедшие до нас. Война — это фальсификация этих фактов. Вектор истории — реактивная интерпретация, она не может быть без позиции, идеологии, концептуального диссонанса.

Необходимо развивать вектор активного противоборства криминально деструктивному воздействию в цифровом мире. Нам нужно формировать новое научное мировоззрение, потому, что сейчас мировоззрение людей построено на научных доктринах прошлого века. Эти доктрины, частично уже отошли, но я не буду на этом останавливаться. Нам необходимо создание в конце концов государственной идеологии. Идеологии, которая обосновывала бы право на суверенитет и на развитие того, чего у нас нет, того, к чему периодически мы возвращаемся, и отказываться от остального, что уходит в никуда. Конечно нужно консолидированное отношение хотя бы к нашей отечественной истории, к нашей герои-

ческой истории, которую часто пытаются ставить под сомнение и представить неким одним большим кошмаром.

В заключении хотел бы обратить ваше внимание на то, что у меня в 2018 г. вышла книга «Информационные координаты: управление, противоборство, безопасность», в которой вы можете прочитать обо всем этом, а также о многом другом подробнее.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо! Слово предоставляется Сидоренко Элине Леонидовне — директору Центра цифровой экономики, финансовых инноваций МГИМО, руководителю рабочей группы по вопросам оборота криптовалюты.

Сидоренко Элина Леонидовна: Говоря о новых цифровых технологиях, мы конечно же не можем ограничиваться криптовалютой, хотя эта история является чуть ли не ключевой во всех обсуждениях. И это понятно, поскольку именно криптовалюты и распределенные реестры часто всего используются сейчас при совершении ряда преступлений. И здесь, конечно, первое место несомненно отдается теневому Интернету (Dark Net, Deep Net, как угодно его называйте). В системе TOR (*система прокси-серверов, позволяющая устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания. Рассматривается как анонимная сеть виртуальных туннелей, предоставляющая передачу данных в зашифрованном виде — прим. ред.*), где информация передается через специальную систему луковой передачи данных (*луковая маршрутизация (англ. onion routing) — технология анонимного обмена информацией через компьютерную сеть, при использовании которой сообщения неоднократно шифруются и потом отсылаются через несколько сетевых узлов, называемых луковыми маршрутизаторами, в результате чего промежуточные узлы не знают источник, пункт назначения и содержание пересылаемого сообщения — прим. ред.*), и вопросы откуда, из какого IP адреса произошел заказ товара, каким образом он поступил на счета эскроу (*депонирование денежной суммы у третьего лица — прим. ред.*) теневого Интернета и каким образом этот товар был передан клаудмену, чтобы в каком-то месте его положить, остаются открытыми. Сегодня правоохранительные органы вынуждены признать, что подобные действия в теневого Интернета они попросту не могут раскрыть и выявление такого рода преступлений в самом теневого Интернета в настоящее время невозможно. Тем не менее, мы должны говорить о том, что консолидация усилий для исправления ситуации в этом направлении важна. В качестве примера того, что угроза над нами не только гипотетически

«висит», а уже практически существует и мы в ней живем, можно привести скромные статистические данные: в частности, в новом портале Гидра (*крупнейший криптомагазин запрещенных веществ (наркотиков) и услуг — прим. ред.*) только по состоянию на начало 2018 г. было зарегистрировано 1500 сайтов, продающих марихуану, 155 сайтов, продающих коноплю, 1265 — продающих стимуляторы, 350 — психоделики, 440 — экстази, 143 — опиаты и другие сильнодействующие вещества. Более того, в теневого Интернете даже существует сайт с вызывающим названием — «Продажа наркотиков высшим должностным лицам, включая Президента Российской Федерации». Таким образом создаются бренды в теневого Интернете. К чему это я говорю? На сегодняшний день здесь чаще всего используется криптовалюта, и причина не в том, что эта валюта анонимная, она скорее псевдонимная. Она псевдонимная только потому, что мы, имея технические возможности проследить любую транзакцию, фактически не можем определить, кто стоит за каждой транзакцией, виду отсутствия системы идентификации пользователя. И на сегодняшний день, казалось бы, элементарная процедура AML (*anti money laundering — прим. ред.*), включая KYC (*Know Your Customer или Know Your Client — «знай своего клиента» — прим. ред.*), фактически не действует, когда мы говорим о криптобиржах. В качестве примера приведу опыт Японии, которая 1 апреля 2017 года легализовала статус криптовалют, а через полгода разрешила создать несколько бирж, определив наиболее четкую систему идентификации физических и юридических лиц, которые могут пользоваться криптовалютой. Однако через год Япония — страна, которая очень детально подходит к оценке своей финансовой безопасности, была вынуждена признать, что в течении первого месяца легализации криптовалюты мафия отмывала на этих биржах более 100 тысяч долларов США. Это тот факт, который был установлен. Через некоторое время эти цифры были подтверждены, и, более того, они стали увеличиваться в масштабах. Подобный факт дает нам основание говорить, что даже страны, которые, как говорилось, очень серьезно и детально подошли к системе идентификации, вынуждены были признать, что сегодня точно установить, кто стоит за каждой сделкой по криптовалюте, невозможно. Мы не можем «выстроить Рай» в отдельно стоящем бараке, когда нам надо менять полностью всю систему. И вот здесь, к сожалению, согласно последним официальным данным, которые с известным предположением можно назвать точными, более 50 крип-

товалютных бирж с большим оборотом не имеют надлежащей системы КУС. По моему мнению, около 99% из них не имеют такой системы. В итоге мы имеем довольно плачевную картину. По официальным данным у нас в 2014 году было совершено около 13 тысяч преступлений, связанных с Интернетом. По тем же официальным данным, в 2017 году мы были вынуждены признать, что эта цифра увеличилась в 4 раза. Поэтому, конечно же, в ближайшее время мы будем говорить о том, что эта преступность будет расти, поскольку около 70% всех сайтов в теневом Интернете имеют русский язык в качестве одного из основных. По количеству входов в теневой Интернет, Россия стоит на втором месте после США. Как видите, на самом деле нам есть, о чем задуматься.

Следующая очень важная проблема применительно к новым технологиям — это конечно же легализация. Мы сегодня частично об этом говорили, но проблема заключается в том, что мы с вами видим лишь вершину айсберга вопросов легализации. Мы сейчас говорим о новых технологиях, как о еще не совсем легитимированном институте. Мы говорим сейчас о них, и не можем говорить об их легализации из-за использования не совсем легальных инструментов, поскольку в некоторых странах попросту статус новых цифровых активов не определен. Но когда он будет определен, поверьте мне, мы будем наблюдать катастрофическую картину, связанную с легализацией преступных доходов. И теневой Интернет, и обычный уже готовы предоставить нам нужные ресурсы для того, чтобы уже завтра мы совершали такого рода преступления.

Известный принцип отмывания доходов в сфере цифр гласит: «Вы должны использовать три ключевых компонента: разместить, запутать и интегрировать». Размещается это все через покупку криптовалюты, эта криптовалюта дробится в так называемой мультивалютной корзине, затем через некоторое время выводится на другие криптокошельки (все они являются анонимными), а потом, еще через некоторое время они продаются, — либо через онлайн систему, либо через наличные средства и, таким образом, происходит их дальнейший вывод и окончательное отмывание. Известная картина, состоящая из пяти шагов легализации преступных доходов (в некоторых вариантах, состоящая из трех или четырех, но это большого значения не имеет) в этом случае перестает действовать потому, что у нас есть потрясающие технические возможности по использованию неких тумблеров, миксеров и запутыванию цепочки транзакции. Криптовалюта сама по себе,

насколько вы знаете, имеет четырехзначный код. По сути это индивидуально-определенный товар. Но, когда мы ее дробим и выдаем человеку в конечном итоге по номиналу, но уже в другом выражении, и не саму криптовалюту, а цифрой код, заложенный в крипте, то все эти манипуляции не позволяют идентифицировать то, что вывели для последнего по очереди потребителя именно заявленный изначально биткоин. Это невозможно доказать, даже если мы выводим сумму практически равную биткоину, изначально введенному в тумблер, и даже при наличии мощнейших современных ресурсов, позволяющих идентифицировать все транзакции. Технологические возможности мы знаем, поскольку сейчас сотрудничаем в МГИМО со специалистами в этой области. Знаем в каком направлении эта работа ведется, у нас даже имеющиеся технические возможности не позволяют проводить расследования подобных дел, поскольку мы не можем найти концы операций.

Другой очень важный вопрос, это, конечно же, биржи. Биржи категорически отказываются легализовать клиентов и делают это на том уровне, который не позволяет сейчас банкам фактически определить добросовестность лица и законность тех денег, которые поступают на банковский счет. Это дало основание уже нескольким банкам за рубежом блокировать счета и замораживать деньги российских клиентов. Увы, в российской действительности картина такая.

Я на собственном опыте проверила эффективность работы банков. Так вот, из тех банковских карт, через которые я попыталась провести небольшие криптовалютные деньги через конвертацию криптовалюты, выяснилось, что только Сбербанк и РосЕвробанк блокировали эти транзакции. Остальные банки провели их абсолютно спокойно и самое интересное, что ВТБ сделал это за 3 минуты, а Тинькофф за 3,5 минуты. Это дает основание говорить, что несмотря на все письма, которые пишет Центральный Банк и Росфинмониторинг относительно сомнительности данных сделок, фактически сейчас мы ничего с этим не можем сделать. В том случае, если мы проводим меньше 600 тысяч рублей, фактически мы остаемся вне рамок не просто даже наблюдения, а просто элементарного выявления этих схем.

Следующая история, о которой сейчас мало говорят — это использование цифровых технологий при совершении террористических актов, финансировании террористов. Проблема некоторыми замалчивается вполне обоснованно. Мы все знаем, что основная валюта для террористов сейчас — это стодолларовые купюры, что под-

тверждается в докладе Европола. Но у нас есть реальные основания опасаться того, что уже через 5–7 лет мы будем наблюдать феноменальный рост террористических преступлений, связанных с использованием, в том числе криптовалюты, а также других цифровых валют. И для этого есть масса факторов. Первый — это, конечно, рассвет частных блокчейнов во всех проявлениях и вообще частных информационных систем. Создание подобных систем позволяет нам уже сейчас определять некий кластер, ввести некий информационный кластер, в том числе в рамках террористической деятельности. Второй, очень мощный фактор — это наличие огромного количества очагов террористической активности в мире и наличие у них больших финансовых ресурсов. Ну и наконец третий, самый главный, — подрастает новое поколение в терроризме, которое очень хорошо и качественно ориентируется в новых цифровых технологиях. Поэтому, если сейчас старые бородачи-террористы предпочитают еще наличные, то уже новый контингент растет с ощущением того, что цифровые технологии, это то, что может продвигать в безопасной среде любую террористическую активность. Достаточно привести некоторые данные из имеющихся у нас кейсов. Например, некоторыми террористическими организациями, создавались сайты, где через краудфандинг (добровольное пожертвование) привлекались деньги в криптовалюте для совершения некоторых террористических действий. Известны случаи, когда при похищении людей требовался их выкуп в криптовалюте, а в последующем эти деньги всплывали в террористической деятельности. Даже был один случай, когда выявили закупку оружия с использованием криптовалют. И вот это, на самом деле, страшный факт, с которым мы обязаны считаться, но пока этого не делаем.

К сожалению, только совсем недавно в рамках большого мероприятия в Минске ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) организовало конференцию высокого уровня, на которой рассматривали вопросы легализации преступных доходов и, прежде всего, финансирование терроризма. Было удивительно узнать, что тема криптовалюты была ими поднята впервые. Еще более удивительным было то, что тема поднималась, к сожалению, лишь в постановочном ключе, что не позволило даже преступить к ее рассмотрению.

Можно рассказать про рекомендации ФАТФ (*Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег — Financial Action Task Force on Money Laundering — межправительственная организация,*

которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма — прим. ред.), но сейчас я не буду об этом долго говорить. Здесь следовало бы сделать акцент на ноябрьских рекомендациях ФАТФ по поводу того, чтобы к криптовалютам применялись традиционные рекомендации ФАТФ относительно платежных средств. Однако проблема заключается в том, что ФАТФ, установив такую «мягкую» рекомендацию, фактически не обязала страны создать собственную модель легализации криптовалюты, и тем самым придать ей определенный статус.

Следующая проблема — кибератаки. В кибератаках сейчас стали активно использоваться такие цифровые технологии, как искусственный интеллект. С искусственным интеллектом естественно связано машинное обучение, поскольку интеллект обучается через эти атаки, очень хорошо обучается. И как это не странно — атаки «умных вещей», или «интернет вещей» также используются при кибератаках. Сегодня у нас упоминался Кузнецов, и вот недавно в докладе, который делался на форуме в МГИМО по цифровому праву, была передана гласности довольно интересная информация, которая ранее не была озвучена. Совсем недавно, в 2018 г., Сбербанк подвергся массивной кибератаке, которую производили «умные вещи»: холодильники, телевизоры, умные утюги. На самом деле тут возникает очень важный вопрос. Мы сегодня внедряем в наши дома умную технику, которая начинает работать против инфраструктуры, в которой она оказывается и которая ей кажется несовершенной. Умная техника бьет эту инфраструктуру в рамках кибератак. Вопрос безопасности от атак умных вещей не решен нигде. А самое главное — как, каким образом и кто будет подлежать ответственности за причиненный ущерб тоже не понятно. В особенности это непонятно, если принимать во внимание настойчивую попытку многих сохранить Будапештскую конвенцию о кибербезопасности и не создавать конвенцию ООН, которая бы эти вопросы разрешала.

На самом деле возникает очень много вопросов, в том числе с предупреждением хищений и мошенничества. Цифровая валюта, да и вообще новые технологии, дали огромный скачок для развития хищений, в частности, мошенничества. Например, создается еще одна угроза, с которой мы попросту не знаем, как работать. Постоянная и повсеместная цифровизация делает из нас не просто субъектов права, а делает из нас носителей некоего цифрового профиля. С вопросом цифрового профиля, который на прямую связан

и с большими данными и со многими другими вещами, возникает острейшая проблема. Как изменится этот цифровой профиль, если он подвергается преступному посягательству? Можно ли считать это посягательство преступным? Вопрос, на самом деле, звучит очень остро. Это не отнести к интеллектуальным правам, информационным правам, это некая другая сущность, которая при этом является объектом купли-продаж.

Есть еще одна вещь о которой повсеместно начали говорить, это Бигдата (большие данные), которые будут в 2020 годах основным объектом купли-продажи. Вокруг больших данных сосредоточена вся инфраструктура. Компании мечтают обладать этими данными любыми способами. Вопрос хищения этих данных и несанкционированного сбора является тоже очень важным и, к сожалению, не находит никакого решения.

Теперь, говоря о решениях, если позволите, сразу обращу внимание на следующий факт, сегодня мы говорили много о социальных эффектах, вот один из таких социальных эффектов звучит следующим образом: чем больше человек в корпорации или в группе, тем меньше уровень личной ответственности каждого в этой группе.

Мы сейчас много говорим о цифре, и получается, что в большой толпе мы попросту растеряли, так сказать, объем нашей личной ответственности, нашего личного участия в этом процессе. А что происходит? А происходит то, что люди, представляющие государство, говорят сейчас на международных площадках о цифре, но так и не определились со статусом цифровых технологий. Вот мы сейчас говорим, о принятии закона «О цифровых правах», о внесении изменений в статью 128 ГК РФ, и много в этом направлении сделали, но ведь сейчас готовится закон «О цифровых финансовых активах», и мы видим, что там понятия криптовалюты просто нет. Там есть некая единица учета, которая ничего не значит (понять логику Центрального Банка, отрицающего криптовалюту в этом смысле можно). Центробанк таким образом пытается сильно зажмуриться и не видеть проблему, а проблема есть. Пока мы не легализуем, хотя бы на уровне признания, пусть и режимным объектом гражданских прав эту цифру, мы проблему не решим. Равно как мы не можем решить еще одну новую проблему — проблему использования игровой валюты. По сути, там нет блокчейна, но есть основные проблемы, в частности, игра Fortnite, в которой валюту можно покупать. Эта самая популярная среди подростков игра, которая, в свою очередь, как бизнес-проект на сегодняшний день является активным игроком на теневом

рынке, именно в легализации преступных доходов. Потому, что люди заходя в игру, покупают много этих «Е-баксов», как они их называют, и в теневом интернете продают с большим дисконтом, таким образом, отмывая доходы. Возникает вопрос: где правоохранные органы, и что мы можем с этим сделать? Мы ничего не сможем с этим поделать, пока не определим правовой статус тех сущностей, с которыми сейчас фактически сталкиваемся.

Другая проблема, эта проблема стандартов, и здесь, к сожалению, одной цифровой этикой не обойтись. Эти стандарты, стандарты безопасности, должны быть прописаны и для криптовалюты, и для искусственного интеллекта, и для Интернета вещей и для всех других сущностей, а мы даже не думаем к этому преступать.

Последняя тема — это расследование преступлений. Здесь единообразия нет никакого. То, что в 2014 г. было раскрыто дело Silk Road (*теневая интернет-площадка по продаже оружия и наркотических средств — прим. ред.*), это большая удача правоохранительных органов, а не результат их большой и плодотворной работы. Таких случаев было немного, были успешные операции «Валюшин», и «Засланный горизонт», последняя операция была очень интересной, но факт состоит в том, что это успех этих антикриминальных операций — больше исключения, чем правило.

Нет единых стандартов, нет налаженной системы обмена информации, нет никаких методик, которые бы позволили нам проследивать все транзакции, например, из стран со слабой системой KYC, и чтобы эта информация прозрачно доходила от одной стороны к другой. Вот пока мы к этой проблеме не обратимся надлежащим образом, пока мы не решим ту проблему, которая ставит перед нами та же Будапештская конвенция, мы на самом деле далеко не продвинемся. Спасибо за внимание.

Вопрос из зала: Есть ли какие-то теоретические работы в области криптовалюты в уголовном праве?

Сидоренко Элина Леонидовна: Теория уголовного права ожидает, когда на криптовалюту отреагирует теория гражданского права, а теория гражданского права в этом направлении мало что делает. Как это ни странно, но именно теория уголовного права начинает двигать гражданское право в вопросах легализации криптовалюты. Любой человек, который сейчас попросту займется статусом криптовалют или нового финансового инструмента, поневоле обратится именно к уголовным и гражданским делам. Потому, что имен-

но здесь много что делается. Однако, что касается теории, с ней, наверное, у нас не все хорошо. Недавно за этим же столом было озвучена мысль о том, что всю цифровую историю в праве надо начинать с формулирования принципов. Правильно ли это или нет? На мой взгляд — нет. Мы не можем сейчас приступать к формированию теории, когда практика ставит перед нами глобальные вызовы, требующие немедленного реагирования. И вот, мы говорим, что у нас есть теория, например, римского права. Но теория римского права возникла уже не в период римского права, а в период рецепции римского права. Поэтому неправильно, как мне кажется говорить о том, что сейчас нам нужно навязывать некие стандарты в доктринальной части. Нам надо сначала приступить к элементарным вещам, чтобы наши ученые просто поняли, с чем они имеют дело. Чтобы у нас не возникало ситуаций, когда студентам говорят, что криптовалюта это очень здорово, но что ее можно реализовать только тогда, когда она будет подкреплена золотом. Вот на такой вопрос сразу возникает встречный вопрос: этот человек вообще когда-то понимал, что такое криптовалюта или нет? При этом в неких академических кругах данная проблема (проблема золотого эквивалента криптовалюты) вызывает серьезную обеспокоенность. Поэтому сначала мы должны понимать, с чем мы имеем дело, а потом уже выстраивать теории. Иначе у нас получается технократическое вольнодумство, которое ни к чему, к сожалению, не приведет. Пока не поймем технологию, вряд ли сможем понять теорию права.

Вопрос из зала: В печати были сообщения о том, что у нас обсуждается некий проект по привязке криптовалюты к международному расчету за нефть. Криптовалюты в перспективе могут изменить всю мировую финансовую систему. Обсуждалось также, что долларовой пузырь уйдет куда-то, и вроде как американцы нивелируют свои долги, и даже, может быть, это будет связано с глобальными тенденциями по выходу из-под долларовой зависимости. Что Вы по данному поводу можете сказать?

Сидоренко Элина Леонидовна: Я не буду говорить, можно ли считать это заговором США или против США. На самом деле криптовалюта возникла как явление, которое должно было быть быстрой альтернативой для фиатных расчетов (*фиатные деньги — от лат. fiat — декрет, указание — символическая денежная кредитная ничем необеспеченная валюта — прим. ред.*), для безналичных расчетов. Она возникла потому, что это должно было случиться. Что касается основных

трендов, которые есть сейчас в криптовалютном мире, то один из них — поиск интересных цифровых решений и отход от криптовалюты как от криптовалюты в стиле биткоина. Мы сейчас больше говорим о существовании стейблкоинов, некой цифровой сущности, обеспеченной неким материальным носителем (*stablecoin — криптовалюта, чья цена зависит от стоимости какого-то традиционного финансового актива (американский доллар, нефть, золото и пр.) — прим. ред.*). Однако на самом деле, если посмотреть глубже, то оказывается, что это далеко не так. В частности, вы, наверное, слышали идею Владимира Олеговича Потанина о создании криптовалюты, обеспеченной палладием. Я знаю этот проект очень хорошо, поскольку имела к нему отношение, и скажу так: в финале обеспеченный палладием докинг не будет объектом расчетов. Объектом расчетов будет другая сущность, которая будет формироваться на основе этой сущности. Поэтому развиваются стейблкоины. За 2018 г. появилось порядка 50 новых стейблкоинов, которых раньше не было, если раньше этот рынок занимал один *Tether* или *USDcoin*, то как видим их уже очень много. Почему? Потому, что те колебания курсов, которые происходят на рынке, вынуждают людей немного хеджировать (*от англ. hedge = страховать, гарантировать — прим. ред.*) свои риски и эти риски хеджируются именно в стейблкоинах. Другая интересная сущность — создание межбанковских платежей, и тут будет отдельный вопрос по поводу банков.

Есть идея введения криптовалюты, которая позволила бы завтра купить эту валюту банкам и рассчитываться, обходя все сложности межбанкинга. Сейчас весь этот процесс занимает в среднем до пяти банковских дней. В случае использования криптовалюты этот вопрос у нас сокращается до 5–10 секунд, поэтому банки заинтересованы в том, чтобы развивать эту инфраструктуру. Как это ни странно, отвечаю на вопрос: умрут ли банки, то в этой части? Они не умрут. То, что сейчас делают ВТБ, Сбербанк и Альфа-Банк в направлении развития криптовалютной истории, говорит нам о том, что они будут жить. Умрут скорее маленькие банки. Но большие банки останутся потому, что они сейчас переходят в режим не кредитных организаций, а технологических организаций 4.0. Для них возникает новая тенденция — они уходят на небанковские деньги. И эта система сейчас может быть развита только потому, что есть блокчейн, который убирает посредников и создает доверие между не доверяющими друг другу людьми. Вот эти небанковские платежи в банковской

сфере являются новым трендом, о котором мы услышим в двадцатые годы. Они уже в «пилотном режиме» начинают внедряться в банки, например, в Сбербанк, Альфа-Банк и иные.

Еще один тренд — создание системы расчетов в рамках участников некоторых надгосударственных организаций. Сейчас высказывается идея о создании валюты БРИКС, валюты ЕАС и рассматривается возможность АТС, создать некую модель. Это будет цифровой актив на основе блокчейна. Участники надгосударственных образований об этом говорят. Для чего это делается? Для того, чтобы уйти от долларовых расчетов. Вот в этом контексте есть возможность для роста, более того, уже есть некие модели, и реально выстроенные концепции того, как Россия сможет уйти от санкций и от доллара США, через криптовалюты. Здесь большие перспективы для того, чтобы что-то сделать. Другое дело — будет ли это осуществлено на самом деле, откажемся ли мы от доллара — это уже вопрос политики, но технологическое решение уже есть, а экономическое уже начинает обсуждаться.

Вопрос из зала: Вы знаете, вот эти все подходы очень похожи на политику Халифата. Вот то, что предлагается в рамках АТЭС сделать, ШОС, БРИКС, это все «халифатские дела». Уход через криптовалюту похож на инструмент мафиозных финансовых сделок. Попытка уйти от долларовых расчетов, это может очень плохо кончиться, возможно, это закончится хаосом, а также международными, военными межрегиональными конфликтами. И люди не понимают, что становятся на путь ИГИЛ.

Сидоренко Элина Леонидовна: Я согласна с Вами, что традиционная криптовалюта в том виде, в котором она сейчас есть, она не подойдет для межгосударственных расчетов. У нас есть опыт, и он, к сожалению, не очень радостный, Венесуэла, которая ввела El Petro (*официальная криптовалюта Венесуэллы, разработанная правительством страны и обеспеченная нефтью — прим. ред.*) и все, что стало происходить там после введения этих денег, по моему мнению, происходит исключительно потому, что она внедрила El Petro. Иначе бы этого острого кризиса не было.

Вопрос из зала:

Сидоренко Элина Леонидовна: Да, у нас появились приговоры, их мы ждали очень долго. Они начали выноситься в конце 2018 г. На самом деле здесь есть вопросы относительно легитимности такого судебного признания криптовалюты, но то, что сейчас практика формирует наше сознание, сознание теоретиков, это однозначно. Что каса-

ется системы налогового регулирования, то мое мнение относительно тех документов, о которых вы говорили весьма скептическое, я с ними знакома. Когда письмо о том, как регулировать систему налогообложения для индивидуальных предпринимателей и для физических лиц подписывается заместителем департамента, возникают вопросы, можно ли считать эту позицию официальной позицией ведомства. Когда мы делали запрос об этом письме в ФНС, то ФНС ответила, что такой информацией не располагает и не имеет к ней доступа.

Представители ФНС приходили к нам на занятие для того, чтобы побольше узнать о криптовалюте, при этом говорили, что они ничего о ней не знают. Даже, если мы сейчас введем налоги на криптовалюты, то попадем в ситуацию, когда никто в течении двух-трех лет не будет собирать никаких налогов, по аналогии с налогами на Авито. Почему? Потому, что нет системы налогового администрирования. Поэтому, в этой части вопросы к практике будут острыми, но практика не сдвинется с места, пока не будет создана система налогового администрирования ФНС. А в ФНС к этому не только еще не преступили, но и даже не задумывались на эту тему. Что касается признания криптовалют предметом мошенничества, то на самом деле у нас есть понятие *иного имущества*, и, если верить решениям Верховного Суда по иному имуществу, то под иным имуществом, например, по одному из дел было признано футбольное поле.

Кстати, было очень интересное разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, в котором говорилось, что под *иным имуществом* следует понимать то имущество, в отношении которого был создан специальный правовой режим в другом нормативном правовом акте. Но когда мы говорим о криптовалютах, то следует обратить внимание, что вопрос о цифровых правах был поставлен только в марте 2019 года, и то не в отношении криптовалюты как таковой. Если же решение о криптовалюте будет оспорено Верховным Судом Российской Федерации, то это будет хорошим прецедентом для того, чтобы суды использовали эту возможность и стали выносить решения по криптовалюте. До этого момента суды не хотели признавать криптовалюту предметом преступления, а только способом совершения преступления или средством совершения при покупке, к примеру, наркотиков. Таких дел было очень много. Пока что не было ни одного признания криптовалюты предметом мошенничества, кроме двух случаев.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо большое! Значит, коллеги, определяется следующий алгоритм дальнейших действий. Объявляется двадцатиминутный перерыв и в 14:10 мы приступаем к выступлениям. Регламент: короткие выступления по пять-семь минут, и в три часа мы должны с вами завершить наше обсуждение. Извините, я буду жестким модератором.

После перерыва.

Мацкевич Игорь Михайлович: Так, пожалуйста, уважаемые коллеги, продолжаем. Значит, я буду очень внимательно следить за регламентом, поэтому, пожалуйста, пять минут. Максим Викторович Бавсун, заместитель начальника Омской Академии МВД. Тема: «Киберпреступность как закономерный продукт современного общества»

Максим Викторович Бавсун: Уважаемый Игорь Михайлович, большое спасибо за то, что предоставили слово, за возможность высказаться. Постараюсь очень коротко, но несколько пессимистично по данной тематике и проблеме, которая у нас сегодня заявлена, также высказать свою точку зрения. Вы знаете, Джон Сол еще в середине восьмидесятых годов прошлого века подготовил работу под названием «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе». (*Джон Ролтон Сол — канадский философ, писатель, президент Международного ПЕН-клуба. — прим. ред.*). Подчеркиваю, ключевые в данном случае слова — диктатура разума. Казалось бы, разум вполне хорошее слово, мы все существа разумные, мы все стремимся поступать и действовать разумно. Однако, мы видим, что в данном случае явно в самом названии кроется некоторый подвох. Именно «диктатура разума», и это — середина 1980-х годов. Еще ранее, в 1970-х годах, Мишель Фуко в своей работе «Рождение биополитики» задавался вопросом о пределах подконтрольности общества, об объеме и пределах допустимости этих пределов. (*Поль-Мишель Фуко — французский историк и философ, один из ярких представителей антипсихиатрии — прим. ред.*) Подчеркиваю, это семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века. О чем же мы с вами рассуждаем сегодня? Мы с вами говорим о криптовалютах, о биткоинах, о распределенных реестрах. Мы говорим о явлениях, о которых еще двадцать лет назад ничего не было известно. Все это является средствами, подконтрольными определенному началу. В данном случае это начало, безусловно, носит цифровой характер. Что интересно, и Джордж Оруэлл, и Олдос Хаксли, и Александр Александрович Зиновьев в своей работе «Глобальный человек» еще в конце 1990-х годов предсказывали подобное

положение вещей. Они мыслили о том, что будет формироваться и создаваться общество абсолютно подконтрольное, абсолютно подвластное, и такое общество, где не будет, что называется, места для личного пространства. В особенности меня поразила работа Александра Александровича Зиновьева «Глобальный человек», где описано то, что мы очень стремительно и очень активно движемся к полному контролю над собой, этому способствуем, либо пытаемся этому способствовать. (*А. А. Зиновьев — советский и российский философ, социолог, писатель, публицист, родоначальник жанра социологического романа. — прим. ред.*) Насколько киберпреступность — закономерный продукт? Насколько закономерен этот самый продукт на сегодняшний день? Как мне представляется, этот продукт безусловно является именно итогом деятельности человека и, более того, остановить этот процесс, наверное, на сегодняшний день невозможно. Что интересно, в упомянутой работе Джона Сола, автор буквально на первых же страницах делает именно такой вывод, при этом отмечает, что на данный путь мы встали еще с середины семнадцатого столетия. Это звучит очень убедительно. Буквально на полутора-двух страницах автор доказывает, почему человечество движется в направлении определенной подконтрольности, при этом уходя от таких качеств как человеколюбие, вера, вероисповедание в том числе, любовь, а также почему человек уходит от социальных практик, от накопленного опыта.

Но ведь действительно мы сейчас с вами слышим идеи *постчеловека*, мы очень много с вами рассуждаем о *постмодерне*, *постпостмодерне* и прочих явлениях, которые, может быть, и не существуют на самом деле. Тем не менее, рассуждений и философских обоснований на сегодняшний день имеется довольно много. В данном случае киберпреступность — это всего лишь один из аспектов, представляющийся мне вполне закономерным продуктом, безусловно, движимый обществом в строго заданном, определенном направлении.

Это направление обусловлено определенной подконтрольностью, которая видит киберпреступность не как саму цель, но как побочное явление искомого результата, к которому мы стремимся в итоге. То есть общество, лишенное социальных практик и полностью подконтрольное, представляет собой объект беспрепятственного воздействия посредством цифровых технологий. Действительно реальное существование, казалось бы, абстрактных и в то же время реальных вещей, взгляните на пример криптовалюты — биткоин,

на блокчейн, на технологию распределенных реестров и прочее. По большому счету это ознаменывает стремительный переход к цифровизации и абсолютной подконтрольности общества. Сегодня был приведен наглядный пример с Сингапуром, и он, к сожалению, видимо не единственный. Обществу нужно быть готовым ко грядущим изменениям.

Мацкевич Игорь Михайлович: Пять минут прошло!

Максим Викторович Бавсун: Подведу итог. Я считаю, что полная подконтрольность в конечном итоге не повлечет за собой уменьшение количества преступлений, а лишь изменит характер преступной деятельности, способы совершения и методы противодействия преступности XXI века. Я ограничен регламентом. Благодарю Вас за внимание!

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо. Слово предоставляется профессору кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О. Е. Кутафина Дашкову Геннадию Владимировичу.

Дашков Геннадий Владимирович: Спасибо. Тема моего выступления — «Проблема интереса в научном сотрудничестве с зарубежными странами в области борьбы с преступностью». Сколь-нибудь принципиально значимое продвижение вперед при решении сегодняшних задач международного правового сотрудничества реально возможно лишь при практической реализации давно уже известного, аксиоматического по своей сути, но не редко игнорируемого положения о том, что «тот, кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя »натыкаться» на эти общие вопросы.

В нашем исследовании в числе таковых общих вопросов, особенно в настоящее время, в качестве первостепенной, выступает проблема Интереса, который в данном случае целесообразно определять в виде совокупности разного рода потребностей, мотивирующих поведение социальных групп и индивидов. Недооценка тех или иных составляющих этой проблемы, особенно касающаяся факторов политического, правового, экономического, организационно-управленческого и психологического характера, как правило, влечет за собой нежелательные последствия. В подтверждение тому, представляется важным обратить внимание на следующее принципиально важное в нашей ситуации обстоятельство. На встрече Президента Российской Федерации В. В. Путина с Президентом Российской академии наук А. М. Сергеевым

(9 января 2019 г.) было отмечено, что научное сотрудничество со многими странами сейчас «просто заморожено».

Такая обоюдо неблагоприятная ситуация в международном научном сотрудничестве, может быть, в несколько меньшей степени, чем, к примеру, в физике или математике, имеет место и в юридической науке, в частности, в криминологии. Особенно это негативное явление стало ощутимым именно в настоящее время по той причине, что относительно недавно в этой сфере международных отношений все шло по восходящей. Научные учреждения Советского Союза, Российской Федерации были представлены на достаточно высоком уровне в юридических неправительственных организациях, включая: Международную ассоциацию уголовного права, Международное криминологическое общество, Международное общество социальной защиты, Международный уголовный пенитенциарный фонд. Участие нашей страны в повседневной деятельности этих научных центров, имеющих консультативный статус при ООН или Совете Европы, позволило реально влиять в желаемом направлении на работу по подготовке и принятию важнейших международных документов, касающихся борьбы с преступностью, способствовать повышению авторитета российской правовой науки. Огромная роль этого субъективного фактора вполне объяснима хотя бы потому, что испокон веков, на общество гипнотическое воздействие оказывают как научные идеи, так и личные возможности авторов научных исследований и разработок по их внедрению в практику повседневной жизни. СССР и Россия занимали ведущие роли в криминологии хотя бы только потому, что практически нигде, кроме нашей страны, предупреждение преступлений не было столь значимо в структуре криминологической науки и практики.

На сегодняшний день отмеченный в основном субъективный фактор, положительно влияющий на развитие международного научного сотрудничества в области юриспруденции (криминологии), в лучшем случае, относится к категории мало вероятно ожидаемых, а рассчитывать на сверхсособую политическую, экономическую, правовую и иную подобную супер поддержку юридической науки в настоящее время пока нет достаточных оснований. Да и физическое появление на научном горизонте ученых уровня Герцензона, Пионтовского, Гернета, Ноя, Кудрявцева, Карпеца и им подобных личностей, весьма сомнительно. Так уж природа устроена. Именно поэтому тут надо действовать сообразно реальной обстановке и ны-

нешних возможностей и искать иные, в сравнении с нынешними, пути повышения международного интереса к российской правовой науке может быть даже отойдя от имеющихся тут многолетних традиций и установок содержательного и организационного свойства. Полезной подсказкой для юриспруденции и, в частности, для криминологии, может оказаться уже формирующаяся в сфере отдельных естественных наук практика хотя бы частичного отказа от объемных международных конгрессов и конференций в пользу взаимного обмена небольшими рабочими группами суперспециалистов, которые в течении нескольких дней, действуя по известному методу штурма мозгов, обсуждают ту или иную, действительно важную научную проблему, типа киберпреступности.

Малозатратной, не требующей особых межгосударственных согласований формой научного юридического (криминологического) сотрудничества может стать совместное издание на постоянной основе поочередно в разных странах научных обзоров, сборников статей, монографий, дайджестов. Практика на этот счет, хоть и не обширная, но уже имеется. Например, в свое время, тоже, кстати, не свободное от санкций и иных ограничений, по нашей инициативе криминологам ряда стран с разным уровнем преступности и с разными подходами к решению проблем по ее предупреждению (США, Италия, Нидерланды, Япония и др.) было предложено подготовить свои материалы по этой теме для совместной монографии. Эта работа выполненная на русском языке, была издана на базе НИИ Генпрокуратуры Российской Федерации и нашла своего читателя не только в нашей стране. В настоящее время, когда технические и иные возможности международного обмена научными идеями и практическими рекомендациями много шире и проще, подобного рода прошлый опыт можно реализовать и более оперативно и масштабно.

Масштабность, разнообразие, а главное устойчивость и взаимный интерес к международному сотрудничеству, практически во всех сферах жизнедеятельности, включая и вопросы борьбы с преступностью, во многом зависят от того, насколько обеспечивается взаимные интерес к такому сотрудничеству, а для этого необходимо, прежде всего, определить суть как зарубежных, так и российских интересов. Проблема сия не так уж проста, как это кажется на первый взгляд. Во всяком случае, для отнесения ее к категории фактически пробельных, есть достаточно оснований. Начнем с анализа зарубежных интересов к российской правовой, в нашей ситуации, кри-

минологической науке. Здесь просматриваются, как минимум, четыре особенности зарубежных интересов к российской правовой науке и практике. Во-первых, интересы эти, особенно в последние годы, не столь уж велики, как мы порой себе это представляем. Это, к примеру, не космос, где наши позиции весьма заметны и по сей день. Причин тут предостаточно и многие из них лежат в самой российской правовой науке, ее отдельных слабостях и просчетах. Во-вторых, состояние, структура, динамика зарубежных правовых интересов, в частности, криминологических интересов, в значительно большей, в сравнении с российскими интересами, практически напрямую находятся под воздействием факторов политического и частично экономического характера (тщательно вуалируемая составляющая западной демократии). Есть политические и экономические санкции, незамедлительно реализуются разного рода ограничения правового свойства, хотя их вредность для всех очевидна. Во взаимосвязи политических, экономических и правовых направлений сотрудничества конечно есть и свои условные плюсы для правовой науки, которая может довольно оперативно восстановить утраченные позиции при улучшении политических и экономических международных отношениях. В-третьих. Практически во все времена, зарубежные правовые интересы в России в немалой степени связывались с факторами субъективного свойства и строились на межличностной основе. В-четвертых, зарубежные правовые интересы в России, особенно в условиях рыночной экономики, определяются хотя бы принципиальной возможностью имплементации российских правовых достижений с свою правовую систему. Простой познавательный интерес к чему-либо зарубежному здесь играет сверхнезначительную роль. Теперь о российских правовых интересах к зарубежной правовой науке и практике.

Продвижение вперед здесь очевидно. Нет, к примеру, существенных проблем при научном анализе зарубежного законодательства. Вместе с тем, нерешенным остается вопрос об оценке практики его применения, а это важно хотя бы потому, что фактически повсеместно гладко пишут на бумаге, забывая про овраги. Вопрос этот не из простых и многое здесь, включая его методическую сторону, надо начинать с нуля.

Не менее сложна по многим позициям и проблема обеспечения репрезентативной выборки стран, представляющих для российской правовой науки и практики первостепенный интерес. Существующие на этот счет правила и традиции далеко

не всегда себя оправдывают да и по ряду причин объективного и субъективного характера, реально достижимы. Поэтому, без соответствующих методических разработок социологов, политологов, экономистов и других возможных смежников, тут нам не обойтись. Спасибо за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо. Пожалуйста, Букалерева Людмила Александровна, Российский университет Дружбы Народов, ведущая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Букалерева Людмила Александровна: Уважаемый Игорь Михайлович, спасибо за предоставленное слово. Я хотела бы буквально тезисно осветить основные идеи моего доклада. Абсолютно согласна с коллегами в том, что рассматриваемые нами проблемы цифровых технологий и права в эпоху цифровых технологий очень актуальны и важны для нас, как с правовой, так и с экономической точки зрения.

Прежде чем начать, я хотела бы сказать, что Российский университет Дружбы Народов является уполномоченным органом по взаимодействию с Советом Европы по продвижению и имплементации норм, Конвенций о противодействии насилию над детьми 2013 года. Мы очень тесно взаимодействуем с Советом Европы, и к нашей стране на сегодняшний день имеется очень много претензий в этом отношении.

И вот сейчас мы пристально следим за их исследованиями. Хотим сказать, что программа Совета Европы: «Цифровая гигиена молодежи в сети» должна быть апробирована. Видим необходимость, чтобы с ней знакомились на уровне специалистов в области уголовного права и криминологии. В каком плане? Дело в том, что экономика, безусловно, очень важна, но дети это наше будущее. Поколение «миллениум» уже совсем не такое как наше, а следующее за ним поколение — это абсолютно цифровые дети с клиповым мышлением. Но несмотря на то, что они технологически продвинуты, они абсолютно беззащитны в той социальной среде, в которую они погружены, и подвергаются различным атакам. Данные, которые нам предоставила «Лаборатория Касперского», спасибо им большое, показывают, что на сегодняшний день в деструктивное течение Рунета вовлечены порядка пяти миллионов аккаунтов российских подростков.

В Совете Европы говорят о том, что очень плохой контент идет именно из России. Возможно, глядя на количество и характер претензий, предположить, что они просто к нам плохо относятся. Но в целом уголовное право и криминология

могут стать серьезным оружием для эффективного противодействия насилию против детей. Что же мы должны для этого сделать? Во-первых, как озвучила Элина Леонидовна Сидоренко, необходимо в полной мере определиться с терминологией и дать определение таким категориям, как детская преступность, кибератаки, кибербуллинг, кибергруминг и иным. Все это важно для нас, а последствия уже серьезные, уголовные дела есть по этим фактам. Мы эффективно взаимодействуем с Министерством просвещения, которое также заинтересовано в нашей работе и сейчас готово выделять средства на указанные исследования. Нам необходима статистика и помощь специалистов в цифровых технологиях, информатики, при этом и мы, юристы, не должны стоять в стороне. Предлагаю исследования продолжать. Проводиться исследования должны на уровне кандидатских и докторских диссертаций. Российский университет Дружбы Народов во главе с ректором Владимиром Михайловичем Филипповыми разработал концепцию правового обеспечения защиты детей от вредоносного воздействия на психику в информационно-телекоммуникационных сетях. Сейчас готовится к изданию крупная монография, мы вам всем ее разошлем. Просим к нам присоединиться, обратить внимание на эту проблему и, если возможно, ее победить. Уважаемые коллеги, спасибо за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович: Людмила Александровна, спасибо за выступление. Слово предоставляется Русскевичу Евгению Александровичу, кафедра уголовного права, Московский университет МВД имени В. Я. Кикотя.

Русскевич Евгений Александрович: Спасибо за предоставленную возможность выступить. Постараюсь быть кратким. Мое выступление посвящено вопросу уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскных мероприятий с использованием цифровых технологий в целях противодействия преступности. В каком-то смысле эта проблематика в рамках моих исследований носит некий периферийный характер. Возможно потому, что в большей степени мы концентрируемся на исследовании представлений о том, что же такое современная преступность, которая развивается путем активного использования информационно-телекоммуникационных технологий. Но проблематика открытия новых способов противодействия этой современной преступности с использованием этих же технологий является, действительно, актуальной. И тут есть ряд определенных проблем, прежде всего связанных с уголовно-правовыми вопросами. Упомянутый

в этой аудитории Ник Бостром в своих работах говорит о том, что цифровое будущее является неизбежностью, хотим мы этого или не хотим. Технологический процесс остановить невозможно. И в этом плане мы должны принять это обстоятельство как данность. Данностью также является то, что, как обычно, на протяжении всей истории человечества это было заметно, физики опережают гуманитариев. Социальный контроль отстает от новых явлений, появляющихся в нашей жизни, а вместе с ним отстает правовое опосредование новых явлений, связанных с глобальной технологизацией, или, как нередко говорят, диджитализацией нашей жизни (*под диджитализацией понимается, прежде всего, замена бумажного документооборота на электронный оборот документов и средства электронной коммуникации — прим. ред.*)

Но гуманитарии пытаются каким-то образом выработать теоретические конструкции, а законодатели принимать конкретные меры, направленные на то, чтобы система приобрела потерянную когда-то устойчивость. Наше законодательство активно меняется. Мы это видим и видим переменные попытки законодателя сформировать адекватный ответ на современные вызовы цифрового мира. Одной из таких попыток явилось изменение достаточно консервативного федерального законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности, у нас появилось ни много ни мало новое оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) — получение компьютерной информации. Мера абсолютно обоснованная, абсолютно ожидаемая, в каком-то смысле долгожданная, но тут же возник ряд вопросов, прежде всего межотраслевых. Теоретики в области оперативно-розыскной деятельности сразу же отметили, что законодатель вряд ли вкладывал смысл данного ОРМ в то представление, что оно связано с получением компьютерной информации из каких-то свободных источников. Эта специфика хорошо укладывалась в уже существующие оперативно-розыскные мероприятия как, например, наведение справок. Те позиции, которые мы встречаем в теории оперативно-розыскной деятельности, противоречат утверждению про высоко технологические способы получения оперативно-розыскной информации. Эта информация значима для борьбы с преступностью, а получение ее связано с преодолением разных средств программно-технической защиты. Получение такой информации сопряжено со снятием закрытой информации и предполагает использование специализированных программно-технических средств с целью нейтрализации системной защиты.

Одновременно возникают закономерные вопросы в отношении компьютерных взломщиков: как квалифицировать действия в соответствии со ст. 272 УК РФ о неправомерном доступе, как оценивать использование этих средств и какое дать определение с точки зрения положения ст. 273 УК РФ о создании, использовании и распространении вредоносных компьютерных программ. Также возникают определенные вопросы, связанные с международно-правовой юрисдикцией. Можем ли мы использовать и проводить ОРМ на территории другого государства? Какая должна быть система согласования этих мероприятий? Перечень вопросов не исчерпывающий.

Я, к сожалению, ограничен регламентом, поэтому с вашего позволения перейду к определенным выводам и решениям. Прежде всего, бланкетная диспозиция ст. 272 УК РФ в этом плане как-то снимает многие вопросы, поскольку неправомерность доступа предполагает, что процесс доступа не имеет на то законных оснований. И здесь, поскольку в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» есть соответствующая оговорка, эти вопросы с точки зрения межотраслевого взаимодействия можно считать решенными. К сожалению, известным обстоятельством является то, что ст. 273 УК РФ не содержит оговорки о незаконности создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, т. е. что понимается под ними. Нам с Игорем Геннадьевичем Чекуновым приходилось эту проблематику неоднократно рассматривать и обсуждать, поскольку *безопасники* наших компаний занимаются ИТ-безопасностью и одновременно высказывают некоторые опасения по поводу определенных обстоятельств. В теории уголовного права предлагается сразу несколько решений. Первое говорит о том, что можно дополнить диспозицию указанием на незаконность. Сторонники другой позиции говорят, что нам нужно по-другому истолковать само понимание вредоносной компьютерной программы. *По-другому*, это значит подразумевается несанкционированность этого доступа, которая заложена как бы в понимании самого программного обеспечения. Следующий подход заключается в том, что нам необходимо предусмотреть некое примечание к этой норме. В качестве общего вывода можно сказать, что каждое из этих решений обладает своими юридико-техническими достоинствами и недостатками. Завершая выступление необходимо сказать, что можно реализовать первое, второе, или третье решение, но важно, чтобы в этом плане субъекты оперативно-розыскной деятельности

получили надлежащие юридические гарантии для своей деятельности. Что же касается специальных программно-технических средств, которые должны стоять или уже стоят на вооружении у наших оперативных подразделений, то здесь также имеется острая дискуссия. На самом деле, вопрос заключается в следующем, а может ли государство с точки зрения этических принципов разрабатывать такое программное обеспечение? 22 декабря 2014 г. в журнале Forbes вышла статья Евгения Касперского под названием «Что не так с законными вредоносными?».

Мацкевич Игорь Михайлович: Евгений Александрович, напоминаю регламент.

Рускевич Евгений Александрович: Заканчиваю. И в этой статье он активно рассуждал о данной проблеме, рекомендую прочитать. В целом задачей сегодняшнего дня является принятие решения о том, каким образом синхронизировать положения ст. 273 УК РФ с положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Возможно ли пересмотреть в рамках толкования, в том числе на уровне Пленума Верховного Суда, понимание самого «вредоноса», который является конструктивным признаком ст. 273 УК РФ? Благодарю Вас за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо.

Овчинский Анатолий Семенович: Очень интересное выступление. Одну фразу хочу сказать. Понимаете, вот эти все проблемы, которые Вы сейчас озвучили и поставили, нами были поставлены 20 лет назад. Тогда мы предложили такое оперативное мероприятие как компьютерная разведка, применение хакерских технологий для добывания оперативно-розыскной информации. И несмотря на то, что все задачи были нами поставлены 20 лет назад, все это время мы топчемся на месте и шаг вперед не ступили, понимаете? Потом были работы по оперативно-розыскным мероприятиям в интернете, диссертации были написаны, все это уже обсуждается больше 20 лет. И закрытые, и открытые публикации были. Двадцать лет мы обсуждаем одно и то же, потому что на профессиональном уровне никто эти научные проблемы не разрабатывает. Спасибо.

Мацкевич Игорь Михайлович: Коллеги, у меня вопрос: мы в три часа будем заканчивать или мы будем до четырех часов мероприятие проводить? Мне то все равно, как скажете. Так! Проверим, кто у нас в наличии. Прошу приготовиться Шамрина Максима Юрьевича. А сейчас слово Кравцову Дмитрию Александровичу. Да, я извиняюсь, поскольку опять-таки не у всех есть программа. Кравцов Дмитрий Александрович, доцент кафе-

дры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного Комитета Российской Федерации.

Кравцов Дмитрий Александрович: Еще раз здравствуйте всем. Очень оживленную дискуссию вызвали все эти открытые вопросы. С учетом обозначенной темы мое выступление называется — «Использование цифровых технологий в предупреждении преступности». Я внимательно наблюдал за происходящим здесь, и на многие обозначенные мной вопросы уже были даны ответы. Многие проблемы были озвучены, которые хотелось бы отразить в моем докладе, поэтому скажу максимально коротко. В своем выступлении я хотел бы предложить на землю спуститься и поговорить о других преступлениях. Я хочу поговорить об общей преступности, которая существует повсеместно, с которой мы сталкиваемся ежедневно в своей жизнедеятельности, и не только естественно, с учетом специфики своей работы, хотя в работе мы тоже сталкиваемся с ней. Здесь также, хотелось бы заметить, что прозвучало предложение привлечь специалистов к разработке различных положений по предупреждению преступности. Я бы хотел обязательно сделать акцент на то, что надо привлекать специалистов из числа практических работников, которые непосредственно работают как с преступниками, совершающими общеуголовные преступления, так и с потерпевшими, которые стали жертвами совершенных преступлений. Это необходимо для того, чтобы эту задачу изучить не просто всеобъемлюще, но, как понимать, из чего преступность произошла, как она зарождается, как она протекает, чтобы все эти процессы понять.

Я хотел изначально обозначить, как я у себя это и обозначил, те системы, которые существуют, которые необходимо нам брать на вооружение в рамках предупреждения и профилактики преступности в полном объеме, которые уже существуют в мировой практике, и не просто существуют, а успешно применяются и используются. В частности, конечно, уже неоднократно прозвучала Китайская Народная Республика, которая, безусловно, в моем представлении в настоящее время — не просто один из лидеров, а лидером она является в данном направлении — именно в предупреждении преступности с учетом тех мероприятий и той техники, которую они задействуют. Можно только поражаться и брать пример и, естественно, это нельзя откладывать и ни в коем случае нельзя упустить. Их опыт необходимо брать на вооружение в кратчайшие сроки и применять. Приводить примеры, каким образом

они действуют, смысла уже нет, здесь уже много чего прозвучало, в том числе то, на что я хотел обратить внимания. Поэтому повторяться нет необходимости.

Также хотелось бы заметить, что следовало бы вернуть и максимально использовать то, что было в нашем государстве: планирование, прогнозирование преступности. Эти направления активно в настоящий момент развиваются и внедряются в тех же самых западных странах, а как бы у нас это не получило развития, не то, чтобы не получило, но предано забвению, можно так сказать. А к этому все вернулись, в том числе и с применением вот этих самых цифровых технологий, искусственного интеллекта, и это успешно применяется и успешно работает.

Я начал выступление с того, что надо вернуться землю. Естественно, киберпреступления это не просто важно, это безусловно важно. Мы от киберпреступности не то, что не уйдем, эта преступность будет развитие получать. Совершаться преступления будут уже при помощи того же самого компьютера. Уже сейчас фактически можно совершить практически любое уголовно наказуемое деяние, которое в уголовном кодексе предусмотрено с помощью компьютера. Понятно, есть исключения определенные, но круг всевозможных общеуголовных преступлений с использованием и применением того же компьютера просто уже ничем не ограничивается.

Я, как было сказано, представляю правоохранительные органы, в частности Следственный Комитет. Но предупреждение преступности необходимо осуществлять с помощью наших граждан и наших гражданских институтов. Следует максимально широко привлекать общественность, но и специалисты, в том числе сотрудники правоохранительных органов, не должны оставаться в стороне от предупреждения преступности. Только специалисты могут получить более подробную информацию о преступности и правильным образом ее оценить. Информация из открытых источников, из средств массовой информации, поверьте мне, часто не соответствует действительности. Кроме того, специалисты имеют возможность получить такие данные, которые вы больше нигде и никак не получите.

Еще раз скажу, что многое из того, что хотелось бы сказать, к моему сожалению, но, к счастью, потому что это было озвучено, уже прозвучало. Поэтому я завершу на этом свое выступление. Спасибо за предоставленную возможность.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо, Дмитрий Александрович. Осталось десять минут, да-

вайте вопросы будем задавать? У меня предложение такое: у нас еще, у меня во всяком случае, в программе десять человек, которые должны выступить. И, мне кажется, поскольку люди заявились, значит кто-то из них явно хочет выступить. Давайте в таком случае все вопросы и ответы на них перенесем на продолжение дискуссии в неформальной обстановке. Пока что запишите себе каждый собственные вопросы, чтобы не забыть.

Слово предоставляется преподавателю кафедры административного права Университета имени О. Е. Кутафина Максиму Юрьевичу Шамрину.

Шамрин Максим Юрьевич: Я очень коротко. Много было рассказано интересного. Цифровые технологии — это действительно наше будущее, которое уже сегодня входит в повседневную жизнь. И мы пока еще не научились эти технологии в полной мере использовать. Например, можно создать систему, которая регулировала бы, сколько количества лекарств нужно давать больным в больнице. Соответственно, когда врачи постоянно меняются, уже каждый пациент будет внесен в реестр, посредством процедуры геосипрохождения. Соответственно, другой врач, который придет на смену лечащему врачу, он уже будет знать какие витамины, какие таблетки принимает этот больной. Таким образом, ему не нужно будет изучать историю болезни и, соответственно, он сможет использовать эту технологию в благоприятных целях. То есть в блокчейне есть плюсы и минусы, но в будущем, все-таки, эта технология будет использоваться повсеместно и является, все равно, позитивным достижением в области информационных технологий.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо! Аплодисменты в Ваш адрес за регламент, я так думаю в первую очередь. Шучу. Уважаемые коллеги, список участников программы исчерпан, как это ни странно. Поэтому, я предлагаю следующее: если кто-то хочет выступить, то буквально в пределах двух минут. И потом мы завершим наш круглый стол. Пожалуйста. Да, слово Николаю Григорьевичу Кадникову, многолетнему заведующему, а теперь профессору кафедры уголовного права Московского университета МВД имени В. Я. Кикотя.

Кадников Николай Григорьевич: Игорь Михайлович, у меня не столько выступление, сколько вопросы и замечания. Безусловно, внедрять современные технологии нужно, но штука в том, что у нас многие двигались в этом направлении, но, к сожалению, до сих пор в плане борьбы с преступностью технически реализовать эти идеи не смогли, потому что, ну представьте, да,

в идеальных условиях у вас все работает, но стоит пальцу вспотеть, и уже машина не принимает данные. То есть в этих устройствах сейчас столько ложных срабатываний, что даже Apple отказался от использования этой технологии, но над программами идентификации личности мы, безусловно, тоже думаем. Мы можем, кому это интересно, отдельно встретиться, и я расскажу, какие фантастические вещи открываются, что мы с вами даже никогда не подозревали о них. Что касается оцифровки имеющихся данных, наверное, это возможно, сейчас посмотрим на сам алгоритм, на сами инструменты, как это делается, если это будет возможно сделать, потому что, знаете, как, пообещать и не сделать, это не наш принцип. Мы лучше ничего не скажем, но сделаем, поэтому давайте попробуем, посмотрим.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо! Ну, что ж! Давайте завершать. Александр Вячеславович, есть у Вас слова завершения какие-нибудь?

Александр Вячеславович Федоров: Давайте будем оптимистами, действительно, наше дело правое, победа будет за нами. Преступность не победить, она всегда была, есть и будет, но снизить ее уровень до социально минимальных значений, которые в определенной степени будут устраивать общество, можно. Наверное, это наша задача. В том числе это касается и киберпреступности.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо! Василий Юрьевич, я еще раз подчеркну, что организатором круглого стола выступил Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя. Василий Юрьевич, скажите несколько слов.

Федорович Василий Юрьевич: Уважаемые коллеги, так время быстро у нас прошло. Я так понимаю, что помимо общей дискуссии, у нас идут уже индивидуальные встречи. Я так увидел, что многие друг с другом через какой-то перерыв наметили дальнейшие творческие планы, переговоры по будущему научному сотрудничеству. Я думаю, что это тоже один из положительных моментов проведения нашего мероприятия. Я очень рад, что на площадке МГЮА мы провели такой замечательный круглый стол, где мы смогли наметить перспективы дальнейшего общего развития. Будем следовать всем рекомендациям, которые Владимир Семенович нам дал и двигаться к совершенствованию учебного процесса. Спасибо.

Мацкевич Игорь Михайлович: Спасибо, уважаемые коллеги. Я хотел бы отдельно поблагодарить тех, кто участвовал в организации круглого стола от нашей кафедры, кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Университета им. О.Е. Кутафина. Это, прежде всего, Елена Алек-

сандровна Антонян. Елена Александровна, я Вас благодарю. Саламова Себила Якубовна, которая тоже здесь присутствует, наши аспиранты, Елена Вадимовна Бочкарева. Ну и всем огромное спасибо за участие, думаю мы заслужили, чтобы друг друга за это поблагодарить и давайте похлопаем. (*Аплодисменты*). И, действительно, как сказал Владимир Семенович, нам надо проводить такие мероприятия достаточно регулярно, темы здесь были обозначены, будем думать, как вписать их все в график. Думаю, что часть этих мероприятий организует Союз криминалистов и криминологов, вице-президентом, которого, к слову, является Владимир Семенович. Потому что все мы, к сожалению, или, к счастью, довольно сильно заняты, в том числе и в том учебном процессе, который справедливо критикуется. Но я могу не в оправдание, а в объяснение, насчет плохих выпускников, о которых сказал Владимир Семенович сказать, что, к сожалению, к великому, к нам приходят очень слабо подготовленные абитуриенты. И с каждым годом, я это подчеркну, уровень их подготовки все хуже и хуже. Я думаю, что в Университете МВД примерно такая же проблема. Приходят абитуриенты, которые ничего не знают.

Реплика из зала: Не хотят знать.

Мацкевич Игорь Михайлович: И это тоже, увы. Но тогда это уже полная катастрофа. Это проблема, кстати, не только наша отечественная. Я вот был в США, так там школьное образование вообще безобразное и во многих других странах тоже самое. Здесь хвалили Сбербанк очень много, а есть позиция руководителя Сбербанка, того же Германа Грефа, по поводу образования, вы ее знаете, да? Что нам вообще люди грамотные не нужны, они мешают манипулировать ими. Это Греф открыто говорил.

Реплика из зала: Это не совсем так. Школа 21 набирает обороты. Там очень хорошее обучение.

Мацкевич Игорь Михайлович: Да, а все остальные не нужны. Греф именно об этом и говорит. Это его позиция. Коллеги, всем еще раз спасибо, давайте друг другу поаплодируем. Можно пойти попить кофе.

На Круглом столе выступил с докладом доктор юридических наук, профессор, советник министра внутренних дел Владимир Семенович Овчинский. Текст его выступления будет опубликован в 2020 г. в одном из номеров журнала Союза криминалистов и криминологов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Серджик Сергеевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армения, председатель Уголовной палаты Кассационного суда РА, профессор Российско-Армянского университета, avetisyanserj@mail.ru

Антонян Елена Александровна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), lab.kcriminolog@msal.ru

Бушманова Юлия Александровна — студентка 4 курса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), bushmanova.yu@yandex.ru

Векеерт Заския — студентка 6 семестра факультета права Потсдамского университета, s.weckert@t-online.de

Гриб Денис Вячеславович — адъюнкт кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, denisgrib83@gmail.com

Дегтерев Андрей Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, degterevand@rambler.ru

Жилкин Максим Геннадьевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, zmax71@mail.ru

Журавлева Галина Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, krim-pravo@yandex.ru

Зайцев Олег Александрович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, и.о. заведующего отделом уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судостройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, crim@izak.ru

Кадников Николай Григорьевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, krim-pravo@yandex.ru

Кнайш Лоннеке — студентка 6 семестра факультета права Потсдамского университета, knaisch@uni-potsdam.de

Козаченко Иван Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, uglaw@yandex.ru

Корнблум Оливер — студент 6 семестра факультета права Потсдамского университета, px-revilo@live.de

Коттке Колин — студент 10 семестра факультета права Потсдамского университета, colin.kottke@uni-potsdam.de

Лебедев Максим Владимирович — аналитик РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 3g4g@mail.ru

Лютцнер Маурис — студент 11 семестра факультета права Потсдамского университета, maluetzn@uni-potsdam.de

Мацкевич Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Международного фонда правовых инициатив, maskevich2004@mail.ru

Морозов Александр Алексеевич — аспирант кафедры Новой и новейшей истории Института истории и политики МПГУ, a.morozov.87@list.ru

Нудель Станислав Львович — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судостройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, slnudel@gmail.com

Рааш Табеа — студентка 6 семестра факультета права Потсдамского университета, tabea.raasch@web.de

Редникова Татьяна Владимировна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, trednikova@yandex.ru

Ролофф Антония — студентка 8 семестра факультета права Потсдамского университета, antonia.roloff@uni-potsdam.de

Руднев Владимир Ильич — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, wlad.rudnev@mail.ru

Сабитов Тимур Рашидович — доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, uglaw@yandex.ru

Саргсян Аделина Арменовна — соискатель кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Института права и политики Российско-Армянского университета, adelina-sargsyan@mail.ru

Саркисян Анна Ашотовна — аспирант кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), annas.gp.117@yandex.ru

Серебренникова Анна Валерьевна — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, serebranna@hotmail.com

Флайшауер Луиза — студентка 6 семестра факультета права Потсдамского университета, fleischhauer@uni-potsdam.de

Хакимова Эльмира Робертовна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, mira-mvd10@yandex.ru

Цимборски Сара — студентка 6 семестра факультета права Потсдамского университета, sarah.zimborski@live.de

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Antonyan Elena A. — Dr. iur., Professor, Professor des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin-Universität, lab.kcriminolog@msal.ru

Avetisyan Serzhik S. — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Rechtsanwalt der Republik Armenien, Vorsitzender der Strafkammer des Kassationsgerichts RA, Professor der Russisch-Armenischen Universität, avetisyanserj@mail.ru

Bushmanova Julia A. — Studentin des 4. Jahres an der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin-Universität, bushmanova.yu@yandex.ru

Degterev Andrey A. — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Astrachan Staatliche Universität, degterevand@rambler.ru

Fleischhauer Luisa — Studentin der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, fleischhauer@uni-potsdam.de

Grib Denis V. — außerordentlicher Lehrstuhl für Strafrecht an Der Moskauer Universität des Innenministeriums Russlands namens W. I. Kikotja, denisgrib83@gmail.com

Hakimova Elmira R. — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozentin, stellvertretender Leiter der Abteilung für administrative und rechtliche Disziplinen Ufa Rechts Institute des russischen Innenministeriums, miramvd10@yandex.ru

Kadnikov Nikolai G. — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Mitarbeiter der Russischen Hochschule, Professor an der Fakultät für Strafrecht der Moskauer Universität des Innenministeriums Russlands namens V. Ya. Kikotya, krim-pravo@yandex.ru

Knaisch Lonnecke — Studentin der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, knaisch@uni-potsdam.de

Kornblum Oliver — Student der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, px-revilo@live.de

Kottke Colin — Student der Rechtswissenschaft im 10. Fachsemester an der Universität Potsdam, colin.kottke@uni-potsdam.de

Kozachenko Ivan Y. — Dr. der Rechtswissenschaften, Akademiker des Lehrstuhls für Strafrecht der Ural Staatliche Universität, uglaw@yandex.ru

Lebedev Maksim V. — Analytiker RGU Gubkin des Oeles und des Gases (NIU) namens Moskau, Russische Föderation, 3g4g@mail.ru

Lütznier Maurice — Student der Rechtswissenschaft im 11. Fachsemester an der Universität Potsdam, maluetzn@uni-potsdam.de

Matskevich Igor M. — Dr. iur., Professor, Leiter des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin-Universität, Professor an der Moskauer Staatlichen M. V. Lomonosov-Universität, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Vorsitzender des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen Vorsitzender der Internationalen Stiftung für rechtliche Initiative, mackevich2004@mail.ru

Morozov Alexander A. — Doktorand des Lehrstuhls für moderne und zeitgenössische Geschichte am Institut für Geschichte und Politik der Moskauer Staatlichen pädagogischen Universität (MSPU), a.morozov.87@list.ru

Nudel Stanislav L. — Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Chief scientific Officer der Abteilung für Straf -, Strafprozessrecht; Gerichtsordnung Institut für Gesetzgebung und vergleichende Rechtswissenschaft bei Der Regierung der Russischen Föderation, slnudel@gmail.com

Raasch Tabea — Studentin der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, tabea.raasch@web.de

Rednikova Tatiana V. — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Wissenschaftliche Mitarbeiterin in der Abteilung für Umwelt-, Land und Agrarrecht, Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, Moskau, trednikova@yandex.ru

Roloff Antonia — Studentin der Rechtswissenschaft im 8. Fachsemester an der Universität Potsdam, antonia.roloff@uni-potsdam.de

Rudnev Vladimir I. — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Leitender Forscher der Institut Gesetzgebung und Rechtsvergleichung unter der Regierung der Russischen Föderation, wlad.rudnev@mail.ru

Sabitov Timur R. — Dr. der Rechtswissenschaften, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht an der Ural Staatliche Universität, uglaw@yandex.ru

Sargsyan Adelina A. — Suchender für Strafrecht und Strafprozessrecht am Institut für Recht und Politik der Russisch-Armenischen Universität, adelina-sargsyan@mail.ru

Sarkisian Anna A. — Doktorand Abteilung für forensischen Experten der Moskauer Staatlichen Rechtsuniversität O. E. Kutafin, annas.gp.117@yandex.ru

Serebrennikova Anna V. — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie an der Moskauer Staatlichen M. V. Lomonosov-Universität, serebranna@hotmail.com

Weckert Saskia — Studentin der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, s.weckert@t-online.de

Zaitsev Oleg A. — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, stellvertretender Leiter der kriminellen Abteilung, kriminellen Verfahrens Gesetzgebung; Gerichtsordnung Institut für Gesetzgebung und vergleichende Rechtswissenschaft unter der Regierung der Russischen Föderation, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, crim@izak.ru

Zhilkin Maxim G. — Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Leiter der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Regionalfiliale der Moskauer Universität des russischen Innenministeriums V. Y. Kikotya, zmax71@mail.ru

Zhuravleva Galina V. — Kandidat der Rechtswissenschaften, associate Professor für Strafrecht Der Moskauer Universität des Innenministeriums Russlands namens V. Ya. Kikot', krim-pravo@yandex.ru

Zimborski Sarah — Studentin der Rechtswissenschaft im 6. Fachsemester an der Universität Potsdam, sarah.zimborski@live.de

ABOUT THE AUTHORS

Antonyan Elena A. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Department at the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL), lab.kriminolog@msal.ru

Avetisyan Serzhik S. — Doctor of legal Sciences, Professor, honored lawyer of the Republic of Armenia, Chairman of the Criminal chamber of the RA court of Cassation, Professor Russian-Armenian University, avetisyanserj@mail.ru

Bushmanova Julia A. — Forth year student of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL), bushmanova.yu@yandex.ru

Degterev Andrey A. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Criminal Law Department of Astrakhan State University, degterevand@rambler.ru

Fleischhauer Luisa — 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, fleischhauer@uni-potsdam.de

Grib Denis V. — graduate student at the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, denisgrib83@gmail.com

Hakimova Elmira R. — Candidate of legal sciences, associate Professor, Deputy head of the Department of administrative and legal disciplines Ufa law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, miramvd10@yandex.ru

Kadnikov Nikolai G. — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor at the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, krim-pravo@yandex.ru

Knaisch Lonnecke — 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, knaisch@uni-potsdam.de

Kornblum Oliver — 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, px-revilo@live.de

Kottke Colin — 10th semester student of the Potsdam University Law Faculty, colin.kottke@uni-potsdam.de

Kozachenko Ivan Y. — Doctor of Legal Sciences, professor, head of Department of Criminal Law of The Ural State Law University, uglaw@yandex.ru

Lebedev Maxim V. — Analytic of Department of National Security Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Russia, Moscow, 3g4g@mail.ru

Lütznier Maurice — 11th semester student of the Potsdam University Law Faculty, maluetzn@uni-potsdam.de

Matskevich Igor M. — Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminology and Executive Law Chair at the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Honored Scientist of Russia, President of the Union of Criminalists and Criminologists, President of the International Foundation for Legal Initiatives, mackevich2004@mail.ru

Morozov Alexander A. — Postgraduate student of the Department of modern and contemporary history in Institute of history and politics of the Moscow State University of Education (MSPU), a.morozov.87@list.ru

Nudel Stanislav L. — Doctor of Law, Associate Professor, Chief researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, slnudel@gmail.com

Raasch Tabea — 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, tabea.raasch@web.de

Rednikova Tatiana V. — Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Environmental, Land and Agrarian Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, trednikova@yandex.ru

Roloff Antonia — 8th semester student of the Potsdam University Law Faculty, antonia.roloff@uni-potsdam.de

Rudnev Vladimir I. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of Institute legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, wlad.rudnev@mail.ru

Sabitov Timur R. — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of Criminal Law Department of The Ural State Law University, uglaw@yandex.ru

Sargsyan Adelina A. — PhD student of the Chair of Criminal Law and Criminal Procedure Law of Russian-Armenian university Institute of Law and Politics, adelina-sargsyan@mail.ru

Sarkisian Anna A. — graduate student of forensic expertise dept. of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), annas.gp.117@yandex.ru

Serebrennikova Anna V. — Doctor of law, Professor, Professor of the Department of criminal law and criminology of Moscow State University named after M. V. Lomonosov, serebranna@hotmail.com

Weckert Saskia — 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, s.weckert@t-online.de

Zaitsev Oleg A. — Doctor of law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, Acting head of the Department of criminal, criminal procedure legislation; judicial system Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, Vice-President of the Union of criminologists and criminologists, crim@izak.ru

Zhilkin Maxim G. — Doctor of law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Ya. Kikotya, zmax71@mail.ru

Zhuravleva Galina V. — Candidate of legal sciences, associate Professor of criminal law at the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot', krim-pravo@yandex.ru

Zimborski Sarah — 6th semester student of the Potsdam University Law Faculty, sarah.zimborski@live.de

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Strafrechtliche Grundlagen der Haftung der Komplizen des Verbrechens

Avetisyan S. S.

Ziel ist Die Hauptkonzepte der Verantwortung der Komplizen des Verbrechens zu markieren; die schwierigsten und Diskussionsfragen zu betrachten, die bei der Anwendung der einschlägigen Normen des Strafrechts entstehen; Gesetzesänderungen zur Verbesserung der Strafgesetzgebung Armeniens und Russlands vorzulegen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Synthese, Abzug, formal-rechtliche Methode, Vergleichs-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Bei der Bestimmung von Grund und Grenzen der Verantwortung der Komplizen des Verbrechens erhebliche Schwierigkeiten ergeben sich bei Handlungen der einzelnen Kooperationspartner von Verbrechen Mitschuld; Festlegung der Merkmale der Komplizenschaft und die Bestimmung der Formen der Beteiligung; Beurteilung der Straftat des Anbieters (Partner), die Verweigerung einer Freiwilligen Komplizen eines Verbrechens. Die strafrechtliche Regelung der Haftung von Komplizen eines Verbrechens muss ergänzt und geklärt werden. Insbesondere muss geklärt werden quantitative Merkmal der Komplizenschaft (zwei oder mehr Subjekt des Verbrechens), klären den Begriff der Komplizen der Verbrechen mit einer speziellen Verbindung, zusammen mit der Komplizenschaft in einem Verbrechen weisen in Personalunion Verbrechen, die Haftung für grobe Schaden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels liegt in der detaillierten Charakterisierung der Hauptkonzepte der Verantwortung der Komplizen des Verbrechens; die Schlussfolgerung über die ungerechtfertigte Berücksichtigung der Theorie der Selbstverantwortung der Komplizen und der akzessorischen Theorie wird begründet. Es wird geschlossen, dass die Grundlage der Doktrin des heimischen Strafrechts eine «gemischte» Theorie der Verantwortung ist. Theoretische Schlussfolgerungen und Vorschläge sowie Gesetzesänderungen können sowohl in der legislativen Tätigkeit als auch in der Durchsetzungspraxis und im Bildungsprozess berücksichtigt werden.

Stichwörter: Verbrechen, Verantwortung, Komplizenschaft, Akzessornost, Eigenständigkeit, Exzess, Co-Ausführung.

Die Probleme der Qualifikation der Plünderungen, die mit der Nutzung der Computertechnik nach der Gesetzgebung der Republik Belarus begangen werden

Grib D. V.

Ziel: eine Analyse der Allgemeinen und speziellen Zeichen des Diebstahls mit Hilfe der Computertechnik als eigenständige Form des Diebstahls durchzuführen, die Besonderheiten der weisen der Begehung dieses Verbrechens gegen das Eigentum zu betrachten, die problematischen Aspekte seiner gesetzlichen Regelung und Qualifikation zu markieren, sowie die Empfehlungen für die Verbesserung der Normen des Strafrechts der Republik Belarus vorzuschlagen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Abzug, formal-rechtliche Methode, Vergleichs-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen: In der Republik Belarus während des letzten Jahrzehnts gibt es eine aktive Einführung von Informationstechnologien in das Leben des Menschen sowie des Staates. Die Zunahme der registrierten Diebstähle, die mit der Nutzung der Computertechnik begangen werden, ist bemerkbar. Jedoch spiegelt diese Kategorie von Verbrechen nicht vollständig die Dynamik und das Niveau der Verbrechen in der Republik Belarus im Bereich der Informationstechnologien wider. Aus den statistischen Daten kann gefolgert werden, über ausreichende wissenschaftliche und praktische Relevanz der strafrechtlichen Bewertung der Straftat nach Art. 212 des Strafgesetzbuches der Republik Belarus.

1. 212 des Strafgesetzbuches der Republik BELARUS (Diebstahl durch den Einsatz von Computer-Technologie) ist die Art und Weise, es zu Begehen. Dieses Verbrechen wird durch Änderung von Informationen in einem Computersystem verarbeitet, auf Maschinenträgern gespeichert oder über ein Datennetz übertragen oder durch die Einführung von falschen Informationen in das Computersystem begangen. In jedem Fall ist dieser Diebstahl jedoch nur durch Computermanipulationen möglich, die darin bestehen, das Opfer oder die Person, der das Eigentum anvertraut oder unter dessen Schutz es sich befand, mit dem System der Informationsverarbeitung zu täuschen.

2. 212 des Strafgesetzbuches der Republik BELARUS (Diebstahl durch den Einsatz von Computer-Ausrüstung), in diesem Fall nicht vorhanden ist, und die Aktionen als Diebstahl qualifiziert.

3. Nach Teil 1 des Artikels 212 des Strafgesetzbuches der Republik BELARUS durchgeführten Täter zu qualifizieren, bei Unterschlagung, Konjugat mit sanktionierten Zugriff auf Computerinformationen, und nach Teil 2 dieses Artikels Diebstahl begangen wird, wenn ein unberechtigter Zugriff, was eine zusätzliche Qualifikation für die Gesamtheit der mit der Computerkriminalität.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist es, Vorschläge für die Qualifikation von Diebstahl mit Hilfe von Computer-Technologie als unabhängige Form des Diebstahls begangen zu formulieren, um Anzeichen für einen Betrug mit autorisiertem und unberechtigtem Zugang zu Computer-Informationen zu identifizieren.

Stichwörter: Informations- und Kommunikationstechnologie, Verbrechen gegen Eigentum, Diebstahl mit Hilfe von Computer-Technologie, Computer-Systeme, Gegenstand des Diebstahls begangen.

Die Notwendigkeit des strafrechtlichen Schutzes des politischen Systems Russlands: theoretischer Aspekt

Degterev A. A.

Ziel: Die regelmäßig in der Russischen Föderation abgehaltenen Wahlen zeigen, dass Verfahrensverstöße bei dem Wahlvorgang noch immer nicht beseitigt wurden, was sich wiederum auf die Legitimität der Staatsgewalt auswirkt. Im Artikel wird ein neuer Ansatz zur Bestimmung der sozialen Konditionalität des strafrechtlichen Machtschutzes und des Informationssubsystems des politischen Systems Russlands begründet. Die Frage nach der sozialen Konditionalität des strafrechtlichen Schutzes der Macht ereignet sich ständig. Dabei befasst sich die Wissenschaft sowohl mit den allgemeinen als auch mit den besonderen Fragen der Kriminalisierung, obgleich jedoch die Handlungen, die gegen die Legitimitätsvoraussetzungen der Macht verstoßen, nicht berücksichtigt werden. Darüber hinaus gibt es viele Diskussionspunkte, die weiter untersucht und diskutiert werden müssen. Die Theorie der Kriminalisierung als solche und die soziale Konditionalität des Strafrechts als einer seiner Bestandteile haben in der Theorie des Strafrechts des Landes gerade erst Gestalt angenommen. Gegenwärtig hat sich nicht einmal die Terminologie entwickelt, die die Bezeichnung der sozialen, rechtlichen und anderen Determinanten des Strafrechts bestimmt. In der Literatur findet man ungefähr ein Dutzend Bezeichnungen, jede hat aber ihre eigenen Mängel und das Fehlen einer einheitlichen Position zu diesem Thema, was sich sowohl auf die theoretische Ausarbeitung des Problems als auch auf die Gesetzgebungstätigkeit auswirken kann. Die Voraussetzungen der Legitimität und die Legitimität der Macht haben immer eine verfassungsrechtliche und sonstige aufsichtsrechtliche Grundlage. Verstöße gegen gesetzliche Vorausbestimmungen sind ein Teil des Mechanismus zur Begehung von Straftaten, die sich in die Staatsmacht und andere Sachverhalte des politischen Systems des Landes eingreifen. Die rechtliche Vorausbestimmung setzt die legislative Unterstützung für das Fortkommen des gesamten politischen Systems und seiner einzelnen Strukturelemente voraus, was sich sowohl in der Verfassung der Russischen Föderation als auch in den föderalen Gesetzen widerspiegelt. Unter diesen Umständen sollen, die zuletzt erwähnten in die strafrechtliche Norm einbezogen werden. Die Gefahr von Wahlverbrechen besteht nicht darin, dass auf diese Weise die verfassungsmäßigen Rechte eines einzelnen wahlberechtigten Bürgers verletzt werden, sondern die Grundlagen der Staatsmacht untergraben werden. Verstöße gegen die Systematisierungsregeln der Normen des Besonderen Teils des Strafgesetzbuchs der Russischen Föderation führen zu einer Reihe negativer Folgen, insbesondere wird die sozio-politische Eigenschaft der Handlungen, ihre rechtliche Natur, die Art der Gefahr für die Öffentlichkeit, die Korrelation mit anderen Handlungen usw. verzerrt.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode.

Schlussfolgerungen. Das Vorherrschen einer Handlung im Sinne der Vorschriften über die Haftung für Verstöße gegen die Voraussetzungen der Legitimität oder der Legitimität der Macht kann keine Grundlage für eine Kriminalisierung sein.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Das strafrechtliche Verbot hat eine Grundlage, die eine Reihe von Faktoren abdeckt, die die Notwendigkeit seiner Entstehung bestimmen, und die Grundlage des Strafrechts über Straftaten gegen die Staatsgewalt und die Aktivitäten der Medien umfasst mehrere Sachverhalte: die öffentliche Gefahr der Handlung, die internationalen Verpflichtungen Russlands gemäß den ratifizierten internationalen Verträgen und die normative Vorausbestimmung des Fortbestehens des politischen Systems und seiner einzelnen Struktursysteme. Aus praktischer Sicht sollte die Beseitigung dieser Mängel dazu dienen, die ordnungsgemäße Anwendung des einschlägigen Strafrechts zu erleichtern.

Stichwörter: soziale Konditionalität, Kriminalisierung von Handlungen, politisches System, strafrechtliche Verbote, Bestrafung von Handlungen, verfassungsmäßige Ordnung, kratologische Legitimität, rechtliche Legitimität, zivile Legitimität, Recht- und Ordnungslegitimität, Kriminalisierungsgrund.

Rechtliche und technische Probleme der Berücksichtigung der positiven Beziehungen in der Russischen Gesetzgebung

Zhilkin M. G.

Ziel ist es, eine logisch-rechtliche Analyse der Konzepte, die die Subjekte der begünstigten Beziehungen in der russischen Gesetzgebung bezeichnen, vorzustellen und Lösungswege für juristisch-technische Probleme und ihrer Verwendung bei der strafrechtlichen Regulierung der öffentlichen Beziehungen anzubieten.

Methodologie: Dialektische Methode, formal-logische Methode, Analysetechniken, Synthese.

Schlussfolgerungen. In der föderalen Gesetzgebung, in den Satzungen und gerichtlichen Akte für die Bezeichnung der Personen, die die materiellen Vorteile bekommen, mittels der Verwirklichung der Überwachung über ihrem Eigentum durch die dritten Personen, werden solche Begriffe wie "Begünstigte", "der begünstigte Besitzer", "Nutzniesser", "die kontrollierende Person", "die den Schuldner kontrollierende Person" verwendet. Dabei ist der Begriff des "Begünstigten" nicht in der geltenden Gesetzgebung definiert, während die Konzepte "Nutznießer", "Kontrollperson", "Schuldnerkontrollperson" gesetzliche Definitionen haben. In den Gesetzestexten, Unterordnungsvorschriften, Gerichtsentscheidungen werden diese Konzepte meist als prägnant verwendet, aber manchmal wird eine andere unterschiedliche Bedeutung impliziert. In einigen Fällen hat diese Bedeutung eine positive, in anderen eine negative Färbung. Wir glauben, dass die Verwendung verschiedener Begriffe oder das Füllen eines Begriffs mit unterschiedlichen Bedeutungen bei der Charakterisierung der Inhalte von begünstigten Verbindungen gegen das Prinzip der terminologischen Einbildung in Gesetzlichkeit und Rechtsauffassung verstößt. Nach unserer Auffassung, um ein System in der Unterscheidung der Begriffe für das geltende Gesetz auszuarbeiten soll man den Konzeptapparat in dem untersuchten Bereich einordnen und die Verwendung der oben genannten Begriffe gegebenenfalls klar trennen. Im Bereich des Strafrechts zum Beispiel, um die Person der Nutznießer-Verbindungen zu markieren, wäre es besser, den Begriff "versteckte begünstigte Besitzer" zu verwenden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Analyse ergab die Insolvenz der juristisch-technischen Gestaltung der geltenden Gesetzgebung auf dem Gebiet der Regulierung der "begünstigten" Beziehungen. Es wurden terminologische Diskrepanzen in der Beschreibung der gleichen Personen dieser Beziehungen in verschiedenen Gebieten des Rechts und des Mangels an Einheitlichkeit ihrer Verwendung bei der Rechtsauffassung festgestellt. Die vorgelegten Vorschläge können genutzt werden, um die Sprache des Gesetzes im untersuchten Bereich zu verbessern und zu verbreiten.

Stichwörter: Begünstigte, begünstigte Besitzer, Nutzniesser, Kontrollperson, kriminelle Insolvenz, die Rechtstechnik.

Zur Frage der Qualifikation von Amtsmissbrauch

Zhuravleva G. V.,

Hakimova E. R.

Ziel: Analysieren ausgewählte Probleme der Qualifizierung der Amtsuntreue, die in der Praxis der Anwendung des Strafrechts der Russischen Föderation. Rechtfertigen Empfehlungen für die strafrechtliche Bewertung von Handlungen durch Beamte, deren Konzept in der Anmerkung zu Artikel 285 des Strafgesetzbuches unter Berücksichtigung der gerichtlichen Auslegung gegeben ist.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Abzug, formal-rechtliche Methode, Vergleichs-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Das Strafrecht der Russischen Föderation, das die Verantwortung für amtsverbrechen übernimmt, soll das rechtmäßige funktionieren der staatlichen macht, die Interessen des öffentlichen Dienstes und des Dienstes in den lokalen selbstverwaltungsorganen verbessern und sicherstellen. Der Missbrauch von amtlichen Befugnissen ist die Zusammensetzung von amtsverbrechen, die zu den komplexesten Taten gehören, mit einer Reihe von bewertungsmerkmalen und Elementen der Zusammensetzung, die weder unter Wissenschaftlern noch in der Strafverfolgung eine einheitliche Interpretation gefunden haben. Oktober 2009 Nr. 19 «über die Rechtsprechung in Fällen von Amtsmissbrauch und überhöhung von amtsmachten» hat auch die strittigen Fragen der Auslegung von Normen, die unserer Meinung nach für das einheitliche Verständnis der Zeichen der amtsverbrechen, die problematischen Fragen der Auslegung von Normen, die ständig mit der KVA-lifikation der angegebenen Kategorie von kriminellen Fällen konfrontiert sind, nicht beantwortet.

1. Das geltende Strafrecht definiert den Missbrauch amtlicher Befugnisse als die Verwendung amtlicher Befugnisse durch einen Beamten, die den Interessen des Dienstes zuwiderlaufen, wenn diese Handlung aus egoistischem oder sonstigem persönlichen Interesse begangen wurde und eine erhebliche Verletzung der Rechte und legitimen Interessen der Bürger oder Organisationen oder der Interessen der Gesellschaft oder des gesetzlich geschützten Staates zur Folge hatte.

Das corpus delicti, für das Artikel 285 des Strafgesetzbuches zuständig ist, bezieht sich im Bauwesen auf die Objektive Seite der materiellen Zusammensetzungen, D. H. der Zeitpunkt Ihrer Vollendung kommt zu dem Zeitpunkt, zu dem-den geschützten Interessen substanziellen Schadens untergeordnet, es sei denn, im Gesetz Folgen der Qualifikation als Versuch unmöglich angegeben, weil die Handlung sich auf Kompositionen mit einem echten begründeten Schaden bezieht.

2. Der Missbrauch von amtlichen Befugnissen ist die Zusammensetzung von Verbrechen, die zu den komplexesten Taten gehören, mit einer Reihe von bewertungsmerkmalen und Elementen der Zusammensetzung, die weder unter Wissenschaftlern noch in der Strafverfolgung eine einheitliche Interpretation gefunden haben. Zur Verfügung stehende Erklärung des Plenums des obersten Gerichtshofs der Russischen Föderation vom 16. Nr. 19 «auf der gerichtlichen Praxis in Fällen von злоупотреблению Amtsmissbrauch und über Amtsmissbrauch» auch nicht reagierte auf die strittigen Fragen der Auslegung von Normen, unserer Meinung nach grundlegend wichtig für die einheitliche Verständnis der Merkmale der Bestände der Amtsuntreue, die problematischen Fragen der Auslegung von Vorschriften, mit denen Sie ständig konfrontiert правонарушитель bei der Qualifikation von kriminellen Fällen der angegebenen Kategorie.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Analyse von qualifikationsproblemen einzelner amtsverbrechen und der Begründung von Empfehlungen zur Überwindung der identifizierten Probleme.*

Stichwörter: *Strafgesetzbuch, Qualifikation von amtsverbrechen, Amtsmissbrauch.*

Die Hauptrichtungen der kriminellen Politik im Bereich des Schutzes der wirtschaftlichen Interessen und Rechte der Unternehmer

Zaitsev O. A.

Ziel: *die kriminalpolitischen Richtungen im Bereich des Schutzes der wirtschaftlichen Interessen und der Rechte der Unternehmer zu untersuchen.*

Methodologie: *Analyse, Abzug, formal-rechtliche Methode, Vergleichs-rechtliche Methode.*

Schlussfolgerungen. *Weitere Arbeit an der Bildung eines branchenübergreifenden Instituts, das die Ordnung der Strafbarkeit im Bereich der Geschäftstätigkeit regelt, ist notwendig. Die Bedeutung der theoretischen Begründung des Konzepts des souveränen Schutzes der Rechte und legitimen Interessen der Unternehmer wird bemerkt. Es sollte ein einheitlicher Ansatz für die integrierte Anwendung der Normen des materiellen und strafrechtlichen Verfahrensrechts in Bezug auf Personen, die Geschäftstätigkeit ausüben, entwickelt werden. Es ist notwendig, die Aufsicht der Staatsanwaltschaft über die Tätigkeit von Körpern der Untersuchung und der Voruntersuchung auf Fällen von Verbrechen zu stärken, die von Unternehmern gemacht sind. In- und ausländische Erfahrungen bezüglich der Verhinderung von Tatsachen der Einleitung von kriminellen Fällen der wirtschaftlichen Orientierung nur auf der Grundlage von Zeugenaussagen müssen untersucht werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Das Studium der gesetzlichen Regelung des interdisziplinären Instituts, das die Ordnung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit im Bereich der Geschäftstätigkeit regelt, erlaubt, eine Reihe von Problemen zu lösen, die mit der Verbesserung der aktuellen kriminellen und kriminellen Verfahrensgesetzgebung verbunden sind.*

Stichwörter: *Strafrecht, Strafprozessrecht, strafrechtliche Haftung von Unternehmern.*

Gefährlicher persönlichkeitszustand als strafrechtliche Grundlage

Kadnikov N. G.

Ziel: *Analysieren Sie die Gründe der strafrechtlichen Verantwortlichkeit in historisch bestehenden Schulen des Strafrechts, in der modernen Strafgesetzgebung der Russischen Föderation und im Ausland. Beachten Sie den Inhalt einer solchen Grundlage der strafrechtlichen Verantwortung wie ein gefährlicher Zustand der Persönlichkeit, gespiegelt in v. 210.1 des Strafgesetzbuches.*

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Abzug, formal-rechtliche Methode, Vergleichs-rechtliche Methode.*

Schlussfolgerungen. *Änderungen des Strafrechts in der Russischen Föderation haben viele Institutionen des Strafrechts betroffen. Wesentliche Ergänzungen berührten das Problem der Bekämpfung der organisierten Kriminalität. 210 des Strafgesetzbuches, wo neue Zeichen der kriminellen Gemeinschaft, Teilnehmer und Organisatoren einer solchen Organisation präsentiert. Eine Person, die eine höhere Position in der kriminellen Hierarchie einnimmt, ist ein besonderes Thema des Verbrechens. Zwei tausend neunzehn Das Strafgesetzbuch ergänzt wurde die Norm, gemäß*

welcher die Strafbarkeit installiert für den Beruf Angesicht der höchsten Stellung in der kriminellen Hierarchie, d.h. krimineller Akt verkündet nur den Zustand der Persönlichkeit, und nicht Begehen Handlungen, die zu einem gewissen Grad entspricht nicht den Bestimmungen des § 8 StGB, wo die Grundlage der strafrechtlichen Verantwortlichkeit gesteht die Begehung der Taten, mit allen Anzeichen einer Straftat nach dem Strafrecht.

1. Das Strafgesetzbuch hat die Grundlage der strafrechtlichen Verantwortung, die von der klassischen Schule des Strafrechts entwickelt wurde, hervorgehoben. Es geht um die Begehung von SANE Person erreicht das Alter der strafrechtlichen Verantwortung, Handlungen in der objektiven Welt (Handlung oder Unterlassung), der Verbotenen Strafrecht und enthält alle Merkmale bestimmter Straftaten.

210. 1 des Strafgesetzbuches) in der modernen Strafgesetzgebung eine wesentliche Novelle, die die Vorstellung von dem, was kommt die strafrechtliche Verantwortung: für die Tat oder für die Gefahr des Individuums. Die Geschichte der Entwicklung des Strafrechts lässt uns zu dem Schluss kommen, dass der Übergang zur soziologischen Schule des Strafrechts in der Frage der Anerkennung der Grundlage der strafrechtlichen Verantwortung des gefährlichen Zustandes des Individuums sehr negative Folgen für die Bestimmung der Richtungen der Straf-Politik und Ihrer praktischen Verwirklichung ins Leben mit sich bringt. Sie können sich an die Hinrichtungen von Hexen und Hexen im Mittelalter erinnern, an außergerichtliche Massaker in Deutschland, der UdSSR und anderen Ländern im 30-40-Jahrhundert, an die Opfer der Kulturrevolution in China, Kambodscha usw.

2. Das ausländische Strafrecht verwendet verschiedene Gründe der strafrechtlichen Haftung mit der Vorherrschaft der Grundlage in Form einer Objektiv begangenen Handlung, die Anzeichen einer bestimmten Zusammensetzung des Verbrechens enthält. Zum Beispiel im Jahr 2006 StGB Georgien wurde ergänzt § 223.1, die Haftung für die Mitgliedschaft in der kriminellen Gemeinschaft (Teil 1 dieses Artikels Strafe in der Form der Haft auf die Dauer von 8 bis 15 Jahren mit einer Geldbuße oder ohne Migrationshintergrund) und der Aufenthalt der Person in der Position «Dieb im Gesetz» (Teil 2, Strafe in der Form der Haft auf die Dauer von 7 bis 10 Jahren mit einer Geldstrafe oder ohne). Zur gleichen Zeit Artikel 7. Das Strafgesetzbuch von Georgia erkennt die Basis der kriminellen Verbindlichkeit ein Verbrechen an, das durch das kriminelle Gesetz ungesetzliche und Schuldige Handlung zur Verfügung gestellt ist. So gelten die Bestimmungen der soziologischen und klassischen Schulen des Strafrechts.

Nach dem Gesetz RICO in den USA zur Verantwortung ziehen Führer der Mafia-Formationen (die Basis ist ein Modell Ihres Verhaltens, nicht ein Verbrechen).

Das Strafgesetzbuch der Bundesrepublik Deutschland als Grundlage für die strafrechtliche Haftung anerkannt auch eine Handlung, die Anzeichen für eine Straftat enthält, aber um den gefährlichen Zustand der Persönlichkeit des deutschen Gesetzgebers in das Strafgesetzbuch Maßnahmen zur Korrektur und Sicherheit (Kapitel sechs des Strafgesetzbuches), die durch die folgende Liste definiert sind, zu begegnen: Raum in einem psychiatrischen Krankenhaus; Raum in einer Isolationseinrichtung für Alkoholiker oder Süchtige; präventive Gutachten; Einrichtung der Überwachung; Entzug der Erlaubnis, Fahrzeuge zu fahren; Berufsverbot. Angesichts der Lage mit der Kriminalität in Deutschland wäre die Zuteilung solcher Korrekturmaßnahmen und Sicherheitsmaßnahmen im Strafgesetzbuch vorzuziehen als die Verwendung der Bestimmungen der soziologischen Schule des Strafrechts in dieser Frage.

Die Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Bestimmung der Bedeutung der Normen des Strafrechts, die die Grundlage der strafrechtlichen Haftung bestimmen, so dass festgestellt werden kann, dass ein gefährlicher Zustand der Persönlichkeit als Grundlage für die Anwendung anderer Kontrollen oder Sicherheitsmaßnahmen angesehen werden kann.

Stichwörter: Strafgesetzbuch, die Grundlage der strafrechtlichen Verantwortung, die Zusammensetzung des Verbrechens, ein gefährlicher Zustand der Persönlichkeit.

Zur Frage des Inhalts von strafrechtlichen Risiken

Nudel S. L.

Ziel: strafrechtliche Risiken doktrinär zu definieren und deren Inhalt offenzulegen.

Methodologie: eine Allgemeine dialektische Methode, die auf den Gesetzen und Kategorien des dialektischen Materialismus basiert. Darüber hinaus werden private und spezielle Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis (formal-rechtliche, System-strukturelle), logische Operationen (Abzug und Induktion, Analyse und Synthese) verwendet.

Schlussfolgerungen. Der Artikel wurde vom Autor geschlossen, dass die strafrechtlichen Risiken in der Unmöglichkeit der Einhaltung der etablierten strafrechtlichen Verbot ausgedrückt werden; «Entfremdung» der Bürger von der Strafrecht; rechtliche Kollisionen und rechtliche Lücken; Lücke System-rechtliche Beziehungen der strafrechtlichen Normen im Rechtssystem; Verletzung der Korrelation zwischen der strafrechtlichen Haftung

als eine rechtliche Methode der Regulierung und ein Maß für die Reflexion der wirtschaftlichen, sozialen und politischen Prozesse.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung von strafrechtlichen Risiken ermöglicht es, Probleme zu identifizieren und zu systematisieren und Lösungswege für die Verbesserung der geltenden Strafgesetzgebung vorzuschlagen.

Stichwörter: strafrechtliches Risiko, Verbrechen, Kollision, rechtliche Lücken, Identität des Täters, Anomie, Rechtssystem.

Aktive Reue als Grundlage für die Befreiung von der strafrechtlichen Haftung nach Armenischem und Russischem Recht

Sargsyan A. A.

Ziel: Analyse der Probleme bei der Erstellung einer strafrechtlichen Norm, die die Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit im Zusammenhang mit der aktiven Reue nach dem Strafgesetzbuch der Republik Armenien und der Russischen Föderation vorsieht.

Methodologie: Deduktion, formell-juristische Methode, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die moderne strafrechtliche Politik des Staates folgt dem Weg der Humanisierung des Strafrechts, zu dessen Erscheinungsformen die Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit im Zusammenhang mit aktiver Reue gehört, und daher erscheint es notwendig, das Strafrecht zu verbessern, um es in der Praxis am effektivsten anzuwenden. Der Artikel enthält wissenschaftlich fundierte Empfehlungen zur Verbesserung der geltenden Gesetzgebung und der Praxis der Anwendung dieser Anreiznorm, um die dafür gesetzten Ziele wirksamer zu erreichen, und der Autor schlägt eine neue Ausgabe von Teil I des Artikels vor 72 des Strafgesetzbuches der Republik Armenien (Teil I von Artikel 75 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation).

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ergebnisse der Studie können dazu beitragen, Lücken in der gesetzlichen Regulierung der aktiven Reue und in der Praxis ihrer Anwendung zu schließen.

Stichwörter: aktive Reue; Ermutigung; Anregung; Verhalten nach Straftaten; Befreiung von der strafrechtlichen Haftung; Wahlbeteiligung; Humanisierung; Freiwilligkeit; Aufdeckung eines Verbrechens.

Merkmale der Auswahl vorbeugender Maßnahmen alternativ Sorgerecht

Rudnev V. I.

Ziel: Analyse der strafrechtlichen Normen für die Auswahl von Präventivmaßnahmen, die in Bezug auf die Inhaftierung eine Alternative darstellen können.

Methodologie: abzug, formale Rechtsmethode, vergleichende Rechtsmethode, dialektische Methode.

Schlussfolgerungen. Die unzureichende Wirksamkeit der gesetzlichen Regelung für die Wahl einer vorbeugenden Maßnahme in Form von Inhaftierung wird gezeigt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie kann dazu beitragen, die Notwendigkeit der Entwicklung neuer Präventionsmaßnahmen zu verstehen, die eine Alternative zur Inhaftierung darstellen, und auch die Möglichkeit aufzuzeigen, kombinierte Präventionsmaßnahmen zu wählen.

Stichwörter: alternative vorbeugende Maßnahme, Inhaftierung, Hausarrest, Kaution, Gericht, Verbot bestimmter Handlungen.

Erstellen einer sicheren Umgebung für Kinder

Antonyan E. A.

Ziel ist aktuelle Fragen der Gewährleistung einer sicheren Umgebung für Kinder, auch in der Stadt, die Priorität in der Innenpolitik sind, da es um die Erhaltung und Rettung der Russischen Jugend geht.

Methodologie: dialektische, vergleichende, logische Methoden sowie Methoden der Analyse und Synthese.

Schlussfolgerungen. Auf der Grundlage einer umfassenden Analyse der aktuellen Bundes- und Regionalgesetzgebung und der Anwendungspraxis sowie ausländischer Erfahrungen wurden die Probleme der unzureichenden Wirksamkeit von gesetzgebungsnormen identifiziert, die in den praktischen Aktivitäten von Sondergremien und Diensten verwendet werden. In diesem Zusammenhang ist es notwendig, die systematische Überwachung des Zustands der normativen Unterstützung aller Systeme, die mit Kindern interagieren, zu konsolidieren, was dazu beiträgt, Faktoren zu identifizieren, die die Genauigkeit und Effizienz der Arbeit interessierter Stellen erhöhen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Eine umfassende Analyse bestimmter Fragen der Gewährleistung einer sicheren Umgebung für das Leben von Kindern hat einige Lücken in der geltenden Gesetzgebung, Widersprüche in der regionalen Gesetzgebung, die Notwendigkeit der Kriminologischen Überwachung der Informationsflüsse über moderne Systeme der legislativen Unterstützung für die Entwicklung eines integrierten Systems von Maßnahmen zur Rettung von Kindern und die Schaffung einer sicheren Umgebung für eine gesunde und vollständige Entwicklung des Kindes in einem einzigen Leben Russland des Raumes in Übereinstimmung mit den Zielen der demografischen Politik aufgedeckt, die Prinzipien einer sozial orientierten Politik des Staates und der Volkswirtschaft, stimulieren die regionale Entwicklung.

Stichwörter: Kindersparen, Sicherheit, Schule, städtische Umwelt, Empfehlungen, psychologischer Dienst, Maßnahmen, Maßnahmen, Gesetzgebung.

Der Ort der Rechtsgrundsätze im Rechtssystem

Kozachenko I. Y.,

Sabitov T. R.

Ziel. Berücksichtigung der wichtigsten Gesichtspunkte hinsichtlich der Stellung der Rechtsgrundsätze im Rechtssystem, Unterscheidung zwischen Rechtsgrundsatz und Rechtsstaatlichkeit.

Methodologie: die Sammlung, Verarbeitung, Zusammenstellung, Analyse und Interpretation von Forschungsmaterial erfolgt mit verschiedenen Methoden: Einführung, Ableitung, Rückführung, vergleichende rechtliche Analyse, statistische Methode usw. Bei der Abfassung des Artikels wurden soziologische Methoden angewendet: Fragebogenerhebung, Dokumentenprüfung, Expertenbewertung.

Schlussfolgerungen. Die Autoren kommen zu dem Schluss, dass Versuche, Rechtsgrundsätze in die Elemente des Rechtssystems einzubeziehen, immer erfolglos sind, da ihr Platz im Allgemeinen außerhalb des Rechtssystems liegt. Rechtsgrundsätze, die Bestandteil der Rechtsideologie sind, beziehen sich letztendlich auf den Bereich des Rechtsbewusstseins.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Basierend auf der Studie, die verschiedene grundlegende Gesichtspunkte hinsichtlich der Stellung von Rechtsgrundsätzen im Rechtssystem untersucht hat, befürworten die Autoren die Position, nach der Rechtsgrundsätze Bestandteil des Rechtsbewusstseins, aber kein Rechtssystem sind.

Stichwörter: Rechtsprinzip, Rechtssystem, Rechtsbewusstsein, Rechtsnorm.

Forensiker im digitalen Zeitalter

Sarkisian A. A.

Ziel: der Artikel widmet sich der Analyse einiger Merkmale der Ausbildung von Forensikern im Kontext der Digitalisierung, Berücksichtigung des aktuellen Standes des Berufs eines Forensikers, Ermittlung von Schwerpunktbereichen für die Modernisierung des Berufs eines Forensikers unter modernen Bedingungen.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Forschung kommt der Autor zu dem Schluss, wie wichtig lebenslanges Lernen für einen Forensiker im Kontext der Digitalisierung ist.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Autor untersucht die wichtigsten Entwicklungsrichtungen des Berufs eines forensischen Experten für Digitalisierung. Es werden die Mängel einiger Ansätze für die Ausbildung von Forensikern ermittelt und Wege zu deren Behebung aufgezeigt.

Stichwörter: Forensik, Forensiker, Fachwissen, Digitalisierung der forensischen Tätigkeit, digitale Spuren.

Zwangsprostitution, Zwangsarbeit, Ausbeutung der Arbeitskraft (§§ 232a, 232b, 233 StGB)

Weckert S.

Ziel: Menschenhandel ist ein grenzüberschreitendes Problem, welches gemeinsam bekämpft werden muss. Unbestritten dabei ist, dass der Menschenhandel weltweit der am schnellsten wachsende Kriminalitätsbereich ist. Die bisher letzte Änderung der Vorschriften zum Menschenhandel in Deutschland erfolgte im Jahre 2016. Ziel ist es, darzustellen, inwieweit diese Vorschriften, nach deren Änderungen, in der Praxis Anwendung finden. Zusätzlich erfolgt ein Überblick über die Tatbestände der § 232a ff. StGB.

Methodologie: formal-juristische Methode, Deduktion

Schlussfolgerungen. Bei der Neuregelung der §§ 232ff. StGB hat sich der Gesetzgeber grundsätzlich an die Richtlinie 2011/36/EU gehalten und die gestellten Anforderungen miteinbezogen. Danach sollte auch die Schutzaltersgrenze

von 18 Jahren mit übernommen werden. Der deutsche Gesetzgeber entschied sich jedoch dazu, diese Grenze auf 21 Jahre anzuheben. Bezüglich dieser erhöhten Schutzaltersgrenze entstanden viele Wertungswidersprüche. Auch die Probleme innerhalb der Strafverfolgung sind beachtlich. Der Menschenhandel verändert sich stetig, folgend müssen die Tatbestände auf diese Veränderungen vorbereitet sein. Sollte dies nicht mehr gegeben sein, müssten diese Delikte dementsprechend angepasst werden.

Wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Dieser Beitrag soll aufzeigen, dass die Neuregelung der Menschenhandelsdelikte zunächst positiv aufzufassen ist. Im Hinblick auf Strafverfolgung bleibt es zu diesem Zeitpunkt aber abzuwarten, ob diese Änderungen ausreichend sind, um den Menschenhandel zu bekämpfen.

Stichwörter: Menschenhandel; Zwangsprostitution; Zwangsarbeit; Ausbeutung der Arbeitskraft; Schutzaltersgrenze; Anwendbarkeit in der Strafverfolgung.

Freiheitsberaubung (§ 239 StGB) und Ausbeutung unter Ausnutzung einer Freiheitsberaubung (§ 233a StGB)

Knaisch L.

Ziel des Aufsatzes ist es, einen Überblick über die Tatbestände der Freiheitsberaubung gem. § 239 StGB und der Ausbeutung unter Ausnutzung einer Freiheitsberaubung gem. § 233a StGB zu schaffen. Hierfür werden die Tatbestände erläutert, Probleme aufgezeigt und verschiedene Ansichten dargestellt.

Methodologie: formal-juristische Methode.

Schlussfolgerungen. Beide Tatbestände haben gemein, dass die persönliche Freiheit des Opfers geschützt wird. § 239 StGB sanktioniert die Tathandlungen des Einsperrens und der Freiheitsberaubung auf sonstige Weise. § 233a StGB setzt sich aus der Freiheitsberaubung und Ausbeutung zusammen. Durch das kumulative Vorliegen einer Freiheitsberaubung und Ausbeutung soll nicht mehr angenommen werden können, dass das Opfer freiwillig die Beschäftigung aufgenommen hat. Damit soll das praktische Problem der Nachweisbarkeit der Unfreiwilligkeit der Beschäftigungsaufnahme behoben werden. Jedoch werden durch die Ausgestaltung des § 233a StGB neue praktische Probleme geschaffen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung soll für die Probleme innerhalb der Tatbestände sensibilisieren und gegebenenfalls eigenes Interesse zur weiteren vertieften Recherche wecken. Sie ist insbesondere an Studierende oder ausländische WissenschaftlerIn und PraktikerIn gerichtet, die sich einen Überblick über die §§ 239, 233a StGB verschaffen wollen.

Stichwörter: Freiheitsberaubung; Ausbeutung unter Ausnutzung einer Freiheitsberaubung; Einsperren; Freiheitsberaubung auf sonstige Weise; List; faktischer Zwang; Praxistauglichkeit; Auslegung „in der Lage“.

Zwangsheirat (§ 237 StGB)

Kornblum O.

Ziel: In dieser Arbeit geht es um die Frage, ob der neu eingefügte § 237 StGB den Opfern in der Praxis mehr Schutz bietet oder reine Symbolwirkung besitzt.

Methodologie: Gründliche Recherche von Aufsätzen, Kommentaren und anderer Literatur, sowie Nachrichtenjournalen und amtlichen Mitteilungen.

Schlussfolgerungen. Geschlussfolgert wird, dass § 237 StGB eine begrüßenswerte Neuerung im deutschen Rechtssystem ist mit mehr Schwächen als Stärken.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Untersuchung soll seinerseits dem Gesetzgeber und der Judikative aufzeigen, an welchen Stellen Nachbesserungsbedarf herrscht und Verbesserungen des Opferschutzes in der Realität möglich sind. Nachdem der § 237 StGB in der Praxis seit 8 Jahren kaum Anwendung findet.

Stichwörter: Zwangsheirat, Zwangsverheiratung, Opferschutz, Symbolcharakter, Heiratsverschleppung, Nötigung, Kritik, Praxisrelevanz.

Entwicklung und Relevanz der Entziehung Minderjähriger (§ 235 StGB) und des Kinderhandels (§ 236 StGB)

Kottke C.

Ziel: Intention dieser wissenschaftlichen Arbeit ist es, die Tatbestände der Entziehung Minderjähriger und des Kinderhandels zu skizzieren. Hierbei soll einerseits klar werden, wieso der Gesetzgeber diese Normen bei ihrer

Kodifizierung für notwendig hielt und andererseits, inwiefern sich die Normen noch heute als inhaltlich problematisch darstellen. Es soll aufgezeigt werden, auf welchen Schutz die Paragraphen abzielen und wie dieser Schutz gewährleistet wird.

Methodologie: Analyse der historischen Entwicklung, formal-juristische Methode, Analyse der Entstehung des Minderjährigen/Kindes als Rechtsgut

Schlussfolgerungen. 1. Durch die Entziehung Minderjähriger soll in erster Linie das Sorgerecht geschützt werden. Doch die einschlägigen, familienrechtlichen Vorschriften zeigen auch, dass die elterliche Sorge letztlich dem Kindeswohl dient, und sich die Sorgeberechtigten in ihrem Handeln daran zu orientieren haben. Dies führt letztlich zu dem Schluss, dass neben dem sowieso bestehenden mittelbaren Schutz durch das Sorgerecht, der Minderjährige auch unmittelbar von der Norm als Schutzobjekt erfasst wird.

2. Der Kinderhandel wurde vor allem eingeführt, um gegen den häufiger werdenden Fall vorzugehen, dass Eltern ihre Kinder wie Handelswaren gegen Geld oder andere Güter angeboten haben. In einem engen Zusammenhang mit diesem Verkauf stehen auch Adoptionen. Aus diesem Grund schützt der § 236 die Menschenwürde von Kindern die nicht zum „Objekt“ der Interessen anderer Menschen werden sollen. Wobei der Absatz 1 auf die ungestörte seelische und körperliche Entwicklung des Kindes abzielt, und der Absatz 2 dagegen dem Zweck dient, die Vermittlungsverbote des Adoptionsvermittlungsgesetzes abzusichern. Allerdings dienen auch diese Verbote in erster Linie dem Schutz des Minderjährigen, sodass man sagen kann, dass die Schutzrichtung im Endeffekt die gleiche ist.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Obwohl die Bedeutung der beiden Tatbestände in praktischer Hinsicht relativ gering ausfällt, sind sie doch unverzichtbar für die Rechtsordnung. Beide Tatbestände normierten erstmals ein vorher straffreies Verhalten, und verhalfen dem Minderjährigen zu seiner heutigen Stellung im Strafgesetzbuch.

Stichwörter: Entziehung, Kinderhandel, Minderjähriger, Freiheit, Kind, Schutz.

Amtsträger und Urkundendelikte

Lützner M.

Ziel ist es, näher zu beleuchten, warum sich die Falschbeurkundungsdelikte (§§ 271, 348 StGB) durch eine unübersichtliche Kasuistik auszeichnen. Die Arbeit beschäftigt sich damit, warum es bis heute keine einheitliche Rechtsprechung gibt und nennt diese Gründe. Es wird kritisch mit neuen Literaturmeinungen umgegangen, die den strafrechtlichen Schutz von öffentlichen Urkunden verschärfen wollen.

Methodologie: formal-juristische Methode, systematische Methode.

Schlussfolgerungen. Es lässt sich hier festhalten, dass der strafrechtliche Schutz von öffentlichen Urkunden zum Schutz der Handlungsfreiheit nicht überspannt werden darf. Strafrecht darf und muss erst als ultima ratio eingreifen. Durch die neuen Thesen in der Literatur werden zu viele Urkunden in den Kreis der Strafbarkeit der §§ 271, 348 gezogen. Auch sachfremde Erwägungen, wie ein etwaiger Vermögensschutz spielen beim Schutz des Rechtsverkehrs keine dominierende Rolle. Sie rechtfertigen keine Strafschärfung. Die Einbuße an sozialer Freiheit wiegt mehr als ein etwaiger — nicht bewiesener — Gewinn an Rechtssicherheit. Die Handlungsfreiheit wird durch einen zu strengen Schutz des Rechtsverkehrs gefährdet.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Es wird anhand von Literatur und Rechtsprechung untersucht, ob diese Ansammlung von Einzelfällen, welche für viel Verwirrung in der Praxis und Lehre sorgt, vermieden werden kann. Die Arbeit dient weiterhin als Appell an den Gesetzgeber, der die Freiheit der Bürger nicht zugunsten von Vereinfachungen für die Rechtsprechung opfern soll.

Stichwörter: Falschbeurkundung im Amt; Mittelbare Falschbeurkundung; Öffentliche Urkunde; Urkundendelikte; Öffentlicher Glaube

Erpresserischer Menschenraub (§ 239a StGB) und Geiselnahme (§ 239b StGB)

Raasch T.

Ziel dieser Arbeit ist es, einen Überblick über die Tatbestände der §§ 239a, 239b StGB zu geben, welche viele Überschneidungen aufweisen. Zusätzlich hat der Gesetzgeber durch die Strafrechtsreform von 1989 erhebliche Anwendungsprobleme geschaffen, die dazu geführt haben, dass schlussendlich der BGH über diese Thematik zu entscheiden hatte. Diese Arbeit soll daher auch die verschiedenen Lösungsansätze und die mittlerweile vertretene Meinung aufzeigen.

Methodologie: formal-juristische Methode, systematische Methode, Deduktion

Schlussfolgerungen. 1. Für die Unterscheidung beider Tatbestandsvarianten ist eine genaue Abgrenzung entscheidend. Wichtig ist, wann genau der Täter seine Erpressungs- bzw. Nötigungsabsicht „entwickelt“ hat.

2. Auch wenn der subjektive Tatbestand beider Normen Probleme bereitet, hat die Rechtsprechung es geschafft, eine Lösung zu finden, mit der vernünftige Urteile gefällt werden können und die eine Abgrenzung zu den Tatbeständen der „klassischen“ Erpressung und sexuellen Nötigung/Vergewaltigung ermöglichen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In den letzten Jahren gab es nicht allzu viele polizeilich erfasste Fälle der §§ 239a, 239b StGB. Dennoch decken die Normen ein besonders schützenswertes Rechtsgut ab und nehmen trotz der in Literatur und Rechtsprechung nicht immer einheitlich gelösten Problematiken eine wichtige Rolle ein.

Stichwörter: Erpresserischer Menschenraub, Geiselnahme, Integrität der Geisel, Entführungs-/ Bemächtigungsvariante, Ausnutzungsvariante, 2-Personen-Verhältnis, stabile Bemächtigungslage.

Menschenraub (§ 234 StGB) und Verschleppung (§ 234a StGB)

Roloff A.

Ziel dieser Arbeit soll es sein, einen Überblick über die Freiheitsdelikte Menschenraub, § 234 StGB und Verschleppung, § 234a StGB zu schaffen. Hierbei sollen die historischen Hintergründe skizziert werden. Insbesondere der Verschleppungstatbestand bedarf einer historischen Beleuchtung, um nachvollziehen zu können, worin die Dringlichkeit der Einführung der Vorschrift lag. Wie im Verlauf der Arbeit zu erkennen sein wird, weisen der Menschenraub und die Verschleppung Gemeinsamkeiten sowie auch Unterschiede auf. Anhand der Darstellung der jeweiligen Deliktsnatur, der geschützten Rechtsgüter sowie der Aufführung der Strafbarkeitsvoraussetzungen der Delikte sollen diese Gemeinsamkeit und Unterschiede erkennbar werden. Die Frage nach der Existenzberechtigung der Paragraphen soll unter anderem unter Einbezug der Historie beantwortet werden.

Methodologie: formal-juristische Methode; Analyse der historischen Entwicklung; Analyse der praktischen Bedeutung

Schlussfolgerungen. Der Menschenraub, § 234 und die Verschleppung, § 234a haben eine lange Entwicklungsgeschichte hinter sich. Von besonders großer Bedeutung war vor allem der Verschleppungstatbestand zur Zeit der Teilung Deutschlands in Ost und West. Nicht selten wurden zu dieser Zeit Menschen von Ost nach Westdeutschland verschleppt. Der § 234a wurde damals eingeführt, um Verschleppung von Menschen ahnden zu können, bei welchen nicht herausgefunden wurde, was mit den Opfern geschehen ist. Die §§ 234, 234a weisen hinsichtlich ihres tatbestandlichen Aufbaus einige Gemeinsamkeiten, wie zum Beispiel die Tatmittel „Gewalt, Drohung und List“, welche auch unter anderem die Schwerpunkte der Tatbestände bilden. Dennoch sind die Normen, zum Beispiel durch ihre Deliktsnatur klar voneinander abzugrenzen. Häufig geschieht dies im allgemeinen Sprachgebrauch nämlich nicht.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Tatbestände des Menschenraubs und der Verschleppung weisen beide aufgrund der politischen Veränderungen in Deutschland einerseits und aufgrund des begrenzten Anwendungsbereichs andererseits eine sehr geringe praktische Bedeutung auf. Als Freiheitsdelikte zeigen die Normen jedoch besonders schützenswerte Rechtsgüter auf, weshalb der Menschenraub und die Verschleppung keines Falls nur auf ihre frühere Relevanz zu beschränken sind.

Stichwörter: Menschenraub; Verschleppung; Persönliche Freiheit; Praktische Relevanz; Existenzberechtigung; Gefährdung.

Nachstellung (§ 238 StGB)

Fleischhauer L.

Ziel: durch die Umstrukturierung des Anti-Stalking Straftatbestandes (§ 238 StGB) im Jahre 2017 sollte dessen Praxistauglichkeit gesteigert werden. Dafür fand eine Änderung des Deliktstypus statt, die vorsieht auch Nachstellungshandlungen, die geeignet sind, die Lebensgestaltung des Opfers schwerwiegend zu beeinträchtigen, zu erfassen. Dieser Beitrag untersucht die Reformbedürftigkeit des Nachstellungsparagraphen und gibt einen Überblick über den § 238 StGB in der Fassung vom 10. März 2017.

Methodologie: formal-juristische Methode.

Schlussfolgerungen. 1. Bei genauerer Betrachtung erweist sich die Reform als überflüssig, denn statt, psychische Verletzungen als Tatbestandserfolg anzuerkennen, wählte der Gesetzgeber die Umformung in ein Eignungsdelikt und hielt damit an objektiven Beurteilungsmaßstäben fest.

2. Daneben stellt der Beitrag heraus, dass die Ausgestaltung des Straftatbestandes genauso konturenlos ist, wie das Phänomen selbst. Jedoch scheint es fast unmöglich, allen Anforderungen an den Tatbestand gerecht zu werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In der Praxis kommt es aufgrund von Nachweisschwierigkeiten zu einer erheblichen Diskrepanz zwischen Anzeigen und Aburteilungen. Daher besteht die Notwendigkeit den Opferschutz zu verbessern, was der Gesetzgeber durch die Reform des § 238 StGB glaubt zu erreichen. Ob sich die Reform in der Strafrechtspraxis bewährt, bleibt abzuwarten.

Stichwörter: Nachstellung, Stalking, Eignungsdelikt, Reform, Unbestimmtheit.

Nötigung (§ 240 StGB)

Zimborski S.

Ziel: der Nötigungstatbestand ist einer der umstrittensten Straftatbestände des deutschen Strafrechts. Aufgrund seiner weiten Interpretationsmöglichkeiten muss er besonders eingegrenzt werden, um eine Ausuferung des Tatbestands zu verhindern. Das Ziel dieser Forschung ist es, den Nötigungstatbestand vorzustellen und ihm durch die Erörterung einiger der umstrittensten Probleme Grenzen zu setzen. Der Fokus des Beitrags liegt hierbei auf der Erörterung der Tatbestandsmerkmale.

Methodologie: formal-juristische Methode, Vergleich und Analyse von Rechtsprechung und Literatur.

Schlussfolgerungen. Der Straftatbestand der Nötigung ist einer, der am weitesten gefassten, Straftatbestände des deutschen Strafrechts. Die bis heute nicht abschließend geklärten Streitigkeiten führen zu Problemen, bei den Begriffsbestimmungen gleichzeitig bietet die weite Fassung des § 240 StGB aber auch enorme Interpretationsmöglichkeiten. Im Ergebnis führt dies dazu, dass Gewalt gegen Sachen, gegenüber Dritten und durch Unterlassen, wie auch die Drohung in Drittbeziehung und die Drohung mit Unterlassen den Nötigungstatbestand erfüllen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Beitrag zeigt einerseits wie gering der Anteil der Nötigungsdelikte in der Strafverfolgungspraxis ist und lässt erkennen, vor welche Schwierigkeiten die Strafgerichte bei der Verurteilung wegen Nötigung gestellt werden. Gleichzeitig zeigt er auch die Uneinigkeiten von Rechtsprechung und Literatur über die Bestimmung der Tatbestandsbegriffe. Andererseits soll durch den Beitrag deutlich werden, dass aufgrund der weiten Interpretationsmöglichkeiten viele in der Lebenswirklichkeit bestehende Fälle unter die Nötigung subsumiert werden können. § 240 StGB ist bereits viel diskutiert, jedoch konnte bis heute keine abschließende Lösung gefunden werden, die den Tatbestand fest umrissen eingrenzt.

Stichwörter: Gewalt, Drohung mit empfindlichem Übel, Zwangssituation, Fähigkeit d. Willensbildung, körperlich wirkender Zwang, Verwerflichkeit.

Kindsmord: grausamer Mythos oder harte Realität?

Bushmanova Ju. A.

Ziel: Untersuchung des Mordes an einem neugeborenen Kind durch eine Mutter als eine der kriminellen Kategorien der geltenden Gesetzgebung mit dem Ziel, die Ursachen und Bedingungen für die Begehung dieses Verbrechens zu ermitteln, kriminologische Merkmale für die Identität des Täters zu ermitteln sowie Möglichkeiten zu entwickeln und zu analysieren, um die Umstände zu beseitigen, die zur Begehung dieses Verbrechens beitragen.

Methodologie: Ableitung, Analyse, Synthese, rechtsvergleichende Methode, logische Methode, historische Methode.

Schlussfolgerungen. Die Quellen der weiblichen Kriminalität, die mit dem Mord an ihren neugeborenen Kindern verbunden sind, sollten vor allem in der Bitterkeit der modernen Gesellschaft, ihrer Demoralisierung, der Beseitigung moralischer Werte und der völligen Enttäuschung über das Leben gesucht werden, die sich aus historischen, politischen, wirtschaftlichen, rechtlichen, ökologischen, demografischen, spirituellen und sozialen Gründen ergibt andere Probleme des gesamten Staates. Besonderes Augenmerk sollte jedoch auf interne Gründe gelegt werden, die sich unter dem Einfluss von psychophysiologischen Faktoren, Lebensbedingungen, religiösen Vorurteilen, Traditionen und Bräuchen entwickelt haben. Babyboxen sind angesichts der aktuellen Probleme eine Möglichkeit, nicht nur schutzlose Kinder, sondern auch schutzlose Mütter zu retten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Verfasser untersucht die Zusammensetzung des Straftatbestands im Detail, wobei er insbesondere auf die erheblichen Mängel der geltenden Rechtsvorschriften und auf mögliche Wege zu deren Beseitigung eingeht. Die Hauptursachen und -bedingungen der Straftat werden ermittelt, und eine der Möglichkeiten, die statistischen Kriminalitätsindikatoren in diesem Bereich erheblich zu verringern, wird eingehend geprüft.

Stichwörter: Säuglingsmord, Neugeborenes, traumatische Situation, Babyboxen.

Das Justizsystem und die Struktur der öffentlichen Verwaltung in der Tudor-ära

Morozov A. A.

Ziel: zeigen Sie die Bedeutung der strukturellen Veränderungen im öffentlichen dienstsystem.

Methodologie: in der Arbeit wurden verwendet: historisch-chronologisch, biografisch, Inhaltsanalyse.

Schlussfolgerungen. In England wurde ein Staat mit einem entwickelten Managementsystem gegründet. Die Grundlagen der Gewaltenteilung zwischen den Justiz -, Exekutiv -, legislativen Bereichen des Staates, die Leben erhielten, wurden noch unter Plantagenetami gebildet. Entwickelt nach der Entstehung des Parlaments, seiner Strukturierung und funktionellen Lappen, arbeitete auch für den fähigen, wirksamen Staat. Seine Funktion wurde durch zahlreiche und kompetente Beamte gewährleistet. Ursprünglich kam es aus den Reihen der Kleriker, einer kompetenten Schicht in der Pflicht. Im XIV. die berühmtesten Administratoren, bis hin zur Kanzlerin, waren Geistliche. Aber seit dem Ende dieses Jahrhunderts, und seit dem zweiten Viertel des 16. Jahrhunderts, ist das Wachstum der Zahl der Beamten-Angestellten aus säkularen Bevölkerungsgruppen konstant geworden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Neuheit dieser Arbeit besteht darin, dass Sie Lücken und einzelne schwach entwickelte Themen in den Schriften sowohl inländischer als auch ausländischer Forscher widerspiegelt. Die Arbeit gibt einen neuen Blickwinkel, um das Thema zu erkunden. Eine ganze Reihe selten verwendeter Dokumente ist beteiligt.

Die praktische Bedeutung der Arbeit wird durch die Möglichkeit bestimmt, Sie zu nutzen, um einzelne Probleme in der Geschichte Englands in den Schriften der Forscher zu beleuchten. Materialien der Dissertation verwendet werden können bei der Entwicklung von Lehrmitteln, Vortragsreihe, sowie spezielle Kurse für das schreiben von arbeiten zur englischen sozial-und Wirtschaftsgeschichte des späten Mittelalters und fasst die Arbeit nach den Problemen der Entstehung und Entwicklung des Englischen Staates im Allgemeinen.

Stichwörter: die Justiz, die Verfahrensordnung, die staatlichen Institutionen, das Rechtssystem, die Beamten.

Transkript des Runden Tisches «Internationale Erfahrung in der Nutzung von digitalen Technologien im Kampf gegen Internetkriminalität», der am 6. April 2019 im Rahmen des Moskauer Wirtschaftsforums (Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin-Universität)

Rednikova T. V.,

Serebrennikova A. V.,

Lebedev M. V.,

Matskevich I. M.

Ziel: die Diskussion des Runden Tisches über die Probleme der Kriminalität im Bereich der Computertechnologie textlich darzulegen, die Allgemeinen internationalen Probleme der Gewährleistung der Computersicherheit detailliert darzustellen.

Methodologie: Methoden der offenen Debatte Sokrates, vergleichende Analyse, Abzug und Induktion verwendet.

Schlussfolgerungen. 1. Moderne Bedrohungen der Computersicherheit sind der Charakter eines globalen globalen Problems.

2. Es ist unmöglich, eine zuverlässige Computersicherheit ohne internationale Zusammenarbeit zu gewährleisten.

3. Das Zeitalter der Quantencomputer, für die es keine sicheren Informationssysteme gibt, wird kommen.

4. Jedes Telekommunikationssystem durch einen Quantencomputer wird in Mikrosekunden gehackt.

5. Experten zur Bekämpfung der neuen Cyberkriminalität gibt es nicht.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Materialien des Runden Tisches sind für Wissenschaftler in verschiedenen Fachgebieten von Interesse, einschließlich Kriminologen, Forensiker, Soziologen, it-Spezialisten, Wissenschaftler, die sich mit Strafrecht und Strafprozess beschäftigen. Außerdem werden Materialien der Diskussion für Vertreter von Strafverfolgungsagenturen interessant sein.

Stichwörter: Internet, Computer, Quantencomputer, Cyberkriminalität, Cybersicherheit, Cyberkriminelle, Informationstechnologie, künstliche Intelligenz, Digitalisierung, Darknet, finstere Tal, Strafverfolgung. sinister valley, law enforcement.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Criminal-legal bases of responsibility of accomplices of a crime

Avetisyan S. S.

Mission: to select the main concepts of responsibility of accomplices of crime; to consider the most difficult and debatable questions arising at use of the relevant standards of the criminal law; to present the legislative changes directed to improvement of the criminal legislation of Armenia and Russia.

Methodology: dialectics, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. In determining the bases and limits of responsibility of accomplices of crime considerable difficulties arise when delineating the actions of collaborators of separate crimes and complicity; establishment of signs of partnership and definition of forms of partnership; deeds estimates at an excess of the performer (accomplice), voluntary refusal of accomplices of crime, criminal and legal regulation of responsibility of accomplices of crime needs addition and specification. In particular, it is necessary to specify quantitative sign of partnership (two or more subjects of crime), to specify a concept of the helper of crimes with special structure, along with partnership in crime it is necessary to allocate the collaborator in crime, to establish responsibility for a careless for careless harming.

Scientific and practical significance. The scientific significance of the article lies in the detailed characterization of the main concepts of responsibility of accomplices of crime; a conclusion about groundlessness of account both the theory of independent responsibility of accomplices, and the accessory theory is proved.

Keywords: Crime, responsibility, complicity, accessory, independence, excess, joint participation.

Problems of qualification of thefts committed with the use of computer equipment under the legislation of the Republic of Belarus

Grib D. V.

Mission: to analyze the General and special signs of theft using computer technology as an independent form of theft, to consider the features of the ways of committing this crime against property, to highlight the problematic aspects of its legal regulation and qualification, as well as to offer recommendations for improving the criminal legislation of the Republic of Belarus.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions: over the past decade, the Republic of Belarus has been actively implementing information technologies in the life of a person, as well as the state. There has been an increase in reported theft committed using computer technology. However, this category of crimes does not fully reflect the dynamics and level of crimes in the Republic of Belarus in the field of information technology. From the given statistical data it is possible to draw a conclusion, about sufficient scientific and practical relevance of criminal-legal assessment of the crime provided by art. 212 criminal code of the Republic of Belarus.

1. The main distinguishing feature of the crime under article 212 of the criminal code (theft by using computer equipment) is the method of its Commission. This crime is committed by modifying information processed in a computer system, stored on computer media or transmitted over a data network, or by entering false information into a computer system. However, in any case, this theft is possible only through computer manipulation, which consists in deceiving the victim or the person to whom the property is entrusted or under whose protection it was, using the information processing system.

2. If deception as a method of committing fraud is a means to facilitate the Commission of a crime with the use of computer technology, then the crime under article 212 of the criminal code of Belarus (theft by using computer technology), in this case, is absent, and the actions are qualified as theft.

3. Under part 1 of article 212 of the criminal code the actions of the guilty are qualified under the theft coupled with authorized access to computer information, and part 2 of this article, the theft occurs when an unauthorized access that requires additional qualification on set with the crimes in sphere of computer information.

Scientific and practical significance. The significance of the scientific article lies in the formulation of proposals for the qualification of thefts committed with the use of computer technology as an independent form of theft, determining the signs of the method of committing fraud with authorized and unauthorized access to computer information.

Keywords: *information and communication technologies, crimes against property, theft committed with the help of computer technology, computer systems, the object of theft.*

The need for criminal protection of the political system of Russia: theoretical aspect

Degterev A. A.

Mission: *elections regularly held in the Russian Federation show that violations of the order of their conduct are still not eradicated, and this, in turn, affects the level of legitimacy of the state power. The article substantiates a new approach to the definition of social conditionality of criminal law protection of power and information subsystem of the political system of Russia. The question of the social conditionality of the criminal law protection of the authorities constantly arises. At the same time, science addresses both General and special issues of criminalization, but it does not consider acts that violate the conditions of the legitimacy of the government. In addition, there are many controversial issues that require further study and discussion. The theory of criminalization as such and the social conditionality of criminal law as one of its components has just begun to form in the theory of criminal law of the country. Currently, there is not even a terminology that denotes the very name of social, legal and other determinants of criminal law. In the literature there are about a dozen titles, but each has its own shortcomings, and the lack of a unified position on this issue, which can affect both the theoretical development of the problem and legislative activity. The conditions of legitimacy and legitimacy of the authorities always have a constitutional, legal and other normative legal basis. Violation of legal predetermination is part of the mechanism of committing crimes that encroach on the power and other phenomena of the political system of the country. Legal predetermination presupposes the legislative support of the functioning of the political system as a whole and its separate structural elements, which is reflected both in the Constitution of the Russian Federation and in Federal laws. In such circumstances, the latter cannot be excluded from the basis of the criminal law. The danger of electoral crimes is not that the constitutional rights of an individual citizen with the right to vote are thus violated, but that the foundations of state power are undermined. Violation of the rules of systematization of the norms of the Special part of the criminal code entails a number of negative consequences, in particular, distorts the socio-political essence of acts, their legal nature, the nature of social danger, the relationship with other acts, etc.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *The prevalence of the act, in relation to the rules providing for liability for breach of the conditions of legitimacy or legitimacy of authority, cannot be the basis for criminalization.*

Scientific and practical significance. *The criminal law prohibition has one basis, which covers a number of factors that determine the need for its appearance, and the basis of criminal law norms on crimes that infringe on state power and the activities of the media includes several circumstances: the public danger of the act, Russia's international obligations under ratified international treaties and the normative predetermination of the functioning of the political system and its individual structural systems. From a practical point of view, the elimination of these shortcomings should facilitate the proper application of the relevant criminal law.*

Keywords: *the social conditioning, the criminalization of the offences, political system, criminal prohibitions, the penalization of acts of the constitutional system, cytologically legitimacy, legal legitimacy civil legitimacy, the legitimacy of the rule of law, criminalization reason.*

Legal and technical problems of reflecting beneficial ties in Russian legislation

Zhilkin M. G.

Mission: *conduct a logical and legal analysis of the concepts designating subjects of beneficial ties in Russian legislation, propose ways to solve legal and technical problems of their use in the criminal law regulation of public relations.*

Methodology: *dialectical method, formal-logical method, methods of analysis, synthesis.*

Conclusions. *In federal legislation, regulations and judicial acts, the concepts of "a beneficiary," "a beneficial owner", "beneficial ownership," "a controlling person", "a person controlling a debtor" are used to denote people who receive material benefits by controlling their property through third parties. At the same time the concept "a beneficiary" is not defined in the current legislation while the concepts "a beneficial owner", "beneficial ownership", "a controlling person", "a person controlling a debtor" have legal definitions. In the text of laws, by-laws and court*

decisions, these concepts are used most often as identical, but sometimes they have different meanings. In some cases it has a positive connotation; in others it has a negative connotation. We believe that the use of different terms or filling one term with different meanings in characterizing the content of beneficial ties violates the principle of terminological uniformity in law-making and enforcement. In our opinion, for the purpose of a systematic approach in the current legislation, it is necessary to unify the conceptual apparatus in the field and to harmonize the use of the above-mentioned terms, if necessary clearly separating them from each other. For example, in the area of criminal law, it would be more appropriate to use the term “a hidden beneficial owner” to refer to subjects of beneficial ties.

Scientific and practical significance. The analysis has shown imperfections in the legal and technical design of the current legislation in the field of regulation of “beneficial” relations. Terminological inconsistencies in the description of the same subjects of these relations in different branches of law and the lack of uniformity of their use in law enforcement have been revealed. The submitted proposals can be used to improve the language of the law in the field under study.

Keywords: Beneficiary, beneficial owner, beneficial ownership, controlling person, criminal bankruptcy, legal technique.

To the question of qualification of abuse of official positions

Zhuravleva G. V.,

Hakimova E. R.

Mission: to analyze separate problems of qualification of official crimes which have developed in practice of application of the criminal law of the Russian Federation. To justify recommendations on criminal-legal assessment of Commission of acts by officials which concept is given in the note to Art. 285 of the criminal code taking into account judicial interpretation.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. The criminal legislation of the Russian Federation providing responsibility for official crimes, is urged to improve and provide lawful functioning of activity of the state power, interests of public service and service in local governments. Abuse of official powers — the structure of official crimes relating to number of the most difficult acts, with a number of estimated signs and elements of structure which have not found uniform interpretation neither among scientists, nor in law-enforcement activity. Existing explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 16, 2009 n 19 “About court practice on cases on abuse of office and exceeding officials powers” also answered controversial questions of interpretation of norms, in our opinion, fundamentally important for a shared understanding of the signs of compositions of crimes, problematic issues explanatory of the norms, which is constantly facing law enforcers in the classification of specified categories of criminal cases.

1. The current criminal law defines abuse of official powers as the use by an official of his official powers contrary to the interests of the service, if this act was committed out of selfish or other personal interest and entailed a significant violation of the rights and legitimate interests of citizens or organizations or the interests of society or the state protected by law.

The *corpus delicti*, responsibility for which is provided by article 285 of the criminal code refers, by construction, the objective side to the material compositions, i.e. the time of its completion comes at the moment when-subordinate to the protected interests of substantial harm, however, unless specified in the law consequences of qualification as attempt impossible, because the act relates to compositions with a real reason-ing harm.

2. Abuse of official powers—the structure of due crimes relating to number of the most difficult acts, with a number of estimated signs and elements of structure which have not found uniform interpretation neither among scientists, nor in law-enforcement activity. Available explanation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 October 2009 No. 19 “About court practice on Affairs about slope the consumption of official powers and on excess of powers of office” also did not answer the disputed questions of interpretation of norms, in our opinion, crucial for a common understanding of signs of structure of crimes, issues of interpretation of the standards, which is constantly facing law enforcers in the classification of specified categories of criminal cases.

Scientific and practical significance. The significance of the scientific article is to analyze the problems of qualification of individual malfeasance and substantiate recommendations to overcome the identified problems.

Keywords: criminal code of the Russian Federation, qualification of crimes, abuse of power.

The main directions of criminal policy in the field of protection of economic interests and rights of entrepreneurs

Zaitsev O. A.

***Mission:** to investigate the directions of criminal policy in the field of protection of economic interests and rights of entrepreneurs.*

***Methodology:** analysis, deduction, formal legal method, comparative legal method.*

***Conclusions.** Further work is needed on the formation of an intersectoral institution regulating the procedure for bringing to criminal responsibility in the sphere of entrepreneurial activity. The importance of theoretical substantiation of the concept of state protection of the rights and legitimate interests of entrepreneurs is noted. It is necessary to develop a unified approach to the integrated application of substantive and criminal procedural law in respect of persons engaged in business activities. It is necessary to strengthen the Prosecutor's supervision over the activities of the bodies of inquiry and preliminary investigation in cases of crimes committed by entrepreneurs. Domestic and foreign experience concerning prevention of the facts of initiation of criminal cases of the economic orientation only on the basis of testimonies needs research.*

***Scientific and practical significance.** The study of the legislative regulation of the intersectoral institution regulating the procedure for bringing to criminal responsibility in the sphere of entrepreneurial activity allows to solve a number of problems related to the improvement of the current criminal and criminal procedure legislation.*

***Keywords:** criminal legislation, criminal procedure legislation, criminal liability of entrepreneurs.*

Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility

Kadnikov N. G.

***Mission:** to analyze the grounds of criminal responsibility in historically existing schools of criminal law, in modern criminal legislation of the Russian Federation and foreign countries. Consider the content of such grounds of criminal liability as a dangerous state of the person, reflected in article 210¹ of the criminal code.*

***Methodology:** dialectics, analysis, deduction, formal legal method, comparative legal method.*

***Conclusions.** Changes in the criminal law in the Russian Federation have affected many institutions of criminal law. Significant additions touched upon the problem of combating organized crime. There is an updated version of article 210 of the Criminal code, where the signs of a criminal community, participants and organizers of such an organization are presented in a new way. The special subject of a crime — the person occupying the highest position in criminal hierarchy is allocated. In 2019 the Criminal code was supplemented with the norm, according to which criminal liability is established for the occupation of a person of higher position in criminal hierarchy, i.e. criminal act is declared only as a personality, not an act that to some extent inconsistent with the provisions of article 8 of the Criminal code, where criminal liability was apparent, the Commission of the act containing all signs of structure of the crime provided by the criminal law.*

1. The Criminal code highlights the basis of criminal responsibility, developed by the classical school of criminal law. It is a question of Commission by the sane person who has reached age of criminal responsibility, of act in the objective world (action or inaction) forbidden by the criminal law and containing all signs of concrete structure of a crime.

Establishment of criminal liability for a dangerous state of the person (article 210¹ of the Criminal code) in modern criminal legislation is a significant novelty that changes the idea of what criminal liability comes for: for an act or for a danger to the person. The history of the development of criminal legislation allows us to conclude that the transition to the sociological school of criminal law in the issue of recognition of the basis of criminal liability of a dangerous state of the person, entails very negative consequences for determining the directions of criminal policy and its practical implementation. We can recall the executions of witches and wizards in the middle ages, extrajudicial killings in Germany, the USSR and other countries in 30–40 of the twentieth century, the victims of the cultural revolution in China, Cambodia, etc.

2. The foreign criminal legislation uses various bases of criminal responsibility with prevalence of the basis in the form of objectively committed act containing signs of this or that structure of a crime. For example, in 2006 the criminal code of Georgia was supplemented by article 223¹ criminalizing membership in criminal community (part 1 of this article, punishment in the form of imprisonment for the term from 8 till 15 years with a fine or without) and the person in the position of “thief in law” (part 2, the punishment of imprisonment for a period of 7 to 10 years with a fine or without). At the same time, article 7. The criminal code of Georgia recognizes as the basis of criminal liability a crime, that is, an illegal and guilty act provided for by criminal law. Thus, the provisions of the sociological and classical schools of criminal law apply.

According to the law RICO in the USA bring to justice leaders of mafia formations (the basis is the model of their behavior, but not the committed crime).

In the criminal code of Germany the basis of criminal responsibility is also recognized as an act containing signs of a crime, but to counter the dangerous state of the individual, the German legislator has envisaged in the criminal code of a measure of correction and security (Chapter six of the criminal code of Germany), which are defined by the following list: placement in a psychiatric hospital; residential care isolation for alcoholics or drug addicts; preventive detention; supervision; loss of permission to drive a motor vehicle; a ban on the profession. Given the state of crime in Germany, the allocation of such measures of correction and security in the criminal code would be preferable to the use in this matter of the provisions of the sociological school of criminal law.

Scientific and practical significance. *The significance of the scientific article is to determine the importance of the norms of criminal law that determine the basis of criminal responsibility, allowing to state that the dangerous state of the person can be considered as a basis for the application of other control or security measures.*

Keywords: *criminal code, the basis of criminal responsibility, the composition of the crime, the dangerous state of the person.*

To the question of the content of the criminal law risks

Nudel S. L.

Mission: *to give a doctrinal definition of criminal risks and to disclose their content.*

Methodology: *a universal dialectical method based on the laws and categories of dialectical materialism. In addition, private and special methods of scientific knowledge (formal-legal, system-structural), logical operations (deduction and induction, analysis and synthesis) are used.*

Conclusions. *In the article, the author concludes that criminal law risks are expressed in the inability to comply with the established criminal law prohibition; “alienation” of citizens from the criminal law; legal conflicts and legal gaps; rupture of system-legal relations of criminal law norms in the legal system; violation of the correlation between criminal responsibility as a legal method of regulation and a measure of reflection of economic, social and political processes.*

Scientific and practical significance. *The study of criminal law risks allows to identify and systematize the problems, as well as to propose ways to solve them in the field of improving the current criminal legislation.*

Keywords: *criminal-legal risk, crime, conflict, legal gaps, criminal personality, anomie, legal system.*

Active repentance as a basis for exemption from criminal liability under the legislation of Armenia and Russia

Sargsyan A. A.

Mission: *the article is devoted to the analyze the problems of constructing a criminal law norm providing for exemption from criminal liability in connection with active repentance under the criminal code of the Republic of Armenia and the Criminal code of the Russian Federation.*

Methodology: *deduction, formal legal method, comparative legal method*

Conclusions. *Modern criminal law policy of the state is on the path of humanization of criminal legislation, one of the manifestations of which is the institution of exemption from criminal liability in connection with active repentance, in connection with which it is necessary to improve the criminal law in question with the aim of its most effective application in practice. The article provides evidence-based recommendations aimed at improving the current legislation and practice of applying this incentive norm in order to more effectively achieve the goals set for it, and the author proposes a new version of part 1 of article 72 of the Criminal code of the Republic of Armenia (part 1 of article 75 of the Criminal code of the Russian Federation).*

Scientific and practical significance. *The findings of the study may contribute to the improvement of gaps in the legislative regulation of active repentance and the practice of its application.*

Keywords: *active repentance; encouragement; stimulation; postfracture behavior; the exemption from criminal liability; surrender; humanization; voluntariness; solving a crime.*

Features of the selection of preventive measures alternative custody

Rudnev V. I.

Mission: *to analyze the norms of criminal procedure legislation governing the selection of preventive measures that can act as alternative with respect to detention.*

Methodology: deduction, formal legal method, comparative legal method, dialectical method.

Conclusions. The insufficient effectiveness of the legal regulation of the election of a preventive measure in the form of detention is shown.

Scientific and practical significance. The study may help to understand the need for the development of new preventive measures, alternative to detention, and also indicate the possibility of choosing combined preventive measures.

Keywords: alternative preventive measure, detention, house arrest, bail, court, prohibition of certain actions.

Creating a safe environment for children

Antonyan E. A.

Mission: to consider topical issues of ensuring a safe environment for children, including in the city, which are priority in domestic state policy, since it is about preserving and saving Russian youth.

Methodology: dialectical, comparative, logical methods, as well as methods of analysis and synthesis.

Conclusions. On the basis of a comprehensive analysis of the current federal and regional legislation and the practice of its application, as well as foreign experience, the problems of insufficient effectiveness of legislative norms that are used in the practical activities of special bodies and services have been identified. In this regard, it is necessary to consolidate the systematic monitoring of the state of normative support of all systems that interact with children to one degree or another, which will help to identify factors that increase the accuracy and efficiency of the work of interested bodies.

Scientific and practical significance. A comprehensive analysis of certain issues of ensuring a safe environment for the lives of children has revealed some gaps in the current legislation, contradictions in regional legislation, the need for criminological monitoring of information flows about modern systems of legislative support for the development of an integrated system of measures aimed at saving children and creating a safe environment for a healthy and full development of the child in a single life Russia of the space in accordance with the objectives of demographic policy, the principles of a socially oriented policy of the state and the national economy, stimulate regional development.

Keywords: child-saving, safety, school, urban environment, recommendations, psychological service, measures, measures, legislation.

The place of legal principles in the legal system

Kozachenko I. Y.,

Sabitov T. R.

Mission: to consider the main points of view regarding the place of legal principles in the legal system, to distinguish between the principle of law and the rule of law.

Methodology: collection, processing, compilation, analysis, interpretation of research material are carried out using various methods: induction, deduction, retroduction, comparative legal analysis, statistical and other. In the process of writing the issue used sociological methods: questionnaires, review of documents, expert evaluation.

Conclusions. The authors conclude that attempts to place legal principles among the elements of the legal system will always be unsuccessful, because their place is generally outside the legal system. Legal principles, being a component of legal ideology, ultimately relate to the sphere of legal awareness.

Scientific and practical significance. Based on the study, having studied various basic points of view regarding the place of legal principles in the legal system, the authors advocate the position according to which legal principles are a component of legal consciousness, but not a legal system.

Keywords: legal principle, legal system, legal consciousness, legal norm.

Forensic scientist in the digital era

Sarkisian A. A.

Mission: the article is devoted to the analysis some features of the training of forensic scientists in the digital era, to consider the current state of the profession of a forensic scientist, to identify priority areas for the modernization of the profession of a forensic scientist in modern conditions.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, dialectical.

Conclusions. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that the importance of lifelong learning for a forensic expert in the context of the digital era.

Scientific and practical significance. The author examines in detail the main directions of development of the profession of a forensic scientist in the digital era. From a practical point of view, the shortcomings of some approaches to the training of forensic experts are identified, and ways to address them are indicated.

Keywords: Forensic science, forensic examination, forensic scientist, digital evidence, digitalization.

Forced prostitution, forced labour, exploitation (§§ 232a, 232b, 233 StGB)

Weckert S.

Mission. Human trafficking is a global issue that has to be fought internationally; in addition, human trafficking is the fastest growing area of crime worldwide. The last legislative changes concerning this field of crime date back to 2016. Aim of this work is to demonstrate the practical relevance of the §§ 232a, 232b, 233 StGB, after their reformation in 2016. Also, the characteristics of the offences are to be explained.

Methodology. Legal method; deduction.

Conclusion. The reformation of the §§ 232ff. StGB was influenced by the Directive 2011/36/EU. In opposition to the directive, which proposes an age of consent of 18, the German legislator introduced an age of consent of 21. This different age of consent has led to contradictions in law application and to problems in the field of law enforcement. The methods of human trafficking are under constant change; hence, the criminal law legislator has to react to these changes in order to provide a functional victim protection.

Significance. The reformation of the offences concerning human trafficking can be assessed as positive. As for law enforcement, it remains to be seen if these changes are sufficient to cut down human trafficking effectively.

Keywords. Human trafficking; forced prostitution; exploitation; age of consent; law enforcement.

Deprivation of liberty (§ 239 StGB) and exploitation (§ 233a StGB)

Knaisch L.

Mission. This paper's intention is to outline the crimes of deprivation of liberty (§ 239 StGB) and exploitation (§ 233a StGB). In order to do so, the facts of the case, certain interpreting problems and different research opinions are to be explained.

Methodology. Legal method.

Conclusion. Both crimes protect the victim's personal liberty. § 239 StGB merely punishes the deprivation of another human's liberty, whereas § 233a StGB, as a composed offence, also punishes the exploitation of the victim. The assumption that the victim has started his activity voluntarily is supposed to be invalid. The cumulative presence of a deprivation of liberty and an exploitation indicate the punishability of the case. Problems concerning evidence are supposed to be solved by this practice, but, in the end, it creates new problems interpreting the § 233a St

Scientific and practical significance. This study is supposed to raise awareness of the problems concerning the interpretation of the §§ 239, 233a StGB. Besides, this study may encourage others to do further research. Finally, it intends to give an overview, especially for students and foreign jurists.

Keywords: Deprivation of liberty; exploitation; confinement; ruse; coercion; practical viability.

Forced marriage (§ 237 StGB)

Kornblum O.

Mission. This work's objective is to answer the question, whether the recently enacted § 237 StGB is able to increase the protection of legal interests, rather than only being a piece of symbolic legislation.

Methodology. Research in essays, legal commentaries, journals and official communications.

Conclusion. The new § 237 StGB is a gratifying legal reform. But still, § 237 StGB is accompanied by inadequacies.

Scientific and practical significance. This study is to point out legal inadequacies and is to give directions for the legal practice to improve victim protection, considering that § 237 StGB has scarcely been applied in the past eight years.

Keywords: Forced marriage; victim protection; symbolic character; coercion; criticism; practical relevance.

Development and practical relevance of the crimes of child abduction (§ 235 StGB) and child trafficking (§ 236 StGB)

Kottke C.

Mission. This work's aim is to outline the offences of child abduction (§ 235 StGB) and child trafficking (§ 236 StGB). One objective is to clarify the legislator's reasons for codifying these offences. Another aim is to demonstrate occurring problems when interpreting the law. At last, the objects of protection are to be presented.

Methodology. Analysis of the historical development; legal method; analysis of the development of the legal interest "minor".

Conclusions. 1. § 235 StGB's main aim is to protect the right of legal custody. But in addition: family law rules show that the parents right of custody aims to protect the child's welfare. This leads to the conclusion that the minor's interests are under the direct protection of § 235 StGB, besides enjoying indirect protection through the right of custody.

2. The legislator's motive when introducing the crime of child trafficking was to prevent cases of parents using their children as trading goods. Closely related to these cases are adoptions. Therefore, § 236 StGB protects the child's dignity; children are not to be seen as an object of other people's interests. Section one aims to protect the physical and psychological integrity, whereas sections two aims to enforce the restrictions of the "Adoptionsvermittlungsgesetz". However, these prohibitions also primarily aim to protect the minor, which leads to the statement that the scope of protection, in the end, is the same.

Scientific and practical significance. Indeed, the practical relevance of these offences is rather minimal, still they are indispensable for the legal order. A formerly unpunishable behaviour is now punishable and the minor's legal status is enhanced.

Keywords: Abduction; child trafficking; minor; personal freedom; child; protection.

Public officers and documentary offenses

Lützner M.

Mission. This work's aim is to investigate unclear case-by-case decisions concerning the offence of false certification (§§ 271, 348 StGB). One aspect is to analyze the inconsistent jurisdiction surrounding these crimes. Furthermore, this work examines research opinions, that aim to increase the protection of public documents through criminal law.

Methodology. Legal and systematic method.

Conclusions. In order to ensure each individual personal freedom, the protection of public documents through criminal law needs a constrained scope of application; criminal law has to be seen as an instrument of last resort. Current research opinions are extending the range of legally relevant documents in an inappropriate manner. Especially the argument of asset protection is out of place: the purpose of document offences is to protect legal communication. Personal freedom, which is endangered by these new tendencies, has to be above the aim of legal certainty.

Scientific and practical significance. The examination of relevant literature and jurisdiction aims to answer the question, whether the accumulation of case-by-case decisions can be limited, for it causes legal uncertainties. Besides, this work serves as an appeal to the legislator to not sacrifice individual freedom in order to simplify jurisdiction.

Keywords: False certification; public document; document offences; public credence.

Abduction (§ 239a StGB) and hostage-taking (§ 239b StGB)

Raasch T.

Mission. This work's objective is to outline the, in many ways similar, offences codified in the §§ 239a, 239b StGB. The Penal Reform of 1989 has led to problems of law application; occurring contradictions had to be solved by the jurisdiction. Therefore, this work is to show different solution approaches and presents the prevailing opinion on this matter.

Methodology. Legal method; systematic method; deduction.

Conclusion. 1. Clear definitions are needed to enable an effective distinction between the different offences. The moment in which the offender "develops" his intention to commit the crime of extortion/coercion, is of importance.

2. Even though the subjective elements of the offences are problematic, the jurisdiction was able to develop legal principles that lead to reasonable judgments. Furthermore, the jurisdiction's principles allow an effective distinction between the §§ 239a, 239b StGB and the §§ 177, 240, 253 StGB.

Scientific and practical significance. In the past years, courts have not had many cases to decide involving the §§ 239a, 239b StGB. Nevertheless, these offences intent on protecting valuable legal interests and are, despite of unresolved issues concerning the interpretation of the offences, relevant for the criminal legal order.

Keywords: Abduction; kidnapping; victim protection; hostage-taking.

Crimes against personal liberty (§ 234 and § 234a StGB)

Roloff A.

Mission. This work's aim is to enable an outline concerning the offences against personal liberty codified in §§ 234, 234a StGB. In order to do so, the historical development of the offences needs to be explained. Especially the history of § 234a StGB is of importance to understand the crime's purpose. The offences codified in § 234 StGB and § 234a StGB have similarities, but also differences. In depicting the legal nature of the offences and the goods of protection, these similarities and differences are to be revealed. The question, whether the existence of these offences is justified, is answered relegating to the historical background of the crimes.

Methodology. Legal method; analysis of the historical development; analysis of the practical relevance.

Conclusions. The § 234 StGB and the § 234a StGB have gone through a long development history. § 234a StGB was of great importance during the time when Germany was divided into East- and West Germany; many people were victims of this crime, being protracted from East- to West Germany. § 234a StGB was enacted to punish those cases, in which the victim's status, after the crime was committed, could not be determined. § 234 StGB and § 234a StGB have structural similarities, for example the actions: force, threat and ruse. However, considering the different legal natures of the regulations, these offences have to be viewed as separate crimes; this scarcely happens in common parlance.

Scientific and practical significance. The practical relevance of the §§ 234, 234a StGB has decreased due to the political developments in Germany. Still, as crimes against personal liberty, the §§ 234, 234a StGB protect interests that are of an enormous importance for the legal order. The significance of these offences should not be limited to their historic background.

Keywords: Kidnapping; abduction; personal liberty; practical relevance; right to exist; danger.

Stalking (§ 238 StGB)

Fleischhauer L.

Mission. The intention of the redesign of § 238 StGB was to increase the practical suitability of the offence. Therefore, the crime's legal nature was changed; stalking-actions that are able to threaten the victim's way of living are now legally relevant. This essay examines the § 238 StGB's need for reform and outlines the characteristics of the offence, relating to the wording from the 10 March 2017.

Methodology. Legal method.

Conclusion. 1. In fact, the redesign of the offence is not functional. Instead of recognizing psychological damages as a relevant result of a crime, the legislator converted § 238 StGB into an offence that punishes the mere peril of a violation of interests.

2. Furthermore, the essay points out that the codification of the § 238 StGB is nebulous — just like the phenomenon stalking itself. However, it seems nearly impossible to satisfy all the requirements.

Scientific and practical significance. Only a fraction of reported cases end up being decided by courts. This is caused by practical problems of proof and evidence. On this account, the victim's protection has to be increased, which, according to the legislator, can be achieved through the above-mentioned redesign of the § 238 StGB; if this reform actually is able to increase the victim's protection, remains to be seen.

Keywords: Stalking; reform; legal uncertainty.

Coercion (§ 240 StGB)

Zimborski S.

Mission. The crime of coercion, codified in § 240 StGB, is one of the most disputed crimes in German criminal law. The wording is broadly formulated. Therefore, clear definitions are needed, to prevent an excessive scope of application. This work's aim is to outline the offence and to discuss legal controversies.

Methodology. Legal method; comparison and analysis of jurisdiction and legal doctrine.

Conclusions. *The offence of coercion is, in comparison to other offences, broadly formulated. In consequence, § 240 StGB enables a broad range of interpretation, which leads to a great scope of application. As a result, violence against property, against third parties and violence caused by omission as well as threat against third parties and through omission are within the ambit of the § 240 StGB.*

Scientific and practical significance. *This paper shows that the crime of coercion scarcely appears to be relevant in terms of criminal prosecution, but also demonstrates the jurisdiction's difficulties in applying the § 240 StGB. Also, the divergent interpretation of the § 240 StGB is illustrated. Moreover, the fact, that many cases in order with everyday reality are within the ambit of the § 240 StGB, which is caused by the broad possibilities of interpretation, is pointed out. § 240 StGB has been in the centre of the legal discussion for many times, yet clear and concluding definitions could not be produced.*

Keywords: *Violence; threat; compulsion; reprehensibility.*

Infanticide: cruel myth or harsh reality?

Bushmanova Ju. A.

Mission: *to study the killing by a mother of a newborn child as one of the criminal categories of current legislation with the aim of identifying the causes and conditions for the commission of this crime, forming a criminological characteristics of the identity of the offender, as well as developing and analyzing possible ways to eliminate the circumstances that contribute to the commission of this crime.*

Methodology: *deduction, analysis, synthesis, comparative legal method, logical method, historical method.*

Conclusions. *The sources of female crime associated with the murder of their newborn children, first of all, should be sought in the bitterness of modern society, its demoralization, the elimination of moral values, complete disappointment with life, which is derived from historical, political, economic, legal, environmental, demographic, spiritual and other problems of the state as a whole. But special attention should be paid to internal reasons that have developed under the influence of psychophysiological factors, living conditions, religious prejudices, traditions and customs. Baby boxes in the face of current problems is an option to save not only defenseless children, but also defenseless mothers.*

Scientific and practical significance. *The author examines in detail the composition of the criminal act with particular attention to the significant shortcomings of the current legislation and an indication of possible ways to eliminate them. The main causes and conditions of the crime are identified and one of the ways to significantly reduce the statistical indicators of crime in this area is considered in detail.*

Keywords: *infanticide, newborn child, traumatic situation, baby boxes.*

The judicial system and the structure of government in the Tudor era

Morozov A. A.

Mission: *to show the significance of structural changes in the system of public services.*

Methodology: *the paper used: historical-chronological, biographical, content-analysis.*

Conclusions. *By the fifteenth century in England the established state with a developed system of governance. Were the basis for the division of power between the judicial, Executive, and legislative spheres of the state who have received life, even under the Plantagenets. Developed after the emergence of the Parliament, its structure and functional adaptation, also worked on a functioning, effective government. Its functioning was ensured by numerous and competent bureaucracy. Originally it came from the ranks of the clergy, a competent layer of obligation. In the XIV century. the most famous administrators, including the Chancellor, were spiritual persons. But since the end of this century, and from the second quarter of the XVI century, the increase in the number of clerical officials from secular groups has become permanent.*

Scientific and practical significance. *The novelty of this work is that it reflects the gaps and some poorly developed topics in the works of both domestic and foreign researchers. The work provides a new perspective for the study of the topic. A number of rarely used documents are involved.*

The practical significance of the work is determined by the possibility to use it to highlight individual problems in the history of England, in the works of researchers. The materials of the dissertation can be used in the development of textbooks, lectures, as well as special courses for writing works on the English socio-economic history of the late middle ages and generalizing works on the problems of formation and development of the English state as a whole.

Keywords: *judicial power, procedural order, state institutions, legal system, officials.*

Transcript of the Round table “International experience in the use of digital technologies in the fight against cybercrime”, held on April 6, 2019 in the framework of the Moscow legal forum (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

**Rednikova T. V.,
Serebrennikova A. V.,
Lebedev M. V.,
Matskevich I. M.**

Mission: to give a text presentation of the round table discussion on the problems of crimes in the field of computer technology, to detail the General international problems of computer security.

Methodology: methods of open discussion of Socrates, comparative analysis, deduction and induction are used.

Conclusions:

1. Modern threats to computer security have the character of a global world problem.
2. It is impossible to ensure reliable computer security without international cooperation.
3. The age of quantum computers is coming, for which there are no secure information systems.
4. Any telecommunications system is hacked by a quantum computer in a micro fraction of a second.
5. There are no specialists to fight the new cybercrime.

Scientific and practical significance. The materials of the round table are of interest to scientists in various fields of knowledge, including criminologists, criminologists, sociologists, IT specialists, scientists involved in criminal law and criminal procedure. In addition, the discussion materials will be of interest to representatives of law enforcement agencies.

Keywords: Internet, computer, quantum computer, cybercrime, cybersecurity, cybercriminals, information technology, artificial intelligence, digitalization, darknet, sinister valley, law enforcement.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance.	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V. V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)